

Александр Мурин

КАК ОЧЕВИДЕЦ

Александр Мурин — хормейстер, педагог, эссеист, историк музыки, композитор, автор множества статей и радиопередач.

Александр Алексеевич родился в семье потомственных музыкантов, закончил Хоровое училище Капеллы и Консерваторию, работал в Хоре любителей пения и Ансамбле песни и танца «Трудовые резервы», Ленинградском областном доме народного творчества, Ленконцерте, Колледже культуры и искусства.

А. А. Мурин обладает феноменальной памятью и энциклопедическими знаниями в области музыки, истории, краеведения.

Александр Алексеевич подробно исследовал генеалогию своего рода, судьбы многих выдающихся людей, истории петербургских зданий и их жителей.

С удивительным чувством юмора и талантом рассказчика Мурин повествует о своем городе, корнях, родственниках и друзьях, о великих музыкантах, актерах, писателях и художниках, с которыми сводила его судьба.

Теперь и вы познакомитесь с ними в книге «Как очевидец», выпущенной к 75-летию автора. В ней собраны статьи, рассказы, эссе и стихи разных лет.

ББК 63.3(2)6-7

УДК 82-94(47)

М91

Мурин, А. А.

М91   Как очевидец : статьи и рассказы разных лет / Александр Мурин. – Санкт-Петербург : ООО «Береста», 2011. – 352 с., ил.

ISBN 978-5-905225-31-4

Александр Мурин – хормейстер, педагог, эссеист, историк музыки, композитор, автор множества статей и радио-передач.

Александр Алексеевич родился в семье потомственных музыкантов, закончил Хоровое училище Капеллы и Консерваторию, работал в Хоре любителей пения и Ансамбле песни и танца «Трудовые резервы», Ленинградском областном доме народного творчества, «Ленконцерте», Колледже культуры и искусства.

А.А. Мурин обладает феноменальной памятью и энциклопедическими знаниями в области музыки, истории, краеведения.

Александр Алексеевич подробно исследовал генеалогию своего рода, судьбы многих выдающихся людей, истории петербургских зданий и их жителей. С удивительным чувством юмора и талантом рассказчика Мурин повествует о своем городе, корнях, родственниках и друзьях, о великих музыкантах, актерах, писателях и художниках, с которыми сводила его судьба.

Теперь и вы познакомитесь с ними в книге «Как очевидец», выпущенной к 75-летию автора. В ней собраны статьи, рассказы, эссе и стихи разных лет.

ББК 63.3(2)6-7

УДК 82-94(47)

ISBN 978-5-905225-31-4

© А. А. Мурин, М. А. Мурина, 2011

АЛЕКСАНДР МУРИН

КАК ОЧЕВИДЕЦ
СТАТЬИ И РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2011

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	6
Святой Мурин	8
Конец родового гнезда	10
Дом, которого нет (Марата, 74)	22
История петербургских Кудряшей	24
О маме (Е. П. Кудрявцева)	30
Кувшин	34
Сказки Пушкина	36
Как я не стал художником	40
Поход к «Митрофанию»	42
Саперная лопатка	43
Русский хормейстер (А. Г. Мурин)	45
Памяти музыканта	50
Пальтишко Васи (В. В. Мальцев)	52
Дом командора (Н. Я. Лушев)	55
Хозяин замка Потемкина (И. М. Оленчиков)	60
Ода старому дому (А. М. Ушаков)	67
Послесловие к предисловию (А. Н. Мурин)	73
Дом Барышникова (Марата, 31)	76
Исповедь изгоя (А. Н. Мурин)	81
Подворотня	87
Неужели это сон?	89
Спаси и сохрани!	91
Петербургский Китеж	94
Вклад в русскую духовность	98
Отец в шкафу (И. В. Соловьев)	100
Рыжая (История одного предательства)	104
Смерть Матисса	111
Четыре новеллы	112
Меню для Савиной	116
Улыбка Джоконды (Н. К. Черкасов)	122
«Пятый угол»	126
«Ой вы, куры...»	130
Реквием по Зощенко	134
Как выбирать кальсоны (А. И. Лариков)	139
Сила искусства (Э. Пакуль)	140

Переводчик Адмирала Нельсона	142
Перед судом истории (В. В. Шульгин)	145
Тайна Ольги Христофоровны (С. А. Янович)	149
Как казнили Ф. М. Достоевского	153
Фреска Акимова	156
Два художника	160
Et Resurrexit (Л. К. Лазарев)	166
Пластика Галины Додоновой	168
«Anna Passion»	169
Мой стукач (И. А. Шмырин)	171
Как меня брал Киевский ОБХСС	178
Живое слово (В. М. Бузинов)	180
Ленинградские вечера	182
В семи шагах (Тихвинская история)	184
Петр Первый русской эстрады (П. Л. Муравский)	190
Фа диз (Ошибка Бригтена)	196
«Помни обо мне...» (Г. В. Свиридов)	199
Образы Маяковского в музыке	204
Накануне премьеры «Классической» (С. С. Прокофьев)	206
Дом, над которым витают бесы	209
Телохраниль (Тайна Д. Д. Ш.)	215
Человек с популярной фамилией (Н. С. Рабинович)	218
Браво! (Петро Ардженто)	223
Демественная литургия (А. Т. Гречанинов)	226
Музыка вдохновения	232
В девичестве – князь! (П. А. Оболенский)	234
Гениальный парадокс А. Г. Гофмана фон Фаллерслебена	237
Случайная встреча (Д. С. Лихачев)	240
Шаг в историю Театральной площади	244
Дом бунтовщика (А. Н. Радищев)	250
Статьи 1960–1980-х гг.	
Последняя встреча (А. А. Егоров)	253
«Музыка – это серьезно»	256
Флотский запеваля (В. Б. Азаров)	259
Гончары	260
Баянист	261
У речки Кусяга	262
На родине Рериха	265
Добрым людям на услышанье...	266

Записки из «Сайгона»

- Вместо вступления 269
- Гимн углу 272
- Рождение скomorоха (В доме Барбазана) 274
- Память места (В доме Жукова) 276
- На подступах к «Сайгону» 279
- В «Ольстере», близ «Сайгона» 282
- В «Сайгоне». Юрий Краса Вин 284
- «Поручик» из «Сайгона» 288
- Суслов в «Сайгоне», или Родственник Ильича 292
- Шемякин, Бродский и другие 296
- Блаженный (Кузьма) 299
- «Речь о пролитом молоке» 300
- Эпитафии 302
- Богатыри НЕМЫ 303
- Имена на фронте 305
  - Русский Орфей (Д. С. Бортнянский) 306
  - Глинка, Львов, Ломакин и другие 311
- Лики Певческой капеллы
  - «Lacrimosa». Михаил Георгиевич Климов 316
  - Палладий Андреевич Богданов 321
  - Георгий Александрович Дмитриевский 327
  - «Ты, соловушко!» Федор Михайлович Козлов 334
  - «Молодец! Мальчишка!» (слово о Григории Сандлере) 338
  - Мария Федоровна Заринская 342
  - «Гущара». Александр Емельянович Никлусов 345
  - Стихи 350

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мой отец Алексей Григорьевич Мурин, инженер-электронщик, был всесторонне одаренным человеком.

В 30-х он закончил одним из первых только что созданный в Ленинграде Военмех – Военно-механический университет имени Д. Ф. Устинова. В его группе, где он был старостой, учились будущие знаменитости, и среди них – Дмитрий Федорович Устинов, министр обороны СССР.

Отец служил на ленинградском «Арсенале», в войну с Гитлером – в Московском конструкторском бюро (так называемой шарашке), потом снова в нашем городе, в КБ «Ленинец».

Он был изумительный рассказчик. Черкасов, Шостакович, Мравинский, Иракий Андроников за дружеской пирушкой, прослушав его «пересказы» миниатюр Райкина, говорили:

– Ах! Какой артист в тебе пропал, Алешка!

А когда дядя Коля (Черкасов) садился за рояль и «шпарил» своими громадными ручищами «упаднические буржуазные мелодии», отец виртуозно «пилит» вариации на скрипке, как в одесском шалмане.

– Да-а, нам далеко до таких музыкантов! – вздыхали с завистью, шутя, Шостакович и Мравинский.

В юности батя поступил в Академию художеств к А. А. Рылову. Но стать живописцем было не суждено. Заболел и вскоре умер мой дедушка Григорий Васильевич Мурин, и на руках у старшего Алексея остались неработающая бабушка, младшие братья Александр, Василий, сестра Вера. Отец вкалывал кузнецом в литейке на «Арсенале» и получал зарплату в несколько раз больше, чем профессор в Академии.

Его кумирами в литературе были Чехов и Паустовский, и когда последний скончался, отец взял отпуск за свой счет и уехал на похороны своего Константина Георгиевича в Тарусу. Он хотел, чтобы я пошел в художники, но смирился, когда сын стал музыкантом.

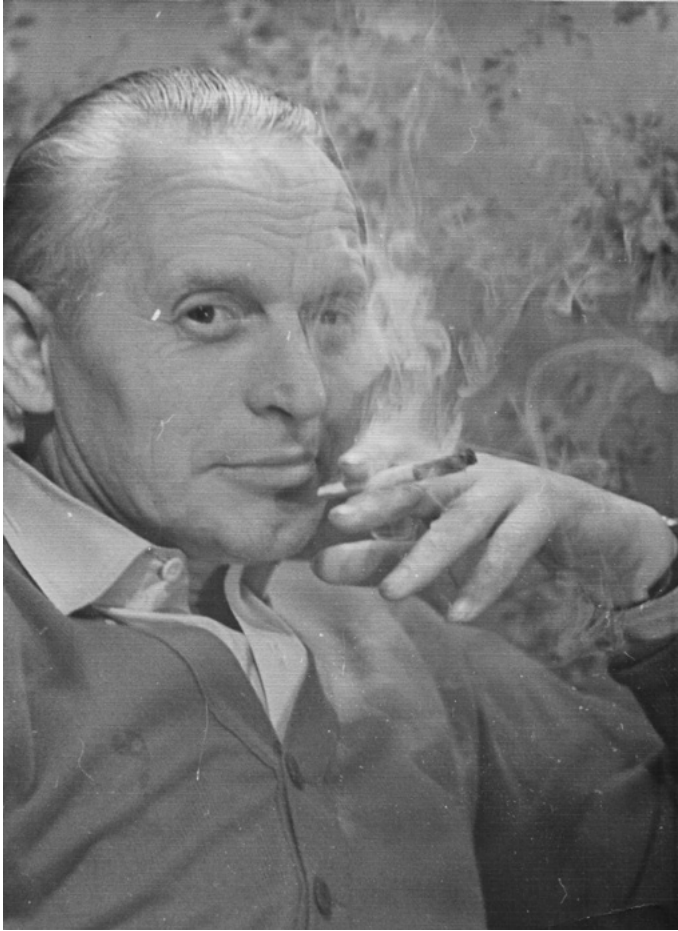
Если собеседник увлекался, то высшей оценкой отца была его любимая фраза:

– Врет! Как очевидец!

Вот я и решил в память об отце дать своей книжице название «Как очевидец».

Многое из того, что вы прочтете на этих страницах, опубликовано ранее в журналах «Нева», «Медный всадник», «Автобус», «Театральный журнал», «Петербург-классика», «За православие», в газетах «Смена»,

Алексей Григорьевич Мурин, мой отец

«Санкт-Петербург-цайтунг», «Вестник ветерана», «Привет, Петербург», «Музыкальные кадры», стало темой передач на «Радио-Петербург»: «Мифы и легенды Петербурга», «Прогулки по Петербургу», «Андреевский флаг», «Хоровые вечера».

С благодарностью вспоминаю моих друзей журналистов Эрлену Каракоз, Льва Сидоровского, Георгия Юровского, Вольга Суслова, Володю Королева, Виктора Бузинова, Татьяну Фомкину, Игоря Воеводского и Юрия Кружного.

7 июля 2009 года

СВЯТОЙ МУРИН

Из года в год 10 сентября баба Дуня, мать моего отца Алексея Григорьевича Мурина, спешила в храм, где ставила поминальную свечку Моисею Мурину, которого я своим детским умишком считал нашим далеким родственником. Позднее от бабушки узнал, что это не предок рода, а знаменитый разбойник. Он обладал гигантской силой. Как-то раз повозка с награбленным золотом завязла в болоте. Мурин взвалил на плечи колесную пару и вытащил ее на дорогу.

Люди боялись не только муринской шайки, но даже упоминания его имени, и безропотно отдавали свое добро.

В один из дней на разбойника снизошло Божье знамение. Он раскаялся, покинул шайку, долго замаливал грехи, пошел в монастырь, где ухаживал за больными и убогими. Однажды, когда Мурин наклонился над колодезем, чтобы набрать воды для страждущих мирян, дьяволы ударили его по голове. Он упал бездыханным в родник. Долго пролежал несчастный, а потом с Божьей помощью воскрес и продолжил свои благие дела, пока враги его не убили... А было это 15 веков тому назад, в 400 году. С тех пор христиане поминают святого Мурина осенью, молят его об избавлении от пьянства и блуда. Так рассказывала баба Дуня мне.

Я долго примерял, на кого из родных мог походить святой Моисей Мурин, и решил – ну конечно – на моего Коку, младшего брата отца, Александра Григорьевича Мурина, двухметрового гиганта, косая сажень в плечах, с копной рыжих вьющихся волос на голове. Все остальные Мурины – и отец, и его братья, Лев, Андрей, Василий – были меньше по своим габаритам.

Спустя много лет мою гипотезу подтвердил случай.

В 1957 году с хором Дома культуры «Трудовые резервы» в качестве хормейстера я оказался в Москве на Всемирном фестивале молодежи и студентов. Нам, ленинградцам, устроили экскурсию в «святая святых», в Кремль.

В Успенском соборе молодая экскурсовод длинной указкой показывала святых на сводах, что изобразил Феофан Грек, и монотонно комментировала:

– Святой Николай! Святой Михаил! Святой Моисей! Мурин!

Я вздрогнул. На меня глядел, улыбаясь, знакомый по детским фантазиям лик. Он был, как Кока, высокий и рыжий, но со смуглой кожей лица.

– Мурин был эфиоп, – уточнила наша провожатая, – родом

из Эфиопии. Оттуда был и предок Пушкина – арап Петра Великого – Ибрагим Ганнибал!

Потом девушка с любопытством выслушала мой пересказ бабушкиной истории о Моисее Мурине.

И последнее. В послеблокадные голодные годы наши друзья собирались у нас в коммуналке за столом, на котором стояли изящно приготовленные мамой угощения. Отец приговаривал:

– Моя Лиза не только лучший в мире хормейстер, но и повар! Может шарики-котлеты из говна катать!

Гости, отведав фирменный муринский напиток – спиртяшку, настоящую на мандариновых корочках, становились говорливыми, и муж маминной подруги тети Маши, профессор, специалист по фундаментам Борис Иванович Далматов запевал своим бархатным баритоном: «Было двенадцать разбойников...» Я всерьез считал, что герой песни, разбойник Кудеяр, был Моисеем Муриным, как и Стенька Разин, что утопил в Волге княжну, и Емелька Пугачев, который чуть не стал русским царем. В школе я проштудировал пушкинскую «Капитанскую дочку» и «Арапа Петра Великого» и понял, что разбойников на Руси было огромное количество...

С тех давних лет прошла целая жизнь. Но каждый раз осенью в храме я ставлю свечку святому Моисею Мурину и поминаю родных – бабушку Дуню, отца, маму, крестного Коку, внешне похожего на святого.

6 июля 2009 года

КОНЕЦ РОДОВОГО ГНЕЗДА

Дом № 74 по улице Марата (бывшей Николаевской) до 1917 года принадлежал купцам братьям Муриным – известному в России и Петербурге клану хлеботорговцев.

Мурины – древний старообрядческий петербургский род. наших пращуров привез из Мурома сам Петр Великий. Ему надоело, что соратники поставляют на строительство столицы хилый рабочий люд, что мрет, как мухи на болотистых, мшистых землях. Набрал царь в Муроме двухметровых, под стать себе, мастеровых муромцев, поселил их на холмистых, лесных берегах ручья, где они ловили к царскому столу рыбицу-форель, валили лес на стройки северной столицы, осчастливливали местных финночек и корелочек, заводили многочисленные семьи. С той поры и появились на карте Петербурга деревня Мурино, Муринская площадь, 1-й Муринский и 2-й Муринский проспекты, Муринский переулок. Даже огромный спальный район Петербурга сегодня называют «севернее Муринского ручья», правда, современники превратили некогда родниковый источник в зловонную, захлавленную клоаку-болото.

Но была одна неувязочка!

Мурины, как все старообрядцы, носили окладистые бороды, ходили в домотканых грубых портах и рубахах, босиком, крестились двумя перстами. Конечно, эту оппозицию царь-реформатор спокойно терпеть не мог. Вот от притеснений и бежали Мурины в Вологду. Но и там достала их суровая десница Петра. Сколько государь порвал ноздрей и ушей беглецам – не счесть.

Тогда на долгие годы спрятались мои пращуры в непроходимых грязовецких лесах, скитах, землянках на Вологодчине. И когда мода на петровские перестройки прошла, стали Мурины потихоньку возвращаться в родимую столицу.

Но оседали не «севернее Муринского ручья» (те земли уже были вотчиной Воронцовых, и там стояла красавица-церковь в честь Святой Екатерины работы Львова), а селились на окраине Петербурга в Семенцах, в расположении Семеновского полка.

Так в начале XIX века приехал в Петербург бывший грязовецкий крестьянин Михайло Мурин с женой Катериной. Выращивали овощи и диковинные фрукты, потом завели лавочку, хлебный лабаз, да маленький кабачок, где сживал начинающий литератор Федор Достоевский, наблюдавший быт и обычаи старообрядцев. Он и сделал старика Мурина героем своей ранней повести «Хозяйка»:

«Старик был высокого роста, еще прямой и добрый, но худой и болезненно бледный. С виду его можно было принять за заезжего откуда-нибудь издалека купца. На нем был длинный черный, очевидно праздничный, кафтан на меху, надетый нараспашку.

Из-под кафтана виднелась какая-то другая длиннополая русская одежда, плотно застегнутая снизу до верха. Голая шея была небрежно повязана ярким красным платком, в руках меховая шапка. Длинная, тонкая, полуседая борода падала ему на грудь, и из-под повисших хмурых бровей сверкал взгляд огневой, лихорадочно воспаленный, надменный и тонкий.

Женщина была лет двадцати и жутко прекрасна. На ней была богатая, голубая, подбитая мехом шубейка, а голова покрыта белым атласным платком, завязанным у подбородка. Она шла, потупив глаза, и какая-то задумчивая важность, разлитая по всей фигуре ее, резко и печально отражалась на сладостном контуре детских нежных и кротких линий лица ее. Что-то странное было в этой неожиданной паре.

Старик остановился посреди церкви и поклонился на все четыре стороны, хотя церковь была совершенно пуста; то же сделала его спутница. Потом он взял ее за руку и повел к большому местному образу Богородицы, во имя которой была построена церковь, стоявшему у алтаря ослепительным блеском огней, отражавшихся на горевшей золотом и драгоценными камнями ризе. Церковнослужитель, последний оставшийся в церкви, поклонился старику с уважением, тот кивнул ему головою. Женщина упала ниц перед иконой. Старик взял конец покрывала, висевшего у подножия иконы, и накрыл ее голову. Глухое рыдание раздалось в церкви.

Минуты через две женщина подняла голову, и опять яркий свет лампы озарил прелестное лицо ее... Она уже подала руку старику, и оба тихо пошли из церкви. Слезы кипели в ее темных синих глазах, опущенных длинными, сверкавшими на млечной белизне лица ресницами, и катились по побелевшим щекам. На губах ее мелькала улыбка. Но в лице заметны были следы какого-то детского страха и таинственного ужаса. Она робко прижималась к старику, и видно было, что она вся дрожала от волнения»¹.

Вскоре здесь поселился и перенял семейное дело грязовецкий мещанин, позже петербургский купец Василий Михайлов сын Мурин с законной супругой, красавицей купчихой Александрой Михайловой из грязовецкого крестьянского рода Оленчиковых.

---

¹ Достоевский Ф.М. Хозяйка // Собрание сочинений в 15-ти томах. Л.: Наука, 1988. Том 1.

Торговля шла бойко. Они открывали один за другим магазины, хлебные лабазы, фруктовые лавки на Лештуковом переулке, Ивановской, Николаевской улицах, на Забалканском проспекте, близ Новодевичьего монастыря, на Александровском и Ямском рынках.

Прибавлялось и семейство. Три сына: Александр, Григорий, Николай были отданы в престижное – первое в России Коммерческое училище имени Петра Великого – близ Чернышева моста на Фонтанке, а три дочери: Надежда, Елена, Екатерина закончили Мариинскую женскую гимназию.

В 1889 году семью постигло горе – умер глава Василий Михайлович. Семейное дело продолжила Александра Михайловна Мурина-Оленчикова с сыновьями.

Заручившись финансовой поддержкой старшего брата, купца 1-й гильдии Ивана Оленчикова, и будущих зятьев, купцов Мальцева, Пересадына и Лушева, она купила на Николаевской улице 4-этажный дом, что в 1879 году построил архитектор В. Ф. Рогинский, близ Семеновского плаца (ныне ул. Марата, дом № 74), с дворовыми флигелями и конюшней на заднем дворе, где стояли ездовые лошади, что паслись и щипали травку на обширном лугу (ныне стадион «Локомотив»).

На первом этаже лицевого дома красовалась вывеска «Хлебная и мучная торговля Муриных» и был очередной лабаз, а на трех этажах жили сыновья и дочери. Сама глава семейства, прабабка, жила в деревянном двухэтажном дворовом флигеле XVIII века, что стоял на высоком полуподвале из путиловского камня. В покои вела мраморная лестница, которая освещалась газовыми светильниками в виде арапчонков. При входе – огромное чучело оскалившего пасть бурого медведя с серебряным подносом для визитных карточек, что входили в моду в Петербурге.

В комнатах были развешаны старообрядческие иконы в ризах, у которых коптели лампы. Пахло ладаном. Мебель была под стать хозяйке – добротная, из мореного темного дуба. Моя прабабка одевалась в черный плащ, кофту, карманы заполняла медяками, которые щедро раздавала нищим и убогим у Храма. В церкви бұхалась на колени и была сорок поклонов, моля о прощении грехов вольных и невольных. Она молилась, как и ее многочисленные родственники, в Никольском единоверческом храме, что был воздвигнут в начале Николаевской улицы у Невского проспекта (ныне это музей Арктики и Антарктики) на средства староверов.

Мои деды Александр, Григорий, Николай, отслужив в армии, получили офицерские звания, занялись семейным делом – снабжением Петербурга и России хлебом. И преуспели.

Получили звания потомственных почетных граждан, купцов 1-й гильдии, возглавили Калашниковскую хлебную биржу. Старший Александр Васильевич был избран в начале XX века первым председателем Профессионального союза хлеботорговцев России.

В годы Первой мировой войны мой дед Григорий Васильевич Мурин служил снабженцем в Вологде в 577-й пешей Пермской дружине. К слову, его начальниками в 1917 году были некий М. В. Фрунзе, будущий нарком Красной армии, и будущий враг народа, начальник Штаба Красной армии В. Н. Левичев. В 1918 году Григорий Васильевич Мурин и его младший брат Николай и еще несколько бывших царских офицеров совершили вояж из Вологды в Пермь и Екатеринбург. Как указано в мандате, «с целью закупки продовольствия для Вологодского продсовета!» Странная поездка – за продовольствием через всю бушующую Россию. Что они делали в Перми и Екатеринбурге, одному Богу известно. Сохранился только мандат.

В 1921 году они вернулись в Петроград. Но эта поездка аукнулась трагедией. Младший из моих дедов Николай Мурин прятался по чердакам, подвалам, и в один из дней 1924 года, увидав двух милиционеров, совершавших обычный обход, с диким криком: «За мной идут!» – вбежал под арку Муринского дома, поднялся по мраморным ступеням на чердак, высунулся в маленькое слуховое окно и выпал с плохо закрепленной рамой вниз. Сломал позвоночник и умер в муках на руках моей прабабки. Остальные мои деды и прабабка, слава Богу, не дожили до сталинских репрессий 30-х годов и, как говорится, вовремя умерли в своей постели и покоятся на Волковском старообрядческом кладбище.

Мои бабки Надежда, Елена, Екатерина Мурины были выгодно выданы замуж.

Надежда Васильевна – за Василия Мальцева, мыльного короля Петербурга, хозяина завода. В начале века парижские красотки предпочитали мыться белым мальцевским мылом.

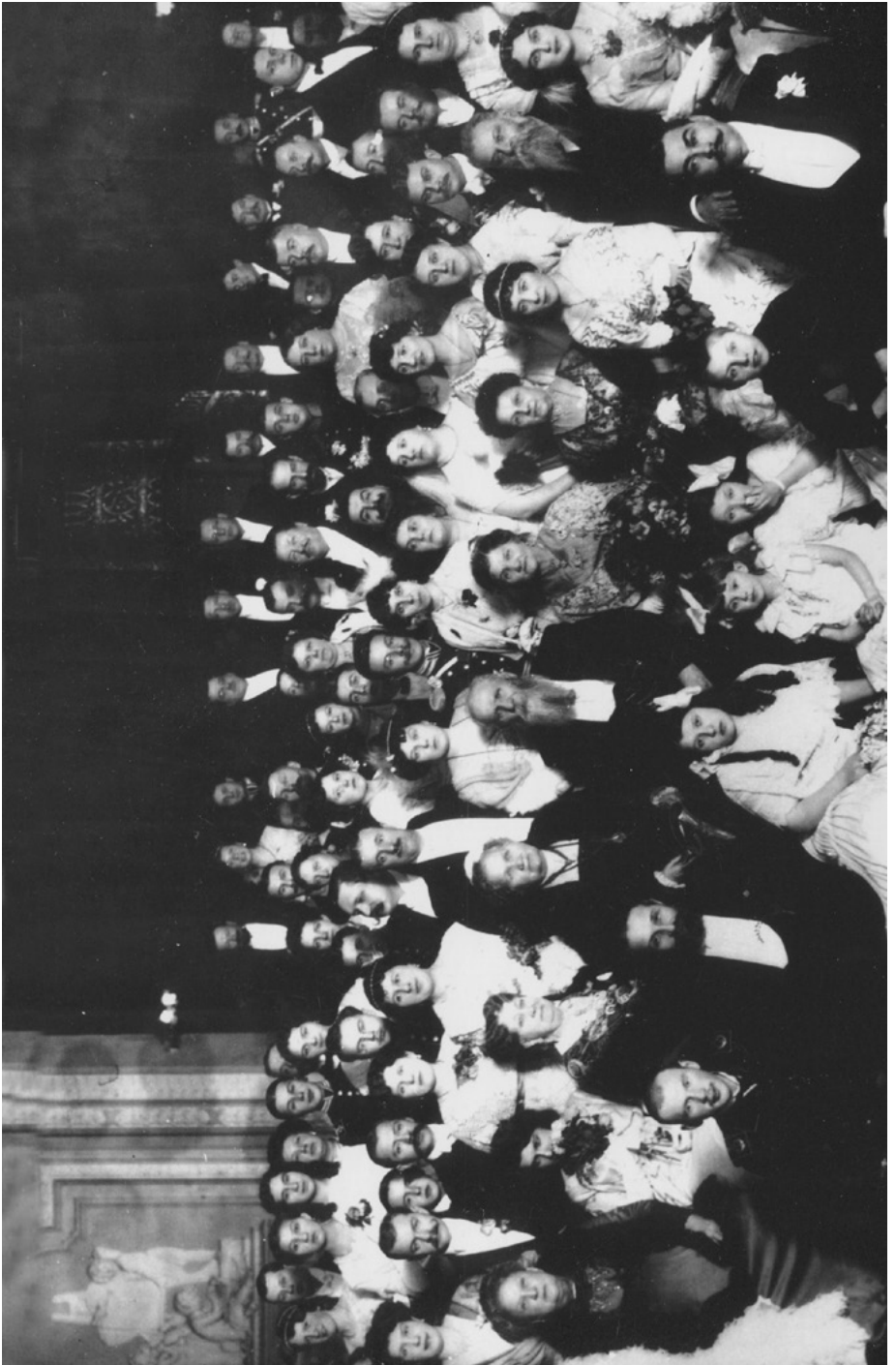
Елена Васильевна была выдана замуж за Николая Пересадына, кандидата коммерции, известного кожевника Петербурга.

А младшая сестра Екатерина (крестная мать многих Муриных) за корабела, яхтсмена, победителя Балтийских регат, командора Николая Лушева. Морские волки и ныне корпуса современных торпедных катеров за глаза называют «лушевскими».

Эти деды и бабки и дали достойное продолжение роду Муриных. Взгляните только на две старинные фотографии начала XX века. Это старейшины рода, их дети, внуки.

Фото на стр. 12. 1911 год. Териоки, Сатинин пер., дача Муриных.

Верхний ряд: Лушев Николай Яковлевич, почетный потомственный гражданин СПб, командор парусного класса яхт (1888-1940), Пересадин Иван Николаевич, п.п.г. кандидат коммерции (1871-1940), Мальцев Василий Васильевич, п.п.г. (1861-1931), Ивашевич (Мальцева) Лидия Васильевна (1898-1989), Мурин Александр Васильевич, п.п.г. (1872-1935), Мурин Григорий Васильевич, п.п.г. (1876-1933), Мурин Алексей Григорьевич (1909-1973), Мурин Николай Васильевич, личный п.г. (1881-1924), Мурин Андрей Николаевич (1910).

Средний ряд: Зост (Лушева) Зоя Николаевна (1910-1989), Лушева (Мурина) Екатерина Васильевна (1884-1942), Пересадина (Мурина) Елена Васильевна (1874-1942), Пересадин Михаил Иванович (1910-1989), Мальцева (Мурина) Надежда Васильевна (1878-1966), Мурина (Оленчикова) Александра Михайловна (1854-1929), Мурин Лев Александрович (1909-1967), Мурина Елизавета Павловна (1886-1930), Мурина (Станкевич) Евдокия Николаевна (1886-1951), Иодке (Мурина) Вера Григорьевна (1912-1969), Мурина (Барышникова) Екатерина Александровна (1893-1942).

Нижний ряд: Петухова (Лушева) Нина Николаевна (1908-2000), Филатова (Пересадина) Раиса Ивановна (1908-1994), Пересадин Владимир Иванович (1910-1944), Мальцев Александр Васильевич (1909-1943), Куницина (Мальцева) Надежда Васильевна (1903-1994), Романова (Мурина) Муза Александровна (1905-1949), Мурин Николай Александрович (умер ребенком).

Фото на стр. 13. На торжествах по случаю 75-летия со дня рождения Ивана Михайловича Оленчикова. 1912 год, Невский пр., д. 40. В центре Александра Михайловна Мурина (Оленчикова) (1854-1929), Иван Михайлович Оленчиков (1837-1924), его жена, Евгения Осиповна Оленчикова (1845-1936). Их сыновья, дочери, невестки, зятя и внуки.

Слева и внизу – Григорий Васильевич Мурин и Евдокия Николаевна Станкевич-Мурина.

В 1917 году с традиционной присказкой староверов: «На то Господня воля!» – расстались Мурины с нажитым богатством, правда, даже в самые страшные времена в анкете в графе «происхождение» писали: «из мещан»...

Мой отец Алексей Григорьевич Мурин, в 30-х годах XX века инженер Кузнечного цеха завода «Арсенал», нашел в заброшенной каптерке среди хлама голову Петра I (как оказалось позднее, копию с «Медного всадника»), отчистил от грязи и установил на тумбочку прямо в кузнице, а затем отлил из чугуна петровский указ-инструкцию:

Кто пушки лить начнет косорылые и криворотые –
Быть тому повешену!

Петр I

Несколько дней рабочие проходили мимо этого мемориала, но кто-то из бдительных «капнул» куда следует. Отца вызвали на «Шпалерку» и молоденький следователь, почти его ровесник, задал убийственный вопрос:

– Скажите-ка, гражданин Мурин, какое к вам имеет отношение Первый и Второй Муринские проспекты?

Отец пошутил:

– Первый – точно не наш, а вот... ко Второму мы имеем какое-то отношение!

И несколько дней размышлял над своими словами, глядя на ленинградское небо в решетчатое косящатое окошечко, пока Алексей Николаевич Косыгин, тогдашний руководитель ленинградской военной промышленности, не позвонил чекистам:

– Отпустите немедленно этого чудильника, а то пушки на заводе идут «косорылые и криворотые»! Хозяин задаст головомоюку!

Ну, а кто Хозяин, всем было известно. Отпустили. Бог миловал! После этого случая отец любил повторять поговорку: «Молчи, дурак, в тряпочку – за умного сойдешь!»

В лихую годину в 1941 году как один встал Муринский род на защиту Питера и России от врага. Отец Алексей Мурин лил пушки на «Арсенале», строил самолеты в КБ в Москве, а позже создавал радиоэлектронику для ракет и самолетов; Андрей Мурин открыл нефть и газ в Волжско-Башкирском регионе, стал одним из создателей отечественной радиохимии, профессором Ленинградского университета; Александр Мурин прошел путь от Ханко до Берлина как дирижер Ансамбля красноармейской песни

и пляски Ленфронта, после войны стал народным артистом СССР, главным хормейстером Мариинского театра. Пали смертью храбрых под Киришами Василий Мурин, а на Псковщине – Роман Мурин.

Прошел круги ада Лев Мурин, комбат 2-й ударной армии: Мясной Бор, выход из окружения, подарок Жданова – Невский пяточок. Но, что удивительно – вышел штопаным-перештопаным и из этого кошмара. Последнее ранение было бы смертельным, но Льва спасла выданная перед боем медаль «За оборону Ленинграда». Фашистский металл попал в планку и глубоко вдавил медаль в районе сердца в грудь, контузив офицера Мурина.

– Он защитил город, а город спас русского воина, – говорили в госпитале солдаты. А сам командир отвечал муринской присказкой:

– На то Господня воля!

Лев Мурин в госпитале. 1943 г.

Лев Мурин. 1941 г.

А после войны Лев Мурин строил наш город. Его мирная профессия была архитектор.

Вот откуда истоки неистребимого оптимизма и гордости нынешнего поколения Муриных. Да и другие мои многочисленные родственники, дети, внуки не запятнали дурным поступком честь нашего рода.

Деревянный двухэтажный дом моей прабабки, о котором я рассказывал выше, был уничтожен в ночь с 13 на 14 октября 1941 года стокилограммовой фашистской бомбой.

Три брата: Василий, Александр и Алексей Мурины

Вот как это описал в своих блокадных дневниках мой отец:

«Первая тревога началась часов в 7 вечера и, как обычно, сопровождалась обильным дождем зажигательных бомб, которые я видел вспыхивающими на крышах домов и на улице, так как в это время подходил к дому с завода пешком. Все бомбочки быстро гасились, но все-таки на бегах разгорелся большой пожар. Под воротами я узнал, что на чердаке у нас мальчишки гасят две „зажигалки“ и побежал им помогать. Обе пробили крышу и, провалившись на чердак, стали быстро разгораться. Но мы живо засыпали их песком и через некоторое время снова отрыли, чтобы рассмотреть остатки и разобрать на досуге «по косточкам». Они были еще тепленькие и пахли, как карбидный велосипедный фонарь.

В 12 часов, когда я уже спал, меня разбудила мать и стала убеждать спуститься вниз, так как по городу объявили воздушную тревогу и все мои родные уже в бомбоубежище. Вблизи раздавались разрывы. Мать молила меня поторопиться... Внезапно погас свет и раздался один за другим несколько ударов, настолько сильных, что первое впечатление было, что мы летим вниз. Каждая встряска толкала нас от стенки к стенке, мы слышали звон лопающихся стекол, причем несколько секунд подряд. Как только немного стих этот адский грохот, мы ошупью выбрались с великим страхом на лестницу. В воздухе стоял сплошной смрад от пыли, щебня,

извести. Неслись всюду крики о помощи. В полной темноте, боясь чиркнуть спичку, спустились по груде разбитого кирпича, стекла, обломков, рам с четвертого этажа во двор. С другой стороны улицы кричали особенно сильно, причем, там была повреждена труба, быстро заливавшая помещение. Люди в подвале стали тонуть. Я побежал во двор, где уже стали появляться люди с фонарями, спичками, бестолково перебежавшие с одного места к другому.

Сейчас, когда я вспоминаю эту ночь, мне она уже не кажется такой жуткой, но, признаюсь, тогда я сильно растерялся и стал голыми руками разбирать обвалившиеся кирпичи в том месте, где, казалось, слышал крики о помощи. Потихоньку пострадавших стали выносить на руках и на носилках в ЖАКТ для оказания первой помощи. У нас было два очага поражения в доме. Первый на заднем дворе. Бомба попала в четырехэтажный флигель, где было общежитие и прошла сверху донизу. (Общежитие построено на месте Муринской конюшни. – А. М.) Вторая – в отдельно стоящий двухэтажный деревянный дом. (Дом, где жила прабабка А. М. Мурина-Оленчикова. – А. М.) Дочь управдома оказалась засыпанной, и поэтому управдом больше всего беспокоилась именно об этом месте. Жертв укладывали прямо на дворе или подтаскивали к карете скорой помощи. Раскопки продолжались, и поздно вечером отрыли еще одну женщину, которая оказалась живой. Поскольку другая сторона улицы была залита водой, пострадавших из дома напротив, а также из соседнего дома тащили к нам.

Дежурила милиция, так как нашлись, как выяснилось, сволочи, которые стали таскать что поценней из домов. Не успели мы прийти немного в себя, как новый шум и крики на улице. Мы увидели огромные клубы дыма и пламени в доме напротив. Произошло короткое замыкание сразу после удара бомбы. Никто в суматохе его не заметил, пока огонь не охватил почти пятиэтажный дом изнутри. Это было, пожалуй, еще более ужасно, так как рассчитывать на быструю подачу воды, как раз поврежденной около это дома, невозможно. Тем не менее, часа в четыре начали появляться пожарные машины и, как, возможно, всегда в таких случаях кажется, необычайно долго раскатывали шланги и тянули их в смежные с горящим дома, на крышу, во двор. Шум, крики, ругань, заполонили всю улицу. Все жильцы бросились спасать что могли, и вскоре все панели, улица и трамвайные пути покрылись тюками, мебелью, всем, что попадалось под руку. Пошел снег. Стало понемногу светлеть. К утру весь участок между улицами был заставлен вещами, через которые тянулись пожарные

шланги, брызгающие местами водой. Около стояли, сидели, лежали на матрасах, диванах, кушетках, креслах владельца. Район был оцеплен милицией. Утром, узнав, что мои родные живы, я пошел на работу».

Так не стало родового гнезда.

А лицевой дом № 74 по улице Марата пережил три революции, две мировых войны, сталинские пятилетки, перестройку и сегодня гордо стоит в конце улицы.

В 60-х годах XX века в нем был капитальный ремонт. Вот тогда и ликвидировали бывший «Муринский лабаз», что всю блокаду кормил ленинградцев хлебом. О нем напоминают две ступени, ведущие в стену.

Вот и весь сказ!

Журнал «Автобус», 28 декабря 2004 года

ДОМ, КОТОРОГО НЕТ (МАРАТА, 74)

В архиве на Псковской улице я обнаружил первое место жительства Михаила и Василия Муриных в Петербурге в XIX веке. Это дом № 8 по Лештуковому переулку (ныне переулок Джамбула). Собственно дома сегодня нет, его снесли в 70-х годах прошлого века, а на его месте стоит знаменитый казахский акын Джамбул, что смотрит в сторону соседнего дома, где на глухой стене одно окно. Любопытно, что это окно меблированной комнаты, что в середине XIX века снимал молодой юрист Петр Чайковский, который только окончил престижное Училище правоведения.

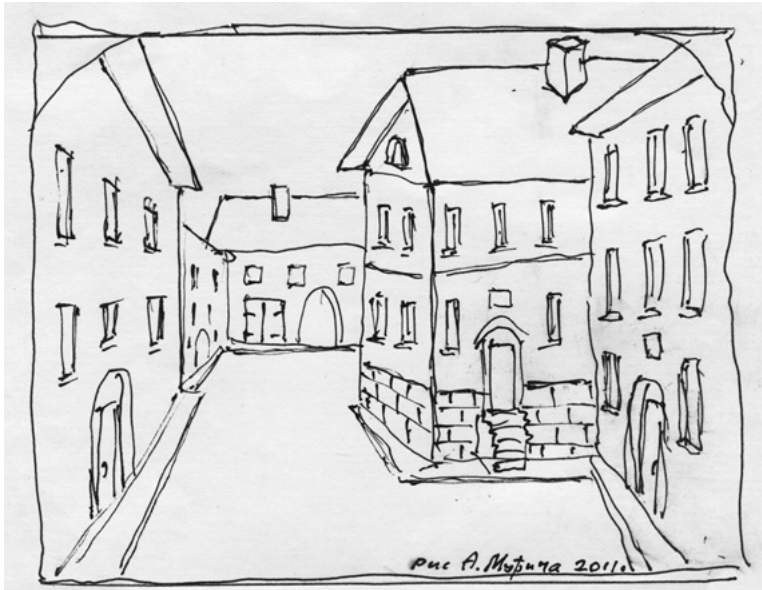
В доме 8 Мурины завели симпатичный кабачок, а в соседних домах 10 и 12 – лабазы, в которых торговали овощами, фруктами и мукой.

Наконец, Мурины перебрались на Ивановскую улицу (ныне Социалистическая), а затем – на Николаевскую, 70, где был очередной семейный лабаз. В начале XX века в этом доме снимал убогую комнату всесильный Григорий Ефимович Распутин, и его кухарка покупала провизию у Муриных.

И вот, в 1889 году вдова, купчиха Александра Михайловна Мурина (в девичестве Оленчикова) купила дом № 74 со всеми флигелями и конюшней, куда и переехала с шестью малолетними детьми.

История дома такова.

Собственно лицевой дом 74 и флигель построил в 1867–68 гг. архитектор Владимир Федорович Розинский. Эти постройки сохранились

и по сей день. А за ними стоял на фундаменте из путиловского камня двухэтажный дом, что построил для Марии Екимовны Панаевой в 1838 году архитектор Евгений Иванович Диммер, ученик и помощник В. П. Стасова. Он возводил с ним триумфальные ворота на Московском тракте и Троицкий собор на Измайловском.

В 1839 году в доме поселилась М. Е. Панаева, ее сын, литератор И. И. Панаев и молодой критик В. Г. Белинский.

Вскоре этот очаг стал литературным клубом Петербурга. В нем у И. И. Панаева и его молодой жены Авдотьи бывали Некрасов, Полевой, Сахаров, Воейков, Кольцов, Аксаков, Краевский, композитор Глинка и другие. В доме на Николаевской, 74, М. Е. Панаева и скончалась в 1881 году.

В 1889 году в него вселилась А. М. Мурина, а повзрослевшие сыновья и дочери расположились в лицевом четырехэтажном корпусе.

О судьбе дома и его гибели читайте подробнее в моем эссе «Конец родового гнезда».

От дома Панаевых-Муриных остался лишь фундамент (10 x 10 м), на котором растут чахлые кусты зелени и стоят крутые авто «новых русских».

Рисунок дома я делал по памяти спустя 70 лет после его гибели.

Ну, а родственники Муриных и сегодня живут в доме по Марата, 74.

Июнь 2011 года

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГСКИХ КУДРЯШЕЙ

В 1931 году руководитель Ленинградской капеллы профессор Консерватории Михаил Георгиевич Климов поручил своей помощнице Лизе Кудрявцевой заниматься фортепиано с капелльским воспитанником Сашей Муриным, зачинщиком всех мальчишеских проказ и драк. Раз в месяц старший брат Саши Алексей Мурин, спортивного вида молодой человек, работавший в кузнечном цехе завода «Арсенал», вручал шестнадцатилетней учительнице гонорар за труды – 10 рублей. Вскоре занятия прекратились. Юный подопечный Лизы догнал своих сверстников.

И надо такому случиться – в конце 1934 года Алексей Мурин ехал на трамвае с Московского вокзала. Вдруг на повороте с Кузнечного переулка на улицу Марата на подножку вагона ловко запрыгнула краснощекая, с длинной ниже пояса косой, с огромными глазами девушка – это и была та самая юная учительница брата, двадцатилетняя дирижер Ленинградской капеллы Елизавета Петровна Кудрявцева. С тех пор они не расставались. Так соединились два петербургских рода. В результате на улице Марата, в доме 74, появилась новая семья, а вскоре – и мы с сестрой.

Род Кудрявцевых берет свое начало от первостроителей Петербурга Кудряшей. Наш прадед Кирилл Николаевич Кудрявцев по прозвищу Кудряш 50 лет возил почту по Балтийской дороге и прожил на свете почти век (1825–1921), имел с прабабкой, неграмотной крепостной крестьянкой Прасковьей Матвеевной (1840–1932) восемнадцать детей. К его золотому юбилею начальство пожаловало столовый серебряный графин да икону в ризе «Кирилла и Мефодия», что была повешена в красном углу среди многочисленных темных старообрядческих икон попроще. Прабабка Прасковья Матвеевна была тихая богомольная женщина. Жили Кудрявцевы в доме № 3 на Пятой роте Измайловского полка (ныне 5-й Красноармейской), в квартире 26. Этот дом был построен архитектором С.П. Кондратьевым в 1892–1896 годах и принадлежал Балтийскому железнодорожному ведомству. Кириллу Николаевичу Кудрявцеву как заслуженному работнику выделили просторное жилье бесплатно (как-никак 18 детей). Именно в этом доме он и скончался в 1921 году, девяноста шести лет от роду, был отпет в Троицком соборе на Измайловском проспекте и похоронен на Митрофаньевском кладбище, что у родного Балтийского вокзала.

Мой дед Петр Кириллович Кудрявцев и был тем восемнадцатым, поздним ребенком в семье. Он родился в 1888 году. Легко подсчитать, сколько лет было его родителям. В начале XX века Петр Кириллович поступил в регентские классы Придворной певческой капеллы. Образование в них было первоклассное – равное консерваторскому. Среди учителей – композиторы, профессора А. К. Лядов, Ян Витоль, А. Г. Чесноков, профессор гармонии, любимец Римского-Корсакова П. А. Петров, музыкальный критик В. Г. Каратыгин, ученый, расшифровавший древние певческие крюки, А. В. Преображенский, молодые регенты П. А. Богданов, М. Г. Климов, А. А. Егоров.

На снимке Карла Буллы ученик регентских классов П. К. Кудрявцев (второй слева, в фуражке) в окружении управляющего Придворной певческой капеллой графа А. Д. Шереметева, знаменитого священника о. Философа, известных всей России композиторов и регентов у царского крыльца Капеллы на Мойке, 20.

По окончании регентских классов в 1908 году дед получает престижное место регента в Храме Воскресения Христова, что вознесся у Варшавского вокзала, на Обводном канале, 116. Эта церковь, как и другой храм – Мученика Мирона Лейб-гвардии Егерского полка на набережной Обводного канала, 77, работы архитектора Константина Тона, была архитектурной доминантой довольно скучного промышленно-рабочего района. Она построена в формах древней русской архитектуры XVII века в 1908 году по проекту архитекторов Г. Д. Прима, Г. Г. Голи и А. Л. Гунна рядом со зданием Общества

распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Настоятелем храма и общества был знаменитый церковный просветитель о. Филосóf (в миру Филосóf Николаевич Орнатский). В Петербурге он строил храмы, приюты, школы, богадельни, создавал хоры, общества трезвости и т.д. Для Петра Кирилловича общаться и служить с ним было почетно и поучительно.

Невеста деда Елизавета Андреевна Паук была из семьи обедневших петербургских финнов, что жили за Невской заставой, в селе Смоленском, в собственном доме на Смоленском переулке, 17. Отцу Андрею Пауку, мате, Елизавете Илларионовне и двум старшим братьям Ивану и Семёну жилось несладко, и маленькую Лизу отдали на воспитание баронессе, у которой не было своих детей. Баронесса и ее воспитанница жили под Павловском в собственном имении. Гувернеры учили девушку языкам, танцам, благородным манерам, и она была завидной партией для петербургских женихов. Именно в это время Елизавета познакомилась с нигилистами-социалистами. Прямо по Карлу Марксу – загнивающий класс в себе порождает своих могильщиков. Это сыграет трагическую роль в ее будущей жизни. На вечеринке по случаю дня рождения знакомого Петра Ивановича Лучкина она увлеклась его дальним родственником красавцем музыкантом, регентом храма Петром Кирилловичем Кудрявцевым. В 1909 году они сыграли свадьбу. У молодых в 1910 году появился наследник – сын Петр, а 7 мая 1914 года – дочка Елизавета.

Вскоре по рекомендации директора Консерватории композитора А.К. Глазунова П.К. Кудрявцев занял место пианиста-тапера на танцевальных балах в Петербургском Дворянском собрании (ныне Большой зал Петербургской филармонии имени Д.Д. Шостаковича). В его просторной квартире (весь второй этаж по Подольской улице, 13) в гостиной стояли два концертных рояля, на которых он часами играл многочисленные польки, вальсы, мазурки, галопы. Часто его приглашали в петербургские салоны, где он блистал за фортепиано, и в частности, в дом Павловой на Троицкой, 13 (ныне улица Рубинштейна, 13, театр «Зазеркалье»). Наискосок от дома деда, на Подольской, 2, на первом этаже, в служебной квартире, жил друг Д.И. Менделеева, смотритель Поверочной палатки мер и весов, дворянин, потомственный почетный гражданин Дмитрий Болеславович Шостакович с супругой Софьей Васильевной и тремя маленькими детьми: Марией, Митей, Зоей. Когда пришла пора учить серьезно музыке, родители показали их моему деду. Но он гордо ответил:

– Я концертирующий тапер!

Так дед не стал наставником будущего гения XX века. Хотя их пути еще пересекутся.

Петр Кириллович был необычайно красивым человеком: с каштановыми волосами, карими глазами, закрученными по моде в кольца усами – кумир дамских сердец. Спустя полвека Софья Васильевна Шостакович (мать композитора), вспоминая деда, говорила моей маме (Елизавете Петровне Кудрявцевой):

– Ах! Какой у вас был батюшка красавец!

И она была права – достаточно взглянуть на фото 1914 года.

П.К. Кудрявцев. 1914 г.

Грянул 1917 год! Февральская революция! Отречение царя!
25 октября! Жизнь пошла по другому, непредсказуемому сценарию.
Семья распалась.

Любимая и своенравная Лиза (Елизавета Андреевна Паук-Кудрявцева) оказалась в рядах партийных функционеров, вступила в партию большевиков. Наследство баронессы еще раньше пошло на партийные нужды. Осталась только брошь с огромным бриллиантом, хранившая какую-то

тайну. Бабушка с ней не расставалась даже в страшные дни блокады, хотя ее можно было поменять на еду и спасти жизнь...

После развода с дедушкой в 1917 году она жила в сырой темной комнате на заднем дворе по Подольской, 13, служила на фабрике «Красный парус», что на Петровском острове, шила в войну шинели для солдат, была сторожем на «Госзнаке» на Петроградской и умерла в блокаду в 1942 году с мыслью: «Немцу в Питере не бывать!» Последнюю весточку с оказией нам передали в конце 1942 года, когда мы находились уже в эвакуации с Капеллой в городе Кирове на Вятке. В открытке несколько фраз: «Жива. Болела. Поправляюсь. Береги детей. Мама!» Похоронена она в братских могилах на Серафимовском воинском мемориальном кладбище. Гранитная женщина-работница на памятнике чем-то напоминает ее.

Снова вернусь к дедушке Петру Кирилловичу. В феврале 1917 года его забрали в демократическую народную милицию, выдали форму. Его участок был от Сенной площади до Обводного канала. Когда он, красавец, подъезжал на коне к рынку, то торговки, бабы, возницы, завидев его, кричали: «Наш Кирилыч едет!» и угощали нехитрой снедью: кто пирожком, кто шмотом кислой капусты – время было голодное. Сына Петра в 1917 году он определил в школу-интернат Капеллы, а в 1923 году привел туда же дочь, девятилетнюю Лизу (первый прием девочек в это сугубо мужское заведение). Семью Кудрявцевых на Пятой роте «уплотнили» в одну комнату. На топчане лежали толстые доски и матрас-перина. На ней спала бабушка Прасковья Матвеевна и маленькая Лиза, что приходила на выходные из интерната Капеллы домой. На железной скрипучей кровати, закрывшись потертой шинелью, спал смертельно уставший за день бывший регент, бывший пианист, бывший милиционер, ныне безработный Петр Кириллович Кудрявцев. Узнав о гибели своего духовника о. Философа, он пытался заглушить боль по своей никчемно прожитой жизни водкой. Оставил милицейскую службу. Бедствовал. Руководитель Капеллы М. Г. Климов взял его настройщиком роялей в Капеллу, где в интернате жили и учились его сын и дочь (при живых-то родителях – сироты). Именно мой дед настраивал четыре рояля для премьеры «Свадебки» И. Ф. Стравинского под управлением М. Г. Климова в 1926 году, где одну из партий исполнял молодой композитор, пианист, автор Первой симфонии Д. Д. Шостакович.

В 1926 году в коридоре интерната Капеллы, получив случайный удар в висок свинцовой кружкой от питьевого бачка, скончался от кровоизлияния в мозг воспитанник Капельской школы шестнадцатилетний

Петр Петрович Кудрявцев. Отпевали Петрушу в Троицком соборе на Измайловском. Хором Капеллы на панихиде руководил сам М.Г. Климов. На соседнем Митрофаньевском кладбище перед гробом шел мальчик с иконой, а следом капеллане в кафтанах с бляхами на поясе, на которых сияли три буквы «ППК» (Придворная певческая капелла), оставшиеся с царских времен. После похорон у Петра Кирилловича пошла горлом кровь. Видимо, был инфаркт. Он неделями лежал на кровати лицом к стене, за ним ухаживала старушка-мать и знакомая поклонница, врач Мария Осиповна Полякова. Он таял на глазах. 11 февраля 1929 года Петр Кириллович Кудрявцев тихо скончался в неполные 42 года. Схоронили его на кладбище Новодевичьего женского монастыря, где по традиции хоронили регентов петербургских храмов и учителей пения Певческой капеллы, слева от алтарной дорожки за Карамзинской церковью Всех скорбящих радости.

А через 3 года (в 1932 году) здесь же нашла свой последний приют и Прасковья Матвеевна Кудрявцева, пережившая своего любимого внука Петра Петровича и последнего сына Петра Кирилловича.

Из всего огромного рода Кудрявцевых в результате войн, революций, перестроек к концу XX века уцелела и дожила до XXI одна ниточка – Елизавета Петровна Кудрявцева-Мурина.

Елизавета Петровна Кудрявцева-Мурина – первая женщина-дирижер профессионального хора в мире, Национальное достояние России, профессор Петербургской консерватории, народная артистка РСФСР, создатель дирижерско-хормейстерской школы, академик Петровской академии, академик Эстонской Академии музыки, лауреат первой премии в области искусств мэра Санкт-Петербурга и т.д.

Свыше ста учеников класса Елизаветы Петровны составляют современную музыкальную элиту и разбросаны по многим странам и континентам. Упокоилась моя мама 3 октября 2004 года на мемориальном кладбище Петербургского Новодевичьего женского монастыря. В этом пантеоне славы России, среди великих россиян. Рядом могилы ее отца, скромного регента Петра Кудрявцева и бабушки Прасковьи Матвеевны, простой русской крестьянки, ставившей до смертного часа вместо подписи крест и подарившей Родине восемнадцать детей.

Вечная им всем память!

О МАМЕ (Е. П. КУДРЯВЦЕВА)

Моя мама Елизавета Петровна Кудрявцева – первая женщина-дирижер профессионального хора в России. Воспитанница знаменитого профессора М. Г. Климова, она в 1931 году стала его помощником по работе в Ленинградской академической капелле. За 30 лет работы в качестве дирижера, хормейстера мама несла основную дирижерскую и репетиционную нагрузку в подготовке труднейшего репертуара филармонических концертов. Первые исполнения «Александра Невского» Прокофьева, «Песни о лесах» Шостаковича, «На поле Куликовом» Шапорина и многое другое, а также произведения мировой классики: Месса си минор Баха, Торжественная месса Бетховена, Реквием Моцарта, Берлиоза, Верди, «Свадебка» и «Царь Эдип» Стравинского, «Литургия» Чайковского, «По прочтении псалма» Танеева – были осуществлены при непосредственном мамином участии.

Мама дружила и сотрудничала с композиторами Прокофьевым, Шостаковичем, Шапориним, Бриттеном, Хачатуряном, Свиридовым, Щедриным, Салмановым, Слонимским, Петровым, Гаврилиным; общалась и работала с дирижерами Штидри, Абендротом, Унгером, Зандерлингом, Гауком, Аносовым, Кондрашиным, Рождественским, Светлановым, Дмитриевым. Несколько десятилетий ее связывала личная и творческая дружба с Евгением Александровичем Мравинским. Все вокально-хоровые сочинения для концертов Мравинского готовила с Капеллой мама. В годы Великой Отечественной войны, дав с Капеллой в труднейших условиях более тысячи концертов перед бойцами Красной армии и тружениками тыла, мама фактически сохранила старейший русский хор для потомков.

В течение двадцати пяти лет (1931–1956) мама преподавала в Хоровом училище при Капелле. Среди ее учеников признанные мэтры хорового и вокального искусства: А. А. Юрлов, В. Н. Минин, Ф. М. Козлов, Н. И. Кунаев, В. А. Атлантов, В. А. Чернушенко. Закончив экстерном консерваторию и аспирантуру, мама более 50 лет вела класс специального хорового дирижирования в Санкт-Петербургской консерватории имени Римского-Корсакова. У нее занимались дирижеры, ставшие гордостью мирового музыкального искусства. Среди них А. Дмитриев, Д. Китаенко, Р. Мартынов, А. Анисимов, Т. Мынбаев, В. Зива, А. Борейко, А. Шевчук, Д. Хохлов, А. Аниханов, А. Степанов, Р. Лютер, хоровые дирижеры Н. Кунаев, А. Пустовалов, М. Травкин, В. Успенский, В. Семенюк, Н. Корнев, А. Петренко, Б. Абальян, А. Федосцев, А. Верещагин, Л. Тепляков.

Е. П. Кудрявцева. 1931 г.

Из маминого класса вышли руководители знаменитых эстрадных ансамблей страны А. Броневицкий (ансамбль «Дружба»), Г. Клеймиц (ансамбль «Поющие гитары»), Т. Мегвинетухцеси (ансамбль «Орэра»), композиторы В. Плешак, А. Королев. Ведущие хоровые дирижеры Эстонии, Латвии, Литвы, Молдовы, Украины, Белоруссии, Кубы, Кореи прошли мамину аспирантскую школу. Среди них: Куно Аренг, Сильвия Меллик, Тьну Кальюсте, Томас Каптен, Ольга Тунгал, Аницетас Арминас, Петрас Вайлионис, Эзлерия Пятраускайте, Николай Чолак, Сергей Прокопов, Алексей Когадеев, Юозас Кубилиус.

Свыше 40 лет мама возглавляла созданный ею в 1958 году Хор любителей пения Петербурга. Коллектив известен как в нашей стране, так и в Германии, Югославии, странах Балтии. В деятельности этого коллектива сотни концертов, многочисленные программы, выступления с лучшими филармоническими оркестрами под управлением известных дирижеров.

В хоре поют 100 человек: рабочие, инженеры, студенты, врачи, люди различных профессий, для которых мама открыла путь в мир высокого искусства. В репертуаре коллектива помимо русской и зарубежной классики несколько десятков произведений кантатно-ораториального жанра: «Stabat Mater» Перголези, «Времена года» Гайдна, «Кармина Бурана» Орфа, «Три литургии» Мессиана, «Царь Давид» Онеггера, «Сон в летнюю ночь» Мендельсона, «Волшебный стрелок» Вебера, «Фантазия» и 9-я симфония Бетховена, «Stabat Mater» Россини, «Весна» Рахманинова, «Огненный ангел» и «Славься, наш могучий край» Прокофьева, «Леди Макбет Мценского уезда» и 13 симфония Шостаковича, 6-я симфония

Е. П. Кудрявцева и А. А. Мурин. 1998 г.

Мясковского, 3-я симфония Малера, «Атлантида» Я. Иванова, «Демественная литургия» Гречанинова. В Хоре любителей пения первые шаги в искусстве в качестве хормейстеров сделали свыше 50 маминых учеников.

2001 год был для мамы юбилейным – семидесятилетие ее активного творческого служения дирижером, педагогом во благо музыкального искусства России.

2001 год

После непродолжительной тяжелой болезни, на 91-м году жизни, 3 октября 2004 года мамино сердце остановилось.

Прощаться с великим учителем в Консерваторию пришли ее многочисленные ученики, друзья, профессиональные коллективы города. Соболезнования пришли со всех концов земного шара. Упокоилась мама в пантеоне славы России, на кладбище Воскресенского Новодевичьего женского монастыря в Петербурге, с великими мира сего – рядом с Н. Некрасовым, Ф. Тютчевым, А. Майковым, Э. Направником, М. Врубелем, С. Боткиным, М. Чигориным, П. Багратионом.

21 октября 2007 года на Новодевичьем кладбище в Петербурге состоялось открытие и освящение надгробного памятника на могиле мамы.

Работа моей супруги, скульптора Г. В. Додоновой, представляет из себя двухметровый крест из бело-серого мансуровского уральского гранита и на его фоне Богородица, благословляющая людей (Нерушимая стена). У ее ног плита из черного лабрадора, на которой строки «Мати Божия! Сохрани под кровом твоим!» и мелодия композитора Павла Чеснокова.

Благочинный монастыря о. Николай, ученики, друзья, родные возложили к монументу цветы, поставили свечи, вознесли молитвы.

Воспитанник мамы по Петербургской капелле Анатолий Савельев посвятил событию следующие строки:

Под сим крестом и в снег, и в дождь
Лежит российских певчих вождь!
И Богородица над ней
Стоит и плачет в сонме дней!

Р.С. Московская патриархия взяла на вечное поминовение имя покойной Елизаветы.

Октябрь 2007 года

КУВШИН

В Пушкинском парке под Петербургом есть скульптура девушки с разбитым кувшином. Эта работа напомнила мне историю, что произошла давно с моей мамой.

Родители маленькой Лизы часто ссорились, а после революции тихо разошлись, и девочку отвезли с парадной квартиры на Подольской улице в комнату на 5-й роте Измайловского полка к бабушке Прасковье Матвеевне. Она была добрая благообразная старушка, схоронившая своего мужа старика Кирилла Тимофеевича, почетного почтаря, что пятьдесят лет возил почту по Балтийской дороге. У них когда-то была большая семья – 18 детей и просторная служебная квартира. Кто-то из детей умер в младенчестве, другие обзавелись семьями и разлетелись по миру из родного гнезда. В голодные 20-е годы, после октября, комиссары «уплотнили» бедную вдову, бывшую безграмотную крепостную крестьянку, в одну комнату.

К ней приходил ночевать ее любимый, последний, восемнадцатый ребенок, Петр Кириллович, отец Лизы, бывший регент, бывший пианист-тапер Дворянского собрания, ныне безработный. Он сразу валился от усталости на железную скрипучую кровать, покрывался старой шинелью и засыпал. Во сне он кого-то ругал, вспоминал Боженку или нагружено стонал. Утром, перекусив, чем Бог послал, спешил настраивать рояли в Капелле и частных домах. Этим он зарабатывал на кусок хлеба. А вечером все повторялось, как по нотам.

Бабушка на четыре пня настилала толстые неструганые доски, клала перину, и к ней под теплый бочок пристраивалась внученька.

Однажды в святое воскресенье бабушка послала малышку на церковное подворье, что было рядом, принести освященной воды. Вручила красивый хрустальный кувшин. Церковный служитель наполнил его. Лиза, крепко прижав сосуд маленькими ручками к груди, поспешила домой. Пробегавший мимо мальчишка из озорства толкнул девочку под локоть. Кувшин упал на тротуар и разбился на мелкие кусочки. Вода разлилась. Бедная Лиза села на поребрик у ворот дома по Забалканскому проспекту и горько заплакала. Из мясной лавки вышел хозяин. Узнав причину слез, смахнул их душистым платком, взял девочку за руку, повел в ближайший посудный магазин, купил точно такой же кувшин, наполнил в храме водой и отвел малышку домой.

Сергей Тимофеевич Жгутов и Елизавета Петровна Кудрявцева

Дверь открыла встревоженная бабушка. Увидав заплаканную внучку и незнакомца, заохала:

– Что случилось, дорогуша?

Мужчина представился:

– Сергей Тимофеевич Жгутов! – и рассказал о случившемся и предложил:

– У меня есть дочка Маша, ровесница вашей девочки. Пусть Лиза заходит к нам. Они вместе будут играть в куклы.

Назвав адрес, учтиво удалился...

75 лет дружили Елизавета Петровна и Мария Сергеевна Долматова, в девичестве Жгутова.

Ну а подаренный дядей Сережей кувшин долгие годы хранился в нашей семье и погиб в бомбежку в годы ленинградской блокады.

19 августа 2009 года

СКАЗКИ ПУШКИНА

В годы Великой Отечественной войны с фашистами Ленинградская певческая капелла, которой тогда руководила моя мама Елизавета Петровна Кудрявцева-Мурина, оказалась в эвакуации в городе Кирове, бывшем Уржуме, на реке Вятке. Заботы о шестидесяти семи артистах-певцах, их детях, стариках-родителях легли на плечи двадцатисемилетнего дирижера, у которой, в свою очередь, было два малолетних хвоста – я и моя сестра.

Старейший русский хор существовал, как цыганский табор. Без государственной дотации (то есть без постоянной зарплаты), без продовольственных карточек, без крыши над головой, перебиваясь случайными концертами. Когда Капелла уезжала на выступления, мама оставляла нас на попечение чужим людям.

Вот тогда и появилась в суматошно-голодной жизни старая женщина в черном, как у монахини, одеянии – Анастасия Ивановна Ардашева, или просто Тася. Она плохо двигалась. Ноги разбил паралич после того, как в первые дни войны пришла похоронка с фронта на единственного сына. Родные от нее отказались. Кому нужен лишний рот, да и к тому же еще инвалид? Она скиталась по углам. Где заштопает, залатает одежду, где свяжет из бросовых ниток носки или варежки за миску похлебки-баланды.

Долгими вечерами мы, капелльские ребятишки, заслушивались Тасиними диковинными рассказами, где добро побеждало зло, и когда поздно ночью певцы возвращались с концертов, мы с плачем расходились по углам.

Из блокадного Ленинграда моя бабушка, мать отца Евдокия Николаевна Мурина, с оказией прислала известие, что «пока жива» и потрепанную книжку, «Сказки» Пушкина. Позднее я узнал, что этот раритет передала для нас диктор Ленинградского радио Мария Григорьевна Петрова. Именно по ней она читала умирающим в эфир бессмертные строки поэта.

Наша бабушка, поживая к тому времени женщина, ради рабочей карточки поступила на службу в Управление здравоохранения. Она заряжала тяжеленные аккумуляторы для карет скорой помощи, что помещались во дворе на улице Пролеткульта, дом 3 (ныне улице вернули старинное название – Малая Садовая).

Бабусе за вредность выдавали лекарство «Гематоген» и бутылку сладкого сока шиповника, которыми она и делилась с подругой Машей Петровой.

«Сказки» Пушкина была первая в жизни книжка, которую я держал в руках, а на ночь прятал, как драгоценность, под жесткий валик подушки. А няня Тася читала нам эти сказки так, что мы взаправду верили, что именно она и подсказала их Пушкину.

Вскоре Капелла и мама получили заманчивое предложение: поехать на гастроли в Среднюю Азию. Говаривали, что Ташкент и Самарканд – города хлебные. Но было страшное условие – оставить в Кирове стариков и детей!!!

Мама отдала свою карточку Тасе. Полгода изнурительных по азиатской жаре концертов Капеллы. Полное молчание от родных из Кирова.

Когда Капелла вернулась обратно в город, мама со страшным предчувствием бежала с двумя тяжеленными чемоданами сухофруктов на набережную Коммуны, 2, в нашу проходную комнатушку. Она увидела веселых, сытых, ухоженных детишек и худую, как скелет, няню Тасю. Люди поведали: Анастасия Ивановна скармливала нам весь паек, а сама питалась крошками, водой и тем, что оставалось от соседей-«богатеев» в помойном ведре. Ноги полностью отказали, и она ползала по комнате по-пластунски.

– Видно, сынок за мной пришел! – едва вымолвила няня.

В 1944 году Ленинградская капелла возвращалась в родной город. Мы с сестрой впились детскими ручонками мертвой хваткой в черную кофту Таси и отказались без нее уезжать. Никакие уговоры не действовали.

И тогда мама решилась на отчаянный с позиции обывателя поступок – взять безногого инвалида с собой. В Ленинграде мы получили две

Я, няня Тася и моя сестра Катя. 1943 г.

маленькие служебные комнаты в доме Капеллы на Мойке, 20. Послеблокадный быт.

Я как воспитанник Капелльской школы каждый год в феврале пел на траурных панихидах в Пушкинской квартире, слышал выступления многих ученых-пушкинистов, которые непременно вспоминали пушкинскую няню – Арину Родионовну. Тема «Пушкин и народ» была тогда необычайно актуальна.

В 1959 году поздней осенью мы с отцом схоронили нашу няню Тасю на Охтинском Георгиевском кладбище. Знакомый священник о. Михаил (в миру Михаил Славницкий) отпел ее, а мы поставили скромный православный крест. Навещая могилку, я всегда мысленно навещал и Пушкинскую няню, так как при входе на кладбище висела мраморная плита, где золотом значилось: «На этом кладбище была похоронена няня А. С. Пушкина Арина Родионовна. Могила утеряна». Вдруг плита исчезла.

**Арина Родионовна
Яковлева**

Все объяснилось просто. Дотошные краеведы обнаружили в архивах, что няня Пушкина похоронена на другом петербургском кладбище – Смоленском. Истина восторжествовала, и плиту перевесили.

Прошло еще много лет. И на старом доме, вросшем окнами в асфальт, на углу улицы Марата и Кузнечного переулка, появилась новая мемориальная доска в честь Арины Родионовны.

Мимо этого дома мы с мальчишками много раз проезжали на трамвайной колбасе и, когда вагоновожатый отчаянно трезвонил, притормаживая, чтобы свернуть на Колокольную улицу, с гиком спрыгивали на мостовую.

Именно в этом доме XVIII века в семье сестры Пушкина Ольги Сергеевны Павлицевой и доживала свой век Арина Родионовна. Здесь ее навещали Жуковский, Дельвиг, Пушкин, Глинка и муж дочери Никита Козлов, что в 1837-м нес раненого Пушкина на набережную Мойки и на запятках в тулупе вез тело поэта в псковские Святые Горы.

В доме 31 июля 1828 года Арина Родионовна Яковлева и скончалась, была отпета во Владимирской церкви и похоронена на Васькином острове.

На мемориальной доске барельеф с портретом Арины Родионовны, что вырезал из кости художник-самоучка А. Серяков в 40-е годы XIX века, а поэт Василий Каменский уступил его любителю антиквариата А. М. Горькому, а тот подарил его Пушкинскому Дому.

Недавно пушкинисты нашли другой портрет няни Пушкина, но уже в фас, все в том же платочке.

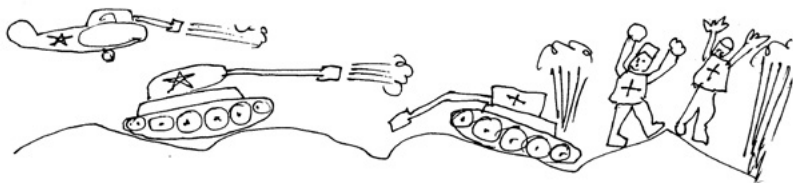
Он до боли напоминает мне мою няню Тасю – Анастасию Ивановну Ардашеву из вятской деревни Ардаши.

Альманах «За православие», № 1, сентябрь 2007 года

КАК Я НЕ СТАЛ ХУДОЖНИКОМ

Мои первые рисунки были «созданы» в годы войны, в городе Кирове на Вятке, где Ленинградская капелла, которой руководила моя мама, Елизавета Петровна Кудрявцева, оказалась в эвакуации.

Мама, младшая сестра Катя и я обитали в углу проходной комнаты начальника НКВД города Кирова. На полях газет, что он приносил со службы, я нарисовал чернильным огрызком бой русских танков и самолета с немцами. Услужливая память возвращает меня к этому бою:

В 1943 году зимой на несколько часов в Киров вырвался отец, который служил в авиационном конструкторском бюро – «шарашке» в Москве у зоосада. Ныне это столичный дом обвешан мемориальными досками в память о тех, кто служил за решетками КБ: Королев, Туполев, Микоян, Бериев и другие.

Помню, московский состав, на платформах которого хаотично стояли разбитые танки, машины, самолеты, остановился у кировского перрона. Был лютый мороз. Отец спрыгнул с последнего вагона, где, видимо, была буржуйка и дежурила охрана, что сопровождала технику на переправку в тыл. На нем была длинная шинель, шапка-ушанка, рюкзак и деревянный рундучок. Он пошел к нам, медленно волоча ноги в валенках, распоротых наверху (результат перенесенной водянки). Я побежал к нему с криком:

– Папка!!! – и вцепился в его шинель.

А маленькая Катя, что за годы войны забыла отца, повисла на маме и только повторяла:

– Чужой дядя! Чужой дядя!

Отец медленно начал оседать на перрон.

Безмолвные слезы брызнули из его глаз.

Среди подарков были цветные карандаши и один особенный, двухцветный (синий и красный), с надписью «Командирский». Скоро все поля

Как я не стал художником

кем-то подаренной единственной книжки «Сказки» Андерсена покрылись моими и Катькиными каракулями. Танки, самолеты со звездами и, конечно, бегущие от них с поднятыми руками фашисты.

Один мой рисунок мама послала с okazji в Москву отцу. Он прикрепил его к чертежной доске, и сослуживцы «любовались» красной Кремлевской стеной, синим Мавзолеем Ленина и стоящим на нем Сталиным в зеленом френче с красным лицом и синими усами. Отец долго хранил это мое «творение», а потом после войны оно затерялось где-то на антресолях.

В 1945 году отец показал мои рисунки своему старому другу, ректору Академии художеств Серову. Тот посоветовал отдать меня учить на художника. Но музыка победила!

Именно музыка свела меня со многими гениальными людьми: музыкантами, композиторами, художниками, поэтами, артистами. Каждый – Божье творение. Они, а их перечисление заняло бы целую тетрадь, и попали на мой карандаш. Как правило, я дарил свои рисунки-шаржи оригиналам. Некоторые из них вы найдете в этой книге.

Январь 2003 года

ПОХОД К «МИТРОФАНИЮ»

После снятия ленинградской блокады осенью 1944 года, как помню, в субботу, бабушка Дуня (по линии отца) повела меня, капелльского школяра, к «Митрофанию» купить ботинки.

Миновав улицы Марата, Звенигородскую, Глазовую, мы вышли на Обводный канал. Долго шлепали по набережной, у Варшавского вокзала свернули, обошли завод подъемно-транспортного оборудования имени Кирова, и предо мной открылось ристалище.

Загадочный «Митрофаний» оказался громадной барахолкой на месте бывшего здесь когда-то Митрофаньевского кладбища. На крестах висели пожитки горожан, шубы, платья, пиджаки. На могилах – россыпь посуды, самоваров, обуви, тарелок, чашек. Рядом со скарбом тысячи ленинградцев. Гомон, как в бане. Кто-то кричит, рекламируя свои манатки, кто-то плачет, кто-то матерится из-за цены, кто-то примеряет одежду. Всюду шныряют воришки, попрошайки-калеки, слепые инвалиды.

Бабушка несколько раз подходила к мужику, что продавал офицерские бурки, прикладывала их к моим лапам 36 размера, приценивалась и отходила в сторону. Я ж больше всего был занят другим – глазел на могильные склепы, на которых красовались картины, где по ультрамариновым озерам плавали белые с красными носами лебеди и купались голые с большими титьками хвостатые русалки... Скуля, стал упрашивать бабулю купить мне один из этих «шедевров». Но Дуня прикрикнула на меня:

– Ребенку негоже смотреть на эту срамоту! – и, крепко сжав мою руку, с обновой под мышкой, повела меня в долгий путь домой.

На Марата обнаружила, что купленные на «Митрофании» бурки болтаются на мне, как на корове седло. А вот ей самой оказались как раз по ноге, и она долго потом щеголяла в них.

– Ну, Дуня! Ты у нас, как генерал на параде! – язвили многочисленные муринские родственники.

23 октября 2010 года

САПЕРНАЯ ЛОПАТКА

После войны капелльским артистам выделили на окраине Ленинграда под картошку делянки земли, перепаханые снарядами. Паровичок, окутывая скрипучие старинные вагоны угольным дымом и пылью, доставил несчастных певцов к останкам, которые когда-то назывались станцией.

К удивлению, от нее уцелело изъеденное осколками двухэтажное здание железнодорожной диспетчерской, на котором была прибитая доска с гордым названием «Лигово». Вокруг пустынная земля. Ни одного домишки.

По пути попадались лишь деревянные треноги с красными тряпками, что означало «Осторожно, мины!». Артисты с дефицитными лопатами смиренно шествовали за бригадиром. Мама на это «мероприятие» не поехала, была занята в капелльской школе, где учила музыке будущих «народных и заслуженных гениев». Ее представляли мы.

Брат солиста Капеллы Виктора Петровича Соболевского Александр, увидав, что я без «оружия», вручил мне трофейную саперную лопатку. На пиджаке Александра Петровича Соболевского сияла звезда Героя Советского Союза. Позднее я узнал, что звезду он получил за дрейф во льдах парохода «Георгий Седов». В начале эпопеи он, судовой врач, собрал у экипажа репчатый лук, вырастил у себя в кубрике зеленые стручки и этим спас людей от цинги. А после блокады (вот судьба!) помогал брату сажать картошку.

Отец, пока мы шли, рассказал, как до войны приезжал сюда часто с мамой к ее крестной тете Тоне, Антонине Кирилловне Кудрявцевой, и ее мужу Николаю Николаевичу Беляеву, мастеру по окраске тканей местной лиговской фабрики. У Беляевых был свой дом, участок и, как говорил отец, жизнь у них была «полная чаша». Давным-давно, в годы гражданской войны, Беляевы брали на лето маленькую девочку Лизу Кудрявцеву из голодного Петрограда. Малышка пасла козочку, молоком которой крестная тетьа Тоня и дядя Коля спасали племяншку от истощения.

Антонина Кирилловна Кудрявцева-Беляева в блокаду служила начальником почты на углу Обводного канала и проспекта Газа, умерла в 1942 году от голода и похоронена в братских могилах Митрофаньевского кладбища, а ее муж в первые дни блокады погиб в Лигово от фашистской бомбы.

– Их дом был где-то здесь, – уточнил отец, указав на покрытую красной пылью землю.

Отец и я

Капеллане пришли на место. Бригадир отмерил каждому по полоске, вбил кольшкы, и люди принялись за работу. Многие неуклюже копали землю. Что поделаешь – музыканты! Отец показывал им, как надо это делать. Я саперной лопаткой пытался «поднимать целину», бросая взгляд на папин рюкзак, где были проросшая картошка, термос с чаем, еда, что приготовила мама в дороге. Рядом трудились знакомые артисты. Солнышко припекало.

Вдруг невдалеке раздался страшный взрыв. В воздух поднялся фонтан земли. Папка бросился на меня, свалив в борозду, и закрыл своим телом. В ушах загудело, как будто туда залетели и зажужжали несколько мух и комаров. Когда все стихло, отец встал, стряхнув землю с костюма, и спросил:

– Ну как, сынок, ты жив? Ничего не болит? – и громко закричал:

– Отбой!!!

Люди начали потихоньку подниматься, кляня начальство, которое не разминировало территорию. Осмотрелись, отряхнулись. Вроде все живы! Видимо, бездомная голодная собака, что увязалась за нами со станции, напоролась на мину.

Отец напялил кепку, плащ, рюкзак и уже тихо сказал мне:

– Отбой! Фермеров из нас не получилось. Пошли по домам! – и зашагал в сторону станции, минуя палки с красными тряпками. Я семенил сзади, гордо неся на плече, как винтовку, подаренную саперную лопатку.

19 августа 2009 года

РУССКИЙ ХОРМЕЙСТЕР (А. Г. МУРИН)

Александр Григорьевич Мурин

В Мариинском театре внимательные слушатели привыкли видеть в артистической ложе, что справа от сцены, над оркестровой ямой, громадного роста мужчину. Он появлялся в ней, когда зрительный зал погружался в темноту и раздавались первые звуки музыки. Часто незаметно, бесшумно исчезал и снова возвращался в волшебную ауру зала. Сидел как-то боком, устремив свой отрешенный взгляд на сцену. Свет рампы освещал его мощную фигуру, крупные черты лица, выщипанные волосы. Казалось, музыкальный слух его ловил каждый звук, слово, шорох, что неслись в зал. Он стал своеобразным живым атрибутом каждого оперного спектакля,

тем самым необходимым составляющим элементом целого, что зовется великим таинством – театр.

Это был главный хормейстер Мариинки, народный артист СССР, лауреат государственных премий СССР и России Александр Григорьевич Мурин.

Именно его таланту мы обязаны тем, что хор Кировского театра почти 40 лет был украшением не только Ленинградской, но и всей отечественной музыкальной культуры.

Более 50 опер разучил и представил с хором Мурин. Тысячи спектаклей в нашем городе, на сценах Англии, Германии, Голландии, Швеции...

Впервые ступил на мариинскую сцену Саша Мурин в далекие голодные 20-е годы капелльским мальчуганом в роли маленького Гвидона в опере Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». Выбегал на поклонны с певцами, имена которых сейчас легенда, эпоха в искусстве: Нелеп, Печковский, Ершов, Андреев, Преображенская.

А позднее сам командовал капелльскими мальчишками в операх «Борис Годунов», «Кармен», «Пиковая дама». Меломаны помнят, как он отнимал у Юродивого копеечку в «Борисе Годунове» и, картавя, командовал: «Мушкет на плечо!» в сцене в Летнем саду в «Пиковой даме».

Закончив Капеллу у выдающихся музыкантов профессора Михаила Климова и Палладия Богданова, Александр одно время «куска хлеба ради» играл в джазе на тромбоне и только в середине 30-х годов поступил в Консерваторию, на дирижерский факультет, в класс тогдашнего главного хормейстера Мариинки, профессора Владимира Степанова.

Учебу совмещал с работой в только что созданном совместно с Палладием Богдановым хоре Ленинградского радио. Много музыкальных премьер спел прямо в эфир этот необычный небольшой по составу хоровой коллектив, один из первых на отечественном радио.

Война застала Александра Мурина, молодого дирижера-хормейстера Ансамбля Красноармейской песни и пляски Ленинградского округа, на острове Ханко. Прибыли выступать перед гарнизоном, а попали в такой переплет, что и вспомнить страшно.

Командарм генерал Симоняк доверил Александру Мурину самое дорогое – семьи защитников острова, детей, женщин.

Груженный сверх меры тремя сотнями мирных людей, артистами ансамбля транспорт вышел в открытое море.

Утлое суденышко атаковала немецкая подводная лодка, пикировали вражеские самолеты, но они прорвались к своим и буквально выстояли

на палубе этот трагический огненный рейс. А офицеру Александру Мурину шел всего 25 год, и первую в жизни награду, боевой орден Красной звезды, за это он получит позднее.

Ханко, Дорога жизни, Невская Дубровка, Ораниенбаумский плацдарм, горячие точки Ленинградского, Волховского и других фронтов, сотни концертов. Одно время Мурин прикомандирован к генералу Мерецкову для организации Ансамбля Волховского фронта.

С Ансамблем в блокадном Ленинграде записывает четыре пластинки с песнями, которые сегодня знает каждый. Из-под его музыкантских рук полетела по миру и эта: «Эх, Ладога, родная Ладога!»

Памятен концерт, которым дирижировал Мурин на месте прорыва блокады Ленинграда перед войнами двух фронтов на Синявинских высотах по приказу Говорова и Жукова. Над головами свистели снаряды, с воем проносились самолеты, недалеко продолжались бои. Последний концерт провел Александр на руинах Рейхстага.

После войны Александр Григорьевич – хормейстер Ленинградского малого оперного театра. Принимает участие в премьере оперы Сергея Прокофьева «Война и мир». Репетиции проходили при участии автора. Во главе постановки стояли маститый музыкант – дирижер Самуил Самосуд и опытный режиссер Борис Покровский.

Послеблокадные хористы из последних сил вытягивали предельно высокие ноты, что написал в опере композитор. Мурин дерзнул предложить Прокофьеву свой, облегченный вариант финала.

– Я написал эту музыку для исполнения на пределе человеческих возможностей! Это апофеоз победы! Подобно «Славься» Глинки! – возразил Сергей Сергеевич. И финал прозвучал в авторской редакции.

Так, на пределе человеческих сил, жил и творил и сам Александр Григорьевич.

А.Г. Мурин. Военные годы

Удивительно, но помимо Кировского театра, он успевал руководить хором рабочих Ленинградского металлического турбиностроительного завода, Ансамблем песни и танца «Трудовых резервов», где дал первые музыкальные навыки тысячам молодых рабочих людей и среди них будущей звезде нашего оперного искусства Ирине Богачевой.

Руководил праздниками песни, председательствовал в Хоровом обществе, помогал сельским хорам.

Около сорока лет вел Мурин хор в Областном музыкальном детском доме имени Римского-Корсакова.

Сотни его воспитанников ныне играют и поют в ведущих профессиональных оркестрах, ансамблях, хорах России.

А ведь был еще домашний очаг, где он с женой Верой Ивановной вырастили, воспитали сына и дочь, дали им образование, дождался внуков.

Такая нагрузка была по плечу только такому русскому богатырю, каким был Александр Григорьевич Мурин.

Особый разговор – это работа Мурина над операми и музыкой современных композиторов.

Прокофьев, Шостакович, Свиридов, Хачатурян, Хренников, Мурадели, Дзержинский, Шедрин, Петров успехом своих сочинений обязаны хормейстерскому таланту Александра Григорьевича.

Происходил Мурин из древнего старообрядческого русского рода, первостроителей нашего города. Может, благодаря этому и было у мурина хора то генетически неповторимое раздольное пение, вольница тембров, берущий за душу трагизм.

В одной из рецензий тех лет читаем: «В оперных спектаклях всегда ярко ощущается редкая способность хорового коллектива не только прекрасно исполнять свою партию, но и играть. Создается впечатление, что хор Кировского театра есть единый талантливый солист, главной ролью которого является народ».

«Иван Сусанин», «Руслан и Людмила», «Садко», «Князь Игорь», «Мазепа», «Псковитянка», «Борис Годунов» и «Хованщина». Причем последние две шли в оркестровке Шостаковича. Пение хора Кировского театра в этих операх забываемо.

А ведь театральный хор все партии пел наизусть. В репертуаре в сезон шли 30–50 различных опер, причем некоторые раз-два в год, а перед спектаклем всего одна-две, редко три репетиции. Чтобы овладеть лишь основным хоровым репертуаром, певцу требовалось пять–шесть лет и столько же, чтобы чувствовать себя на сцене достаточно свободно. Да и на

спектаклях хор располагался на сцене за десять метров от оркестра, дирижера и должен был петь с определенной долей опережения. Иначе не добиться синхронности. Все это требовало от оперного хормейстера помимо таланта, абсолютной памяти, железных нервов, психологической тренировки, равной по перегрузкам, пожалуй, космическим.

Вот как определял роль хора в опере сам Александр Григорьевич: «Задача, поставленная перед артистами хора, сложна, и захватывающе интересна! Ведь хор в опере – это целая галерея образов и каждый из 120 артистов обязан быть поистине универсальным. А все вместе мы – сплоченный, творческий коллектив единомышленников». И в этом «мы» и «120 единомышленников» и был хормейстерский секрет самого Мурина.

Он не только знал досконально весь репертуар театра, но на репетиции мог пропеть, обозначить, подменить заболевшего певца, помогая режиссеру спектакля, подтолкнуть к выходу зазевавшегося артиста, а порой и встать за дирижерский пульт.

Творческие контакты связывали Александра Григорьевича с режиссерами Л. Баратовым, Н. Смоличем, Р. Тихомировым, Б. Покровским, Н. Касаткиной, В. Васильевым, дирижерами Б. Хайкиным, С. Самосудом, С. Ельциным, К. Симеоновым, Ю. Темиркановым, В. Федотовым.

Менялись эпохи, поколения артистов, а Александр Григорьевич все так же элегантно выводил на премьеры на поклон на авансцену театра своих коллег, застывая в нескольких шагах от них, стесняясь своих петровских габаритов.

Многих друзей он проводил в тот мир, из которого нет возврата, и вот звуки финальной молитвы из «Пиковой» Чайковского прозвучали над самим Александром Григорьевичем Муриным в фойе Направника в Мариинском театре.

Свой покой Гражданин России, воин-патриот, просветитель-педагог, хормейстер-музыкант, просто человек большой души обрел в некрополе «Литераторские мостки» православного Волковского кладбища Петербурга среди корифеев нашего искусства – Симонова, Лаптева, Преображенской, Соловьева-Седого, Элиасберга, Козинцева, Борисова, Толубеева, Стрельчика, Аникушина.

Мариинский театр живет, живет без Александра Мурина. Так как музыка, искусство вечны.

А дом на улице Марата, 74, напоминает, что там 3 января 1917 года родился, прожил в нем 75 лет и 2 декабря 1992 года скончался великий русский музыкант Александр Григорьевич – второй Александр в нашем роду.

ПАМЯТИ МУЗЫКАНТА

«Петербург-Классика», № 8 (48), август 1998 года

Так уж совпало, что памятник в некрополе на «Литераторских мостках» Волкова кладбища замечательному русскому музыканту, педагогу, достойному представителю известного петербургского рода Александру Григорьевичу Мурину был открыт в день славянских просветителей Кирилла и Мефодия.

Истинным просветителем при жизни был и Александр Григорьевич.

И в Мариинском театре, где он, народный артист СССР, лауреат многих государственных премий, ветеран войны, прослужил свыше 30 лет главным хормейстером, разучив и поставив десятки опер русских, западноевропейских и советских композиторов, и в Доме культуры профтехобразования, и в Областном детском музыкальном доме, где через пение воспитал тысячи замечательных граждан, ставших гордостью России.

В Некрополе собрались родные, близкие, друзья, воспитанники, коллеги по театру.

И вот падает покрывало. На гранитном постаменте православный крест с многочисленными поющими ликами, как символ вечной России. Работа известного петербургского скульптора Галины Додоновой.

На открытии памятника было сказано много проникновенных слов об А. Г. Мурине народной артисткой России, профессором Е. П. Кудрявцевой, многолетним директором Дома культуры профтехобразования, заслуженным работником культуры Ф. С. Григоловичем, проректором Университета И. В. Муриным, заслуженной артисткой России, профессором Консерватории Е. А. Муриной, коллегами по театру.

Главный художник города лауреат Государственной премии И. Г. Уралов очень тонко подметил, что у этого памятника возникает ощущение высокой духовности.

К памятнику музыканту легли красные розы, гвоздики и полевые цветы нашей северной природы.

Надгробие А. Г. Мурина

ПАЛЬТИШКО ВАСИ (В.В. МАЛЬЦЕВ)

Крестная моего отца, Алексея Григорьевича Мурина, Надежда Васильевна Мурина-Мальцева была колоритная старушенция. Высокого роста, она обладала низким, бархатным, грудным голосом. И когда мы приходили в ее дом на Знаменскую, 6 (эту улицу в семье по-старому принципиально называли Знаменской, а не Восстания), она, сидя в старинном кресле, как Пиковая дама из оперы Чайковского, вопрошала:

– Алексей! Как воспитываешь наследника нашего рода? Пусть прочтет молитву!

И я писклявым дискантиком верещал:

– Господи! Еси на небеси! Да святится Имя Твое! Да будет царствие Твое! Да будет воля Твоя... и т.д.

Баба Надя одобрительно кивала чтению и по окончании, шуруша платом, многочисленными кофтами и юбками, доставала из неведомых карманов шоколадную конфетину. Отец давал мне подзатыльник и шипел сквозь зубы:

– Целуй руку крестной!

Я опускался на колени и целовал морщинистую, с синими прожилками, с красивыми длинными пальцами, пахнувшую нафталином руку старухи.

Надежда Васильевна приходилась старшей сестрой моего родного дедушки Григория Васильевича Мурина, что умер в 1933 году, за три года до моего появления на свет, и которого я знал по рассказам отца.

Баба Надя была женой «мыльного короля Петербурга», потомственного почетного гражданина, купца I гильдии Василия Васильевича Мальцева, что владел мыловаренным, кристаллической соды заводом на Лиговке, близ Московских ворот. Жили Мальцевы на Цветочной, 11, в добротном четырехэтажном доме из красного кирпича, где была контора Мальцевского завода и приют для сирот Московской заставы.

В нем призревались свыше 80 (!) бедолаг обоего пола. Причем две купеческие дочери Надюша и Лидуша воспитывались, росли, играли, питались вместе с бедными сиротами. Дети ходили в церковно-приходскую Свято-Владимирскую школу при Новодевичьем женском монастыре, что основал великий русский просветитель, общественный деятель, оберпрокурор Священного Синода Константин Петрович Победоносцев.

Квартиру в центре Петербурга, на Знаменской, 6, Мальцевы сдавали (весь 3-й этаж) ученому-химику Николаю Николаевичу Качалову и его жене, актрисе из Александринского Императорского театра Елизавете

Ивановне Тимме. Когда ученый корпел в своей лаборатории на окраине города, к его благоверной приходил поклонник актрисочки модный юрист Александр Федорович Керенский! К слову, в октябре 1917-го именно она отдала в Зимнем дворце свое одеяние сестры милосердия воздыхателю, а сама переделалась в бушлат, штаны и сапоги – форму женского батальона, что защищал Временное правительство, «последний оплот буржуазии». Но об этом подробно можно прочесть в мемуарах самого А. Ф. Керенского, изданных в Париже в 1966 году.

Вернемся к дому Мальцевых на Цветочной, 11. До недавних пор на нем красовалась бронзовая доска, на которой можно было прочесть: «Из этого дома Советское правительство во главе с В.И. Лениным в марте 1918 года переехало в Москву». На Питер надвигались войска Юденича, и город должен был по военным законам пасть. Переезд был строго законспирирован (идея Ильича). С разных мест города члены ленинского правительства поздней ночью собирались в дом Мальцева, а потом под охраной латышских стрелков перебежали на Московскую товарную и в засекреченном поезде отбыли в «новую» столицу Москву, за кремлевские стены.

В 1964 году, в одно из ритуальных посещений бабы Нади, в день Веры, Надежды, Любви и их матери Софии, которых в детстве я наивно считал моими многочисленными бабками и тетками, а не святыми, я, взрослый мужик, закончивший к тому времени Консерваторию, задал бестактный вопрос:

– Баба Надя! А почему тебя и Василия Васильевича не шлепнули коммунисты-чекисты в семнадцатом?

И получил довольно пикантный любопытный ответ:

– Слушай, внучок! В феврале семнадцатого ко мне на Знаменскую, 6, прибег племянник из рода Оленчиковых. Время голодное, тревожное. Кухарка накормила его обедом, а он попросил у меня пальтишко для своего товарища, что мерзнет на питерском ветру. Я и отдала одно из шестнадцати зимних Васиных пальтишек с бархатным воротничком. А после октября смотрю в газетах на фото – Васино пальтишко-то на руководителе социал-демократов Ульянове. И как хорошо сидит!

Батя врзал мне по шее и стал суетливо прощаться. Мы в тот раз так и не попробовали вкусных «Надькиных» пирогов с капустой, яйцом и жареным луком. Баба Надя засунула в карман моего модного польского пиджака традиционную шоколадку, что растаяла, пока мы добирались на Петроградскую на седьмом троллейбусе.

Ну, а купец, потомственный гражданин Василий Васильевич Мальцев, с присказкой «На то Господня воля!» расстался со своим заводом, домом на Цветочной, 11, и вселился в черновую часть своей бывшей квартиры. Парадные апартаменты занимал на законных основаниях ученый, профессор, создатель оптического стекла Николай Николаевич Качалов с женой актрисой Елизаветой Ивановной Тимме.

Василий Васильевич стал скромным советским служащим по учету чужих векселей в банке на Невском проспекте, рядом с кинотеатром «Аврора». Помер в своей постели в 1931 году и похоронен в фамильном склепе на Смоленском кладбище, близ церкви.

А Надежда Васильевна Мурина-Мальцева прожила после него долгих 35 лет и преставилась в 1966 году, восьмидесяти восьми лет отроду. Лежит в болотистой Лахте на местном кладбище.

Ну, а дом на Цветочной, 11, жив до сих пор. Только вот ленинскую доску скрали любители цветного металлолома в первые годы развитого демократического капитализма. От нее остались на фасаде, как следы пуль, четыре зияющие дыры.

Июнь 2008 года

ДОМ КОМАНДОРА (Н. Я. ЛУШЕВ)

Васильевский остров, Большой проспект, 82. Шестиэтажный дом, что устремлен своим кирпичным фасадом и башнями-мачтами в Финский залив, построил в 1902 году архитектор Михаил Федорович Еремеев для своей родственницы, у которой и перекупили его купцы Лушевы.

На нем мемориальная доска: «В этом доме В.И. Ленин выступал в 1906 году перед петроградскими социал-демократами о политике большевиков в 1-ой государственной Думе».

С этим зданием связана судьба Николая Яковлевича Лушева, инженера-кораблестроителя, мужа моей крестной матери «Бабы Кати» – Екатерины Васильевны Муриной-Лушевой, младшей сестры деда Григория Васильевича Мурина.

О Николае Лушеве мой рассказ. У помора Петра Лушева из поселка Чухчинский Холмогорского уезда Архангельской губернии к началу XIX века было 5 сыновей: Петр, Павел, Алексей, Василий, Аким. Когда сыновья подросли, разлетелись в поисках лучшей доли по разным весям.

Младший, Василий Петрович Лушев, пешком с обозом, имея пять рублей, что дал в дорогу отец, и Библию, что подарила мать, дошел с родины Ломоносова до Петербурга. Всего остального: богатства, положения знатного купца, уважения петербуржцев, и даже престижного места на Смоленском кладбище у церкви близ могилы святой Ксении Петербургской – добился неустанным трудом.

27 февраля 1850 года у почетного гражданина купца Василия Петровича Лушева и законной жены Александры появился наследник, которого нарекли Яковом. С четырех лет он был воспитан мачехой, тихой и умной женщиной. Он учился в английском пансионе. Самоучкой играл на скрипке и виолончели, принимал участие в любительских концертах.

Яков Васильевич с молодых лет отличался дерзким характером, свободолобивыми мыслями, за что по ложному доносу угодил в Петропавловскую крепость. Заработал в сырых казематах чахотку и для «поправки здоровья» был отправлен в ссылку на родину предков, в Холмогоры, под присмотр полиции как неблагонадежный.

Менялись цари, эпохи. Яков одумался, вернулся в Петербург и стал преемником дела отца. Служил в банке, занял престижное место управляющего, пользовался уважением коллег. В 1875 году Яков женился на Анне

Николай Яковлевич Лушев
1940 г.

Екатерина Васильевна Лушева
1912 г.

Васильевне Соковой. Молодые жили в собственном доме на Васильевском острове на Большом проспекте.

Они были счастливы в браке, имели двух дочерей – Клавдию и Антонину, и наконец, в 1888 году Господь послал им сына Николая, названного так в честь святого, покровителя всех путешествующих и странствующих. Именно он и продолжил морскую династию поморов Лушевых.

Николай Яковлевич Лушев закончил Реальное училище в Петербурге и Политехнический институт в Риге, служил на верфях Золотова в Питере инженером-судостроителем.

Увлекался парусным спортом. Несколько лет подряд яхта, построенная и ведомая его крепкой рукой, побеждала в Балтийских регатах. Николай Лушев был удостоен звания «Командор парусного класса».

Он принимал участие в перестройке и ремонте царской яхты «Штандарт» после того, как она села на мель в Финском заливе, а на борту находились император Николай II и его семья.

Судьба этой самой быстроходной в мире паровой яхты начала XX века трагична: после 1917 года ее переименовали в минный заградитель

Коля, Нина, Зоя Лушевы. 1916 г.

«Марти». Под этим именем она принимала участие в обороне и эвакуации гарнизона Ханко. Всю блокаду она стояла у набережной Невы как дебаркадер крейсера «Киров». После войны, в 1949 году, она на учениях Балтийского флота как мишень была расстреляна.

В 1970-х годах XX века «спохватились», подняли носовую часть и поставили у пирса в Кронштадте как памятник. Моряки шутят: «Самый „длинный“ в мире корабль – нос в Кронштадте, а корма в Финском заливе!»

В 1907 году Николай Лушев и моя двоюродная бабка Екатерина Васильевна Мурина (в ее честь нарекли мою сестру, ныне народную артистку России, профессора Консерватории, пианистку Екатерину Алексеевну Мурину) обвенчались. Старший Лушев в 1902 году выделил им апартаменты в доме на Большом проспекте, 82.

Новую яхту Николай назвал в честь своей жены – «Кэт». Она стояла у специального пирса в Териоках (ныне Зеленогорск) недалеко от собственной дачи Лушевых.

В 1914 году старший Лушев, Яков Васильевич, потомственный почетный гражданин, купец, банкир, скончался от чахотки – сказались казематы Петропавловки – и был похоронен на Смоленском кладбище.

Началась Первая мировая война. Николай Яковлевич Лушев, оставив супругу с тремя маленькими детьми, вступил в царскую армию в качестве инженера-механика в автомобильном батальоне, что стоял у Царскосельского вокзала. С ним вместе служил в то время и Владимир Маяковский.

Грянул октябрь 1917-го!

Царский офицер арестован, посажен в тюрьму на Шпалерку и приговорен к расстрелу. Два года жена с тремя малолетками приходила в тюрьму с одним только вопросом: «Расстрелян?» и получала отрицательный ответ. Но об этом лучше все-таки рассказала в «Реквиеме» Анна Андреевна Ахматова.

За эти страшные годы молодая красавица-женщина, мать троих детей, превратилась на глазах в седую морщинистую старуху. Такой мы и запомнили нашу крестную «Бабу Катю».

Крестная «Баба Катя». 1940 г.

Наконец, в 1919 году рабочие судостроительного Балтийского завода, что жили в доходных домах Лушевых, заступились за «доброе барина». Их аргументы: хозяин по полгода не брал и не требовал символической

платы за жилье, сквозь пальцы смотрел, что в его доме в клубе собирались социал-демократы и перед ними выступал их лидер В. И. Ульянов, – возымели действие. Лушева не только выпустили на свободу, но даже реабилитировали. Он вернулся на родной завод, носящий имя «Марти», и инженером в конструкторское бюро.

С 1919 года все суда, спущенные на воду на заводе, прошли через умелые лушевские руки. Он работал над корпусами новых торпедных катеров, что и сегодня, спустя полвека, ветераны, «морские волки» за глаза называют «лушевскими». Они бороздят все моря и океаны.

Лушев часто ездил на испытания на Черное море в Севастополь.

В 1940 году он пришел с завода, поужинал, чем бог послал, прилег на диванчик и заснул навеки. В заводской многотиражке был некролог.

Екатерина Васильевна схоронила его на старообрядческом Волковском кладбище, недалеко от своих родителей Муриных-Оленчиковых.

Пять поколений Лушевых ныне живут в России в Москве, Петербурге, Екатеринбургe. Сын Николая Яковлевича Лушева Николай Николаевич погиб в первые дни войны, защищая Ленинград от фашистов. Екатерина Васильевна Лушева-Мурина умерла в 1942 году, от голода в блокаду, и похоронена на Смоленском кладбище.

А дом Лушевых на Васильевском острове встретил XXI век, открытый балтийским ветрам.

7 декабря 1998 года

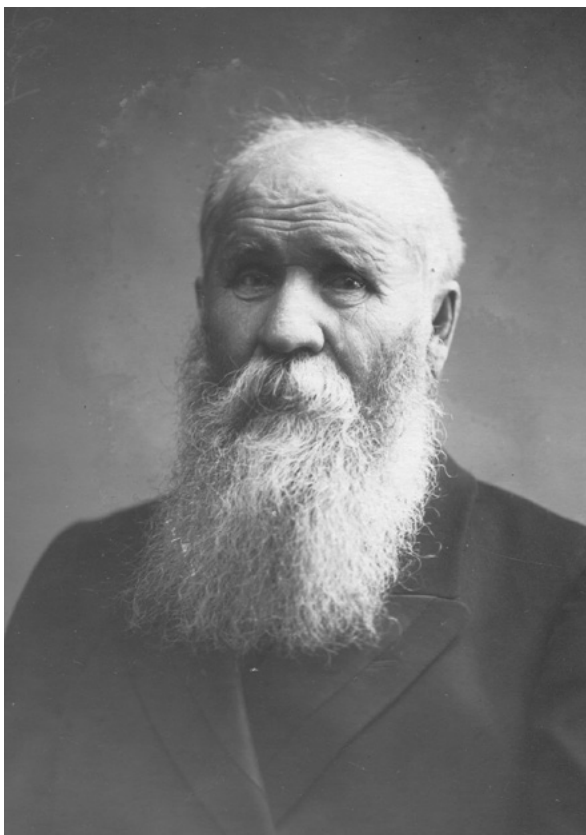
ХОЗЯИН ЗАМКА ПОТЕМКИНА (И. М. ОЛЕНЧИКОВ)

Дворец-замок в Островках. Рисунок автора

Судьба старшего брата моей прабабки А. М. Муриной-Оленчиковой, Ивана Михайловича Оленчикова (1837–1924) типична для русских купцов XIX века, выходцев из низов. Крестьянин-старовер деревни Свистуново Грязовецкого уезда Вологодской губернии приехал в Петербург в поисках счастливой доли. Трудом, смекалкой, изворотливостью и терпением достиг в начале XX века высокого положения в деловом мире Северной столицы. Он потомственный почетный гражданин, купец I гильдии, коммерции советник, гласный городской Думы от трактирного промысла. Награжден царскими орденами Святого Станислава II степени и Святой Анны II степени. Филантроп, член многих благотворительных обществ и комиссии (см. фото на стр. 13). С законной супругой Евгенией Осиповной Оленчиковой (1845–1936) поднял, вывел в люди двух сыновей и четырех дочерей.

Начинал И. М. Оленчиков в 1870 году с винного погреба и бакалейной лавочки в доме жительства по Большой Итальянской, 21, а через 40 лет

Иван Михайлович Оленчиков

владел трактирами на Большой Итальянской, 31, на углу Невского и Пушкинской, 1/75, на Канонерской и Кронверской, 7–13, Думской, 7, десятком булочных и лавок, большой гостиницей по Думской, 7, и гостиницей по Толмазову переулку, 3.

На свои средства купец построил церковь в Островках на Неве и школу на родине, в деревне Свистуново, был попечителем многих благотворительных учреждений и комиссий. Совместно с зятем Тимофеевым (мужем старшей дочери Ольги) владел двумя десятками доходных домов и имением князя Потемкина-Таврического в Островках в верховьях Невы.

Когда-то дворец-замок Потемкина в Островках вместе с дворцом Екатерины II в Пелле и усадьбой Шереметевых в Вознесенском были

Церковь в Островках. Рисунок автора

архитектурными жемчужинами Приладожья, гениальными творениями Ивана Старова.

Замок Потемкина строился одновременно с другими творением архитектора – Таврическим дворцом в Петербурге.

Вот как пишет о дворце исследователь архитектуры XVIII века Д. А. Кючарианц:

«Первой из приладожских ансамблей выросла Потемкинская резиденция в Островках. Художественный облик дворца или, скорее, романтического дома-замка в Островках глубоко оригинален по замыслу и декору.

В Островках Старов дает своеобразный сплав элементов древнерусского зодчества. Здесь он формирует сложное по объемно-пространственному решению здание, органически включающее различные по конфигурациям и высоте части. Эти части читаются отдельно, одновременно цельно.

Две угловых четырехгранных башни, в середине пятиугольная и в конце ансамбля круглая – влияние памятников Древней Руси»¹.

В 1887 году Иван Михайлович Оленчиков приобрел Островки, всего 1000 десятин земли за 8005 рублей. Дворец был живописной руиной.

¹ Кючарианц Д. А. Иван Старов. Л.: Лениздат, 1982.

У Пыляева читаем в книге «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга», что вышла в 1887 году: «Пройдя пороги и каменное ложе реки Невы, отсюда около трех верст (от Пеллы – А. М.), на левой стороне реки виднеются величавые развалины старого дворца, давно забытого вельможи золотого века Екатерины II. Горделивые обломки стоят уже много лет с обрушившеюся крышею, тяжелый свод дворца давно упал, массивные карнизы тоже обвалились; приметны только следы некогда роскошных фресок и каменная лестница, идущая на башню.

Внутри этой печальной развалины года два тому назад росли большие деревья, да вековой мох заткал своим узором стены и входы. Новым владельцем Островков здание замка реставрируется. Владелец предлагает отдать замок внаем на лето частным лицам, устроив в нем три квартиры, предоставив только главный зал, замечательный по роскошной, лепной работе, вкуса прошлого столетия (т.е. XVIII в. – А. М.), для общего пользования дачевладельцев. Всех комнат в замке будет двадцать, цена каждой квартиры не выше 250 рублей. Про это здание сохранились разные суеверные предания. Здесь, в сумраке задумчивого парка, видать привидение молодой женщины с ребенком в руках, иногда слышны стоны и крики, а по ночам показывается наверху в башне убитый горем старик. По преданиям, это бродят жертвы властолюбия и необузданных страстей великолепного князя Тавриды. Старожилы уверяли, что здесь будто бы томилась в первое время со своим ребенком несчастная княжна Тараканова.

...Бывшее имение Потемкина носит название „Островков“. Название это оно получило от небольших островков, заросших густою растительностью; здесь еще недавно, ближе к реке, стояло высокое трехэтажное здание со множеством окошек без стекол: эта одинокая постройка была при Потемкине шелковою фабрикою»¹. На ней крепостные ткали для графа чулки. А их всесильному царскому фавориту нужно было огромное количество, так как он каждый день менял чулки на свежие, а старыми одаривал своих приближенных.

После смерти графа здание приспособили под оранжерею для экзотических цветов и заморских фруктов. К слову, деревенька близ фабрики оранжереи и сегодня зовется Оранжерейкой.

В 1897 году на ее месте И. М. Оленчиков построил церковь Рождества Св. Пророка Передтечи и Крестителя Иоанна (см. фото 1930 г.). Настоятелем назначен из Петрозаводского кафедрального собора о. Михаил

---

¹ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Глава III. С. 85-86. СПб.: Лениздат, 1996.

(Лебединский Михаил Андреевич), что служил в храме с 1897 по 1913 г. Псаломщиками подвизались Федор Заозерский и.д. (1898–1899), Павел Исаков (по 15 мая 1902 г.), Василий Арсентьев и.д. (1903–1905), Иоанн Левитский и.д. (1905–1906, дьякон по 14.11.1910), Яков Веселовский (с 14.11.1910).

Неизменным старостой церкви был сам И.М. Оленчиков (1897–1914), который к званию потомственного почетного гражданина Петербурга получил звание почетного потомственного гражданина Шлиссельбурга.

После восстановления и реставрации И. М. Оленчиковым дворца-замка Потемкина Островки становится любимым местом отдыха и прогулок Петербургской художественной элиты. Кто там только не бывал! Композиторы Ц. А. Кюи и Н. А. Римский-Корсаков. Последний писал: «Мы наняли дачу в „Островках“ на Неве, вблизи прежнего потемкинского имения, куда вскоре и переселились. Мы жили в уединении, и только дважды нас посетили гости – Климов с женой и Кюи. В начале сентября мы возвратились в Петербург»¹.

Н.К. Рерих называет замок одним «самым характерным местом» за всю дорогу от Петербурга до Шлиссельбурга.

Помимо Рериха, здесь жили и творили А.А. Рылов и И.И. Машков. Они запечатлели дворец-замок и окрестные виды.

Исследователь русского искусства барон Н.Н. Врангель так описывает дворец-замок в 1910 году: «На холмах, поросших густым парком, белый гигант-дом с высокими башнями – напоминает дворец Чесменский. Стройно вытянулась башня, а с нее со сторожевой вышки, далеко-далеко видно Неву с ее берегами. Дом белый, с красными крышами; окна, как бойницы...»²

В соседних с дворцом дачах, спрятавшихся под вековыми деревьями, проводили летние месяцы многочисленные родственники Оленчикова – Мурины, Мальцевы, Пересадины, Лушевы, Ветошниковы, Куницыны. В искусственном гроте у дворца, в тенистых дубравах парка зарождались будущие продолжатели многочисленных семейных кланов. Достаточно взглянуть на фото тех лет, где изображены только родные и близкие И.М. Оленчикова (стр. 13).

---

¹ Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. М., 2004.

² Врангель Н. Н. Старые усадьбы. Очерки истории русской дворянской культуры.

Иван Михайлович Оленчиков смиренно закончил свой путь в 1924 году на Волковом кладбище Ленинграда. Там же в 1936 году упокоилась его супруга. Время не пощадило могил, и их правнук Юрий Николаевич Тимофеев поставил в 2000 году новый крест, а спустя год обрел недалеко свой покой. Другой правнук Оленчикова Кирилл Сергеевич Горбачевич был известным петербургским писателем-краеведом, одним из авторов книги «Почему так названы?» о топонимике улиц и площадей Петербурга-Петрограда-Ленинграда.

После революции в октябре 1917 года имение, дачи, дворец «Светлейшего князя» были национализированы. То он был профсоюзным домом отдыха, то обиталищем рабочих местного рыбозаводишка, что выводил северного невского лосося. В 1940 году в замке Потемкина стараниями ученого М. А. Бонч-Бруевича (1873–1955) была размещена радиолокационная лаборатория Наркомата обороны для испытаний новых образцов вооружений. Строительство курировал лично 1 секретарь Ленинградского обкома ВКПб А. А. Жданов. Вблизи был оборудован секретный аэродром.

В годы войны дворец оказался на переднем крае. Его утюжили фашистские орудия. Стены замка выдержали налеты немецкой авиации. В белой башне был наблюдательный пункт красноармейцев.

Руины церкви Иоанна Предтечи. 2005 г.

В 1945 году мой дядька Лев Мурин приехал сюда отдохнуть, порыбачить и поохотиться. Вместо дворца Потемкина и церкви, что спряталась внизу у Невской протоки (которую построил в 1898 году И. М. Оленчиков) были черные обгоревшие руины-стены, которые усиленно разбирались по кирпичику местными жителями на баньки, сараи и ангары для лодок. Ныне это заросшие бурьяном и иван-чаем еле различимые фундаменты.

А ведь дворец в Островках, как и сохранившиеся памятники архитектуры XVIII–XIX веков Ивана Старова в его окрестностях могли быть местом паломничества туристов со всего света. И это были бы не фальшивые «Нью-Васюки» сегодняшнего «коммерческого века».

ОДА СТАРОМУ ДОМУ

(А. М. УШАКОВ)

Кто не знает в Петербурге Конюшенной площади? Она по-своему уникальна. Только на ней два православных храма: Храм-на-Крови и церковь Спаса Нерукотворного образа, где в 1837 году отпевали А. С. Пушкина. Напротив – первый в России музей царских карет и экипажей, ставший потом таксомоторным парком. В паутине мостов через Мойку и Екатерининский канал, на пятачке суши – сиротский дом-школа художественных ремесел. А металлические кружева решетки Михайловского сада соперничают с лучшими оградами прошлых веков. И все-таки осмелюсь утверждать, что вы не знаете Конюшенной площади.

Что за дом по Большой Конюшенной улице под номером 1? Его парадный фасад, упрямо выгибаясь, уходит в сторону Мойки и служит своеобразным контрапунктом всей площади. До 1917 года любой петербуржец мог бы ответить на этот простой вопрос.

Дом Аврамия Ушакова, знатного купца-цветовода, выдающегося благотворителя. В полуподвале размещалась семенная лавка. Диковинные цветы купец поставлял не только царскому двору в Зимний дворец и Петергоф, но и на выставки-конкурсы в Париж.

Поучительна судьба обитателей этого дома, построенного в 1849 году архитектором Николаем Гребенкой. В середине XIX века, при Николае I, два крестьянина из села Гусарниково, что под Ростовом Великим, Михаил Прокопьевич Ушаков и его единственный сын Авраамий, названный так в честь ростовского чудотворца-святого, приехали в Петербург в поисках лучшей доли. Приобрели участок земли на седьмой версте Петергофской дороги. Занялись огородничеством. Как известно, ярославцы в этом были искусные мастера. Уловив, как сейчас говорят, «конъюнктуру рынка», перешли на цветоводство. Преуспели. Неустанный труд, смекалка, расторопность сделали свое дело.

В начале XX века вчерашний крестьянский сын Авраамий Михайлович Ушаков занимал в столице по богатству одно из первых мест, пропустив по-джентльменски вперед себя всемогущую хозяйку знаменитого рынка – графиню Апраксину.

К этому времени он был потомственным почетным гражданином Петербурга, действительным статским советником, купцом первой гильдии, гласным членом городской Думы. Как христианин, он прожил

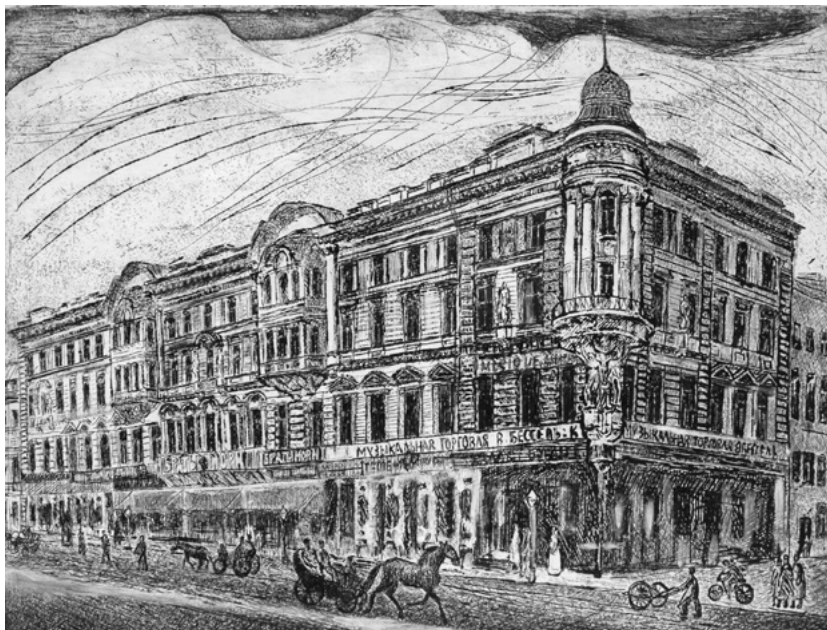
А. М. Ушаков

в единобрачии с супругой Александрой Михайловной Яковлевой 68 счастливых лет. Прижили 6 сыновей и 3 дочерей.

В 1870 году Авраамий Ушаков купил для себя дом на Конюшенной, 1, и несколько зданий для сыновей по переулку и на набережной Мойки. Построил во дворах оранжереи. Собрал огромную библиотеку. Самообразование считал главным в жизни.

В 1880–1882 годах архитектор, граф С. Ю. Сюзор, возвел для Ушакова два здания на Невском. Одно из них на углу Владимирского проспекта – под гостиницу и ресторан «Москва». В 60-х годах XX века на первом этаже этого дома было знаменитое кафе «Сайгон», сыгравшее огромную роль в становлении ленинградского культурного андеграунда. Кто только в нем не бывал! Попивая черный кофе с пирожком за 12 копеек, здесь читал свои стихи будущий Нобелевский лауреат по литературе Иосиф Бродский, спорили до хрипоты Владимир Высоцкий и Сергей Довлатов, будущий Б. Г. (Борис Гребенщиков) перебирал струны старой потертой гитары, молча взирал на всех взглядом князя Мышкина «Кеша» – Иннокентий Смоктуновский.

В другом Ушаковском доме по Невскому, 54 (угол Малой Садовой), была фотография Бореля, музыкальный магазин Бесселя, ателье Мори, мясная лавка, магазин подарков... ныне магазин спортивной одежды. Две кариатиды поддерживают эркер и эмблему-вензель «А. У.» (Аврамий Ушаков).

Дом Ушакова на Невском, 54. Гравюра Г. Додоновой

В этих домах, во дворах, красовались оранжереи. У Аврамия Ушакова были в жизни две идеи. Первая – сделать каждый клочок своей земли цветущим садом. И вторая – подобно Третьякову, Рябушинскому, Юдину, Морозову – вернуть нажитые богатства народу.

Он строит на своих землях за Нарвскими воротами больницу для рабочих и бедных на 150 коек (ныне детская больница № 21), школу на 700 учащихся (ныне техническое училище), приют для сирот (теперь детская поликлиника), церковь Во имя Всех Святых на Руси просиявших, безвозмездно в своих домах выделяет помещения для обществ – церковных, певческих, трезвости. Помимо этого, возводит на родине, в Гусарниково, школу и церковь. Многие из построенного сохранилось до наших дней.

Не повезло только Божьему храму. Борясь с «опиумом для народа», его взорвали в 1936 году, да еще «благодарные» потомки переименовали в 1952 году Ушаковскую улицу в... улицу Зои Космодемьянской.

Аврамий Ушаков скончался «от слабости сердца» на девяносто втором году в собственном доме 12 января 1917 года. На панихиде в Казанском соборе, где женили и крестили всех Ушаковых, было большое стечение петербуржцев. Заупокойную службу совершал сам настоятель храма отец Философ (Философ Николаевич Орнатский). Купца похоронили на старинном столичном Митрофаньевском кладбище. Над его могилой ныне несутся поезда с Балтийского вокзала и гудят цеха завода подъемно-транспортного оборудования.

Один из сыновей Аврамия Ушакова – Абрам Абрамович – пошел по стопам деда и отца, стал ученым-агрономом. Он закончил Петербургский университет, объездил всю Европу, изучил передовые сельскохозяйственные технологии и создал одну из первых в России агрономических станций. Для этой цели приобрел у фрейлины царского двора Вырубовой заброшенное имение Елизаветино в Козловском уезде, закупил элитных коров, птицу, построил двухэтажное здание станции, в русском духе дом-усадьбу, разбил парк в английском стиле, стал учить местных крестьян новейшим методам ухода за землей.

Все рухнуло в 1917 году. Восставшие крестьяне, опьяненные свободой, сожгли усадьбу, разорили сельскохозяйственную станцию, вырубил парк. Абрам Абрамович с женой и детьми вынужден был скрываться у друзей в Москве. Чтобы свести концы с концами, ученый пишет брошюры и статьи по сельскому хозяйству, публикуемые в советских журналах и газетах, а картинки-рисунки к ним оформляет его талантливая дочь – художник-график Наталия Абрамовна Ушакова. Она родилась в 1899 году в доме на Конюшенной, училась в Стоюнинской гимназии. Ее талант заметили и поддержали художники Д.Н. Кардовский и Н.Н. Купреянов. Наташа – в кругу художников «Мира искусства», мечтает об Академии художеств. Но в 1917 году оказалась с отцом в Москве на Пречистенке. Работает в комиссии по сохранению памятников под руководством И.Э. Грабаря. Много рисует. Ее гравюры приобретает Музей изобразительных искусств им. Пушкина, она публикуется в журнале «Москва». Правда, позднее охладевает к этому виду искусства, а гравировальные инструменты Наталия Абрамовна дарит знакомому, который, уехав на Запад, станет знаменитым. Имя его – Марк Шагал.

В 1923 году Ушакова выходит замуж за переводчика, специалиста по французской литературе Николая Николаевича Лямина. В квартире мужа на Пречистенке собираются его, а теперь и ее, друзья – литераторы, художники, музыканты, артисты, и среди них чета Булгаковых. Именно им первым читает писатель свои новые романы и пьесы. Многие предметы интерьера из комнат Ляминой-Ушаковой: сундук, этажерка, шкаф, книжная полка, картины «перекочевали» в роман «Мастер и Маргарита» и другие сочинения.

Еще в Петрограде Ушакова увлекалась фотографией. Фотопортреты Булгакова работы художницы – лучшие в иконографии писателя.

А когда в 1927 году Наталия Абрамовна по просьбе Маяковского будет иллюстрировать книгу «История Власа, лентяя и лоботряса», то в виде родителей хулигана изобразит Любовь Евгеньевну и Михаила Афанасьевича Булгаковых, а на титульном листе – любимую собаку Булгаковых Бутона, названную так в честь слуги Мольера. Первые книжки с рисунками молодой художницы стояли у Булгакова на полке рядом с его письменным столом. Да и страсть к животным у Михаила Афанасьевича и у Наталии Абрамовны были общими.

В 1936 году сотрудники НКВД пришли за Ляминым, и он перед арестом успел шепнуть жене: «Сожги письма Миши!». Бесценные рукописи Булгакова сожрал безжалостный огонь беспощадного века.

В 1940 году умер М. А. Булгаков, а в 1942 году после тюрьмы на поселении в Калуге скончался Н. Н. Лямин. После гибели мужа Ушакова проживет долгие полвека. И всю свою любовь она отдаст многочисленным племянникам, детским книгам и животным, которые скрашивали ее одиночество.

Иллюстрирует детские книжки С. Чаянова, С. Заяицкого, С. Михалкова, А. Барто, Н. Кончаловской и других авторов, а в свободные минуты сочиняет послания к любимым собакам, кошкам, и что удивительно – получает от них ответы. Вы скажете, старческое чудачество. Нет и еще раз нет! Художница была неисправимым оптимистом, неистощимым на выдумки романтиком, и эти строки звучат сегодня как человеческая трагедия русского интеллигента, – трагедия булгаковского века.

Вот одно из обращений к шотландской овчарке-колли по кличке Рики:

В Вашей шерсти запуталось солнце,
Словно осень багряная в листьях,
Словно золото старых червонцев,
Только мягких и нежно пушистых!

В Вашей поступи что-то от лордов,
Вы гарцуете вне подражания,
Если я и держусь с Вами гордо,
То каких это стоит страданий.

Вы рассеянны, дерзки и нежны,
А глаза Ваши ярче топазов!
Мое чувство, как море, безбрежно,
И, поверьте мне, это не фразы.

А вот приглашение на праздник 8 Марта от поклонницы Рики, соседской дворняжки:

Если Вам не лень,
Если делать нечего,
Приходите в сучий день
К нам попозже вечером.
Твоя Лукерья.

Редко приезжая в Ленинград, пожилая женщина подолгу стояла у дома на Конюшенной, выходила на Мойку, к Пушкину, на Невский, взирала на суетливую толпу у «Сайгона», обшарпанный родовой вензель напротив памятника Екатерине – и прошедшее, как в старом кинематографе, мелькало чередой.

А в Ушаковском доме на Конюшенной в советское время жили многие достойные люди нашего города: старый профессор из Консерватории, ученик Лядова, Александр Александрович Егоров; народный артист СССР, незабываемый Моцарт из Александринки, Владимир Иванович Чесноков; балерина из Мариинки Алла Осипенко. В подвальном магазине в «Низке на Желябке», бывшей семенной лавке, отоваривали свои продуктовые карточки жители послевоенных коммуналок. В блокаду фашистский снаряд угодил в угол дома. Но, видимо, на крепкой основе был замешан этот старый петербургский очаг. Он выстоял. И вот полтора столетия смотрит немymi глазами окон на Конюшенную площадь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПРЕДИСЛОВИЮ (А. Н. МУРИН)

«Среди моих любимых писателей есть полузабытый ученик Н. С. Гумилева – Константин Вагинов. В преамбуле к „Козлиной песни“ – жесткой сатире на интеллигенцию „эрмитажного“ уровня – он называет себя „похоронных дел мастером“. Автор «Печальной хроники» просит не причислять его к тому же реликтовому цеху – скорее, я согласен с Гете, что «то, кто творил для своего времени, творил для всех времен».

«Не судите, да не судимы будете!»

Далее предисловие передается другому автору – моему дорогому племяннику – музыканту, музыковеду, поэту, вообще человеку с опасным для творчества избытком талантов – редактору «Печальной хроники» – Александру Алексеевичу Мурину¹.

После столь оригинального начала позволю обратить взоры к статье «Андрей Николаевич Мурин» в журнале «Радиохимия», которую мой дядюшка с присущей ему иронией называет «прижизненным некрологом».

А. Н. Мурин – крупный ученый и признанный авторитет в области радиохимии, ядерной химии и химии твердого тела. Им начаты и под его руководством плодотворно развиваются научные исследования с применением современных методов: радиохимических, ядерного гамма-резонанса, термостимулированной деполяризации и других. По его инициативе и при его поддержке на кафедре радиохимии получили жизнь такие новые научные направления, как исследования химических сдвигов методом рентгеновской спектроскопии, химии благородных газов, изотопного анализа лунного вещества и т.д. Результаты ряда этих исследований нашли практическое применение в народном хозяйстве.

А. Н. Мурин является дважды лауреатом Университетской премии. Возглавляемая А. Н. Муриным с 1958 г. кафедра является одним из ведущих научных и учебных центров современной радиохимии и ядерной химии».

А теперь несколько любопытных эпизодов из жизни дядюшки, кои были сокрыты «до поры до времени» не только от узкого круга специалистов, но даже и от нас, близких.

В 1930–1933 гг. А. Н. Мурин, не имея специального образования, но это уже факт истории, служит у Акселя Ивановича Берга. Общается с це-

---

¹ Мурин А.Н. Печальная хроника (История одного из многих).

лым созвездием светил науки, с военачальниками, и среди них М. Н. Тухачевский.

В 1933–1938 гг. за пять лет заканчивает с отличием два факультета и аспирантуру Ленинградского университета.

1939 г. – А. Н. Мурин – аспирант Радиевого института, причем его научный руководитель – И. В. Курчатов. Принимает участие в разработке и пуске первого в СССР (и Европе) циклотрона.

В годы войны метод, разработанный А. Н. Муриным, позволяет открыть нефть и газ в Волжско-Башкирском регионе. Это его посильный вклад в обеспечение горючим наших танков и самолетов. В 1943 г. Андрей Николаевич защищает кандидатскую диссертацию. Оппонентом при защите был Я. Б. Зельдович.

В 1950 г. «за выполнение специального задания» А. Н. Мурин награжден премией Света министров СССР. Грамоту подписал лично И. В. Сталин.

Андрей Николаевич Мурин. 1990 г.

Послесловие к предисловию (А. Н. Мурин)

В 1952 г. – докторская диссертация.

Перу А. Н. Мурина принадлежат 4 монографии и около 300 статей, опубликованных в СССР и за рубежом.

Кафедра радиохимии ЛГУ, возглавляемая А. Н. Муриным, воспитала 5 докторов наук и 60 кандидатов наук.

Одновременно с руководством кафедрой ЛГУ А. Н. Мурин заведует лабораторией Радиевого института им. В. Г. Хлопина и отделом Объединенного института ядерных исследований в Дубне.

К этому следует добавить, что Андрей Николаевич вместе с женой Н. И. Полевой, профессором Горного института, воспитал пятерых детей. И все это, конечно, адов труд, который по плечу человеку неординарному.

Род Муриных дал Родине много знаменитостей в разных областях. Тут и артисты, архитекторы, хормейстеры, писатели, художники, музыканты, инженеры, технологи, торговцы, кузнецы, купцы, крестьяне, военные, рабочие, даже свой капиталист в роду есть.

И среди этого конгломерата по праву роль нынешнего патриарха принадлежит заслуженному деятелю науки РСФСР, доктору химических наук, профессору-радиохимику Андрею Николаевичу Мурину. И, как говорится, дай Бог ему побольше здоровья на рубеже беспокойного и тревожного века!

Август 1988 года

17 марта 1990 года на 81-м году жизни А. Н. Мурина не стало.

ДОМ БАРЫШНИКОВА (МАРАТА, 31)

Александр Яковлевич Барышников был родом из стрельцов, которых выселили во время Хованщины из Москвы в Опочку. Получив четырехклассное образование, родительское благословение, Библию и три рубля в дорогу, он отправился искать свое счастье в северную столицу. К тридцати почти годам он, уже старший приказчик в лавке в Гостином дворе, завоевал доверие, взял кредит и стал торговать шелками, бархатом, кружевами, лентами и «предметами роскоши» на свой страх и риск. Открывал в Гостином дворе один за другим магазины, выучил языки, ездил за товаром по Европе. Увлечшись историей, собрал коллекцию старинных рукописей, книг, карт. Женился на красавице-бесприданнице Пелагее Александровне Жоховой, дочери проигравшегося до нитки Жохова, домовладельца из Свечного переуллка. Это злачное место славилось доходными домами, публичными заведениями, и проиграть такое золотое дно – это надо было уметь.

Барышниковы породили, воспитали, вывели в люди двенадцать детей – четырех сыновей и восемь дочерей.

Вот в 1897-1899 гг. старший сын купца, архитектор Александр Александрович Барышников, и возвел семейный очаг – дом 31 по Николаевской улице (ныне ул. Марата), один из первых примеров в стиле петербургского северного модерна.

Александр Александрович, закончив Императорский институт инженеров путей сообщения им. Петра Великого в 1898 году, служил в Управлении водных сообщений и торговых портов. Им построен первый в мире железобетонный маяк в Новороссийске, Покровский собор при монастырском подворье в Гатчине (с А. М. Харламовым) и там же собственная дача. В Петербурге дом на Николаевской был первым его сооружением.

На фасаде сегодня красуются эмблемы путевого инженера – железнодорожные колесные пары, осененные ангельскими крыльями, 48 театральных масок, цветочные узоры парадных дополняют убранство фасада. На лестницах – остатки красочных витражей на сюжеты русских сказок, руины майоликовых каминов. Даже пассажирские лифты были изукрашены чугушной вязью из виноградных гроздей.

Анфилада третьего этажа – это четырнадцать комнат: столовая с венецианским окном, голубая и розовая гостиные, громадный кабинет-библиотека – все в стиле художников «Мира искусств».

Пятый этаж – квартира самого архитектора Александра Александровича.

Весь второй этаж был сдан театральному обществу, что возглавляла М. Г. Савина, та, которая в молодости очаровала Ивана Сергеевича Тургенева в пьесе «Месяц в деревне». Именно из этого дома актриса руководила строительством и обустройством своего главного детища – Дома ветеранов сцены на Петровском острове.

Во дворовых помещениях располагались балетные классы педагогов Чекрыгиных.

А внизу дома, где сегодня магазин «Закуски», было знаменитое издательство «Шиповник» художника и предпринимателя Гржебина. Кто только ни бывал в этом доме! Будущие гениальные поэты и писатели, и рядом графоманы, выдающиеся художники, графики и откровенные маляры-пачкуны. Все стремились сюда за славой и популярностью.

О бывлой красоте дома напоминает витраж «Царевна-лягушка» при входе на лестницу, да иногда по вечерам через окна третьего этажа можно взглянуть изумительную лепнину и росписи на потолках.

Позднее А. А. Барышников возводит доходный дом Купеческого общества на Троицкой улице, 23 (1911–1912), причем применив впервые

в строительстве для перекрытий железобетонные балки. Его перу принадлежит изумительная ограда, что смотрит на улицу Рубинштейна. В этом доме на втором этаже, что над винным магазином, американский журналист Джон Рид написал свою эпопею «Десять дней, которые потрясли мир». Из этого дома уехал в эмиграцию другой гениальный постоялец – Сергей Довлатов.

В другом доме Барышникова для Общества инженеров путей сообщения (Бородинская ул., 6) в актовом зале начинал свою карьеру В.Э. Мейерхольд.

Александр Александрович был разносторонне одаренной личностью. За живописный портрет, выставленный в Париже, получает Золотую медаль. С братьями Смирновыми – Владимиром Ивановичем (будущим академиком) и Арсением Ивановичем (членом Святейшего Синода) – составлял любительское трио, играл на виолончели. В 1910 году он публикует свою версию «Фауста» Гете в духе символизма.

Стремительно развивалась политическая карьера А.А. Барышникова. Гласный Городской думы, член Государственной думы, комиссар почт и телеграфов, министр общественного призрения Временного правительства. Это про него кричали на митингах в 1917 году: «Долой 10 министров-капиталистов!» – одним из десяти и был А.А. Барышников.

Перед октябрём 1917 года – ссора с А.Ф. Керенским и уход из политики.

В годы НЭПа он торгует хлебом на Кузнечном рынке. Попытка работать с архитектором Рудневым безуспешна.

Все перечеркнула смерть Александра Александровича от дизентерии в 1924 году. Ему шел 54-й год.

Самая младшая из дочерей А.Я. Барышникова Екатерина в 16 лет в 1909 году вышла замуж за купеческого сына, 27-летнего офицера Николая Васильевича Мурина. Судьба их трагична. В 1910 году появился наследник капиталиста А.Я. Барышникова, большеголовый карапуз Андрей Мурин, любимец всего клана. «Достойным человеком будет – купцом! Купец – основа нации России!» – твердил дед.

А молодая мамаша, захватив малютку, сбежала с любовником в Париж. Перед войной одумалась, вернулась в Питер. Но Николай Мурин в действующей армии под Стоходом попадает под ураганный огонь немецкой артиллерии, его выкапывают из заваленного блиндажа. Контузия. В госпитале его мучают страшные боли и приступы окопного безумия (ныне это называется реактивный психоз). А Екатерина после революции

бежит с сыном в Польшу, затем в Германию, одного за другим меняет поклонников, пишет книгу стихов «Сотворившая образ», а издает ее в Берлине старый знакомый по Петербургу Гржебин, а предисловие составляет очередной поклонник А. Н. Толстой. В 1924 году с четырнадцатилетним сыном Андрюшей Муриным, который почти разучился говорить по-русски, окончившим в Берлине Mittelschule, и новым мужем, бывшим полковником Денинkinской армии Насоновым, возвращается уже в Ленинград. Насонов, готовый служить и черному, и белому, и красному, исчезает с горизонта. А Екатерину Барышникову-Мурину-Пальковскую-Насонову арестовывают, и она сгинет в ГУЛАГе на долгие годы. По официальной справке из МВД, она умерла от воспаления легких в 1941 году.

Николай Васильевич Мурин, бывший царский офицер, бывший купец и бывший зять капиталиста, после 1917 года влачил жалкое существование, близкое к бродяжничеству. Вино и карты чередовались с головными болями и приступами окопного безумия. В 1924 году, заметив идущих за ним следом двух милиционеров (совершавших, как оказалось, обычный обход), вбежал в дом своей матери на Марата, 74, с криком: «За мной идут!» – поднялся быстро по лестнице, высунулся в окно чердака и неожиданно выпал с плохо закрепленной рамой на землю, сломал при этом позвоночник и скончался в страшных муках на руках старухи-матери, на виду у любопытных зевак. А их с Екатериной Барышниковой единственный сын станет в XX веке замечательным русским ученым и педагогом, профессором Университета, доктором химических наук, создателем отечественной радиохимии Андреем Николаевичем Муриным. Но это уже другая история.

ИСПОВЕДЬ ИЗГОЯ (А. Н. МУРИН)

**«Печальная хроника» моего дяди Андрея Николаевича Мурина,
записанная мною с его слов в 1988 году.**

Повествование от имени А. Н. Мурина.

По возвращении из заграницы мы поселились в доме № 31, на четвертом этаже, в комнате тетки Елены Александровны Барышниковой, по мужу Саитовой. Саитов-старший был знаменитый член-корреспондент АН СССР, его именем был назван один из залов Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Он же – автор четырехтомного описания петербургских некрополей, он же – в прошлом – великолепный библиотекарь.

Саитов-младший – заведующий нотным отделом библиотеки и преподаватель Консерватории.

Елена Александровна Барышникова-Саитова служила у Г. О. Графтио секретарем и зарабатывала огромную по тем временам сумму – 860 рублей. На эти деньги мы все кормились.

На пятом этаже этого же дома жила моя бабка Пелагея Александровна Барышникова и вдова моего покойного крестного Александра Александровича Барышникова (архитектора), тоже Пелагея Александровна с двумя дочерьми – Женей и Ирой. Там же ютились еще пара теток, сестер моей матери. Вся эта публика – осколки вдребезги разбитого зеркала – продавала какие-то жалкие остатки былого величия и перебивалась, что называется, «с воды на квас».

Вскоре мы переселились в двухкомнатную квартиру на шестом этаже по черной лестнице, что ранее предназначалась для мальчиков-учеников торгового дома Барышниковых. Мансарда с низкими потолками была уютной и удобной. Открывался вид на широкий двор, из окон квартиры напротив лились звуки пассажей, повторяющихся бесчисленное число раз студентом Консерватории Давидом Прицнером. Когда слушателям становилось невмоготу, кто-нибудь кричал:

– Муся! Уйми Прицнера!

Хорошенькая Муся Константиновна высывалась из окна и любезничала с подающим большие надежды юным дарованием.

Я зарабатывал переводами с немецкого и репетиторством в школе. Летом батрачил в деревне на Псковщине, под Плюссой. Сдал конкурсные экзамены на физический факультет Ленинградского университета. Нужно

было предоставить документы о своем социальном происхождении. Но опыта борьбы за чистоту анкетных данных у меня не было, и я превратился в изгоя – субъекта без рода и племени. И хотя экзамены я сдал на круглые пятерки, получил справку, что «не принят за неимением свободных мест»!

Вкупе с очень талантливым одесситом Иосифом Нагелем попытались учиться в качестве вольнослушателей. Нам удалось продержаться один семестр, после чего мы были изгнаны как классово-чуждый элемент.

Помню три последние лекции по физике, прочитанные сидевшим в кресле от старости Орестом Даниловичем Хвольсоном, лекции по химии Сергея Александровича Щукарева, которому ассистировал будущий академик Черняев, и артистически прочитанный курс Борисом Николаевичем Делоне. Но нам с Иосифом Нагелем было сказано: «Позвольте вам выйти вон». Мой друг уехал в Одессу и, будучи излишне романтичным, повесился. А я остался не у дел на Васькином острове. От безделья я вдрут почувствовал и голод, и холод. Как я жил все это время, сейчас и представить себе не могу!

На заводе Радищева в дубильном цехе мастером работал двоюродный брат Володя Пересадин (племянник отца). Пошел чернорабочим в цех! Э, не, да ты, Андрюша, «слабак», кожи тяжелы, да мокрые, дух в цехе смрадный, дубильные вещества не для нежных рук – вот ты, хлюпик, и сдался!..

Одна из теток Барышниковых устраивает меня в кукольный театр «Синяя ширма». Это передвижное, не имеющее собственного помещения, добровольное объединение, зарегистрированное в союзе работников искусств («Рабис»), кооператив – не кооператив, «не мышонок, не лягушка, а неведома зверушка!» Твердой зарплаты нет, доход от спектаклей делится по неведомым принципам. Я – электромонтер, кукловод, чтец. Куклы, музыка, тексты («Поднял я сейчас вопрос об охране ваших кос!»), декорации – все примитивно-нищенское. Заработок – соответственно...

Сайтовы устраивают меня техническим служащим, вознесшимся до помощника библиотекаря Ленинградского отделения Книжной палаты на Фонтанке, 20. Теперь у меня есть «социальное лицо» и кусок хлеба. Кругом груды книг из всевозможных библиотек, собраний, безвременно скончавшихся издательств, книги из Зимнего дворца, издания «Алконост», какие-то раритеты – глаза разбегаются – все свалено в бесформенные кучи. Научный руководитель – профессор Куфаев – иногда уносит какую-нибудь книгу домой для подробного и тщательного «изучения». Увы, возврата нет! Очаровательный филолог юноша Мясоедов отклеивает экслибрисы, кто-то собирает книжные знаки...

Составляем каталоги, упаковываем книги, затребованные библиотеками. Какой-то американец отбирает и закупает книги из Зимнего. Он по-своему честен и делает подарки. Я получаю французский «Шипр», который мне абсолютно не нужен ни снаружи, ни внутри! Глядя на других, я уношу домой полюбившиеся мне стихи Блока, Кузьмина, Ахматовой, Есенина и др. Увы, все погибло в блокаду! Мне поручают «Обязательный экземпляр». Из типографий приносят первые десятки экземпляров издававшихся книг, экспедиторы предлагают лишних один-два:

– Бери, у меня еще останется! Все берут, прочтешь или продашь, тебе же гроши платят, а жить надо!

Личная библиотека пополняется, продавать книги не позволяю остатки совести. Кое-что раздаю, раздариваю, меняю. Становлюсь книголюбом, книжником, библиофилом.

Репетиторствую, занимаюсь переводами. Учусь в пединституте на заочном химико-биологическом факультете. Сыт, трезв, одет.

На меня репрессии тридцатых годов не распространились, но положение мое было не из лучших. Конечно, я не знал, что умные люди, не попавшие в Университет, стараются поступить на любую должность в Физтех, Оптический или Радиевый институты, то есть к Абраму Федоровичу Иоффе, либо к Дмитрию Сергеевичу Рождественскому, либо, наконец, к Виталию Григорьевичу Хлопину. Так поступили в свое время Зельдович, Кобеко, Алмазов и другие талантливые молодые люди, ставшие цветом мировой науки.

Тетя Лена Барышникова-Саитова дружила с женой Абрама Федоровича Иоффе, а тетя Аня Барышникова-Шварц, окончившая Мадридский университет по специальности испанская литература, была подругой Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской (жены Д. С. Рождественского) и ученой Ядвиги Ричардовны Чернышевой-Шмидт (супруги директора Ленинградского электрофизического института академика Чернышева).

Они были частыми гостями на нашей верхотуре на Марата, 31.

Чего хочет женщина – того хочет Бог! И я оказался у Чернышева в удивительной должности – исполняющего обязанности инженера 3-го разряда. Третьеразрядный инженер к этому времени проштудировал два тома учебника по высшей математике В.И. Смирнова и «Механику сплошных сред» Макса Планка. Меня, «юное дарование», определили в теоретики (точнее, в расчетчики) и отдали под начало профессора Матвея Владимировича Магинского. Он был страстный поклонник прикладной математики, его любимым чтением был журнал «Zeitschrift für

angewandte Matematik». Я довольно быстро освоился, даже выступал на семинарах с рефератами, докладами, делал не слишком сложные расчеты, в том числе и по заказу Ю. Б. Харитона, взрывавшего в свинцовых бомбах «какие-то заряды». Правда, авторство доставалось научному руководителю, но ведь и ответственность тоже, так что не будем предъявлять претензии к Матвею Владимировичу. Он был неплохой человек!

Моим рабочим местом почему-то оказался «закуток» в конце коридора Физтеха. Напротив меня за столом сидел и писал набело на отличном английском языке свои статьи Яков Ильич Френкель, учитель будущих физиков Ландау, Бронштейна, Мигдала и многих других.

Мой шеф Магинский совмещал работу в Физтехе с деятельностью консультанта в Институте морской связи Народного комиссариата обороны. Он и предложил мне перейти туда на работу с весьма приличным окладом. И я переселился в одну из башен захаровского Адмиралтейства, на набережную Невы, в комнату с видом на вожделенные Двенадцать коллегий.

Времена были демократичные. Ранним утром на первую площадку прицепного вагона трамвая на остановке «Площадь Льва Толстого» садились сотрудники Морского института связи Народного комиссариата обороны. Во главе – начальник института Аксель Иванович Берг. На рукаве его кителя красовались широкая нашивка и две средних, т.е. по нынешним временам он был в чине адмирала, но ни персональной машины, ни шофера ему не полагалось, да и вообще у института легкой машины не было.

На испытания радиоаппаратуры Аксель Иванович выходил в Маркизову лужу на древнем колесном пароходе «Яуза», что шлепал по воде, двигаясь со скоростью пешехода преклонного возраста. Вспоминая свою моряцкую юность, вице-адмирал командовал: «Право руля! Так держать!», приводя в веселое настроение всех подчиненных. Настоящий моряк, генеральский сын, честнейший и благороднейший человек, он «отсидел свое», был прямо из кутузки доставлен в первые дни войны в Кремль, к «Самому» (И. В. Сталину), где с удивлением узнал, что он никто иной, как заместитель наркома обороны, и что ему надлежит принять и привести в божеский вид находящуюся в хаотическом состоянии армейскую и флотскую связь, да заодно и нарождавшуюся тогда радиолокацию! Знаний, таланта, воли и умения управлять людьми без хамства, угроз и репрессий Акселю Ивановичу не занимать было! Берг справился!

М.В. Магинский потолкался в институте и мирно удалился, а я превратился не то в референта, не то в порученца, не то в старшего вычислителя.

Аксель Иванович Берг

Каких только поручений я ни выполнял, в какой литературе ни копался, сколько справочников ни перебрал и на сколько вопросов ние пытался найти ответ!

А.И. Берг верил в то, что мы называем научно-технической революцией. В его институте создавался беспилотный летающий аппарат с дистанционным управлением (это-то в 30-е годы!) Группа разработчиков была невелика – несколько авиаконструкторов во главе с профессором Ростовцевым. Когда какой-нибудь узел не вписывался в вес или габариты, «шеф» похлопывал себя по лысине и бормотал «ничего не поИсаешь, ничего не поИсаешь», чем вгонял в краску хорошенькую молодую инженершу – кумира молодых офицеров. Над системой управления колдовала группа сотрудников Берга.

Михаил Николаевич Тухачевский посещал нас довольно часто. К фамильярности и амикошонству он, видимо, был не склонен. У нас его побаивались, и в его присутствии подтягивались, спешно застегиваясь на все пуговицы.

Алкснис – этакий авиационный «маршал» в летном обмундировании второго фона н́оски – был его противоположностью. Приходя к нам, он садился на край стола и травил какую-нибудь «охотничью» историю из жизни нашей авиации.

Манеры адмирала Орлова были как у английского лорда. Входя в комнату, он здоровался со всеми, подавая руку для «макхенада». Когда он

появлялся, посылали в «Асторию» за скромным завтраком и чаем с лимоном. По тем временам это была роскошь – с едой было туго: гражданские питались воблой и чечевицей с соевой колбасой, от которой можно было получить заворот кишок.

Приходил Лудри – начальник Военно-морской академии, прилетал Кожан – главнокомандующий Черноморским флотом, Григорьев – артиллерист, Ухов – герой Моонзундской операции, воспитанной Пикулем...

Я продолжал учиться в пединституте и даже чуть не стал геологом. Профессор Гинзбург, приглядевшись ко мне в лаборатории, предложил поехать с ним в экспедицию. Я отказался и вскоре был вознагражден судьбой.

А. И. Берг в добрую для меня минуту стал расспрашивать о планах и предложил сменить пединститут на Университет. Мне было уже 23 года, но я решил начать сначала. Аксель Иванович вручил мне направление в Университет на официальном бланке Народного комиссариата обороны... Я был принят на математико-механический факультет без разговоров и экзаменов. Берг платил 400 рублей в месяц, а на третьем курсе мне дали повышенную стипендию, 130 рублей. Я был счастлив. Новые интересы, новые друзья, новые надежды, новая жизнь!..

ПОДВОРОТНЯ

Сосед моей прабабки, купчихи Александры Михайловны Муриной, по Николаевской улице (ныне ул. Марата, д. 72) был капиталист Филадельф Николаевич Бажанов. В начале XX века он решил построить по проекту молодого инженера-архитектора Алешина особняк. Для этого миллионов не жалел. Для отделки лицевого фасада привезли красный финский гранит. Апартаменты расписывал сам Николай Рерих, а каминны из майолики на сюжет былины «О Вольге и Микуле» создал Врубель. На второй этаж вела лестница из итальянского карского мрамора, устланная персидскими коврами.

Получился шедевр в стиле петербургско-скандинавского модерна. И если вся Николаевская улица была пыльной и грязной, у дома Бажанова мостовая была, как на Невском, из торцов.

В этой роскоши, в 40-комнатных апартаментах жили сам Филадельф, его жена, теща Чувалдина – партнер по бизнесу, дети и многочисленные домочадцы, прислуга.

Дом № 72 по ул. Марата

После 1917 года часть Бажановых расстреляли, часть отправили в «солнечные» лагеря Магадана, несколько потомков этой семьи ютятся где-то в хрущевских коммуналках Купчино или Колпино...

Почему я завел разговор о каком-то доме и каком-то капиталисте?

Дело в том, что в подворотне купца Бажанова (Марата, 72), украшенной голубыми изразцами, в новогодний вечер я появился на Божий свет.

Вот как это было по рассказам мамы.

В тот вечер на вилле «Родэ» (ныне это территория метро «Черная речка») был новогодний концерт Ленинградской певческой капеллы, которой управляла моя мама, 21-летний музыкант. То, что мама была на сносях, было незаметно, так как тогда в моде были широкие платья и кофты. Да и декретный отпуск по советским законам был довольно жестким – две недели до родов и две после.

После концерта я стал стучаться «на выход» из маминого живота. Мама позвонила отцу на завод «Арсенал», где он был дежурным по кузнечному цеху. Тот все бросил, схватил директорскую «Эмку» и вмиг примчался к маме. Стал ее журить:

– Говорил вчера! Не ешь пирожное с кремом! Не послушала – вот и результат!

Мама убила его, что все в порядке. Они отпустили заводскую машину. Сели на трамвай, что повез их через весь город. Кировский проспект, Кировский мост, Марсово поле, мимо цирка, на Литейный, Владимирский проспект. На Загородном, на Пяти углах, маме стало плохо. Вышли на свежий морозный воздух. Пешком прошли по Разъезжей до Марата. Не дойдя десяти шагов до Муринского дома, в подворотне дома купца Бажанова все и произошло. Собрались зеваки. Какая-то бабка приняла новорожденного. Молодой отец прыгал вокруг и нервно спрашивал:

– Кто родился?

– Пацан! Дурень, сними шубу! Роженицу и сына застудишь!

На этой шубе отец и его братья подняли меня и маму на верхотуру дома 74, в квартиру 19, где Муринский род несколько дней отмечал первого внука-наследника.

3 января, то есть в день рождения, двадцатилетия младшего брата отца Шурки Мурина, будущего моего крестного, решили узаконить новорожденного. Пошли в роддом на Кузнечный переулочек у Владимирской церкви. Когда муринская шайка с младенцем появилась на пороге, тогдашний врач-акушер, знакомый семье стал шутить:

– А где свидетельство, что это ваш ребенок? Может, вы его украли у цыган!!?

Но потом смирился и записал меня в книгу задним числом на 28 декабря 1936 года.

Вот и вся история!

7 июля 2010 года

Я родился зимой,
Мать по улице шла,
В подворотне в мороз
Вдруг меня родила.
Батя бледный стоял
И тихонько стenal.
– Ну-ка! Шубу сними, –
Кто-то грубо сказал:
– Ведь замерзнет пацан
И простудится мать.
Будешь долго потом
Этот день вспоминать!
В этой шубе меня
И счастливую мать
Притащили домой,
Стали дружно качать.
– Первый муринский внук!
Стоит, братцы, обмыть
Да спиртяшки стакан
За него осушить!

28 декабря 2009 года

НЕУЖЕЛИ ЭТО СОН?

Я иду на старую квартиру в здании Капеллы на Мойке, 20, где мы жили после ленинградской блокады.

У высокой, в три этажа стены, что отделяла наш дворик от следующего дома по набережной и где всегда была помойка, на которой я как-то нашел фарфоровое с росписью пасхальное яйцо, был зияющий пролом. Вход в подвал, где в годы блокады было бомбоубежище, а в мирное время отсеки для дров, которыми жильцы-капеллане топили свои круглые печки, была массивная дверь с современным, с дырками замком.

Подымаюсь на второй этаж. Звонок в квартиру «прошу повернуть» молчит. Рядом этикетки: «Вишневым 1 звонок», «Янович 2 звонка», «Кудрявцевой 3 звонка».

Сворачиваю направо в коридор, что отделяет наши две комнатки от кухни, через которую ходят в свои апартаменты соседи Петр Адамович и Анна Александровна Вишневы. На кухне замечаю – на плите стоит керосинка, на которой мама что-то готовит. Мама худая, щеки впалые. Такой она была после блокады. С потухшим взором ведет меня через коридор, где стоит массивный стеллаж с пожитками, мимо телефона на столике для нас и соседки Ольги Христофоровны.

Я вхожу в комнату. Все стены от пола до потолка, дверцы старинного царского шкафа, даже боковины рояля увешаны картинами в массивных позолоченных рамах. Причем внизу картины продольные. Среди них узнаю фрагмент «Садко» Репина, «Незнакомку» Крамского, только без шляпы, «Курсистку», идущую по аллее без зонтика, но зато с узелком, из которого выглядывают книги и метательные снаряды. Под потолком иконы в ризах, лики святых, написанные Глазуновым и Шиловым.

В другой комнате везде, даже на спинках наших детских железных кроваток – картины, картины, картины. На окнах распахнутые тюлевые занавески, где отец крестиком вышил буквы «А.Г.Е.П.К.М.» (Алексей Григорьевич Елизавета Петровна Кудрявцевы-Мурины). Мама смотрит на меня как-то нетленно, незнакомыми глазами.

Я подхожу к окну. Певческий мост, Певческий проезд, Дворцовая площадь, даже Александрьевский столп и старинные фонари-торшеры залиты серебристым светом. Современные плафоны на торшерах и фонарях также белые.

Я задаю маме вопрос: «Зачем нам такая роскошь? Бандиты через окна увидят картины и иконы и могут нас убить!!!»

Мама молча развязывает тесемки, что держат тюлевые шторы. Они медленно опускаются, как занавес в Мариинском театре, и...

Я просыпаюсь.

4 утра. Белая ночь. Солнце в восточном окне заливает комнату.

Неужели это лишь сон??

4 июля 2010 года, Синявино

СПАСИ И СОХРАНИ!

В 1826 году на углу Грязной улицы и Кузнечного переулка, застроенных одно- и двухэтажными домами вперемешку с садами и огородами, взметнулся в небо величественный, ликующий храм.

Нижний монументальный куб его был украшен шестиколонными дорическими портиками. На нем стояли куб поменьше, также обрамленный колоннадами, по углам четыре массивных колокольни. Над всем царил огромный купол, который завершала в центре луковка с крестом. Луковки поменьше были и на звонницах. Цоколь опоясывали парапеты-ступени, ведущие к массивным дверям.

Внутреннее убранство было также на высоте. Особенно впечатляла ротонда второго яруса и своды-кессоны купола.

Единоверческий Никольский храм строился в 1820-1826 годах любимым учеником и помощником Адриана Захарова Авраимем Мельниковым на средства, собранные местными староверами.

Архитектор своим творением отдал дань уважения своему учителю-наставнику и возвел своеобразный парафраз-вариацию на тему захаровского Адмиралтейства, только без шпиля и кораблика-флюгера.

Правда, современники отмечали влияние в архитектурном решении на Авраима Мельникова и римского Пантеона, и храма Посейдона в Пеструме.

Староверы настояли, чтобы собор был поставлен точно по сторонам света, вот почему он как бы выглядывает бочком к основной оси улицы. Замечу кстати, что строители многих петербургских храмов и церквей до и после Мельникова не придерживались этого правила, обязательного по русской православной традиции.

Прихожане собрали не только большие деньги на строительство, но и пожертвовали храму многочисленные старинные иконы в золотых и серебряных ризах, что украсили внутреннее убранство пяти приделов и главный алтарь во имя Преображения Господня, освященный 14 июня 1831 года.

Рассказывают старики, что в алтаре хранилось несколько десятков книг в кожаных переплетах с медными застежками, в которых дотошно, до копеечки были записаны все дары и их жертвователи. Внесли в это благое дело и мои предки-староверы Мурины, Оленчиковы, Барышниковы, Мальцевы, жившие неподалеку.

Позднее к храму пристроили две часовни, ограду, церковную школу, училище, приют для престарелых и немощных. Вокруг возник целый старообрядческий церковно-культурный городок.

Богослужение совершалось по канонам старообрядцев, то есть так, как это было до «перестроек и нововведений» патриарха Никона.

В конце XIX – начале XX века на месте старообрядческих домов, усадеб, садов и огородов на Николаевской улице (в 1855 году улица в очередной раз сменила свое имя, вместо Грязной стала Николаевской в память об усопшем Николае I), как грибы после дождя, стали вырастать громадины доходных домов в стиле петербургского северного модерна. Они заслонили античный силуэт храма, некогда паривший над улицей.

После 1917 года пришедшие к власти большевики осквернили творение Мельникова. Сорвали кресты, луковки, превратив его в склад.

Собор ждала участь многих петербургских памятников. Главенствовал лозунг: «Растрелли – расстреливай!» Зачем нам жалкое подражание московскому собору Василия Блаженного – долой Храм-на-Крови! Снесли бы и Никольский храм, но вмешался господин великий случай.

30-е годы XX века. Папанинская эпопея на Северном полюсе. Народ ликовал. Новые герои страны победившего социализма. И вот тогда власти решили приспособить здание храма под музей Арктики. Настроили

внутри перегородок, стендов. Затянули свод сеткой, втащили экспонаты, палатку с буквами «СССР», самолет и др. Так Иван Дмитриевич Папанин сотоварищи неволью спасли от гибели этот памятник архитектуры XIX века для потомков.

И когда я вхожу сегодня под своды храма, Музея Арктики и Антарктики, вспоминаю, что здесь крестили многочисленных предков, дедов и бабок отца, здесь они молились, и, что важно, и меня самого в злопамятный 1937 год крестил тайно еще не почивший в ГУЛАГе священник из этой церкви. А восприемниками, крестными родителями, были мой дядька, будущий народный артист СССР, главный хормейстер Мариинского театра Александр Григорьевич Мурин, и моя двоюродная бабка, жена петербургского кораблестроителя Николая Лушева Екатерина Васильевна Мурина-Лушева. Понятно, что участники этого «мероприятия» рисковали не только свободой, но и своими головами...

В разгар горбачевско-ельцинской перестройки, после долгих бюрократических мытарств и хождений по чиновничьим кабинетам старообрядческой общины Петербурга была, наконец, возвращена малая толика храма – правая часовенка, в которую может вместиться от силы 10–15 человек верующих. В нее приходят ленинградцы, пережившие блокаду, молодые петербуржцы и возвращают старые иконы из храма, чудом уцелевшие в чуланах, на чердаках и антресолях.

Недавно над часовенкой появился маленький крестик. По церковным праздникам совершаются молебны. Есть решение правительства вернуть храм верующим. Выделено новое здание для Музея Арктики и Антарктики, правда, деньги на переезд «съели» очередные дефолты. Поэтому воз и ныне там, точнее палатка Папанина. «Зимовщики из музея» стойко держат круговую оборону, крепко закрепив арктические якоря в храме, наглухо задраив люки собственной совести.

А на другой стороне улицы в старом одряхлевшем угловом домике XVIII века в окошке нет нет да и мелькнет белесое лицо старушки в темном платочке, надвинутом на лоб. Кажется, это крепостная безграмотная крестьянка из села Кобриня Арина Родионовна Яковлева, взрастившая миру поэта Александра Сергеевича Пушкина, осеняет себя, да и нас крестным знаменем, и ее синие губы шепчут слова молитвы:

«Господи! Спаси и сохрани!»

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КИТЕЖ

В 60-х годах прошлого века прохожий, свернув с Невского проспекта на улицу Марата, невольно замедлял шаг и останавливал свой взор на Храме Святой Троицы, возвышавшемся на углу Стремянной.

Церковь, построенная в духе православных соборов XVII–XVIII веков, из глазурированного красного кирпича, разукрашенная изразцами и цветочными узорами из смальты, была той архитектурной доминантой, что задавала тон перспективе, а остальные здания исполняли второстепенные, побочные партии в этой петербургской симфонии.

Она была возведена в 1890–1895 годах по проекту замечательного русского архитектора Николая Никитича Никонова. К сожалению, из двух десятков храмов, церквей, монастырей, построенных этим мастером к началу нашего века, сохранились считанные единицы. Перечислим их:

Иоанновский женский монастырь на набережной реки Карповки (резиденция нынешнего Патриарха Всея Руси Алексия II в нашем городе), где в цокольном этаже нашел вечный покой Святой Иоанн Кронштадтский; церковь Казанской Божьей Матери в Териоках (Зеленогорске), что парит над соснами Финского залива; Успенский и Никольский монастыри в древней столице Руси – Старой Ладогe; Воскресенский скит на Валааме; единственная сохранившаяся деревянная церковь в нашем городе в честь Серафима Саровского на Мемориальном воинском Серафимовском

кладбище; да собственный дом архитектора Н. Н. Никонова на Колокольной улице: фасад его из керамики и изразцов в русском стиле, кокошники над окнами, в виде теремов эркеры и царское крыльцо вместо обычной парадной удивляют случайных прохожих.

Свято-Троицкий храм был построен по инициативе руководителя Александро-Невского общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви – отца Филосо́фа (в миру Филосо́фа Николаевича Орнатского).

На Стремянной улице Общество основало общедоступную библиотеку, церковную школу, лекционно-концертный зал, создало три русских народных хора, общество трезвости.

Здесь выступали не только артисты императорских театров Федор Шаляпин, Леонид Собинов, но и лучшие оркестры Василия Андреева, Владимира Насонова, Паганини и балалайки Бориса Трояновского.

Заботами отца Филосо́фа в Петербурге на рабочих окраинах были возведены восемь церквей, множество библиотек, школ, больниц, приютов для сирот.

Сам о. Филосо́ф совершал свою пасторскую деятельность в храме на Обводном, 116, у Варшавского вокзала, а с 1915 года он становится настоятелем Кафедрального Казанского собора. Его проповеди собирали многотысячные толпы паломников, и по популярности он соперничал с Иоанном Кронштадским.

Все рухнуло в 1917 году. Борясь с «опиумом для народа», новая власть срубила кресты с храма, бросила в костер иконы, прекратив церковь Святой Троицы в обычный склад.

Трагична судьба и о. Филосо́фа. Его, настоятеля главного храма России и его двух сыновей (врача и офицера царской армии) арестовали чекисты и привезли в Стрельну, прогнали по дамбе, что на километр вдавалась в Финский залив у дворца, и расстреляли.

Перед экзекуцией комиссар спросил у священника:

– Кого первым расстрелять? – и получил твердый ответ:

– Сыновей!!

Отец Филосо́ф, стоя на коленях, служил панихиду по убиенным. Красноармейцы отказались стрелять в молящегося. Тогда командир вызвал красных китайцев. Но и они, иноверцы, не подчинились приказу. Пришлось палачу выстрелом в затылок прервать жизнь просветителя.

В 2000 году Собор православной церкви причислил отца Филосо́фа к лику святых великомучеников на Руси просиявших.

Философ Николаевич Орнатский

Храм Святой Троицы перенес ужасы 900-дневной Ленинградской блокады, бомбежки, холод. В помещениях гулял ледяной ветер.

Но храм выстоял.

В послевоенное время в нем обосновалась спортивная школа. При входе и на месте алтаря возвышались баскетбольные щиты, пол был застлан хорошо выструганными сосновыми досками. Здесь делал первые шаги в своей тренерской карьере молодой человек, ныне известный всему миру баскетбольный «бог», почетный гражданин Петербурга Владимир Петрович Кондрашин.

Помните уникальный бросок его ученика Александра Белова на Олимпийских играх в 1972 году, что принес СССР впервые золотые медали? За секунду до финальной сирены мы проигрываем американцам одно очко. Кондрашин берет тайм-аут. Подзывает Белова и Едешко. Что-то говорит. Едешко через все поле пасует мяч Белову, а тот его – прямо в корзину. Сирена! Победа!

В 1960-х годы к храму потянулись многочисленные самосвалы. Своими ленинградский снег. Дворники его лихо разбрасывали на Марата и Стремянной. Было закрыто движение по улицам. Киностудия «Мосфильм» снимала новую многосерийную ленту «Хождение по мукам». На храме появились фанерные кресты, покрашенные бронзянкой. Этот уголок города на время превратился в Петербург начала XX века.

По тротуарам фланировали барышни, няни выгуливали барчуков и собачек. С гиком и свистом пролетали сани с золотопогонными офицерами, не спеша проплывали тарантасы с блоковскими «незнакомками». Телегин бежал на свидание с Катей...

Все это я с любопытством наблюдал из окна дома Радищева напротив.

Вскоре кино сняли, снег убрали, увезли мониторы, прожектора, рельсы, по которым скользила тележка оператора. Фильм вышел на экраны страны, собрал премии на престижных фестивалях. Иногда его крутят и сегодня по телевизору.

Я с ностальгией смотрю именно те кадры, где, как птица Феникс, сквозь молодого Вадима Медведева и красавицу Руфину Нифонтову возникает из праха храм Святой Троицы. Он играет свою последнюю роль – траурный Снежный марш.

После съемок фильма в июльскую белую ночь 1966 года храм был взорван.

Долго над округой стояло в полнеба облако красной пыли. Потом оно стало медленно оседать, покрывая тротуары, фонари, подоконники, крыши кровавой пеленой.

Ну, а на месте церкви строители возвели баню с сауной.

Уникальное свойство наших людей – на месте храмов лепить чистилища для брэнного тела. Вспомним столичный бассейн «Москва» вместо Храма Христа Спасителя, бассейн Балтийского морского пароходства в Соборе Святого Петра на Невском.

Неужели они и взаправду считали, что, смыв с себя грязь в бане на месте разрушенного Храма, можно очистить душу?

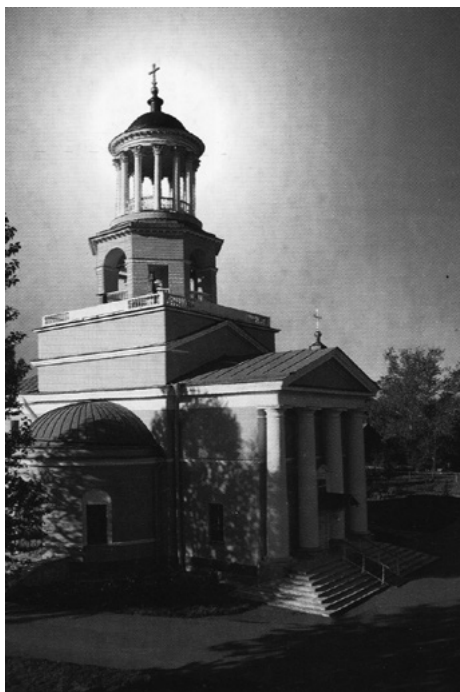
P.S. А на фасаде дома на Колокольной улице укором смотрит на нас надпись из цветной смальты: «Книжный склад Общества распространения религиозно-нравственного просвещения...» Это все, что осталось от «Петербургского Китежа» – храма Святой Троицы, что стоял на углу улиц Марата и Стремянной.

ВКЛАД В РУССКУЮ ДУХОВНОСТЬ

Предисловие к книге Н. Я. Серебряковой
«Мурино. Хроника трех столетий»

В середине прошлого века всякий горожанин, проезжая мимо Мурино, мог видеть среди зелени обшарпанную башенку-ротонду с покосившимся крестом. Вокруг – запустение: чернели выбитые глазницы окон, трава выше пояса, всюду царство иван-чая.

Это была церковь Святой Екатерины, работа русского архитектора XVIII века Николая Александровича Львова. На фасаде – доска, на которой едва можно было разобрать: «Памятник архитектуры XVIII в. Охраняется государством». Казалось, как и сотни других, шедевр был обречен. В те годы в нашем городе взорвали храм на Сенной и церковь Святой животворящей Троицы на Стремянной. Н. С. Хрущев, грозя кулаком, обещал показать советскому народу «последнего попа!».

Пришли другие времена, на россиян снизошло прозрение: «Что творим? Что делаем? Что останется от нас потомкам?»

Взялись люди всем миром. Отмыли закопченные стены от забвения, вымели мусор, вернули иконы. Храм в Мурино ожил! Православные проторили к нему дорогу. И выпрямилась в полный рост ротонда, и засиял над ней золотой крест, и раздались древние песнопения, и зазвучала в душе радость безмерная от этого явления. И среди тех, кто был причастен к чуду, скромная женщина Наталия Серебрякова. Много лет она помогала протоиерею Николаю Тетерятникову собирать, казалось, безвозвратно утраченные страницы истории села и муринского храма: перелистывала тысячи страниц в архивах, записывала воспоминания очевидцев. Результат ее усилий – книга-фолиант «Мурино. Хроника трех столетий». Труд, который иначе, как подвигом, и назвать-то нельзя. В каждую страницу хочется по многу раз вчитываться, сопереживать историческим фактам, событиям, судьбам, воздавая слова благодарности автору.

Я счастлив, что в этом деянии есть и моя капелька стараний. В 2005 г. удалось «заманить» в Мурино близкого друга, журналиста Виктора Бузинова, человека, много сделавшего для сохранения исторической памяти Петербурга. В его серии «Прогулки по Петербургу» появились радионovelлы о Мурино. Помню, как гостеприимно встречал нас настоятель храма отец Николай. Это было 25 февраля, в день тезоименитства нашего Святейшего Патриарха Алексия II. Мы тогда радовались вместе возрождению духовности в России...

Передачи о Мурино и Екатерининской церкви в «Прогулках...» стали последними на радио. Увы! Вскоре моего друга не стало! И теперь, когда в храме я ставлю поминальную свечу Виктору Бузинову, то непременно молюсь о здравии тех, кто поднял из руин муринский храм. И верю, что Благо будет вам, люди добрые, за это.

Вы естественно спросите, почему я, музыкант, пишу об архитектуре? Но ведь архитектура – это застывшая музыка, которая звучит в душе человека!

А книга Наталии Серебряковой – огромный вклад в нашу память, в русскую духовность.

25 февраля 2010 года

ОТЕЦ В ШКАФУ (И. В. СОЛОВЬЕВ)

После блокады, вернувшись из Москвы, отец работал над созданием на Обводном канале первого в стране завода радиоэлектронного оборудования для отечественных самолетов и ракет. Ныне это научно-производственное объединение «Ленинец».

Именно там он подружился с замечательными инженерами-конструкторами, всесторонне образованными людьми: Николаем Авериним, Вениамином Смирновым, Андреем Лопыревым, Георгием Митрофановым, Яковом Морозом, Львом Зайковым и другими. Они часто бывали в нашем доме по праздникам.

В 1947 году маме как дирижеру и педагогу Ленинградской капеллы выделили две смежных комнатухи по 11 метров в коммунальной квартире ведомственного дома. Мы перебрались на набережную Мойки, дом 20, а отец остался прописанным у бабушки, в «родовом гнезде» на Марата, 74, и жил у нас «нелегально».

Окна коммуналки смотрели прямо на Дворцовую площадь и Александрийскую колонну. Мама дирижировала Капеллой, мы учились в капелльской школе. Уроки часто готовили в садике у Эрмитажа, а зимой гоняли на коньках, привязанных к валенкам, прямо по льду замерзшей Мойки у спуска, что был напротив дома, где скончался Пушкин.

В мае и ноябре, два раза в год, площадь заполнялась сначала войсками, пушками и танками, которые загодя ночью выстраивались в парадное каре, а следом, ближе к полудню, на Дворцовую выплескивалось море красных флагов, поющих и орущих лозунги людей, которые демонстрировали «солидарность и мощь» нашей державы, любовь и верность к отцу всех времен и народов, к его «верным» соратникам, портреты которых закрывали фасад Эрмитажа, так же, как и уродливая фанерная, покрашенная в шаровый цвет трибуна, на которой стояли «представители».

Но все это мы могли видеть из-за спин сотрудников НКВД, что занимали свои посты у наших окон с раннего утра. Дом-то капелльский, ведомственный, режимный, и не дай Бог, какой вражина ненароком «бабахнет» с нашего окна из пушки и сорвет ликование питерского люда.

Правда, поздней ночью, накануне праздника, «неожиданно», беспардонно дребезжал звонок «прошу повернуть» – и товарищи в форме с фонарями будили нас, проверяли, нет ли в квартире посторонних, сверяли по мамину паспорту количество детей и задавали один и тот же вопрос:

– Посторонние есть? – и, получив отрицательный ответ, осветив еще раз наши рожицы с крепко сжатыми ресницами, удалялись. Убедившись, что парадная дверь захлопнулась за ночными гостями, мы выскакивали из теплых постелей и стучали в громадный шкаф, где прятался отец. Он неуклюже вылезал из своего бункера, щурясь от яркого электрического света, вытирал пот со лба. Мы все дружно смеялись над тем, как ловко обманули энкавэдэшников, пробовали по кусочку маминых праздничных лакомств и кемарили до прихода новых, уже утренних гостей. Те приходили точно, как по нотам, в шесть утра. И это повторялось из праздника в праздник, из года в год.

Когда кончался военный парад на Дворцовой и спадало напряжение оконных стражей, а на нашем столе появилось нехитрое праздничное угощение, отец доставал из шкафа, где прятался, хрустальный графин «спиртяшки», что ему выдавали на работе для промывки особо «секретных» деталей.

Спирт разливала бывшая любовница кабэшного «шишки», которая внешностью напоминала Бабу-Ягу, но все папины сослуживцы убежденно говорили ей, что она – воплощение красоты, Венера Милосская и т.д. Всем заводским «Аполлонам Безведерским» она строила недвусмысленно глазки.

Водка была настояна на сухих мандариновых корочках, которые сушились на печной трубе у заслонки, распространяя аромат знойного юга.

Звали к столу «причаститься» наших ночных гостей. Те для приличия недолго ломались и составляли компанию отцу и нам.

В 40-е годы в стране решили избрать народную власть – депутатов в народные советы. В Городской совет, то есть в городскую власть, ленинградская милиция, что располагалась под нашими окнами, выдвинула главного городского сыщика, Героя Советского Союза, начальника, комиссара милиции Ивана Соловьева, а в Районный совет, в начальство несколько пониже, Ленинградская капелла выдвинула своего молодого дирижера, нашу маму – Елизавету Кудрявцеву, по паспорту Мурину. Как полагалось, была устроена встреча народа с будущими «народными избранниками».

Капельский зал с божественной акустикой заполнили люди в штатском со стриженными «под бокс» затылками и их знакомые девушки. В начале доверенные лица рассказывали идеально стерильные, образцовые биографии будущих депутатов, а потом выступали сами виновники торжества. Пылко, страстно говорил Иван Соловьев, кстати сказать, прототип многих героев произведений Юрия Германа. Говорил зажигательно,

называл слушателей запросто – «орлами», ставил задачи, как ловить воров, бандитов, оберегать покой народа. Публика дружно реагировала.

Следом, на удивление зала, степенно вышли во фраках и длинных белых платьях артисты Капеллы, более сотни певцов и певиц, и под гром оваций появилась в строгом костюме мама – кандидат в депутаты.

Мы с сестрой и отцом до красных ладоней хлопали после каждого номера Капеллы под руководством мамы. Специально для этой публики хор пел русские народные песни, простенькие пьесы из классики. Стосковавшиеся по красоте вчерашние солдаты, шагнувшие на войну с вологодских, псковских, новгородских деревень, искренне благодарили артистов за «Вечерний звон», «Славное море, священный Байкал», «Зачем тебя я, милый мой, узнала» и дружно кричали хрипатыми голосами: «Бис! Bravo!».

После концерта мы побежали за сцену, в проходной зал, поздравить маму с успехом. Неожиданно к нам подошел симпатичный дяденька, и мы вначале решили, что это мамин поклонник. Он тихо, чтобы слышали только папа и мама, сурово сказал:

– Комиссар просит проследовать... – и, выждав паузу, добавил: – ...за кулису!

В капелльской библиотеке, на огромном столе, за которым работали когда-то Римский-Корсаков и Балакирев, на зеленом сукне, как на поляне, был накрыт уникальный натюрморт. У каждой бутылки водки на ломте черного хлеба лежала очищенная величиной с кулак луковица. Вокруг стояли милицейские чины. Оборвав начатый разговор, Иван Соловьев развернул свою мощную фигуру к нам и предложил:

– Петровна! Будь хозяйкой!

Мама что-то залепетала в ответ, подталкивая нас вперед. Соловьев взлохматил наши затылки:

– Ну и мóлодцы орлы у тебя, Петровна!

Мама начал представлять отца:

– Познакомьтесь, Иван Владимирович! Это мой...

Комиссар продолжил мамину фразу:

– Муж!! Наелся груш! Знаем! Знаем Вас, Алексей Григорьевич! – и, увидав удивленное лицо отца, добавил: – Знаем даже, где Вы работаете, и что от моих орлов прячетесь по ночам в царском шкафу! На то мы и сыщики, чтоб это знать!

И, сбив неловкость отца, поднял стакан водки, провозгласив:

– За народного депутата, за первую русскую женщину-дирижера нашей державы Елизавету-Свет-Петровну! За Кудрявцеву-Свет-Мурину! –

Отец в шкафу (И. В. Соловьев)

сделав особый акцент на двойной фамилии мамы, чокнулся с отцом и выпил до дна, крякнул, занюхивая краюхой хлеба и откусывая с хрустом, как яблоко, пахнущую луковицу.

Много раз судьба сводила меня с этим неординарным человеком. Оказалось, втихую от своих близких и сослуживцев он писал неплохие стихи, дружил с артистами, писателями, несколько раз выступал со вступительным словом перед концертами Ансамбля песни Ленинградской милиции, которым я руководил в 60-е годы, мечтал, чтобы его орлы-сыщики пели его любимого Бетховена или на худой конец Шуру Пахмутову, а не «Мурку»!

Да и звезду Героя он получил за то, что в первые дни войны не стал пятиться задом, как все, а со своими танкистами совершил марш-бросок, так километров восемьдесят, в глубину вражеской территории, наведя панику в стане фашистов.

Когда я бываю на Серафимовском военном кладбище, чтобы навестить отца, я всегда захожу на могилу комиссара милиции Ивана Владимировича Соловьева. И все рассказанное всплывает до мельчайших деталей в памяти.

10 февраля 1996 года

РЫЖАЯ (ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА)

Памяти отца, Мурина Алексея, и его друга Пранаса Валиониса,
русского и литовца, хлебнувших лиха в жизни.

Есть в Литве местечко, которое носит странное название – Диджясалис – остров Христа. Не знаю, бывал там Христос или нет, но я свидетельствую, что место необычайно красивое. Вокруг озера холмы, а между ними путаница дорог.

Люди там степенные. Все делают замедленно, как при киносъемке рапид. В начале к этому трудно привыкнуть, и ловишь себя на мысли поторопить их. Но не дай Бог это сделать. После этого они будут делать все еще медленнее, и не нарочно, не назло, а так, по складу характера. Такое впечатление, что им на жизнь отпущены не годы, а целые столетия.

В тот год Пранас Валионис зазвал меня погостить у него недельку в Диджясалисе, соблазнив отличной рыбалкой. Когда улеглась суматоха встречи, расспросов о житье-бытье, забрезжило утро. Решили отдохнуть на озере. Пранас подивился моему заморскому японскому спиннингу, искусственным мушкам, взял пару вересковых удочек, банку жирных навозных червей и мы двинулись в путь. Но, увы, рыбалка сорвалась. Озеро опутал туман, такой густой, что нам не удалось найти ни весел, оставленных в кустах, ни лодки в камышах.

Мы уселись на высоком берегу и стали ждать первых лучей солнца. Пранас курил свежий ленинградский «Беломор». Я любовался хлопьями тумана, который поглотил прибрежные кусты и низы елей, осин на берегу, да так, что казалось, будто деревья произрастают из фантастических белых холмов. Первые лучи солнца принесли в этот белый хаос новые краски, и уже не хлопья тумана, а дивные розоватые исполины несли на своих спинах лесных великанов. Я начал мысленно ругать себя за то, что в такую рань побеспокоил доброго человека, как вдруг розовое марево над озером с шумом прорвали какие-то белые птицы. В первый момент мы даже не поняли, что это дикие лебеди, настолько неожиданным был их взлет.

– Души добрых людей полетели на небо! – сказал, вздохнув, Пранас, глядя им вслед.

Он рассказал историю о годах своей тридцатилетней «железки» в Сибири. Ну, а я по местным обычаям поведал свою. Это была история одного предательства. Вот она в том виде, как я рассказал ее на берегу озера Пранасу Валионису.

* * *

Это было давно.

Лихолетье военных дорог давало себя знать. Мама тяжело болела. Доктор, друг нашей семьи, знающий многие народные секреты и первый из врачей, поднявший их до большой науки, пришел навестить болящую.

– Ну! Как, матушка, себя чувствуешь? – спросил он хриловатым голосом, более подходящим для боцмана, привыкшего учить уму-разуму своих неумелых помощников.

– Да! Стрептомицин более не колоть! – бросил он в сторону, проверяя пульс и видя опухшее от уколов лицо мамы, и добавил: – Пульс нормальный, голубушка! Скоро «барыню» плясать будете!

– А я вот Вам подарок принес! – сказал он, как-то стеснительно улыбаясь. Полез за пазуху пиджака, который, казалось, был застегнут не на ту пуговицу, и достал мохнатый игривый ком. Вначале трудно было сказать, что это за зверек.

– А я вот неведому зверюшку принес!

Из кома вдруг выглянули два огненных уголька и розовый носик. Маленький ротик сладко зевнул. Все в щенке говорило: «Ну как нехорошо! Зачем меня разбудили? Ну что вы за люди!» – а затем щенок свернулся клубочком в ногах у мамы.

Не знаю, то ли организм поборол болезнь, то ли щенок сыграл отвлекающую роль, но здоровье мамы с того дня пошло на поправку.

* * *

Ди подрастала, оставляя на красненьком полу небольшие озерца. В один из дней навестить маму пришел музыкант с работы. Он был высокий, доставал до верха старого шкафа.

Гость принес маме конфеты, а нам книжку о животных. Не успел он вручить подарки, как Ди схватила его за брюки и стала рвать их.

– Лиза! А что это за красавец пес?! – спросил, картавя, музыкант.

– Да вот, подарок! – ответила мама, пытаясь прогнать щенка.

– Кобель или сука?

– Да не знаем! Если он – то Дик, если она – то Динка!

– Стыдно! Стыдно! Не уметь в Ваши-то годы в этом разбираться!

Он расстегнул серый пиджак, достал из кармана круглые очки, сделавшие его удлинненное лицо еще более карикатурным, красивыми пальцами руки взял за шиворот щенка, посадил на колени и... в этот момент на серые идеально отглаженные брюки пролилась тонкая струйка.

Музыкант вскочил, сбросил на пол собачонку, та, взвизгнув, спряталась под мамину кровать. Гость пытался стряхнуть собачью росу и, ставя финальную точку, рассмеялся:

– Сука!!!

Так Ди стала Динкой.

* * *

После школьных экзаменов мы вчетвером поехали отдыхать на Кошачье озеро на Карельский перешеек. В лесу было много грибов, ягод. Но главное занятие – рыбалка. Моей обязанностью было накопать червей и таскать до озера и обратно весла. Мама и сестра чистили рыбу. А ловили, конечно, все. Рыбалка была отличная. В озере водились лещ, окунь, плотва. У щуки было время линьки зубов, и она благополучно провожала безумным жадным взглядом проплывающих мимо мальков.

Наловив на глубине окуней с темно-синими спинами, мы решили собрать на другом берегу озера малины для варенья. Я приналег на весла, как вдруг Динка, спокойно лежавшая до этого на носу лодки, принялась залиvisto лаять в сторону середины озера. Папа прикрикнул на нее и прогнал на корму, где она нетерпеливо повизгивала, мешая сестре складывать рыбу со дна лодки в ведро.

– Ребята! Смотрите, чей-то перемет сорвало! – сказал папа и указал рукой в ту сторону, в которую только что лаяла лайка.

– Подплывем, заберем, оставим на берегу. Хозяин найдется!

Несколько взмахов весел – и лодка на середине озера. Но то, что мы приняли за буюк перемета, оказалось хвостом плывущей белки. Когда белка форсирует озеро, чтобы не утонуть, она погружает в воду только тельце, а хвост, как рыжий парус, держит сухим над водой. Видимо, маленькая белка не рассчитала силы, выдохлась, и, поборов все страхи, инстинкты, подплыла к лодке, взобралась по протянутому ей веслу на борт, уселась, дрожа всем тельцем и отряхиваясь, как собачонка.

Что творилось с Динкой! В ее глазах можно было прочесть и торжество: «Я была права, когда лаяла!», и недоумение: «Почему не хватают, не стреляют зверя?», и страх: «Что делают хозяева? Они сошли с ума! Рыжий черт их околдовал!»

Собака уже не лаяла, а хрипела, немыслимо выгибаясь, привязанная к рукоятке кормы, в бессилии исправить нашу ошибку. Мы, как зачарованные, смотрели на вышедшую из воды золотую зверюшку, всю в хрустальных каплях. Да! Такого видеть не приходилось. Первой опомнилась сестра. Она схватила белку со спины и накрыла подсачником и тут же с криком выдернула руку. Белка больно прокусила палец.

Рана не заживала целый месяц, а маленький зверек вырос в пушистую белку, которая не боялась людей и смело брала из рук мамы орехи, ягоды, конфеты. Лакала из блюдца молоко. Жила она в одной из комнат большого, только что срубленного и пахнущего смолой дома. И ее такая барская жизнь вполне устраивала. Только с Динкой они были врагами. Видимо, лайка не могла забыть, что белка причинила боль хозяйке.

* * *

Кончилось лето. Пора в Ленинград. На семейном совете решено белку отвезти в глухой лес. Засунули белку в котомку и поехали на «Победу» по дороге в лес. Мама и сестра остались в машине, а мы с отцом вынесли сумку, открыли ее и выпустили белку. Она побежала вокруг нас и села недалеко, разгрызая шишку. Мы вернулись в машину и тронулись назад в поселок.

– Стойте! – крикнула сестра. Она мельком оглянулась и увидела неуклюже бегущую по дороге за «Победой» белку.

Мы притормозили, приоткрыли дверь. Белка радостно бросилась на колени к сестре, стала рыться у нее в карманах куртки, ища конфеты или другие сладости.

Наши слезы были сильнее прежних решений, и Рыжую взяли в город.

* * *

Окна двух комнат послеблокадной коммуналки выходили на красивейшую Дворцовую площадь. Здание Капеллы было перестроено архитектором Бенуа специально для певцов старейшего хора. В нашем флигеле когда-то жил Глинка, именно здесь он сочинял своего «Руслана». Через два дома жил и умер после дуэли Александр Пушкин.

И вот на широком подоконнике, на ящике из-под цветов папа смастерил из металлической сетки вольер для Рыжей. Мы посадили маленькую елочку. Из фанеры сделали ящик-дупло и колесо-барабан, где зверек разминал свои лапки, пробегая в день по несколько километров. Иногда Динка вскакивала на подоконник, сталкиваясь через стекло носом к носу

с белкой, застывала в охотничьей стойке, поджав переднюю лапу, и лишь жалобно повизгивала на неотомщенную обидчицу хозяйки.

* * *

Прошли осень, зима, весна. Каждое время года приносило новые забавные истории с Рыжей. Все не упомнишь.

В мае, в разгар экзаменов, мама, покормив белку, забыла закрыть дверцу клетки, и, вернувшись с сестрой домой из школы, мы увидели пустую клетку. До поздней ночи бегали по соседним дворам, квартирам с одним вопросом. Но все было тщетно. Белку никто не видел.

Прошло несколько дней. Папа хотел убрать клетку с подоконника, но мы уговорили еще на время оставить ее – вдруг Рыжая вернется!

Утром, просматривая городскую газету, я обратил внимание на сообщение на последней странице, в котором говорилось: «В Зимнем садике у Эрмитажа появились белки, которые спускаются на землю и берут ягоды, орехи, конфеты».

«А может быть, среди них и наша Рыжая?» – мелькнула мысль. Отложены учебники, тетради, и я бегу в сад.

Несколько старушек с малышами стоят у фонтана и смотрят вверх на кроны старых деревьев с молодой листвой.

– Вона! Белка! Да не туды смотришь! – говорит одна внуку. Я посмотрел, куда была направлена рука старушки. На ветке прыгала белка. Без всякой надежды я позвал ее. И – о чудо! Рыжая стремительно слетела по стволу. Несколько прыжков по траве и она у меня на плече, ищет съестное, тормозит волосы, карманы. От радости не могу понять – то ли у меня так стучит от счастья сердце, то ли у Рыжей!

Зрители окружили меня и сказывают хором. Несколько дней, как ходили кормить с внучатами белку. Вначале она брала с руки пищу, но потом кто-то хотел ее схватить, она вырвалась и вот уже третий день дичится, и я первый, к кому она не только подошла, но и села на плечо.

Поласкавшись, Рыжая спрыгнула на траву и уселась невдалеке, готовая каждое мгновение при опасности взлететь по стволу на дерево. Я позвал ее, и мы пошли по Дворцовой. Впереди я, а в нескольких шагах трусил, как верная собачонка, белка. Так мы почти миновали площадь, как вдруг на ней остановились несколько грузовых машин, и водители, очумев от неожиданного зрелища, бросились догонять нас. Все мои просьбы не трогать зверька не имели результата.

Здоровенные шоферские сапоги ухали вблизи, а модные тогда шапки-«лондонки» с мягким козырьком плюхались в пыль Дворцовой,

как огромные грибы с разных сторон беглянки. Я готов был биться кулаками о спины обогнавших меня бездушных людей, как белка придумала неожиданный трюк. Она подпускала преследователей на расстояние протянутой руки и, когда те наклонялись, чтобы схватить ее, делала резкий рывок и уходила на безопасное расстояние. Вот и капелльские дворы со штабелями дров. Рыжая шмыгнула под один из них. Спасена! Шоферня, смачно выругавшись и отряхнув о голенища кепки, повернула к машинам, несолоно хлебавши, а я до позднего вечера уговаривал белку пойти домой, но она отказывалась даже от самых любимых лакомств – конфет «Коровка» и грецких орехов.

Только когда стемнело, она выползла из своего укрытия ко мне, грязная, мокрая, вся в паутине, нервно вздрагивая всем тельцем.

* * *

В жаркое лето пятьдесят шестого мы снова отдыхали на Карельском перешейке.

– Ребята! Признавайтесь! Куда делись яблоки для кислицы? – спросила мама, входя на веранду, где наша орава готовила снасти к рыбалке. Мы удивленно молчали. Накануне мы вместе ходили на старый заброшенный хутор и собрали два лукошка кислых яблок с одичавших деревьев. Мама из них варила что-то среднее между квасом и компотом, который мы уничтожали кружками в жаркие летние дни.

– Придется еще принести, а то на рыбалку не пуцу! – заключила мама.

И вновь мы прошли по жаре несколько километров, трясли яблони, ругая неизвестного, сыгравшего с нами злую шутку.

Наутро, возвращаясь с ночной рыбалки, мы обнаружили загадочного злодея – виновника пропажи яблок. Это был наша Рыжая, которую как полноправного члена семьи вместе с лайкой и сибирским котом Гушкой мы взяли на отдых.

Видимо, почуяв приближение зимы, в ней пробудился древний инстинкт. А лучшая подготовка – это теплое дупло и запас еды. Корма – орехи, ягоды, грибы. Ну, за всем этим надо еще бежать в лесной «магазин», а тут под боком ее друзья принесли много яблок. Конечно, они их тоже припасают на зиму. Почему бы ей им в этом не помочь!

Как белка заготавливает лесные дары, мы видели. Иной раз на низких сухих сучьях елок нанизаны были грибы, а на старых мшистых пнях на солнышке, как на плите, сушились ягоды и орехи. Но как белка сушит яблоки, нам видеть приходилось впервые.

Вначале она выбирает самое крупное, закусив его острыми зубками, придерживая яблоко лапкой, неуклюже ковывается к стоящей на поляне стройной елке. С ловкостью акробата-циркача влезает по стволу на край еловой лапы. Начинает раскачиваться, как на качелях, крепко держа яблоко в лапках и прогрызая в нем продольную канавку. Прогрызла. Переворачивает яблоко вниз канавкой и начинает водить, как добрая хозяйка по доске при стирке, с каждым движением все ближе и ближе продвигаясь к стволу до тех пор, пока яблоко накрепко не застрянет в створе еловой лапы, да так, что сильный ветер и дождь бессильны сбросить плод на землю.

Когда мы подходили к дому, рыжая хозяйка уже успела обработать первую корзину и принялась за другую. Мы стояли и глядели на ее работу. Еще бы, не всякому дано в августе увидеть украшенную, как на Новый год, елку. После позвали маму.

На следующую ночь Динка отчаянно лаяла и не давала спокойно спать. У нашего хутора на поляне расположилась компания. Жгли костер, пили водку, брэнчала гитара, звучали похабные песни. Какой-то упившийся тип, в обычном состоянии не поднимающий головы, взглянул в небо, куда улетали пепел, искры от костра, и заметил белкины яблоки. Наутро мы обнаружили тлеющий костер, груды разбросанных пустых бутылок, банок, мятых газет. Вокруг скошенная трава была усыпана градом сбитых пришельцами яблок, на боковинах которых зубки белки оставили ровные канавки.

В то утро пропала и Рыжая. То ли ее забили палками ночные гости, то ли ее умишко не смог снести варварства, содеянного двуногими существами, которых до этого она считала своими друзьями. Ведь не только у людей, но и у зверей самым страшным считается предательство.

* * *

После моего рассказа Пранас долго молчал. Потом смял окурок и зачихнул его про запас по привычке, приобретенной еще со времен сибирского концлагеря, за тыльную часть спичечного коробка.

– А Бог с ней! С рыбалкой! – сказал он, выбрасывая червей из банки подальше от берега.

1971–1991 годы

СМЕРТЬ МАТИССА

Кот Матисс, черный как смоль, по прозвищу Мотя, испачкал лапки в анилиновых ядовитых красках, которыми супруга покрывала свою очередную скульптуру в мастерской. Поскольку любопытный котяра был чистоплюй, он вылизал до блеска свои конечности и в результате отравился.

Я, положив его в котомку, побежал к ближайшему ветеринару. Тот, взяв анализ крови, поставил страшный диагноз – эритроцитов, нужных для жизни, у животного нет. Вместо пяти единиц – менее одной. Вкололи бедолаге массу лекарств в лапку и обнадежили:

– Посмотрим – доживет ли до утра!

Каждые полчаса ночью я заталкивал Мотьке в пасть рекомендованные лекарства. На следующий день вроде полегчало. Но чертовы эритроциты все не повышались.

Целый месяц я таскал друга в ветеринарный институт на Петроградской стороне, где главный ветеринар прописывал ему всевозможные процедуры. Последний раз врач констатировал:

– Безнадежен! Усыпите или везите домой! Сколько протянет – Бог знает...

Мотя лежал на медицинской лежанке, периодически отрывая голову от клеенки, открывал глаза и, убедившись, что я рядом, стонал и падал ниц.

Капельница закончилась!!!

Мы с женой положили Мотеньку в его сумку. Вышли на воздух. Вдруг он дико, как человек, закричал, вытаращил глаза, встал на передние лапы и, резко опустившись, снова застонал. Подъезжая к дому, он успокоился и, как оказалось, навсегда.

22 августа 2009 года

ЧЕТЫРЕ НОВЕЛЛЫ

Экспромт гения

По Невскому 1918 года шли два странных гражданина. Один был высок, в широкополой шляпе с большими полями и в длинном плаще. Другой – маленький, в кургузом пальтишке и чудаковатой кепке. Высокий что-то декламировал, активно жестикулируя руками.

Они остановились на углу Караванной улицы у бывшей булочной Филиппова. Зеркальные витрины были разбиты, на тротуаре среди осколков стекла валялся большой бутафорский крендель, из-за которого игриво выглядывала фирменная буква хозяина «Ф». Маленький обратился к высокому:

– Володенька! Если ты гений, как говаривают все твои поклонницы, зарифмуй это безобразие!

Сделав несколько шагов к цирку, высокий остановился и над промозглым Петроградом раздался его громоподобный бас:

В архив иллюзии сданы,
Живет Филиппов липово:
Стощал Филиппов, и штаны
Протерлись у Филиппова!¹

Два друга – Владимир Маяковский и Давид Бурлюк – проследовали дальше на Фонтанку, в кабак у Пантелеймоновского моста, где отметили экспромт.

21 июля 2007 года

---

¹ Маяковский В. Грустная повесть из жизни Филиппова.

Слон и моська

Когда Маяковский стал появляться в обществе вместе с новой пассией, женой Осипа Брик, Лилей, тогда все злопыхатели подтрунивали над несоответствием гиганта «Дона Жуана» и маленькой «болоночки».

Владимиру Владимировичу это надоело, и однажды в теплой компании билиардистов он выдал:

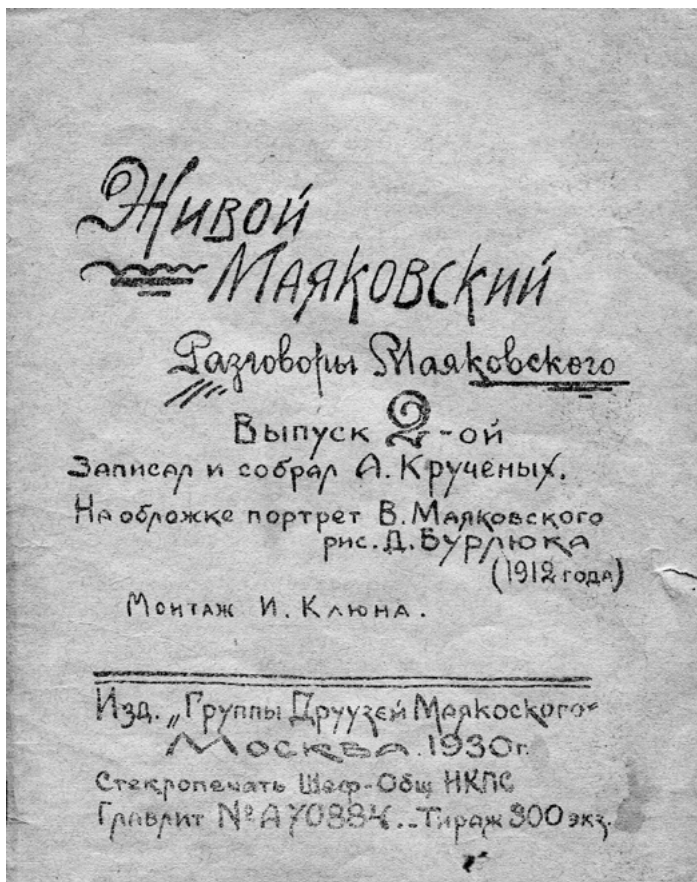
Моя Лиля – лилипут!

Моя Лиля весит пуд!

После этого все разговоры прекратились.

Книга о Маяковском, изданная в 1930 г., подаренная мне
А. П. Лопыревым, сослуживцем отца

Дрянь отборная

Однажды Осип Мандельштам принес Маяковскому увесистую пачку своих стихов с просьбой прочитать, дать оценку и напечатать в журнале. Через несколько дней Маяковский вернул вирши с кратким словом:

– Дрянь!

Осип заскулил, как раввин в синагоге:

– Вовочка, милый, а если лучшие стихи отобрать и напечатать?

– То получится Дрянь Отборная! – выдал Владимир Маяковский и тут же предложил «омыть покойников пивцом». Друзья зашли в ближайший кабак, где пропили все деньги от последнего гонорара Маяковского.

Семь хризантем

На набережную Фонтанки, в дом 50, в Клуб ленинградских литераторов, проститься с усопшим Сергеем Есениным пришли его «верные друзья» чекисты. У гроба стояли Эрлих, супруги Устиновы, скульптор Бройдо, поэт Всеволод Рождественский. Только двое были «штатские» – усопший и его друг-наставник крестьянский поэт Николай Клюев. Бройдо прямо в гробу стал снимать посмертную маску с поэта (для истории). Намазал лицо и волосы Есенина вазелином и ловко, как циркач-фокусник, накидал гипс. Через некоторое время снял гипсовую маску. Лицо и волосы Есенина были мокрые, как после русской парилки. Клюев достал свою расческу и начал расчесывать кудри Сергея. А потом подолом своей русской рубахи вытирал лицо, приговаривая:

– Как тебя, Сереженька, замочили, родной!!

На лбу поэта проступил, как ров, глубокий шрам. А Клюев все гладил лицо и волосы, приговаривая:

– Как тебя, Сереженька, замочили, родной!! Замочили, родной!..

Когда гроб с телом поэта понесли на выход со второго этажа по узкой лестнице, то он то слева, то справа прижимал несущих, как хулиган, что лупил противников по лицу. Через длинную подворотню дома вынесли гроб на набережную Фонтанки и поставили на подводу, запряженную ломовиком. Вдруг к провожавшим подбежала опоздавшая актриса Вероника Полонская (жена мхатовца Михаила Михайловича Яншина) и положила на крышку гроба семь хризантем. Клюев бросился к ней с воплем:

– Дура! Покойнику подносят чет!

Взял и бросил одну из хризантем под подковы лошади.

Процессия двинулась по Фонтанке, свернула на Разъезжую, Лиговский проспект. Есенин в последний раз отправлялся в Москву...

Через пять лет в Генриховском переулке в Москве та же Вероника Полонская объяснялась в любви с В. В. Маяковским. Через минуту после разговора, едва Полонская вышла на лестницу, в комнате-лодочке раздался роковой выстрел.

Странно! Поэт якобы стрелял в сердце и по всем военным законам выстрел должен был отбросить его на спину. А он упал лицом вперед и сломал переносицу..?

Сломанный нос Владимира Маяковского и ров-шрам на лбу Сергея Есенина и семь гвоздик Вероники Полонской, загадочной женщины в судьбе двух русских поэтов...

МЕНЮ ДЛЯ САВИНОЙ

С Марией Гавриловной Савиной связана одна любопытная реликвия, хранящаяся у меня.

Но все по порядку.

В Ленинграде в середине прошлого века жил известный профессор-медик, заведующий кафедрой терапии Первого медицинского института имени И.П. Павлова, крупнейший в мире специалист по бронхиальной астме Пантелеймон Константинович Булатов. Он был негласным шефом двух академических драматических театров – Пушкинского (ныне Александринский) и БДТ имени А.М. Горького (ныне имени Г.А. Товстоногова). Его пациентами оказались многие замечательные артисты, ставшие

А. Мурин. Карикатура на П. К. Булатова

легендой русского искусства XX века. Да и жил летом профессор в «театральном» поселке Яблоневка, на 101 километре Карельского перешейка, близ Суходольского озера. Рядом были дома Н. К. Черкасова, Е. З. Копеляна, Н. К. Симонова, А. Ф. Борисова, Е. А. Мравинского и других.

Пантелеймон Константинович сполна оправдывал имя святого, в честь которого был назван. Да и именины свои отмечал 9 августа, в день Пантелеймона-целителя.

В тот год коллеги, ученики, друзья профессора приехали к нему из Ленинграда. А артисты с утра потянулись к дому Пантелеймона-целителя с нехитрыми местными дарами – кабачками, тыквами, цветами, а кто и с копченой рыбешкой. Звучали песни, стихи, розыгрыши. На это лицедеи-заводилы были большие мастера-мастаки.

Приехал поздравить именинника и его старший брат, ученый-химик Константин Константинович. Он также был популярный в театральной среде человек. В крошечной каморке-лаборатории, что притулилась на колосниках Малого оперного (ныне Михайловского) театра, Булатов-старший творил чудеса. Он мог шкуру дохлой кошки, дворовой вшивой собаки, задрипанного зайца-кролика перекрасить, превратив в горностаевый палантин или в соболью с бобровым воротником шубу. Из осколков винных, пивных бутылок сотворить шапку Мономаха для Великого государя, из боя «Столичной» или «Московской» – блистающий бриллиантами кокошник русской красавицы-царицы. Из кухонной клеенки сшить сафьяновые красные сапожки для «убиенного» царевича.

Все «народные» выходили на сцену в изделиях Константиныча.

Вечером за праздничным столом, где собрались все жители театрального поселка и гости, дядя Костя передал мне для прочтения сложенный вчетверо старый, потертый на углах листок, добавив:

– Это мой тебе, Шура, подарок.

Я раскрыл листок и с выражением прочел шуточное меню, что было на бенефисе М. Г. Савиной.

Прошло полвека!

Нет ни Пантелеймона-целителя, ни его старшего брата Константиныча, нет и той замечательной когорты артистов, перед которыми состоялся мой «чтецкий» дебют.

А ведь это «савинское меню» театральные «ребята» Давыдов, Долматов, Корвин-Круковский, Усачев составляли в «Барышниковском доме» на Николаевской, 31 (ныне улица Марата, 31), где на втором этаже размешалось «Театральное общество», основанное великой актрисой.

Именно из него М. Г. Савина руководила делом всей своей жизни – строительством Дома ветеранов сцены на Петровском острове, что влачит сегодня жалкое существование.

Апрель 2003 года, «Петербургский театральный журнал», № 32

Оригинальное меню

«В лето от Рождества Христова в 1910-ое, Марта 1 дня, в чистый понедельник о восьмом часу опосле вечерни, царевы комедианты, што к Александринской комедийной палате приписаны, особливу цареву комедиантку Марию Гаврилову, дочь Савину, по комедиинному делу наибольшую и до всякой комедии зело дошлую, питием да явствами ублажить надумали.

А што пития, да снеди, тому роспись.

А в перву голову –

Зелено вино из царева кабака, в посудине стеклянной,

Сергучом белым печатанное.

Да настой на ягоде рябине,

Да настой же на ягоде клюкве Володимерской,

Да вино горькое, на травах англицких ставленное,

Да травник на разрыв-траве,

Да тминная сладкая.

А к ним прикуска:

А в первую очередь –

Капуста монастырского огороду коченом с говяжьей прокладкой, на пару мореная, а к ней груздь, да рыжик-гриб жареный, да подлива.

Рыба малая снеток из Бела озера на сковороде. Да рыба тальянская, што без головы в теплом море, што посреди земли стоит, водитца. Да говядина в кишке рубленая. Да всякая снедь хитроделанная, а што ешь – не ведаешь. Да соленья, да варенья разные, а и несть числа. А ешь стоя.

Опосля, когда стоять не в моготу, а в брюхе пусто, за столы пойдут, а тут сядут, тем часом холопы, што из татар полоненных, едой обносить учнут.

А в перву перемену:

Хлебово из огурца с почкой. А запивать вином с острова Медера, што на краю света.

Во втору перемену:

Рыба разная вареная, да рыба-рак, что взад ходит, клеем залита.

А пить вино рейнское белое.

А в третью перемену поднесут:

Меню для Савиной

Говядину куском, говяждою же кутанную, а около из курья да рябца ко-тышки рубленные для ради тех, што на службе царской свои зубы проели, а на чужие денег алтына нет.

А пить квас заморский хмельной, што пробку рвет, а варил француз Сантий Марсов, да Шанда Мацен.

На заедку, нарочито ради женок, што всяку сладость любят, молоко с ягодой разной во льду мешаное.

А чтоб утроба не захолодела, и тем хворость не причинилась, пить на-стой горячий из желуда ефиопского толченого, што арапы на вельбудах привозят, а к ему варево сладкое, нарочито хмельное на травах лекарских, што, Бога забывши, паписты-монахи бенедикты по монастырям, от мирян запершись, тайно варят, за каковое дело из земли фряжской и повыгнаны, а ноне Христовым именем побираются, да пристанища по чужим землям ищут.

А икоту унять пойло немецкое, вина разнаго мешаное, а в ем огурец ефиопский сладкой, ломтем крошенный плавает, а стоит во льду, а кругом огни разные.

А как еда больше в глотку не пойдет, и люди захмелеют, а штоб не заснули, тем часом немец учнет снаряд некакой нарочито хитрый за ручку вертеть и покажет диво-предивное, из чудес чудо-пречудесное, а по нашему зовется кин-мат-графа.

Опосля же всего пойдет пляска, а кто запоеет, а кто ума скудости ради в бумажки изографами в красках писанья играть учнет, а кто во што горазд.

А за едою веселый скоморошенька Андреев Васька с товарищи на дом-рах и гусях песни играют.

А штоб свар-драки, кому где сидеть, не было, к тому смотрением при-ставлены:

Комедийный дьяк Николка Карнев,
да комедийные ребята: Володька Давыдов,
да Ромашка Аполлонсков,
да Егорка Карвин из венгров,
да Андрейка Петровской,
да Алексашка ж Усачев – он же роспись писал.

А вам, государи, пить да есть и нас словом добрым поминать, а в чем, государи, проруху найдете, на том простите и лихом не поминайте – всего не доглядишь».

Оригиналы в кн. М.

Во лето отъ Рождества Христова въ 190 году, Марта 1 дня, что въ кнестой Понедельникъ, с воеводами каае отосишь воеводу, царевы кааиданты, што къ Александрийской кааиданной грамоты приписаны, особливо цареву кааидант-ку Марию Таврикову, дочь Савину, по кааиданной грамоте кааидантской и до всякой кааидант-ской званю дошлю, питишь, да яствами увеселити кааидант-скую.

А што питишь, да яствами, таку росписашь.

А въ первую голову -

Зино вино изъ царева кабака, въ посуду изъ стемляной, Сергураи бѣлыми пегатонае.

Да настой на медь рѣбичишь,

Да настой-ше на медь князь с Валадимерской,

Да вино грехое, на травахъ аминскихъ ставиенное,

да травникъ на разрови-травы,

да тминная сладкая.

А въ кнестой прикуска:

А въ первую очередь -

Капуота монастырская отароду когоничъ съ гавяносей прокладкой, на пару мореная, а къ ней гуродъ, да рѣбичишь-градъ мореный, да подлива.

Рѣба яства сметанъ изъ бѣла-сера на сковорода.

Да рѣба тавриковская, што безъ головы въ тѣмъ марѣ, что што подрѣтъ велики стоить, водича.

И полагашь въ кнестой рубль мед.

Да всяка яства аминская, а што тѣмъ - не вгадашь.

Да соинья, да вареная расной, а и новеи кнеста.

А яства став.

Опосля, когда яства не въ посуду, а въ буютъ пусто, да стави пойдуть, а тутъ следуютъ: тѣмъ часамъ аминъ, што изъ татаръ. половецкихъ, яства отосишь учинити.

А въ первую перемену:

Либово изъ оудра съ пошкой.

А заливать виномъ съ острова Медра, што на краю света.

Во втору перемену:

Рѣба разная вареная, да рѣба-яства, што вразѣ гуроды, кнестой яства.

А питишь вино райское бѣлое.

А въ третью перемену покуска:

Таврикову кучкомъ, гавяного дѣла куча, а скало изъ кучи да рѣба котомки рубленные дѣла ради тѣмъ, што на сурьбѣ царской сваи губи протѣли, а на кучи дѣла аминъ кнестой.

А питишь квасъ заларской аминной, што продку рѣбичи, а варити французъ Сантій Марсовъ, да Шандо Маценъ.

На заводу, парочито дѣла, ради аминной, што всяку сладость любятъ, малюко съ яствами разной во лбу итѣмъ.

А яства яства не задаловишь, и тѣмъ яства не

приглашаем, пить настай горючей, из ялуды египетского талочного,
кто араны на вышудадеть превозать, а кто ашу карево сладкое,
нагорито Ашманное на праваях, стокарская што, Бога забывши,
патшеты-мвнати Бенедикты по монастырской, от муртовъ задр-
мишь, тайно карята, за какое дело изъ велики французской и
попнати, а концы Христовиши и мнѣю побраотей, да приставиши
по чудешью Величави и ишудить.

А иному ундить пилю не есучое, вина разнаго мяшаное,
а въ сѣть буреть египетской сладкой, лощитель крошечки пашва-
еть, а стоитъ по льду, а кругомъ огни разныя.

А разо тогда больше въ моту не поидеть, и мови задесе -
мнотъ, а што въ не востучи, тѣмъ гаситъ князь ученикъ
скардъ ктокакой карогито китрий за ручки веритѣи и по-
кажетъ диво-предивное, изъ чюдешъ цудо-предивное, а по кашану
завестъ Кинь-машь-графъ.

Опася все вели поидеть князю, и кто Ванеть, а кто
цня скубости рада въ бушудеки изображати въ краскаехъ
писаннѣ ираишъ ученикъ, а кто во што кародъ.

А за рвото велики скалороменька Андрейскъ Василъ ох-
таварца на до мурата и ишудить итени карогитъ.

А въ што въ свертъ-драка, концы цудъ судить не было, въ
тому спомутниши притави ендъ:

Комидийны дивы и
да комидийны ребды

Шикашка Карневъ,
а: Валюшка Давидовъ,
да Ромашка Аполонсковъ
да Бюшка Карвинъ изъ венровъ,
да Андрейскъ Потуревскый,
да Алексашка мѣъ Усачевъ - отъде
ишь тшавъ.

А вамъ, пошудари, пить да пейть и настъ словомъ
да дробить кашанай, а въ мнѣ, пошудари, пророчу на и дѣе
на томъ притави и муратъ не пошипайте - всея не
доиддиди.

УЛЫБКА ДЖОКОНДЫ (Н. К. ЧЕРКАСОВ)

В 60-е годы грянула хрущевская оттепель в искусстве. Издали томик рассказов М.М. Зощенко на серой газетной бумаге, «Избранное» А.А. Ахматовой, скрепя все партийные суставы, разрешили исполнить в концертном варианте в Ленинграде оперу «Леди Макбет Мценского уезда» Д.Д. Шостаковича.

Но были рецидивы «холодной хрущевской зимы». Нет, это не сапог Первого секретаря в ООН, не кулак, направленный на молодых поэтов, художников и музыкантов. Это рассказ о любимце всей нашей страны, гениальном актере Николае Константиновиче Черкасове.

Ранее, в 40-е годы, вышел на экраны фильм «Счастливое плавание», где он сыграл главную роль – наставника нахимовцев, этакого морского волка.

А мы, капелльские мальчишки, разучили и записали для картины замечательные песни Василия Павловича Соловьева-Седова «Солнышко светит ясное...» и «Шумит вдали прибой, мерцают звезды...», которые стали шлягерами в стране.

Мы часто их исполняли на концертах, на самых различных площадках. Вместе с нами часто участвовал и Н.К. Черкасов. Он обычно читал финальный монолог профессора Полежаева из кинофильма «Депутат Балтики». Помните? «Я обращаюсь к Вам, господа! Да, я не оговорился! Именно вы, краснофлотцы, революционные солдаты – сегодня господа нашей страны...» и т.д.

Возвращаясь с эстрады, артист шутил с капелланами – то пройдет «чайником», то кукарекнет, вздохматит наши затылки, то обнимет себя за спиной длиннющими руками, часто за наше «божественное» пение одаривал конфетами, которыми заранее набивал карманы.

Я знал Николая Константиновича в домашнем кругу как дядю Колю. У нас дома, в кругу друзей – Е.А. Мравинского, Д.Д. Шостаковича, И.Л. Андроникова – он садился за рояль, отец, военный инженер Алексей Григорьевич Мурин, брал скрипку, и они «по заказу» гостей «шпарили» «Купите фиалки», «Кирпичики», «Очи черные», «С утра побрился и галстук новый...» и другие «вульгарные» с позиции партии сочинения.

В 60-х годах Н.К. Черкасов в родном Пушкинском театре (бывшей Александринке) заступился за своих коллег, которых ретивый

Н. К. Черкасов, Ван Клиберн, Валерий Климов, Большой зал Филармонии. Концерт лауреатов 1-го конкурса им. Чайковского, 1958 г. Фото В. Григоровича

партийный директор-чинуша «погнал» в 60 лет на пенсию. И ему, народному артисту СССР, депутату Верховного Совета СССР, чиновник напомнил:

– Вам тоже за шестьдесят!

Черкасов написал заявление об уходе на пенсию! Директор подписал.

И великий актер оказался за бортом не только родного театра, но и искусства.

Болезнь, бронхиальная астма, до поры до времени молчавшая в организме, схватила его своей последней смертельной хваткой. А в Ленинграде, в Первом медицинском институте им. И. П. Павлова, был крупнейший в стране специалист по этой болезни доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой Пантелеймон Константинович Булатов. Он также был друг нашей семьи, и когда он звонил, я откликался на его просьбы: то лодку помочь перевезти с озера на озеро, то передвинуть мебель и т.п.

В один из дней Пантелеймон позвонил мне и, как обычно, спросил:

– Шура! Ты завтра не очень занят?

Я ответил, что завтра свободен. Мелкие дела были побоку, когда я был нужен Булатову.

– Яша (личный шофер профессора. – А.М.) завтра за тобой заедет. Ты мне очень нужен, – прибавил Пантелеймон Константинович.

Утром «Волга» несла нас по Приморскому шоссе. Мы остановились между Солнечным и Комарово у знакомой дачи Черкасова.

На крыльцо, услышав шум мотора и разговоры, вышел хозяин в пиджаке, халате и домашних тапочках. Он казался на десяток сантиметров ниже обычного. Впала грудь и шаркающая старческая походка. Сквозь кашель раздался знакомый черкасовский бас:

– На что Пантелеймон Константинович пожаловал? Меня не лечить надо, а сжечь в крематории!

Они прошли в столовую. Через полуприкрытую дверь я увидел, как Черкасов снял халат, рубаху, а Булатов стал его простукивать, вертеть, как чучело. Когда надо, больной кашлял.

Обычные медицинские процедуры-манипуляции. Дон Кихот и его оруженосец Санчо Панса. Но у Пантелеймона-целителя было какое-то беспомощное растерянное выражение лица.

Вдруг он повернулся к двери и бросил:

– Шура! Подойди!

Я вошел, поздоровался. Черкасов узнал меня.

Булатов:

– Слушай, на той неделе в гостях ты копировал Николая Константиновича. А ну-ка повтори, как ему вручают Ленинскую премию за роль академика Дронова «Все остается людям»!

Я встал в позу. Протянул руку, как нищий на паперти, и произнес, шепелявя, как дядя Коля:

– Жубов нет, жевачь нечем! Вше оштается людям!

Черкасов взорвался в ответ:

– Молодец, Шанька! Ждорowo подметил!

И громоподобный кашель начал душить его.

Пантелеймон сделал рукой жест, который означал: «Быстро! Мигом линияй в машину!»

Мы возвращались в Ленинград, Пантелеймон Константинович, обычно разговорчивый, сурово насупясь, молчал. Вдруг, глубоко вздохнув, сказал:

– А ты обратил внимание, на твою хохму Черкасов не улыбнулся? Это дело швах! Конец!

И слышать эти слова из уст Пантелеймона-целителя было необычно страшно.

Вскоре великого Артиста не стало.

– Умер он от человеческой сердечной недостаточности... – констатировал после похорон Булатов этот жестокий диагноз.

Михаил Константинович Аникушин изваял ему на кладбище (Тихвинском) Александро-Невской лавры изумительный памятник – молодой Черкасов сидит в легком коломянковом костюме, в сандалиях, отдыхает. Его взгляд устремлен на небеса, на устах «джокондовская» улыбка, которой и не дождался Пантелеймон-целитель.

А у меня при взгляде на этот шедевр звучит бессмертное черкасовское «Капитан, капитан, улыбнитесь...»

5 августа 2007 года

«ПЯТЫЙ УГОЛ»

На знаменитых в Питере «Пяти углах», что образовались на пересечении Загородного проспекта, улиц Рубинштейна, Разъезжей и Ломоносова, стоит двухэтажный, вросший от времени в асфальт, дом XVIII века с крутой высокой крышей. Он когда-то принадлежал моему дальнему предку, потомственному почетному гражданину, гласному Петербургской Думы от питейных заведений – был и такой депутат в Думе! – купцу первой гильдии Ивану Михайловичу Оленчикову, старшему брату моей прабабки А. М. Муриной-Оленчиковой.

В 60-е годы прошлого века на втором этаже здания размещалось местное почтовое отделение, а на первом была знаменитая в округе разливно-рюмочная «Винница», где собирались ворюги с Кузнечного рынка, бомжи с Витебского вокзала, обитатели многочисленных коммуналок окрестных домов с Лиговки, Марата, Разъезжей, Фонтанки. Здесь разливали в граненые стаканы портвейн «Три семерки» и пойло «Арагат». К ним полагался шоколадный батончик-суррогат с «Надькиной» фабрики (Кондитерская фабрика имени Н. К. Крупской), что располагалась на углу Марата и Социалистической. В 1944 году мы мальчишками бегали на этот угол нюхать шоколадный аромат, что разносил ветер.

«Пятый угол» притягивал к себе всех тех, кто не мог доползти до «Сайгона» или из-за непрезентабельного вида не смел там появиться. Среди «пятиугольников» встречались старые артисты из соседних театров. Можно было вспомнить былую роскошь, времена, ушедших друзей, помянуть, повздыхать, разбавляя «Три семерки» своими горькими слезами.

– Кто пел? Кто играл? В наше-то время...

Как-то с моими приятелями по Областному дому творчества мы шли, загруженные сайгоновскими пирожками, на «Пятый угол» sprыснуть очередную юбилейную ленинскую дату, что пышно прокатилась по стране. Денег было в обрез. Пустые желудок и кошелек способствовали веселому настроению души. Только с просторной Владимирской площади наша компания вырулила в узкую горловину Загородного проспекта, как мы услышали пронзительный непрерывный свист со стороны «Углов». Навстречу нам по проезжей части бежал гражданин. Полы пиджака и пальто его развевались сзади. Рубашка и галстук были на боку. На мясистом носу забавно, с одной стороны на другую, прыгали круглые очки. Мужчина пытался водрузить их на место. Это плохо получалось. За ним бежал усатый постовой, выдувая филармонические трели из свистка. Мент свистом

И. Игин. Карикатура на В.П. Полицеймако

сбил дыхание, и его ноги выделявали какой-то экзотический эстрадный танец. Вдруг я узнал преследуемого. Виталий Павлович Полицеймако, артист из Большого драматического театра имени Горького. Несколько секунд – и я бросился к нему наперерез, схватил за руку, успел крикнуть:

– За мной!

Мгновение – и проходная парадная, проходной двор на Рубинштейна, коридор в 23-м доме – и мы стоим в подворотне на Фонтанке.

– Ты кто? – спросил Полицеймако, взглядываясь в мою раскрасневшуюся рожу.

– Шура-Мура, – ответил я.

– Что за Мура?

И мне пришлось напомнить Виталию Павловичу давнее, как в годы войны в Горьком он учил одному стишку ленинградского мальчишку.

Так случилось, что Ленинградская капелла и БДТ оказались в эвакуации в тыловом городе Горьком. Жили в гостинице рядом с местным театром. Когда утром певцы Капеллы шли на концерты с моей мамой, дирижером Елизаветой Кудрявцевой, не занятые в спектаклях артисты БДТ

пасли и своих, и пришлых капелльских «голодранцев». В один из таких дней Полицеймако и выучил со мной стишок, который я вечером и исполнил под хохот артистов и певцов.

Жил да был на свете еж,
Он на щетку был похож.
У ежа с такой душой
Друг был закадычный –
Поросенок небольшой,
Но весьма приличный.
– Я да ты, да мы с тобой, –
Еж твердил, бывало,
– Целый мир перевернем,
И того нам мало!
Как-то в кухню он зашел:
В кухне пахло тленом.
И приятеля нашел
Он давно под хреном.
– Ах! – воскликнул, слезы лья, –
– Как ужасны люди!
Лучший друг, почти свинья,
И лежит на блюде!
С той поры стал еж скромней.
Что за перемена?
И боится он людей,
И боится хрена¹.
А теперь скажу вам все ж
По секрету тихо...

Здесь я прикладывал палец к губам, как учил дядя Витя и шепотом сообщал:

Это вовсе не был еж,
А была ежиха!

---

¹ По мотивам стихотворения В. Инбер «Еж».

Виталий Павлович, слушая меня, трезвел на глазах, а в конце облобызал в ухо и попросил:

– Посмотри, нет ли «фараонов»!

Убедившись, что всюду тихо, вышел из укрытия и походкой делового озабоченного человека пошел по Фонтанке, что-то мурлыча под нос.

Я вернулся на «Угол». Мои друзья уже успели «принять на грудь», а высокий, двухметровый парень объяснял окружающим случившееся. Полицеймако беседовал с приятелем в «Шалмане». Вдруг вспомнил, что должен быть в театре. А дисциплина у ГАТа (Георгия Александровича Товстоногова) была железная. Артист решил позвонить дежурному, даже придумал отговорку («троллейбус с рельс сошел»), перебежал на другой угол, где у театральной кассы стояла телефонная будка. В ней названивала своему «Ромео» пикантная «Бриджит Бардо». Виталий Павлович умолял, стучал двушкой по стеклу, коленопреклоненно стенал и, наконец, поднял будку с мадам и поставил дверцей к стене. Красотка сумочкой разбила стекло и завопила, как оглашенная, на все Пять углов. Остальное описано выше.

С тех пор я стал завсегдатаем БДТ. «По блату» контрамарок Полицеймако десятки раз смотрел «Эзопа», «Гибель эскадры», «Идиота».

Высокий парень, что выпивал с артистом, оказался в дальнейшем литератором Сергеем Довлатовым.

Журнал «Нева», № 1, 2007 год

«ОЙ ВЫ, КУРЫ...»

Помните, у Корнея Чуковского:

«У меня зазвонил телефон:

– Кто говорит?..»

А дальше не по Чуковскому:

– Артист Олег Даль!!!

Осознав, что это не розыгрыш, я поинтересовался причиной столь необычного звонка. Олег Даль:

– Мне сказали, что вы в последние годы работали с балетмейстером Обрантом. На «Ленфильме» снимают картину, прототипом главного героя, которого я играю, был он. Мне дорога каждая черточка этого человека. Я займу у вас несколько минут, если вы не возражаете!

Договорились о встрече на следующий день на Марата и Разъезжей у «Мебеляшки».

– Я буду в плаще! – добавил артист.

– Я тоже надену плащ! – парировал неожиданно для себя я.

Даля я впервые увидел случайно на съемках фильма «Король Лир» в Ивангородской крепости, где я, тогдашний заведующий музыкально-хоровым отделом ОДНТ (Областного дома народного творчества), оказался в довольно пикантной ситуации.

Для съемок батальных сцен фильма снесли танцевальную площадку местного Дома культуры, которая «поила», «кормила» и «одевала» местную самодеятельность. Зав. отделом культуры района Александр Иванов и директор этого «очага» Толя Флеров направили меня парламентаром в крепость, где в осаде «злых» культурработников сидел со своей киноармией и держал оборону Григорий Козинцев.

Я поднялся по виадуку к крепостным воротам. «Ленфильмовский» чербер, узрев мой красный молоткастый с крабом-гербом пропуск, сделал непростительную ошибку – приоткрыл старинный засов. Далее все было делом техники.

В крепости вовсю шли съемки. То тут, то там вспыхивали «дымы». Носились какие-то всадники в кольчугах. Шум, гам. Но все крутилось-вертелось вокруг трех личностей: худенького Козинцева, что визгливым, женским голосом вопил в микрофон; маленького, тщедушного Лира – Юри Ярвета и его отражения, этакого мальчика из «Освенцима» в сером трико, Шута – Даля.

В перерыве получив личные заверения Козинцева, что танц-плац ивангородских «пузочесов» (гитарного ансамбля) восстановят по окончании

съемок, я покинул крепость к радости друзей, которые уже поставили крест на моей дальнейшей дипломатической карьере.

Спрыгнув с трамвая, я увидел у колонны мебельного комиссионного магазина сутулую фигуру артиста с перекинутым через плечо плащом. Представились. И я рассказал ему все, что помнил о балетмейстере.

Кто в нашем городе, да пожалуй и в стране, не знал Ансамбль эстрадного танца Аркадия Обранта?! Немного истории.

В 30-е годы композитор, дирижер, пианист, человек неумной энергии Исаак Дунаевский создал первый в стране ансамбль песни и танца пионеров и школьников. Выбил у Жданова для работы Аничков дворец. Подобрал себе под стать талантливых помощников: хормейстеров Григория Беззубова, Марию Заринскую, а балетмейстером пригласил Аркадия Обранта, который закончил перед этим Институт физкультуры имени Лесгафта по специальности «спортивно-художественное движение».

В ансамбле зазвучали знаменитые песни композитора, а балетмейстер поставил ставшие классикой композиции «Тачанка» и «За власть Советов!»

Вскоре по стране вслед за ленинградским возникли сотни подобных ансамблей.

Грянула война. Ленинградская блокада. Обрант в действующей армии. Тяжелое ранение. После госпиталя на улице случайно встречает свою маленькую танцорку. Она истощена, еле двигается. Пошли по адресам участников ансамбля. Собрали оставшихся в живых. Стали репетировать. Искусство вернуло ребят к жизни. Их зачислили на довольствие в действующую армию как ансамбль-политвзвод. Так были спасены балетмейстером от гибели ленинградские ребята. Последний трехтысячный военный концерт ансамбль Обранта дал в сорок пятом на руинах Рейхстага в Берлине. Эта история и легла в основу картины «Мы смерти смотрели в лицо». В мирные годы Ансамблю эстрадного танца для программ писали джазовую музыку Дунаевский, Шостакович, Соловьев-Седой, Прицкер, Носов. Сотни концертов по стране, пока «деятели от культуры», борясь с буржуазным влиянием в искусстве («Сегодня он танцует джаз, а завтра Родину продаст!»), не разогнали ансамбль.

Аркадий Обрант остался без дела, которому отдал молодость, знания, талант, жизнь. В эти черные дни и свела меня с ним с судьба. Я служил в Областном доме народного творчества, и мы давали балетмейстеру разовые «халтуры» в многочисленных танцевальных областных ансамблях. Готовилась очередная «ленинская дата». Смотры, концерты, помпа – показуха!

Мы с Обрантом поехали в Подпорожье довести «до ума» местный танцевальный ансамбль и подготовить его к концерту в Кировском театре. Путь долгий. Пили традиционно черный (с содой для цвета) железнодорожный чай. Рассказывали байки, анекдоты. Вот и «Погра».

В Доме культуры нас ждали. Аркадий Ефимович взял быка за рога. Усадил меня за фортепиано, а сам повел первую пару в композиции «Лен». Репетировал самоотверженно, отчаянно. Люди его понимали с полуслова, с намека, с движения. Незаметно пролетело три часа, как вдруг явился местный баянист, отошедший от вчерашней пирушки.

– Тык! Пык! Мык! – пробурчал он. Балетмейстер сел за фортепиано и с блеском Цфасмана, эстрадного пианиста, сыграл всю хоровую композицию.

– Вам ясно! Как надо! – обратился он к протрезвевшему вмиг баянисту и, увидев мой удивленный взгляд, добавил шутя:

– Я, батенька мой, до Питера закончил Скрябинский музтехникум в Москве как пианист!

И снова два часа изнурительной самоотдачи участников ансамбля и вдохновения Обранта. Несколько дней репетировал он, и на глазах ансамбль обретал черты мастерства.

– Фантастика! Вот каков наш народ талантливый! – бубнил под нос балетмейстер.

Поздней ночью танцоры гурьбой провожали нас на вокзал. С трудом уговорили ребят не ждать мурманского поезда и разойтись по домам. Мы долго бродили по свежему морозному перрону. Перекликались паровозы. Каждый из нас думал о своем.

Вдруг взгляд Обранта уперся в железнодорожный столб, на котором была прибита картина-агитка. На ней перед бампером паровоза бегали курицы, у одной на рельсах лежали лапки, а ниже трафаретные стихи:

Ой вы, куры, ой вы, дуры, не ходите по путя...

А не то вас, куры-дуры, перережет попола...

Аркадий Ефимович несколько раз прочел этот «перл», не веря глазам, заставил меня прочесть вслух и возбужденный, возмущенный сказал:

– Такая безграмотность в таком русском городке! Не допущу!

И мы пошли искать железнодорожное начальство. Открыв несколько дверей, наконец, нам откликнулись на «начальника», что сидел у пульта и материл на все лады какого-то машиниста, что держит пятый путь.

Оторвавшись от микрофона-тарелки, он жестко спросил:

– Чаво?

Выслушав интеллигентные, с извинениями объяснения Обранта, еще раз взглянул на нас, словно на инопланетян, и рубанул:

– Плакат на столб не влезал. Вот мы его и обкорнали! – и снова в микрофон:

– Мать-перемать! Освободи пятый! Мурманский идет!

Мы закрыли дверь и, не сговариваясь, беззвучно захохотали. Обрант показывал пальцами у губ: «Тише, тише! Вдруг начальник услышит!» Балетмейстер ходил по перрону и распевал на все лады «Ой вы, куры, ой вы, дуры...» То под ритм лезгинки, то под русский бальный, а когда появился ночной мурманский поезд, то он, как на первомайской демонстрации, заголосил на мотив финала Девятой симфонии Бетховена:

– Ой вы, куры, ой вы, дуры, не ходите по пу-тя...

Утром вышли с Московского вокзала на Невский. Я стал дожидаться троллейбус «семерку», а Обрант пошел по улице гарцующей балетной походкой с гордо поднятой седой головой. Моросил ленинградский снежок.

Это все я рассказал Олегу Далю при встрече. Он слушал, вонзив в меня чуть выпученные, немигающие белесые глаза. А потом бросил плащ на парапет и пошел, балансируя по анфиладе, напевая на бетховенский мотив:

– Ой вы, куры...

Сделав поворот, вернулся на первую позицию и спросил:

– Ну как, похоже?

Получив восторженный ответ, взял с меня слово прийти на премьеру.

В суматохе дней затерялось его приглашение на фильм «Мы смерти смотрели в лицо!» Уже после кончины Даля я увидел картину. Меня потрясла сцена из фильма. Балетмейстер (Даль) идет по ленинградской улице. Вмерзли трамваи, висят оборванные провода. Рана дает знать. Он сутулится, горбится. Но вспомнил, что он артист. И стала легкой походка, выпрямилась спина. Точно, как у Обранта, уходящего вдаль.

«Ой вы, куры...»

РЕКВИЕМ ПО ЗОЩЕНКО

В 1955 году на семейном совете старшие Мурины решили, что для меня лучшая учеба – практика. И я, студент дирижерского факультета Консерватории, стал помощником моего крестного отца Александра Григорьевича Мурина в рабочем хоре Металлического завода имени Сталина на Выборгской стороне и в ансамбле песни и пляски «Трудовые резервы», что был на улице Софьи Перовской, дом 3.

Это был, помимо пользы, хороший «приварок» к скудной студенческой стипендии.

В один погожий сентябрьский день дядька познакомил меня с парнем, почти моим ровесником. На нем был синий, лоснящийся на сгибах и коленях костюм. Над выразительными цыганскими глазами взметнулись дуги бровей. Черные как смоль волосы были напомажены бриолином и аккуратно зачесаны назад. Картавя, он представился:

– Валерий! – и тихо, на выдохе добавил:

– Зощенко!

Александр Григорьевич, предвосхищая все разговоры, предупредил:

– Это не тот Зощенко, что писатель. Это его сын. Он будет у нас бегать по заводу по цехам и собирать на репетиции певцов. Его «башли» будут выписывать на тебя, а ты будешь отдавать ему. Понял? Так надо. Нет вопросов!

Оказалась, что фамилия его папаши писателя Михаила Михайловича Зощенко была так «популярна» у кремлевского начальства, что и его сына Валерия не брали на работу, и они с женой и маленьким сынишкой бедствовали. Да и сам Зощенко-старший, которому «перекрыли кислород», сидел на мели, распродавая домашние вещи, чтобы не умереть с голоду.

Часто на концертах Валерий Зощенко вел программу. Делал это артистично. Доставал старый отцовский смокинг, бабочку «кис-кис», лакированные штилеты и, немножко грассируя, объявлял:

– «Песня о Ленине», Серафим Туликов! Исполняет хор Металлического завода имени Сталина, руководимый... Солист Николай Ленин!

Получался странный парадокс: будто Сталиным кто-то руководит, а Ленин поет о себе!!

Помню, как после концерта в зале райкома партии у Финляндского вокзала к нам ворвался возмущенный партийный руководитель и, нервно заворачивая у виска крючковатым пальцем воображаемый шуруп, завопил на нас:

– Идиоты! Придумайте своему Ленину псевдоним на будущее!

На следующем концерте Валера хладнокровно объявлял все «как надо». А в конце, выдержав гамлетовскую паузу, выдал:

– Солист! Николай! Ульянов!

Овация зала была такова, что мы уже могли не петь «Песню о Ленине», а собирать свои манатки и уходить со сцены.

Порой на концертах в подшефном Волховском районе Валерий позволял себе вставить остроумный анекдот или байку из архива записных книжек великого папаша. Они тут же становились крылатыми фразами.

Как-то после репетиции Зощенко спросил меня:

– Старик, куда едем?

Я ответил:

– На Софью Перовскую, в «Трудовые резервы».

– Едем вместе, – предложил он, – надо папаше на Грибоедова жратвы привезти!

Мы купили в заводском магазине картошку, лук, хлеб.

– Нет ли у тебя ненужной газеты? – поинтересовался Валерий, – уж больно хороша та бочковая селедка, а бумаги-то нет.

Я вынул из сумки ворох прочитанных изданий, в которые толстуха в грязном фартуке бросила с весов пару жирных рыбин.

На «двойке»-автобусе мы мигом домчались до Конюшенной площади. Друг нес на вытянутых руках селедку, а я, как Дон Кихот, был обвешан сумками с хлебом, овощами, нотами. Поднялись на верхотуру, где жил его отец.

– Папа! Это я! – крикнул с порога Валерий, – мы с Шурой-Мурой-младшим принесли тебе продуктов!

– Ну-ка покажись-ка, Муриш-Шуриш!

Я заглянул в дверь, поздоровался. В кресле, прикрыв ноги пледом, сидел двойник Валерия. Только лицо его было какое-то желтоватое, а волосы серые-серые.

– Валера, оставь все на кухне! Мать придет, все разберет, – сказал он тихим голосом.

Мы высыпали картошку и лук на пол. Зощенко стал разворачивать источавшую тухлый запах селедку. Его глаза уткнулись в объявление в траурной рамке, что проступило в засаленной газете. Он прочел про себя, а потом громко выкрикнул:

– Папа, папа! Слушай! Товарищ N-ский, что тебя травил, погиб в автомобильной катастрофе!

Б. Малаховский. Карикатура на Михаила Зощенко

Из комнаты тотчас раздался глухой голос:

– И какой советский ответственный работник не любит быстрой езды!

– Папа, но ведь это Гоголь!

И снова голос из комнаты:

– А ты, чудик, думал, что это я написал?

И тишина...

Мы, попрощавшись, удалились. После концертов заводские певцы скидывались по трешке и устраивали дружеские пирушки. Валерий, выпив, заводился и был тамадой:

– Социализм подмывает тот, кто останавливается у темных ворот!

– Закрой дверь, и она не дует под закрывшего индивидуя!

– Наши «пишМаши»! – относилось к дамам из инженерного корпуса завода.

В лето 1958 года самодеятельность Дома культуры «Трудовые резервы» выехала из Ленинграда в Мичуринское, на Карельский перешеек, отдыхать и готовить новую программу к очередному съездовскому

концерту в Большом театре в Москве. Баянисты зубрили с Павлом Смирновым «Венгерскую рапсодию» Листа, мы с Александром Муриным-старшим – народные песни, а танцоры с Юрием Дружининым шлифовали «Моисеевские вензеля».

Павел Иванович вернулся в лагерь из Питера, где ремонтировал два охрипших баяна.

– Саня! Скажи дядьке, что его Зоценко помер, – бросил он как-то обычно своим пропитым голосом.

– Кто помер? – переспросил, выглянул из окна дощатого домика для воспитателей мой дядька Александр Григорьевич.

– Да Зоценко твой помер, – повторил Смирнов, – в Питере, на Финляндском, в газете прочел.

Дядька засуетился, занервничал, стал давать задания, что репетировать с хором в его отсутствие:

– Выучи «Пой, ласточка, пой!»! – и на попутке уехал в Сосново, чтобы с ближайшим поездом попасть на похороны.

Старший Мурин уехал, а я пытался собраться к репетиции, но воспоминания о друге заняли все мои мысли. Через пару дней с похорон вернулся радостный под хмельком мой крестный.

– А Валерий Зоценко-то жив! Жив! Это его отец загнулся, – сообщил он.

Грешно вспоминать, но и я обрадовался: «Валера жив! Умер его отец...»

В шестидесятые годы Валерия Зоценко вычислили на заводе Сталина. Правда, завод уже носил новое гордое имя – Металлический завод имени XXI съезда КПСС.

Опять без работы! Опять бедствовать! Добрейший профессор из ТЮЗа Леонид Федорович Макарьев пристроил его заведующим залом театрального института.

– Зав. пылью! – горько съязвил режиссер.

Я часто заходил к другу на Моховую. Жалостливые артисты, богатенькие с халтур на радио и в кино студенты угощали талантливого «Михалыча». Он округлился, глазки стали маленькими и хитрыми, речь часто заплеталась и сводилась в конечном счете к разговорам о питии и закусье.

Несколько лет назад я позвонил Валерию Михайловичу, чтобы поздравить его с Рождеством Христовым. Незнакомый голос в трубке сказал:

– Папа уже полгода как умер. Похоронили его рядом с дедом.

Ну, а сестрорецкий дом писателя Михаила Зоценко, пока современники собирались сделать в нем мемориальный музей великого сатирика

двадцатого века, рухнул от ветхости, а доски и бревна растащили соседи на дрова.

– Такова се ля ви! – шутят собратья писателя по цеху «Юмора из Сортира».

А я вспомнил афоризм, что сказал когда-то на концерте Валерий:

Не выключающим в сортире свет
В коммунизме места нет!

Так пусть сестрорецкий песок будет ему пухом! Аминь!

Журнал «Нева», № 9, 2007 год

КАК ВЫБИРАТЬ КАЛЬСОНЫ

(А. И. ЛАРИКОВ)

1958 год. Мама, Елизавета Петровна Кудрявцева, дирижер Капеллы, и я, студент Консерватории, шли по второму этажу анфилады Невской линии Гостиного двора, собираясь прикупить что-либо из белья. Пройдя секцию подарков, мы услышали громоподобный возглас, что утонул эхом в сводах магазина:

– Вот кто мне на панихиде споет «Лакримозу»!! – крупногабаритный мужчина бросился к маме и низко согнулся в поклоне:

– Мое почтение! Государыня! Елизавета-свет-Петровна! – изрек он.

Посетители невольно повернулись в нашу сторону. Это был народный артист СССР Александр Иосифович Лариков из Большого драматического театра имени Горького. Рядом с ним мельтешила старушка.

– Петровна! Познакомься, это моя половина! Представь, дорогуша, она не может решить – подходят ли мне эти кальсоны? Или нет? Так споешь, Петровна, с Капеллой на моих похоронах «Лакримозу»? Уж больно хочу ее услышать, лежа в гробу! – пояснил он.

Мама пообещала выполнить желание старика и тут же показала способ, как измерять кальсоны:

– Надо взять за концы штанин и распахнуть руки в стороны и посмотреть, подходят ли они по длине.

Лариков, как малыш, тут же распахнул пакет и, следуя маминому совету, начал размахивать на весь магазин голубыми полотнищами.

– Мы эти берем! И эти берем! Я иду платить в кассу!! – резюмировал он на удивление скопившихся покупателей. Вот это была реклама, даже рекламища!!!

Р. S. На панихиде по Ларикову в БДТ в 1960 году играл оркестр Филармонии, и Капелла пела «Лакримозу» из «Реквиема» Моцарта, как в Гостином дворе просил усопший когда-то.

15 февраля 2010 года

СИЛА ИСКУССТВА (Э. ПАКУЛЬ)

В телящике очередная попсовая группа долдонит на все лады: «О, Маргарита! Окно открыто! Окно открыто! О, Маргарита!»

Из несвязных реплик кривляющихся солисток, а, может, и женоподобных солистов, я понял, что сюжет взят из «Фауста» Гете, а именно из сцены, где Мефистофель и Фауст наблюдают из-за кустов за появлением в окне очаровательной Маргариты.

Невольно пришел на память один эпизод из моей жизни, связанный с этой сценой.

В 50-х годах прошлого века я, студент Консерватории, подвизался у главного хормейстера Оперной студии А. Е. Никлусова в качестве практиканта. В театре начинали делать свои первые шаги скромные студенты-вокалисты, будущие народные артисты и светила оперной сцены. Да и за пульт в оркестровую яму допускались мэтрами Николаем Рабиновичем и Ильей Мусиным будущие великие маэстро.

Театр Оперной студии был довольно демократичным и доступным. Цены на билеты на спектакли были символическими. Поэтому курсанты ближайшей военной академии и матросики флотского экипажа у Поцелуева моста с их девицами посещали оперы постоянно. Под музыку Гуно, Чайковского, Даргомыжского в темном зале, особенно на последних рядах, можно было без опасения и окриков начальников целоваться и обниматься с любимыми.

Для престижа студентов-вокалистов дирекция Консерватории приглашала в театр именитых артистов. Так, сольные партии исполняли эстонец Георг Отс, болгарин Илья Иосифов, москвич Павел Лисициан и другие народные СССР.

В один из дней на репетиции в студии появилась оперная дива из Риги, народная артистка СССР Эльфрида Пакуль, с бесплатным приложением – мужем, вокалистом-тенором.

Помимо великолепного голоса, она обладала еще целым рядом отличий: имела нос с греческой горбинкой, выпуклую нижнюю челюсть и пышный бюст. Ее спутник был худенький, невысокого роста, как мальчик-студент. Естественно, Эльфрида пела партию Маргариты, а муженек – Валентина.

На спектакле произошел смешной конфуз. В сцене, где Маргарита беседует со звездами, Мефистофель, обращаясь к Валентину, произносит:

– Сейчас она начнет беседовать со звездами! Смотри!

Сила искусства (Э. Пакуль)

В бутафорском окне на удивление слушателей появляется Маргарита. Сначала нос, потом челюсть, и, наконец, бюст. Зал взорвался хохотом!!!

Певица, как ни в чем не бывало, божественно спела свою арию, вызвав шквал аплодисментов. Ее мастерство свело на нет замеченные физические недостатки. И это была волшебная сила искусства!..

Прошло много лет, а в моей памяти остался чистый, как серебро, голос артистки.

А по телящику по-прежнему раздаются вопли «пузочесов»: «О, Маргарита! Окно открыто! Окно открыто!!!»

Август 2011 года

ПЕРЕВОДЧИК АДМИРАЛА НЕЛЬСОНА

В середине XX века в Ленинградской консерватории заведующей кафедрой иностранных языков была очаровательная женщина Елена Евсеевна Константиновская. Про таких представительниц слабого пола обычно говорят «человек без возраста». Она была всегда элегантно одета, макияж также был на высоте, и когда она стремительно шла по коридору на высоких каблукках, за ней оставался шлейф-облако неведомых французских духов и безмолвные «воздыхания» педагогов и студентов. Неудивительно, что такая могла вскружить голову многим...

Мы знали, что Елена была в Испании в 30-х годах личным переводчиком генерала Малино. Под этим именем скрывался будущий маршал, министр обороны СССР Родион Яковлевич Малиновский.

К описываемым годам Константиновская была замужем за легендарным лектором-международником обкома КПСС Семеном Выгодским. Когда я впервые его увидел в Консерватории, то понял, что эти два красивых человека были созданы друг для друга. Муж Елены Евсеевны был высокого роста, владел свободно многими европейскими языками и обладал голосом знаменитого диктора Юрия Левитана.

Когда он читал в Консерватории профессорско-педагогическому составу лекции по международному положению, то Девятый класс, где они проходили, набивался битком. Елена Евсеевна стояла, как всегда, в сторонке и ловила восторженно-влюбленные взгляды консерваторских «мадам», но не ревновала, а с гордостью как бы говорила: «Вот какого красавца я поймала!»

У супругов была очаровательная 10-летняя дочка Танечка, что унаследовала таланты и человеческую красоту своих родителей.

Моего «немца», преподавателя немецкого языка Петра Пантелеймоновича Низковского, к слову, бывшего переводчика Нюрнбергского процесса она звала запросто:

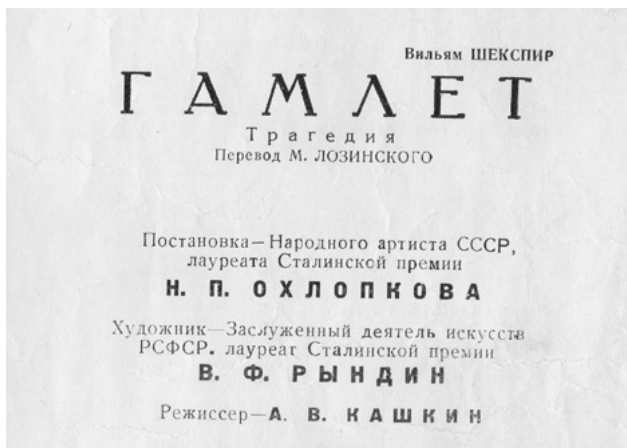
– Петенька! Голубчик! Сдали твои гении положенные тысячи?

В один из дней я стоял на втором этаже Консерваторского коридора и рассматривал в киоске новые нотные поступления из Лейпцига. Вдруг «услышал» запах, а затем и голос Елены Евсеевны, обращенный ко мне:

– Голубчик! Хотите вечером посмотреть «Гамлета» Охлопкова в театре Маяковского? Тогда быть в парадном мундире в Выборгском дворце культуры к девятнадцати часам и ждать меня у директорских дверей.

Вечером я был на страже. Директорские двери распахнулись и в фойе впорхнули грозная министр культуры СССР Екатерина Фурцева и Елена Евсеевна. За ними попевала группа мужчин, и среди них – «Адмирал Нельсон» Лоуренс Оливье, только без повязки на глазу, Семен Выгодский и другие. Дело в том, что все мы были очарованы фильмом «Леди Гамильтон», где Оливье и Вивьен Ли играли главные роли. Константиновская по-манила меня пальчиком и указала через плечо следовать за нею.

В зале «капельдинеры в штатском» держали в середине партера два ряда. Один заполнили гости, а мне Елена Евсеевна повелела сесть на стул за Фурцевой и Оливье. Спектакль Охлопкова был царственно роскошным. Евгений Самойлов играл Гамлета, Полония – Лев Свердлин. Богатые костюмы и декорации создал муж Галины Улановой, художник Рындин. Они также были в зале.

Открывался главный занавес, и во весь портал сцены были ворота, в нишах которых стояли живые герои спектакля. Затемнение. Раздавался какой-то резкий скрип, что резал по ушам. Как оказалось позднее, это две роты советских солдат раздвигали ворота – тюрьму Эльсинор, и начиналось действие. И так каждый следующий акт.

Во время поединка над героями висел бархатный балдахин, который во время рокового укула падал на героев, и они продолжали драку в фантастическом кровавом месиве.

Этот эпизод вызвал восторженные овации зала. Улучив момент, Фурцева, что молчала весь спектакль, обернулась ко мне и спросила:

– Узнайте у господина Оливье, как ему «Гамлет» Охлопкова?

Я тут же передал просьбу.

Оливье улыбнулся и тотчас ответил:

– Одной половинки ворот Охлопкова мне хватило бы в Англии в Шекспировском мемориале на десять постановок!

Фурцева подставила любезно ухо для ответа, и я прошептал:

– Господин Оливье в восторге, сколько средств тратит партия и правительство СССР на постановку его любимого Шекспира!!!

И тут же повернулся спутник Фурцевой, как оказалось, это был муж министра культуры, замминистра иностранных дел Фирюбин, и, улыбаясь, сказал:

– Ну, парниша! Ври-ври, но знай же меру!!!

Когда актеры стали выходить на финальные поклоны, я счел должным побыстрее смыться от позора.

На следующий день в Консерватории я наткнулся на Елену Евсеевну. Она шутливо обратилась ко мне:

– Голубчик! Куда Вы вчера исчезли? Мы все с Оливье после спектакля пили шампанское и отмечали Ваш успешный дебют «переводчика».

В 1964 году под руководством Константиновской я переводил на русский язык стихи английского поэта начала XX века Уилфреда Оуэна, что использовал Бенджамин Бриттен в «Военном реквиеме». Задача была сложнейшая. Мало того, что нужно было, чтобы строки влезали в музыкальные фразы, но и чтобы русские гласные совпадали с английскими гласными звуками.

И когда я читал свой перевод Бенджамину Бриттену в присутствии Елены Евсеевны, ее глаза светились каким-то фантастическим огнем при каждом «yes» композитора.

– Голубчик! Вы молодчина! Бриттен остался доволен! – резюмировала она.

P.S. Недавно дочка Константиновской и Выгодского, доктор искусствоведения, профессор Института искусств СПбГУ, президент Дягилевского центра Татьяна Семеновна Юрьева подарила мне напечатанное в журнале эссе о своей маме. Из него я узнал, что великий американский график Рокуэлл Кент называл Елену Евсеевну Константиновскую «Мисс Ленинград»!!!

ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

(В. В. ШУЛЬГИН)

В 60-х годах прошлого столетия в Ленинграде появилась группа ненормальных людей. Они бродили по садам, скверам, паркам и внимательно смотрели под ноги. И когда им попадалась замысловатая коряга, которую обычный прохожий поддавал ботинком как хлам, они тащили ее в свои коммуналки, очищали, отмывали от грязи, сушили, покрывали лаком или протирали воском, и получалась уникальная деревянная скульптура: олень, обезьяна, питон, Дон Кихот, Шаляпин, Гуси-Лебеди вместе с Ивашкою и другие шедевры.

Эти «чокнутые» граждане объединились в клуб «Природа и фантазия». Среди них были ученые, профессора, домохозяйки, артисты, художники, архитекторы и ваш покорный слуга-музыкант. Тамадила обществом уникальная женщина, доктор филологических наук, профессор-фольклорист Наталья Павловна Колпакова, автор замечательных детских книжек с иллюстрациями художников Васнецова, Чарушина, братьев Ершовых. Наталья Павловна была довольно пухлой, «кустодиевской» русской женщиной с высоким певучим голосом. И когда она читала свои сказки, то слушатель попадал под ее обаяние. Готовилась выставка «коряжников» на Невском, в павильоне Росси Аничкова дворца.

Колпакова обратилась ко мне:

– Шурочка! У меня к вам личная просьба! Надеюсь, не откажете даме! Надо съездить в мастерскую к художнику «Ленфильма» Блейку и взять у него уникальные скульптуры-коряги, а то он их разбазаривает у Садовой и Невского за копейки. Сделайте это для меня, «Футур и Фантази» Вас не забудет! – добавила она.

Вечером того же дня я долго звонил в мастерскую Блейка. Наконец, услышал хрипатый прокуренный голос:

– Входите! Не заперто!

Художник был в ударе. Он лепил какого-то старика-натурщика, что сидел на подиуме в высоком кресле. Я заметил идеально сшитый костюм-тройку, белоснежную рубашку с запонками, седую бороду и большой лоб. Он напоминал писателя Бернарда Шоу.

Блейк бросил в мою сторону:

– Хочешь выпить? Вон там, в углу. Налей! Закуси!

Я продолжал внимательно рассматривать натурщика. Блейк поймал мой взгляд, махнул рукой:

– Все равно! Черт рыжий не даст работать! Познакомься, Шурич Мурич!

Старик сполз со стула на подиум, сделал шаг ко мне навстречу:

– Шульгин!

– Мурич!

– А какое к Вам имеет отношение имение Воронцовых Мурино? – спросил он. Я ответил, повторяя отцовскую шутку:

– Имение Мурино не наше, а к Муринским проспектам мы имеем некоторое отношение...

И тут услышал пространную тираду Блейка:

– Ты соображаешь, Мурич, чью руку ты пожал? Ее касалась длань Николая Романова!!

Я отшутился:

– Вчера Романова, сегодня – Мурина!

Блейк снова:

– Виталий Васильевич! Дайте этому обалдую-«энтелигенту» прочитать ваши книжки! Чтобы знал историю государства Российского!

Шульгин вынул из сафьянового портфеля три книжицы в пол-листа форматом – «Дни», «20-й год», «3 столицы».

Позже я узнал – за хранение любой из этих трех книжек можно было заработать десять лет без права переписки в «солнечных сталинских сибирских» лагерях.

Забрав книги и коряги Блейка, я удалился.

Через несколько дней после открытия выставки я вспомнил о книгах Шульгина. Боже, с кем меня свела судьба!

Шульгин – главный монархист России, крупный помещик, депутат Думы. Именно он с бароном Фредериксом принимал отречение у Николая II в вагоне под Псковом и поставил свою подпись после царя. После революции главный враг советской власти, центр всех заговоров. В 20-х годах по идее чекистов Артузова и Менжинского через финское окно тайно, сбрив бороду, с чужими документами проезжает в Ленинград, Москву, Киев и удивительно – уезжает обратно в Париж, пишет и издает книгу о поездке.

Все это ЧК «провернуло», чтобы заманить в Питер террориста Бориса Савенкова и английского шпиона Сиднея Рейли. Это все подробно описано в книге Льва Никулина «Операция „Трест“», по которой и снимали

на «Ленфильме» многосерийный фильм с Горбачевым и Джигарханяном в главных ролях. Блейк был художником-постановщиком на картине «Перед судом истории», что снимали на студии, где рассказывалось об отречении Николая II. Шульгин играл самого себя.

Прямо в фильме он уточняет детали отречения, поправляет актеров, а в финале встречается со старейшим коммунистом Петровым, который, естественно, рассказывает Шульгину о победе коммуниста в СССР. Встреча происходит в апартаментах нового Кремлевского дворца Съездов. Два старика, стоящие четырьмя ногами в гробу на фоне Кремлевских башен. Я отложил книги, чтобы еще раз по косточкам прочитывать их на досуге, а когда решил вернуть автору, то услышал в телефонной трубке ироничные слова Блейка:

- Можешь отвезти их в Москву, на Ваганьковское! Он там!
- Что он там делает, на кладбище?
- Как что? Лежит в гробу!

Много раз, бывая в Москве, я так и не решился посетить Ваганьковское кладбище и вернуть книги автору.

А фильм «Перед судом истории» неплохо сегодня показать молодежи по телящику.

Факсимиле акта отречения Николая II.

С т а в к а

Н а ч а л ь н и к у Ш т а б а.

Въ дни великой борьбы съ вѣдшимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совместно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почти МЫ долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Синомъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престоль Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помощь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ.

22 Марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Министръ Императорскаго Двора
Генералъ Адъютантъ Братъ Александръ

Николай

ТАЙНА ОЛЬГИ ХРИСТОФОРОВНЫ (С. А. ЯНОВИЧ)

В 1947 году мама Елизавета Петровна Кудрявцева как дирижер Ленинградской капеллы получила две малюсенькие служебные комнаты в доме Капеллы с видом на Дворцовую площадь. Нашу обитель мамин друг дирижер Евгений Мравинский, или по-домашнему Дядя-Женя-Достань-Воробышка, называл «Лизины макаронины».

До революции вся квартира принадлежала управляющему Капеллой – музыканту-фольклористу, хормейстеру, ученому, действительно статскому советнику, дворянину Христофору Николаевичу Гроздову. От былой роскоши остался кабинетный рояль «Хершинг», что подарил Николай II хозяину, из мореного дуба шкаф для журналов, газет, партитур, кафельная белая печь и старушка-соседка учительница русского языка Ольга Христофоровна Янович, дочь бывшего владельца. Она закончила Смольный институт благородных девиц и всю жизнь преподавала в капелльской школе, а с 1936 года – в школе-десятилетке для одаренных детей при Консерватории.

Многие сотни народных артистов, лауреатов международных конкурсов, профессоров Консерватории и простых музыкантов, не достигших в искусстве высот, были обязаны ей грамотностью. Мама, мой дядька Александр Григорьевич Мурин и сестра Катюша были ее учениками.

Вскоре Ольга Христофоровна стала членом нашей семьи. Отец, я и шофер капелльской полуторки каждую осень привозили дрова, пилили, кололи, и я таскал их на 2-й этаж, чтобы топить печи себе и соседке. А она каждый день ездила с сестрой в музыкальную школу на Матвеев переулоч, где была еще и классной воспитательницей.

После возвращения из эвакуации из Ташкента, где она была с консерваторской школой, ее реликвии – что можно было украсть – украли соседи. Оставшиеся личные вещи, посуду, книги, ноты Ольга Христофоровна снесла в свою малюсенькую комнату – часть бывшей большой гостиной – и сложила в довольно хаотическом состоянии.

Она и умывалась, и готовила еду на керосинке, что стояла на старинном с зеркалом мраморном умывальнике, так как боялась соседей, что в блокаду «залечили» родную сестру Нину Христофоровну. Ей больно было смотреть, как соседка, жена кагэбэшника, щеголяла в ее довоенных платьях и шубах.

Ольга Христофоровна Янович была с 30-х годов вдовой. Детей у нее не было, и всю материнскую заботу она отдавала музыкальным детям из школы.

Позднее соседка наша рассказала под большим секретом нам о своем муже – лейтенанте царского флота Сергее Александровиче Яновиче. Он был царский офицер, кораблестроитель, изобретатель. Закончил, как и старший брат Андрей Александрович Янович I, Морской кадетский корпус, которыми командовали когда-то Беллинсгаузен и Воин Андреевич Римский-Корсаков (старший брат композитора). Андрей стал первым русским морским летчиком, «русским альбатросом», а Сергей пошел по морскому ведомству.

С. А. Янович. 1912 г.

В преддверии Русско-японской войны С. А. Янович II сконструировал одноместную подводную лодку и построил ее на заводе Лесснера. Когда не хватило средств для ее достройки, он заложил свое имение в Псковской губернии, что было рядом с пушкинским Михайловским.

Лодка была оснащена 18-сильным мотором, пулеметом системы «Максим» и минами на решетках образца 1901 года. Янович проводил испытания на стремительной Неве рядом с заводом, а руководил испытаниями будущий академик, отец русского флота А. Н. Крылов. На лодке Янович впервые в мире спроектировал устройство для выхода отработанных газов двигателя, так называемую заглушку шнорхель, что применили фашисты в своем флоте только в последнюю войну в 1941-1945 годах.

На испытаниях будущий академик А. Н. Крылов обратил внимание, что перископ дает за собой водяной бурун и демаскирует лодку. Ее габариты были настолько малы, что она уместилась на обычной железнодорожной платформе. Янович со своим детищем пересек всю Россию и оказался на Дальнем Востоке в разгар Русско-японской войны. Он в устье Амура охранял суда от нападения врагов.

Сергей Александрович проявил необычайную храбрость и удаль. Узнав, что японские суда высаживают десант, чтобы захватить пост русских казаков, сошел на берег и возглавлял оборону. Враги бежали.

В один из дней 1905 года на своей подлодке у мыса Ухтомского он вышел навстречу японской эскадре, где было несколько миноносцев.

Враги увидели какой-то странный русский предмет – то ли подводный снаряд, то ли необычную торпеду, что шла им навстречу. Бурун от перископа, как предсказывал Крылов, выдал смельчака и его «потаенное судно». Вдруг бурун исчез. Начался отлив. Лодка села на мель. Японцы, испугавшись, что русские приготовились к атаке, повернули восвояси. Устье Амура осталось за Россией.

За этот подвиг С. А. Янович был удостоен награды, которая затерялась где-то в кабинетах морского ведомства и апартаментах Зимнего дворца.

Сдав лодку товарищам, С. А. Янович вернулся в Петербург. Вел вместе с адмиралом А. В. Колчаком минные классы в Кронштадте, а перед войной 1914 года проехал на личном автомобиле с молодой женой Ольгой Христофоровной по Европе: Германии, Франции, Швейцарии. Сделал много фотографических снимков. По их содержанию можно было заключить, что эта поездка была в интересах Генерального штаба России.

После Октябрьской революции Сергей Александрович как царский офицер был арестован. Но, слава Богу, не расстреляли.

В годы строительства Волховской ГЭС по просьбе Г. О. Графтио он принимал иностранное оборудование, так как знал европейские языки, да и Графтио защищал нужного сотрудника от нападков чекистов. Закончил свою жизнь заведующим Выборгской электроподстанции и был похоронен, как и старший брат, летчик Андрей Александрович Янович I, в фамильном склепе на Смоленском кладбище.

Увы, «их гробы ветер разметал» – только и можно сказать о месте упокоения русского офицера, строителя подводного флота, изобретателя.

Все это мы узнали от Ольги Христофоровны, и она доверила нам «святая святых» – авторский чертеж подводной лодки лейтенанта С. А. Яновича II, заставив нас поклясться, что будем хранить ее тайну.

Спустя три десятилетия после смерти Ольги Христофоровны, к 300-летию русского флота, я рассказал об этом на радио Петербурга в передаче Виктора Бузинова «Андреевский флаг». Передача велась из квартиры племянника Ольги Христофоровны Янович, человека высочайшей культуры, геолога Петра Николаевича Гроздова, которому и достались реликвии семьи Гроздовых-Янович. Он, как и Ольга Христофоровна, ближайший друг и член нашей семьи.

В 40-е страшные годы бериевских репрессий мой отец Алексей Григорьевич Мурин заступился за сироту-паренька, сына «врагов народа» и рекомендовал его в Высшее инженерное морское училище имени Дзержинского своему другу вице-адмиралу Михаилу Александровичу Крупскому, тогдашнему начальнику.

Последний позвонил отцу по телефону и спросил строго:

– Леша! Ты знаешь, кого мне рекомендовал?

И отец твердо ответил:

– Да! Знаю. Петра Николаевича Гроздова как порядочного интеллигента, человека честного, гражданина нашей великой страны!!!

И племянник Надежды Константиновны Крупской принял в училище племянника Ольги Христофоровны Янович.

В 1964 году П. Н. Гроздов был в геологической экспедиции на Кольском полуострове, когда умерла старая учительница Ольга Христофоровна.

Отец, я и жена Пети Вера Гроздова хотели схоронить ее на Смоленском кладбище, но найти следы фамильного склепа не могли. Упокоилась Ольга Христофоровна на Воинском Серафимовском мемориальном кладбище. Пусть земля ей будет пухом и вечная память!

Июль 2007 года

КАК КАЗНИЛИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В Петербурге, в одном из своих многочисленных трактиров, Иван Оленчиков познакомился с популярным литератором Федором Достоевским, который черпал образы своих будущих героев в подобных злочных местах.

В задушевной беседе, за трапезой, писатель попросил хозяина сдать квартиру в доходном доме его другу Якову Петровичу Полонскому. Ударили по рукам. И поэт с молодой красавицей-женой француженкой Жозефиной Рюльман поселился в доме Оленчикова.

Как известно, у Полонского были проблемы с ногами. В молодости он, увидав, как к оврагу несется тарантас с истошно кричащим ребенком, бросился наперерез и, схватив под уздцы обезумевших коней, остановил в последний миг трагедию, при этом сильно повредил позвоночник.

По пятницам в квартире Полонского собирались друзья: писатели, поэты, артисты, художники, философы, царедворцы. Устраивались импровизированные концерты. За фортепиано блистал Антон Рубинштейн, Савина исполняла монологи из спектаклей, новые стихи и прозу читали Тургенев, Лесков, Помяловский, Достоевский. Среди слушателей – Гаршин, Стасов, Чайковский, Григорович, художники Крамской, Репин, Айвазовский, Победоносцев, Катков, великие князья и даже будущий наследник престола.

Супруга Якова Петровича Жозефина, ученица Полины Виардо, не только исполняла романсы, но и обносила гостей чаем, фруктами, вареньем, печеньем. Именно в этом доме она, талантливый скульптор, вылепила бюст своего «воздыхателя», дамского сердцееда, Ивана Сергеевича Тургенева, что позднее установила на могиле на Волковом кладбище. Да и бюст А. С. Пушкина, что украшает Пушкинский бульвар в Одессе, появился в этом доме. Замечу, что гипсовая копия бюста долго стояла у Александровского лица на Каменноостровском проспекте. Но от непогоды гипс разрушился, и на его место водрузили бронзовый бюст работы скульптора Шредера, который в наши дни переехал из запасников Русского музея к Пушкинскому дому на Малую Неву.

В декабрьский вечер 1879 года гости, пришедшие к Полонскому, застали у углового окна кутающегося в сюртук, согбенного Ф. М. Достоевского.

Он как заклинание твердил одну и ту же фразу:

– И в то утро мороз был такой, что пробирал до сердца... И в то утро... Писатель рассказал, как его «казнили» на плацу по делу Петрашевского.

После нескольких месяцев ожидания в сырых казематах Петропавловской крепости, пока шло следствие, их разбудили рано утром и привезли в каретах в тюремных рубищах на Семеновский плац. Возвели на помост. Здесь они впервые после долгих месяцев собрались вместе. Сгрудились в кучку. Мороз был такой, что дым печей в домах, что топились вокруг плаца, уходил высоко в небо.

Осужденным зачитали приговор. Подали белые балахоны. Солдаты одевали их на петрашевцев, связав руки за спинами. Петрашевский еще шутил:

– Монбелли! Подымите ноги выше, а то с насморком придется в царстве небесное!!

Команда – и солдаты подняли ружья. Достоевский успел рассказать сюжет повести, что написал в тюрьме:

– Я был во второй очереди, и жить мне оставалось не более минуты! – вспоминал Федор Михайлович.

Вдруг – отбой! На Семеновский плац подъехал экипаж. Из него вышел в парадной форме, сверкающий золотыми нашивками, адъютант царя Ростовцев. Он зачитал бумагу о помиловании.

Четыре года в Омском каторжном остроге писатель работал, спал, ел в кандалах. Причем находился среди уголовников, убийц и грабителей. Этот «урок» он запомнил на всю жизнь и с фотографической четкостью воспроизвел его в романе «Идиот».

Да и образы знакомых старообрядцев: Оленчиковых, Мальцевых, Муриных, Пересадиных, Лушевых нарисовал в своих произведениях. Так, в повести «Хозяйка» фигурирует старик Мурин, молодая жена Катерина и соперник Ордынов (прототипом и был, видимо, Оленчиков).

Ну, а Иван Михайлович Оленчиков дождался «последнего» переименования родной улицы в честь диктатора Марата и смиренно закончил свой путь в 1924 году на Волковом старообрядческом кладбище. Там же в 1936 году упокоилась его супруга. Время не пощадило их могил, и их правнук, Юрий Николаевич Тимофеев поставил в 2000 году новый крест, а 27 февраля 2001 года сам улегся недалеко от пращуров.

Другой правнук И. М. Оленчикова проживал в нашем городе. Он был петербургский писатель-краевед Кирилл Сергеевич Горбацевич, один из авторов популярной книги «Почему так названы?» (о топонимике улиц и площадей Петербурга-Петрограда-Ленинграда).

Как казнили Ф. М. Достоевского

Ну, а дом Оленчикова по-прежнему смотрит на покрытую зеленью и деревьями Пионерскую площадь, бывший Семеновский плац, на здание ТЮЗа и периодически горящие казармы Семеновского полка.

А Нева гонит ладожские воды в Финский залив мимо руин Потемкинского замка и заросших зеленью останков церкви Иоанна Предтечи, что построил Иван Михайлович Оленчиков.

Февраль 2010 года

ФРЕСКА АКИМОВА

После реконструкции проходные дворы Придворной певческой капеллы стали новой достопримечательностью Петербурга. Через них проходит Пушкинская тропа: от Мойки, 12, где скончался поэт, на Конюшенную площадь, где в храме Спаса Нерукотворного образа его отпевали, мимо Храма-на-Крови на площадь Искусств, к аникушинскому Пушкину. С уст его слетают пророческие строки: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!»

Правда, «незнакомое племя» знает стихи поэта по привычке, по наитию, купаясь в современном сексуально-уголовном болоте бойких борзописцев.

Так вот, в последнем, четвертом по счету проходном дворе Капеллы, что выходит на Большую Конюшенную улицу, есть всего одна парадная. В ней на втором этаже в служебной квартире в 40-е годы прошлого века жил скромный театральный бухгалтер Наум Семенович Шапиро. Его жена Вера Абрамовна Духон тоже была специалистом по «дебетам-кредетам» в Ленинградской капелле и законно занимала эти скромные апартаменты.

Днем Шапиро в театре Ленинского комсомола на Петроградской стороне выдавал зарплаты, авансы, премии артистам и даже самому Гоги (так за глаза звали будущего гения – Георгия Александровича Товстоногова), а ночью его столовая в четвертом дворе превращалась в своеобразный игорный клуб.

Моя мама, дирижер Капеллы Елизавета Петровна Кудрявцева, получила две служебные комнатки в коммунальной квартире в первом дворе с видом на Дворцовую площадь. Отец каждое утро ехал на свой «заводской почтовый ящик» (позднее ящик получил гордое название «Ленинец»), а вечером, «оклемавшись», спешил к Шапиро.

Помимо Гоги, отца, самого Наума Самойловича, участниками игры были администратор театра Товстоногова Александр Абрамович Сегель и руководитель театра Комедии – художник, фантазер, любитель хохм и женских сердец – Николай Павлович Акимов. Играли в самую интеллектуальную игру – преферанс, на четверть копеечки, но когда проигрывали, то сокрушались, как будто продували в карты поместья, дома, заводы, состояния.

Однажды в семь утра в нашей коммуналке зазвонил телефон, закрытый на ночь подушкой, и голос отца шепотом сказал в трубку:

– Сынок, из моего парадного мундера (так отец называл свой старый довоенный костюм-тройку) возьми бумажник и пулей лети к Шапире!

Через пять минут я был в четвертом дворе. О кодовых замках развитого социал-капитализма мы тогда не имели понятия. Поднялся на второй этаж. Дверь в квартиру была приоткрыта. Меня встретил Акимов. Он приложил окурочек беломорины к губам:

– Тихо! Не разбуди Духонику! – и указал на столовую.

В ней за круглым столом под огромным абажуром в табачном дыму сидели участники игры. Подводили итоги. Я отдал бумажник отцу и вышел в коридор. Акимов, видимо, продувши первым, что-то рисовал угольком на стене. Моим глазам предстала следующая картина. На ветвистом дереве в позе Мефистофеля, прижав колени к подбородку, сидел Гоги в чем мама родила. На самых срамных местах расположились участники преферанса, также в костюмах от «Адама Версаче».

На свободной территории было написано обращение от Г. А. Товстоногова к Н. С. Шапиро:

Тебя, о верный сын Шапиро
Возьму в наземные края
И будешь ты царицем* мира,
Щапира верная моя!

*царицем – мужской род от слова «царица».

(Полное собрание сочинений Г. А. Товстоногова. Том 63. Стр. 859).

Я представляю, сколько смеху было, когда друзья увидели себя на этой фреске...

Подобное дерево Акимов позднее нарисовал в спектакле «Деревья умирают стоя», где главную роль играла его ревнивая супруга Елена Владимировна Юнгер.

А интонацию спича я неожиданно услышал в спектакле «Ханума», где Товстоногов перед каждым актом в микрофон читал стихи грузинского поэта:

Только я глаза закрою,
Предо мною ты стоишь...

Ну, а «фреску» Акимова сбили очередные новые крутые хозяева служебной капелльской квартиры в четвертом дворе.

Кавказ

— О. С. Колоча
— В. Е. Никитенко
— Ю. М. Пилица
— В. П. Чихачев

Барабанички

— О. С. Колоча
— Ю. М. Пилица

Императрица Екатерина

— К. Г. Землегалдова

Протасова

— В. П. Богданова

Византийские послы

— Е. М. Жаров
— Л. М. Милидсер
— С. М. Харитонов
— Н. Д. Харитонов

Лейбмадик

— В. П. Чихачев

Придворные

— В. П. Барченко
— С. С. Митяшина
— О. М. Митяшина

— А. Н. Майкова

— Т. А. Нагаева

— М. П. Прошина

— М. П. Прошина

— А. В. Прохорова

— А. А. Прошина

— В. П. Труханов

— В. П. Чихачев

Засл. арт. РСФСР

— Г. Н. Тейх

— Н. А. Корнева

— А. В. Савостьянов

— М. П. Прошина

— Н. П. Барченко

— А. В. Прохорова

— Т. А. Нагаева

— А. Н. Майкова

— Л. П. Глушко

— О. М. Митяшина

— В. П. Богданова

— Л. А. Денига

— В. В. Труханов

— Н. Е. Булгакова

— В. П. Чихачев

Спектакль режиссер Е. А. Волкова

Ленинградский Государственный

ТЕАТР МЕДИИ

К 175-летию со дня рождения
Джорджа Ноэла Гордона Байрона

Байрон

ДОН ЖУАН

К 175-летию со дня рождения
Джорджа Ноэла Гордона Байрона

ПРОГРАММА

БАЙРОН
ДОН ЖУАН

Поэма в 4-х частях

Перевод, пролог и эпилог Татьяна Гнедич

Сценическая композиция текста, постановка и художественное оформление народного артиста СССР

Н. П. АКИМОВА

Режиссер—**Л. И. Цудульковский**

Композитор—засл. деят. иск. РСФСР **А. С. ЖИВОТОВ**

Дирижер—**П. И. Арбузов**

Балетмейстер—**Г. Г. Кореньевский**

Костюмы по эскизам художников:
Н. П. Акимова, И. Г. Сегаль и В. Б. Брук

Действие поэмы происходит:

В 1-й части—в Испании и Греции

Во 2-й части—в Греции и Турции

В 3-й части—в окрестностях крепости Измаил и в Петербурге

В 4-й части—в Англии

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР ТЕАТРА — нар. арт. СССР

Н. П. АКИМОВ

Действующие лица и их исполнители:

От автора	Нар. арт. РСФСР — Е. В. Юnger Засл. арт. РСФСР и Тадж. ССР — Л. К. Колесов — С. В. Сидоров — Н. А. Корсава — Г. И. Воронцов / Г. А. Улитин
Донна Юлия	Засл. арт. РСФСР — Л. А. Дельмо
Дон Альфредо	— С. И. Федоров
Дон Жуан	— Г. И. Воронцов ✓ — Б. А. Улитин
Антония	— Т. И. Чокор
Мавританский танец	— А. И. Майкова — М. П. Прошина — М. А. Туникова — Л. А. Дельмо
Гавде	— О. М. Мигушина
Зоя	— П. П. Паиков
Ламбро	— А. Н. Майкова
Греческий танец	— Т. А. Натасва — А. А. Платченко — А. А. Пугачев — Ю. М. Пугачев — В. Н. Труханов
Греси	— О. С. Колонен — В. Е. Викентенко — А. А. Прошкин — О. М. Мигушина — В. И. Труханов
Домени	— Л. Е. Леонидов
Петр Баба	— И. М. Бурк
Гюльбая	— М. В. Юnger
Султан	— В. П. Чухачев
Мамаша дон Жуана	— Н. П. Барченко
Жены Султана	— Л. П. Гаушко — Л. А. Дельмо — К. Г. Зювельялова — К. Г. Зювельялова — Т. А. Натасва — М. П. Прошина — А. А. Прошкин — М. А. Туникова — М. А. Туникова
Суворов	Засл. арт. РСФСР — Г. И. Тейх
Клеков, альбатус	— А. А. Прошкин
Племенные турчанки	— А. В. Прохорова — М. А. Туникова

ДВА ХУДОЖНИКА

Мне позвонил приятель-журналист. Я услышал в трубке:

– Старик! Помнишь, когда ты накарякал на меня шарж, я видел у тебя в папке карикатуру, где два скрипача сражаются на смычках за даму, что сидит у колонны Большого зала Филармонии на концерте. Она у тебя сохранилась? Дело в том, что в Питер приехал художник, и мы решили к его пятидесятилетию подарить ему твой «опус». Если ты согласен, то бери рисунок и дуй в «Асторию» к семи часам. Я тебя встречу!

Проход в гостиницу в те далекие времена был не таким строгим, как сегодня. Правда у входа стоял швейцар «дядя Вася», что за треху пропускал в отель к постояльцам и гостей, и дам сомнительного поведения. Приятель схватил меня за руку, бросил Васе:

– Это со мной! – и мы поднялись в номер к художнику.

Пир был в разгаре. Витала аура веселья. На старинном камине стояли бутылки шампанского и коньяка. На столе – водка и нехитрая закуска. Меня подвели к сухощавому, с большим лбом, в роговых очках художнику. Представили.

– Александр Мурин, музыкант, по совместительству карикатурист!

В ответ:

– Бидstrup!

Боже! Тот самый Бидstrup, работам в графике которого я подражал! Вот почему мне сразу его лицо показалось знакомым!

Я смутился. Но было поздно! Приятель уже демонстрировал мой «опус».

Пронзительный взгляд художника впился в рисунок, а потом он переспросил:

– Вы художник?

– Нет, я музыкант!

И далее по Станиславскому:

– Не верю!

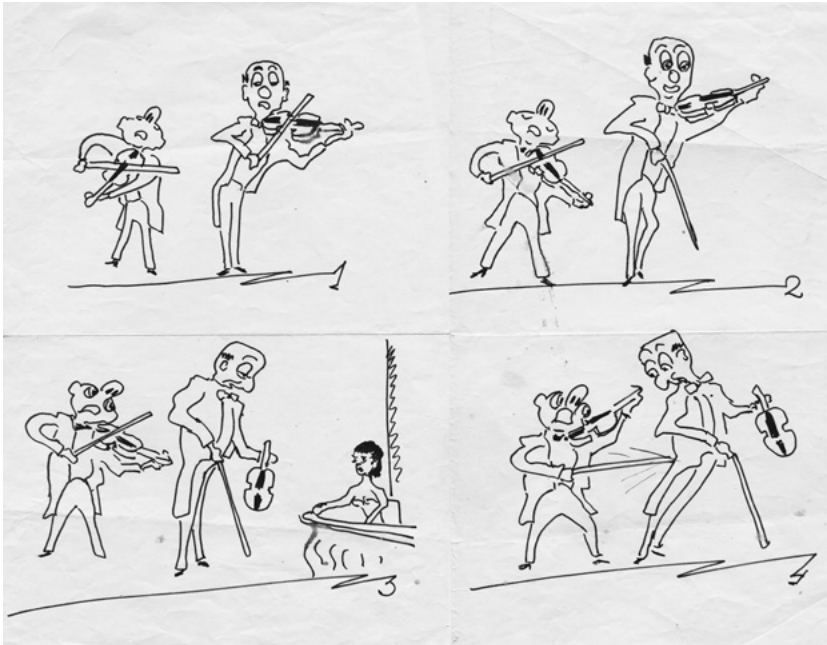
Глаза его стали добрыми, с лукавинкой, он принял «правила игры» и попросил мой «опус» в подарок. Я согласился.

Мы подошли к камину. Подняли бокалы. Друг плеснул в бокал с шампанским коньяку. Я уточнил:

– У нас эту смесь называют «Пунш Иоанна Кронштадского».

Об этом ерше я слышал в «Арарате», что был на углу Невского и улицы Герцена, куда я часто заглядывал с друзьями обмыть гонорары с многочисленных музыкальных халтур.

Рисунок, подаренный Х. Бидstrupу

К нам подошел невысокий, чернявый с карими глазами человек (тоже, видимо, художник). Он заглянул в рисунок, что держал Бидstrup, и спросил:

– Вы что закончили?

– Консерваторию!

И далее по Станиславскому:

– Не верю! Мне ваше лицо знакомо!

Протянул руку и представился:

– Аникушин. Михаил Константинович.

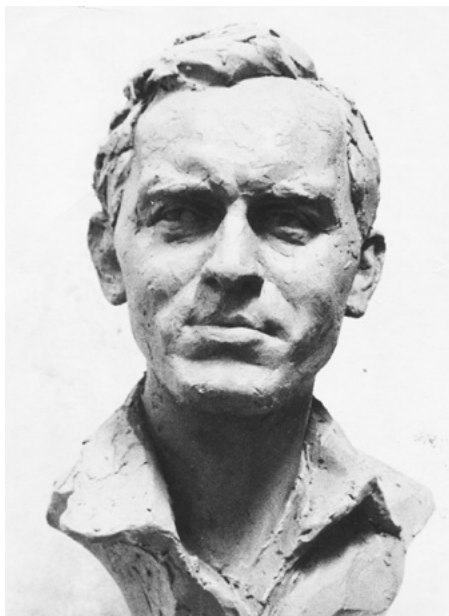
И тут пришел черед мне изумляться:

– Вы что, тот самый Аникушин, что вылепили Пушкина?

– Да, это я вылепил, – и снова: – все-таки, где я видел Ваше лицо?

Пришлось раскрыть тайну, что мучила скульптора.

В прошлом году в его мастерской на Васильевском его ученики 4-го курса лепили портреты, и Игорь Кукарин с Урала изваял из глины мою физиономию, выдав сие за «Портрет молодого рабочего». В кармане у друга было пусто. Платить натурщику нечем. И уговорил меня попозировать.

И. Кукарин. Портрет молодого рабочего (А. Мурин)

Перед защитой в мастерскую пришел профессор Аникушин и стал сверять портреты с оригиналом (натурщиками). Подойдя к портрету «Молодого рабочего», он указал ученику:

– Что ты вылепил работягу с абсолютно симметричными, античными чертами? Смотри, у него ведь левая сторона скошена.

И мгновенно исправил ошибку Игоря. Позднее на экзамене Кукарин получил полную с похвалой пятерку.

Я все это и рассказал Михаилу Константиновичу в номере «Астории». Тот рассмеялся и написал в моей записной книжке свой телефон,

адрес – мастерская на ул. Декабристов – и предложил «молодому рабочему» заглядывать к нему.

Банкет закончился. Я уходил, крепко прижимая под мышкой подарок Бидструпа – альбом его карикатур с автографом: «Как художник – художнику! Бидструп». После этого вечера популярность художника в нашей стране была ошеломляющая.

Спустя тридцать лет Бидstrup приехал в наш город, как оказалось, в последний раз. В Доме дружбы на Фонтанке он посетил персональную выставку скульптур и графики моей супруги Галины Додоновой. Она подарила ему маленькую скульптуру женщины, свернувшейся, как улитка, а он написал в книге отзывов прекрасные слова с пожеланием успехов.

Потом мы сидели в кабинете директора с художником, его дочерью и Михаилом Александровичем Дудиным за импровизированным столом. На память остались фотографии.

В 1997 году в России, в Петербурге готовились отметить 80 лет со дня рождения великого гражданина страны народного художника СССР, лауреата Ленинской премии, академика Михаила Константиновича

Аникушина. Мы с мамой, профессором Елизаветой Петровной Кудрявцевой, в честь круглой даты решили с Хором любителей пения, детским хором, солистами и органом исполнить любимое сочинение художника – «Демественную литургию» Александра Гречанинова. Подготовили афишу, публика. Но незадолго до концерта Аникушина не стало!

С ним прощались в Академии художеств. После поминальных речей кавалькада автобусов направилась на «Литераторские мостки» Волковского православного кладбища. Проехали Университетскую набережную, Дворцовый мост, Дворцовую площадь, выехали на Невский проспект. У улицы Бродского гаишник, что ехал впереди, остановил движение. Маленький похоронный автобус свернул на Площадь Искусств. Остановился у памятника поэту. Открыли дверь авто и крышку гроба. Михаил Константинович прощался со своим Александром Сергеевичем! Для многих это было кульминацией траурного ритуала...

В день 80-летия скульптора зал Капеллы был переполнен, как говорится, яблоку было негде упасть. Приставными стульями были забиты проходы. Двери в фойе были открыты – и там стоял народ. И только одно кресло в партере было свободно. На нем лежали красные розы.

Концерт прошел превосходно.

Слово о друге сказал художник, академик Андрей Андреевич Мыльников. Следом «Демественная литургия» Гречанинова. Когда отзвучала музыка и мама сняла последний аккорд, в зале установилась тишина... Шквал оваций!!! На сцену поднялась худенькая женщина, вдова Аникушина, народный художник России, профессор Академии, скульптор Мария Тимофеевна Литовченко. Она развернула бумажный сверток и вручила маме, Елизавете Петровне Кудрявцевой, дирижеру и инициатору концерта, авторский бронзовый эскиз памятника Пушкину!

Я счастлив, что Господь послал мне знакомство с двумя гениями – русским и датчанином.

8 июля 2008 года

**Херлуф Бидstrup
и Александр Мурин.
1962 г.**

Автограф
Х. Бидструпа

HRAVO I DRAVO

alebo
POVIEDKY V KRESBÁCH

7-9-62.

*Til Aleksander Murin
med tilven og tak
for mottagelse i Leningrad*

PRÁCA, VYDAVATELSTVO ROH

BRATISLAVA 1959

*Ja
Herluf Bidsstrup*

Х. Бидструп, М. Дудин,
Г. Додонова, А. Мурин. 1984 г.

ET RESURREXIT (Л. К. ЛАЗАРЕВ)

Соседом по скульптурной творческой мастерской на Охте моей супруги был... Здесь я не могу подобрать нужный эпитет этому ваятелю. Ну, право, нелепо писать «народный художник СССР, лауреат Ленинской премии Иисус Христос» или «заслуженный деятель искусств Мария Магдалина»! Поэтому я просто называю соседа моей супруги – Левон Константинович Лазарев.

И сразу встают в памяти его шедевры, что украшают наш город: Кваренги, Сахаров, Мравинский, Товстоногов, Райкин, Орбели, Цой, Дягилев (последний, правда, в «Гранд-Опера» в Париже).

Я часто заглядывал в его уютную мастерскую: то подсобить – поднять на седьмой этаж с выставки его работы, то просто полюбоваться, как он работает. Я травил байки о Петербурге и петербуржцах, а Левон с удовольствием слушал. А в эти моменты его руки, раскрепощенные от нашей советской бытовухи, творили чудеса. Причем вокруг были пустые стены, чтобы ничто не мешало скульптору сочинять свою пластическую песнь.

В тот день я застал Лазарева за странным занятием. Он набрасывал на каркас из реек и картона жидкий гипс. И на моих глазах появлялся старик в рубище с кособочной головой на искривленной шее. Руки старика безвольно болтались, как у узника Освенцима. Вдруг Левон спрятал эти конечности за сутулую спину. И в этот момент я узнал героя Лазарева – опальный академик Сахаров!

На выставке в Манеже скульптура вызвала разноречивые суждения при обсуждении. Левон Константинович загадочно улыбался. Я подошел к нему и тихо на ухо сказал:

– Спасибо за Блаженного!

В ответ он крепко сжал мое плечо своей рукой молотобойца.

На открытие памятника у Университета я не пошел, был занят на работе. Слышал, что Елене Боннэр памятник не понравился. Правда, как говорится, трудно угодить женщине.

В серый, как здание библиотеки Академии наук, день я забрел на Университетскую набережную, мимо вальяжно восседающего Ломоносова прошел к застенчиво притулившемуся в конце Двенадцати коллегий Сахарову.

Грешно сказать, но подумал, сколько еще светил науки можно поставить на Менделеевской линии, а вот бронзовый Сахаров будет всегда последним. Мне показалось, что лазаревский памятник стоит близко к стене

здания, да и поворот помятой фигуры неестественен. Но для себя решил, что монумент достойный.

При случае сказал свои бредовые непричесанные мысли Левону Константиновичу. Он опять загадочно улыбнулся:

– Шура! А в белую ночь обойдите моего Андрей Дмитриевича и со спины присядьте на корточки и подымите взор к небу!

Я так и сделал и... невольно преклонил колени. Передо мной был апостол Андрей Первозванный, возносящийся в небеса. Et resurrexit. И воскрес. Я стоял на коленях и повторял слова из молитвы «Верую»:

О рождении Господа “Et incarnatus” (И рожден).

О земных муках “Crucifixus” (Страдал за нас).

И о Его воскрешении “Et resurrexit” (И воскрес).

Из гипноза меня вывел девичий голос:

– Дедушка! Вам плохо?

А над Леоном Константиновичем на Смоленском армянском кладбище поют диковинные из розового туфа птицы и свисают грозди темно-красного каменного винограда.

Январь 2008 года

ПЛАСТИКА ГАЛИНЫ ДОДОНОВОЙ

Кто они, эти сестры земли, кому родственно и дорого все живое?
Фантазия скульптора создала этот хоровод щедрых сердец, готовых
к защите жизни.

Елена Серебровская

Галина Додонова родилась на Волге, в городе Ярославле, в 1940 году.

Впечатления юности – архитектура и фресковая живопись русских городов Ростова-Великого, Переяславля-Залесского, Углича, Борисоглебска, Мышкина, ландшафты приволжских деревень, где проходила практику студентка живописного отделения художественного училища. Параллельно занятиям – увлечение спортом. Тренировки в знаменитом Ярославском авиационном клубе. На счету будущего скульптора свыше 60 прыжков с парашютом.

В двадцать лет живописец Галина Додонова впервые приезжает в Ленинград и поступает на скульптурное отделение Высшего художественного училища имени В. И. Мухоминой в класс профессора Р. К. Таурита.

Дипломная работа Галины Додоновой «Пушкин-лицеист» была оценена Государственной комиссией на отлично. Впоследствии эта статуя была удостоена бронзовой медали ВДНХ СССР (по разделу культуры) и установлена в селе Михайловском, в яблоневом саду рядом с домом поэта.

За 15 лет творческой деятельности из мастерской скульптора Галины Додоновой вышли разнообразные оригинальные произведения: фонтан «Нева» перед гостиницей «Ленинград» в нашем городе; многофигурная композиция «Трубачи» в пионерском лагере «Прометей» под Липецком; памятник Алишеру Навои в колхозе его имени в Узбекистане; мемориальная доска К. А. Федину в Ленинграде.

Додонова – автор скульптурного оформления метро «Приморская». Барельефы «Слава Балтики» и «Корабли науки» создают свой неповторимый «морской» колорит станции.

Барельефы работы скульптора скоро украсят Дворец бракосочетания и Дворец малютки в Калининграде. Для Дворца малютки сделан и фонтан «Аист с младенцем».

В 1981 году Галина Додонова выполнила композицию «Ярославна», посвященную первой женщине-космонавту В. В. Терешковой.

Работая в активе Ленинградского комитета советских женщин, Г.В. Додонова создает серию скульптур «Сестры земли», где поднимает извечную тему ответственности человека за все живое. Эти изящные скульптуры, подаренные комитетом советских женщин друзьям нашей страны, находятся в самых различных уголках планеты.

Работы Галины Додоновой экспонировались на международных, всесоюзных, всероссийских и ленинградских выставках. Они побывали в Японии, Чехословакии, Англии.

Творчеству Г.В. Додоновой посвящен ряд журнальных и газетных статей.

1982 год

«ANNA PASSION»

О памятнике А. А. Ахматовой

Страсти по Анне не утихают весь тревожный двадцатый век.

С первых шагов на поэтическом Олимпе ее, царственную особу, пытались записать в ученики, запрятать в переулках литературных течений, утопить в помоях бытовых склок!

Но она, как птица Феникс, возрождалась вновь и вновь, гордая, с орлиным профилем и белизной души черной голубки.

На ее глазах терзали близких. Но она, видя кровь и муки сына, ею рожденного, приняла облик не страдающей святой Марии, а грозного судии своим врагам и беспощадному веку.

Из могилы она низвергала варваров, и тогда на земле расцветали цветы правды и справедливости.

И наконец, ее звезду решили загасить другой звездой с остроконечными жалами, затмить именем и славой города великой и страшной судьбы.

И вновь победа над мраком. И вот, в конце безумного века, город решил поставить символ – памятник Анне. На полпути от Крестов до Шпалерки. Стоять Анне вечно – порешили горожане. И вновь – мелочная возня, дискуссии, статьи, сентенции, достойные былых времен. Цель одна, она – Анна! Желание одно – замусолить в болтовне благою мысль горожан.

Страсти по Анне не утихают!

Говорят, Ахматова – поэт Серебряного века. Этим хотят ограничить временные рамки ее бытия.

Но Ахматова была всегда. И вчера, и сегодня, и будет завтра.

Как Данте, Шекспир, Пушкин. Она неоспоримо вне времени. Хотя и отразила свой век, болела тревогами своего поколения, прошла все мыслимые круги ада в течение одной отпущенной человеку жизни.

Господь наградил ее профилем Данте, легкой пушкинской строкой, шекспировскими страстями.

Она рождена природой и слилась с ней.

Вот почему она вечна, как восход солнца.

И с каждым новым рассветом мы будем повторять ее строки – строки «Anna – passion».

Газета «Вестник ветерана», № 49, 1998 год

Памятник А. А. Ахматовой работы Г. В. Додоновой

МОЙ СТУКАЧ

(И. А. ШМЫРИН)

Белокурая директриса Областного дома народного творчества в рисованно декольтированном крепдешиновом с красными маками платье, объяснив мои обязанности, препроводила новопреставленного деятеля в кабинет, на котором зияла зеркальная табличка «Музыкально-хоровой отдел. Старший методист». Кабинет представлял из себя чердачную со сводчатыми потолками клетушку в восемь квадратных метров, в которой стояло три конторских стола, пианино и маленький диванчик. На стене висела большая карта Ленинградской области, на которой было нарисовано от руки множество красных флажков. Каждый означал, что в данном населенном пункте есть или должен быть «по документам» народный ансамбль песни и пляски. В чердачное окно через соседние крыши вонзалась в небо, как гвоздь, колокольня разоренной Владимирской церкви. На столе стоял старорежимный черный телефон. Я погрузился в изучение списка областных начальников, фамилии которых были многократно обведены черными траурными рамками.

В кабинет резко постучали, и следом в распахнувшуюся дверь вошел высокий сутулый седой старик с красным большим, как у Корнея Чуковского, носом.

– Я – ваш стукач! – безапелляционно заявил он и добавил, – Иван Ананьевич Шмырин – методист из области! Ваш стукач. Мой кабинет за стеной. У нас с вами общий телефон, и когда будут трезвонить вам, я буду стучать сапогом в стену! А вы снимайте трубку. Ясно? Много не болтать! Ясно!

Так в мою жизнь вошел старый художник.

В юности он дружил с Маяковским и Есениным, книги с автографами поэтов хранил в шкафу на работе. В 20-е годы Иван Шмырин – участник «Синей блузы» – первой в стране агитбригады.

Он обитал в коммуналке старого доходного дома в Свечном переулке. В квартире все было паутинно-замызганно. Окна не мылись столетиями, и казалось, что в них была вставлена петровская слюда. В сортире шумел, как Ниагарский водопад, сливной бочок, а на кухне в медную с остатками краски и эмали раковину, ударяя по мозгам, медленно падали ржавые капли воды.

Этого старик не замечал. Когда он входил в раж, его глаза вспыхивали озорным огнем, который мог увлечь, заворожить, сжечь любого.

Часто он водил нас, молодых методистов, по окрестным улицам, устраивая импровизированные экскурсии.

Так, в закусочной на Владимирском проспекте, где мы поглощали профсоюзные резиновые сосиски с водянистой картошкой, сообщил, что здесь часто сживал за рюмкой водки Александр Иванович Куприн; а в Областном театре на углу улицы Рубинштейна и переулка Марии Ульяновой он «якшался» с Владимиром Маяковским, который всегда являлся в окружении каких-то красоток с соблазнительными формами; а у Академии художеств был свидетелем, как в Неву сбрасывали осколки каких-то «антично-буржуазных» богинь. На полном серьезе Ананьич утверждал, что Монферран замуровал в Александрийском столпе ящик бургундского вина для будущих «ремонтеров». Да и о портрете Наполеона на гениталиях коня Клодта на Аничковом мосту мы услышали от него. Эх, записать бы байки старого художника!

Так же, как и все в нашем «домике», старик носился по областным коммандировкам, помогая, иногда успешно, народным талантам, умельцам, художникам.

Зарплата у нас в «домике творчества», несмотря на высокие должностные звания, была нищенская, и мы старались всеми правдами и неправдами увеличить свой бюджет. Писали сценарии многочисленных местных праздников, концертов для красных дат календаря, получая сущую ерунду, но были рады и этим крохам. Иван Ананьевич Шмырин был среди нас «крупным» специалистом по «женским ножкам». Он писал сценарии сюжетных танцев, кои ставились в многочисленных кружках области.

Спустя четверть века я понял, сколько скрытого юмора, даже сарказма, гоголевской иронии было в строках Ивана Шмырина. Иногда он назидательно говаривал:

– Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!

Вот некоторые из сценариев танцев, что на полном серьезе обсуждались и, на удивление, принимались к оплате, уходили в «жизнь» в те далекие хрущевские «кукурузные» времена:

Угощайся поголовье и свиное, и коровье

Шуточная игра

Поле, возделанное под посев кукурузы. Слышится треск мотора трактора. Из центра появляются два трактора.

Парень и девушка. За ними следом цепочкой движутся девушки – «Кукуруза».

Рассадив квадратами (четыре и более, в зависимости от коллектива и сценической площадки), «трактористы» объезжают кукурузу по квадратам – уезжают.

«Девушки – кукуруза» сидят на корточках с опущенными головами...

Музыка. Кукуруза начинает расти, распрямляться...

Робкий танец кукурузы.

Тревожно завыл ветер. Свист, галдеж, звон гитары...

«Девушки-кукуруза» испуганно убегают на свои места и застывают в страхе, врывается шайка «сорняков» под гитарный звон, с чиханьем и свистом – пустились в пляс, обнимая своими крючковатыми лапами кукурузу.

Тракторный рев моторов. Перепуганные «сорняки» распластались на земле около «девушек-кукурузы».

Появляются «тракторы» и начинается прополка сорняков.

Лемехи культиваторов захватывают «сорняков» и волокут их за кулисы. Поле очищено от сорняков. Трактористы удаляются с поля, танец кукурузы продолжается.

Во время танца каждая «кукурузина» превращается в куст: сначала две девушки, затем три, четыре... постепенно заполняется вся сцена.

Рев моторов тракторов. Сбоку из-за кулис появляются «трактористы». Остановив тракторы, тракторист и трактористка сходят с машин.

Танец трактористов (радость, любовь).

В танце как фон могут участвовать «девушки-кукуруза».

Танец окончен. Трактористы садятся за руль. Начинается уборка урожая.

Танцую следом за тракторами, махая платочками, танцующие срываются аз кулисы.

Выходит баянист – играет. Из-за кулис выбегают все участники сценки, но уже в рабочих костюмах.

Общий танец урожая.

Танец может быть с пением частушек, подобранных на соответствующую тему:

Нам про то во сне не снилось,
Что дает чудесный силос
Кукурузный!
– Эх, кукурузный!
Угощайся поголовье
И свиное, и коровье

На здоровье...

– Эх, на здоровье!

На карте мира появилась социалистическая Куба темпераментного Фиделя, и старый художник тут же раскатал сюжет на тему интернациональной дружбы:

Куба – да, янки – нет!

Хореографический этюд

Куба. Ночь. Укрепленный пункт на побережье.

Молодые «бородачи» из народного ополчения смотрят танцевальную сценку на тему «Я люблю тебя, Розита – будь моей...» (шуточный народный танец), которую исполняют их товарищи-ополченцы.

Жарко. Танцующая девушка в легкой блузке без рукавов, танцующий парень без форменной рубашки – она лежит в стороне.

Зрители-«бородачи» сочувственно добродушно улыбаются. В зависимости от сюжета и исполнения танца активно аплодируют и жестикулируют.

Раздается сигнал – «Тревога». Свет гаснет. Синее небо. Лучи прожекторов, силуэты пробегающих вооруженных бойцов. Шум самолетов, выстрелы... Силуэты опускающихся парашютистов...

Девушка надевает санитарную сумку с красным крестом. Бежит на выстрелы.

Вбегает американский парашютист. Он не замечает девушки... Снимает костюм парашютиста. Увидел кубинскую гимнастерку, оставленную танцевавшим парнем – берет и хочет одеть.

Заметил притаившуюся девушку, вначале испугался. Но видя, что кругом никого нет, вспыхнуло желание овладеть ею... Вначале уговаривает, потом требует и, наконец, делает попытку применить силу.

Появляется второй парашютист...

Борьба за девушку двух хищников друг с другом.

Девушка, чтоб выиграть время, умышленно страстными позами и движениями разжигает страсти... Борьба парашютистов становится трагической – один убивает другого!

Победивший, как дикий зверь, бросается к девушке...

В этот момент появляется парень, танцевавший в начале эпизода.

Борьба. Девушка помогает кубинцу.

Отбой тревоги.

Появляются радостные и возбужденные бойцы... уводят американца в штаб.

Мертвого оттаскивают в сторону.

Снова гитара. Танец победы.

В танце должна прозвучать тема «Кубинец, я тебя люблю – янки никогда».

Куба – да, янки – нет!

Стремительно набирала популярность в стране и мире песня Василия Павловича Соловьева-Седого «Подмосковные вечера», и в один из дней наш Ананьич прочел нам новый сценарий. Слезы хохота застилали и без того маленькие глазки Василия Павловича Соловьева-Седого, когда я показал ему при встрече эту «штуковину» в лицах. Композитор буквально силой отобрал у меня этот «шедевр».

Подмосковные вечера

Вокально-хореографический этюд

Музыка С. Седого, слова Матусовского.

Весна. Время, когда цветет черемуха, когда поют соловьи, когда пишутся стихи и слагаются тоскливые, сладостные мотивы песен:

1. Играя на баяне, вернее, сочиняя песню, танцуя, появляется парень. Он видит и не видит, а баян поет и поет мелодию «Подмосковных».

2. Хор за сценой без слов вторит баяну.

3. В глубине в лирическом танце появляется девушка в белом платье, увидев баяниста, девушка замерла в трепете. Баянист двинулся к девушке. Встретились и... разошлись.

4. Танцуя, проплывают две пары. Они увлечены друг другом и ничто кроме песни, которую поют их сердца, их не интересует. Пары делают несколько «танцевальных движений». Баянист сближается с парами, и расходятся, как чужеродные тела.

Хор: Не слышны в саду даже шорохи,

Все здесь замерло до утра.

Если б знали вы, как мне дороги

Подмосковные вечера.

Танцующие пары движутся и не движутся...

Баянист – ищет среди пар то ли девушку, то ли мелодию...

Танцующие пары уходят на задний план, усаживаются в интимно-живописные позы.

Хор: Речка движется и не движется
Вся из лунного серебра,
Песня слышится и не слышится
В эти тихие вечера.

Дворничиха с метлой метет. Услышав песню, перестала мести и мечтательно слушает.

Милиционер – входит. Увидел дворничиху.

Танец милиционера и дворничихи (дуэт):

Что ж ты, милая, смотришь искоса,
Низко голову наклоня...

Карикатура на И.А. Шмырина. Рисунок автора.

Дворничиха (отвечая):

Трудно высказать и не высказать
Все, что на сердце у меня.

Вновь появляются пары и ходят по кругу.

Хор: Трудно высказать и не высказать
Все, что на сердце у меня.

Милиционер и дворничиха исчезают.

Хор: А рассвет уже все заметнее,
Так, пожалуйста, будь добра.

Общий танец – «Расставания»

Хор: Так, пожалуйста, будь добра,
Не забудь и ты эти летние
Подмосковные вечера.

Хор повторяет: Не забудь и ты эти летние
Подмосковные вечера.

Расходятся.

Баянист – один продолжает искать то ли милую, то ли песню.

На мою карикатуру тех лет, набросанную на одном «важном» совещании, Иван Ананьевич наложил визу – «Здорово! Шмырин». Этот листок да чудом сохранившиеся черновики сценариев – вот и все, что осталось от современника Маяковского и Есенина. Где-то затерялись бесценные автографы поэтов, многих знаменитых артистов, рисунки художников, деятелей культуры.

Часто Ананьич заходил к нам запросто и просил в долг до зарплаты треху, чтобы выручить очередного областного Репина, Врубеля, Филонова, у которых «после вечерняго вернисажа головка бо-бо, а денежки тю-тю». Мы давали ему, зная, что сам старик чрезмерно «Бетховеном» не балуется.

Светлая память тебе, Иван Шмырин, мой стукач!

10 ноября 1996 года

КАК МЕНЯ БРАЛ КИЕВСКИЙ ОБХСС

Дело было в апреле.

Я и два моих помощника, Виталий Пономарев и Юрий Попов, сидели на Владимирском проспекте, 25, на нашей чердачной верхотуре в Областном доме народного творчества (сокращенно ОДНТ), в келье под названием «Муз-хор. отдел». Обсуждали итоги очередного юбилейного смотра, травили анекдоты про армянское радио. Солнце слепило нашу обычно полуслепую обитель.

Дверь резко без стука распахнулась, и на пороге появились три высоких краснощеких гражданина в романовских милицейских полушубках с громоздкими портфелями в руках.

– Здоровенькі були! Ми з Київського ОБХСС! (понимай – Отдела борьбы с хищениями социалистической собственности) – улыбаясь, произнесли хором незнакомцы, выдыхая весенний морозный воздух. Озноб пробежал по спине...

Я стал лихорадочно вспоминать, что мы делали с Украиной, что могло вызвать интерес киевских ментов. Костюмы – не шили? Смотры – не проводили? На всесоюзных семинарах – лишь шапочное знакомство? Что? Где? Когда? Мы могли наследить?

Гости без предложения бухнулись на наш косящатый диванчик, и он заскрипел под их могучим весом.

– Ну-с! Давайте, діліться опытом, як ви обтяпиваєте такі гучні діла? – недвусмысленно предложил верзила, видимо, главный из троицы.

Я снова, как будто не расслышал, переспросил:

– Откуда вы, братцы?

Громила повторил:

– Так ми з Київського ОБХСС!

Он открыл портфель и ловко, как фокусник-жонглер с булавой, достал большую бутылку, в которой плавала крупная морковка. Не сразу до меня дошло, что это был красный украинский ядреный перец.

– Ну! Давайте, братці! За дружбу! Стаканы-то, може, у вас є?

За бутылкой на столе появился большой шмот сала и пахнущий каравай.

– Ну, за знайомство! На здоров'ячко! – подняли тост гости.

Выпили. Немного посмелели.

Как меня брал киевский ОБХСС

– Так что вам от нас надо? – еще раз уточнил я, удивленный столь необычной формой допроса и раскрытия «нашего» преступления киевскими спецами.

Мои заместители сидели «на стреме», готовые прийти каждое мгновение на помощь, если меня будут «брать» незваные гости. В руках, как гранаты, были нервно, судорожно сжаты граненые стаканы.

– Так! Бачите, як ви одягли в костюми всю область, як зібрали на концерти стільки громадян? Як змогли привести в місто? Ми ж ваші колеги!!! Ми з Київського обласного будинку («дома» по-українски) художньої самодіяльності (читай сокращенно – ОБХС).

Камень непонятного страха свалился с наших плеч. Смех и веселье до поздней ночи завершило встречу.

Где вы сейчас, украинские ребята, на какой националистической баррикаде?

Нет! Определенно надобно знать язык сопредельного славянского дружеского государства, а то ведь ненароком можно оказаться в киевском ОБХСС!

10 ноября 1996 года

ЖИВОЕ СЛОВО (В. М. БУЗИНОВ)

«Вестник ветерана», № 5 (563), апрель 2006 года

10 марта в Казанском кафедральном соборе Петербурга через огромную толпу горожан, пришедших проститься с Виктором Михайловичем Бузиновым, с трудом пробиралась седая женщина. Она как заклинание повторяла фразу:

– Я слушала все его передачи по радио, но никогда не видела этого человека!

Да! Голос Виктора Бузинова слышали и узнавали миллионы ленинградцев-петербуржцев нескольких поколений, но он оставался легендарным человеком-невидимкой. И тогда, когда начинающим журналистом в «Ленинских искрах» писал ответы на письма школьников от имени придуманного им самим мифического «Генки-ординарца», и когда свыше 30 лет работал на Ленинградском-Петербургском радио.

Его циклы передач «Час до полудня», «Еще не вечер», «Вам, ветераны», «Андреевский флаг», «Мифы, легенды», «Прогулки по Петербургу» имели самые высокие рейтинги.

Коллеги-журналисты вручили ему самую высокую награду – знак «Золотое перо», учились у него мастерству. Он получил престижную «Анциферовскую премию». Виктор часто говаривал:

– Радиожурналист – штучный товар. Его надо оберегать, как зеницу ока. Живое слово, сказанное в прямом эфире, не исправить!

Он умел, как никто другой, слушать собеседника, ценил чистую петербургскую устную речь, импровизацию, мог тактично повторить ту или иную фразу, где замечал оговорку, ошибку, искренне радовался новым краеведческим находкам и сам открывал и открывал ежедневно заново наш великий город.

Архитекторы, литераторы, священнослужители, поэты, художники, музыканты, краеведы были спутниками и соучастниками его тысячи прогулок по Петербургу. Он строил планы новых и новых занимательных передач, но неожиданная смерть – эта безжалостная старуха с косой – сразила доброго человека.

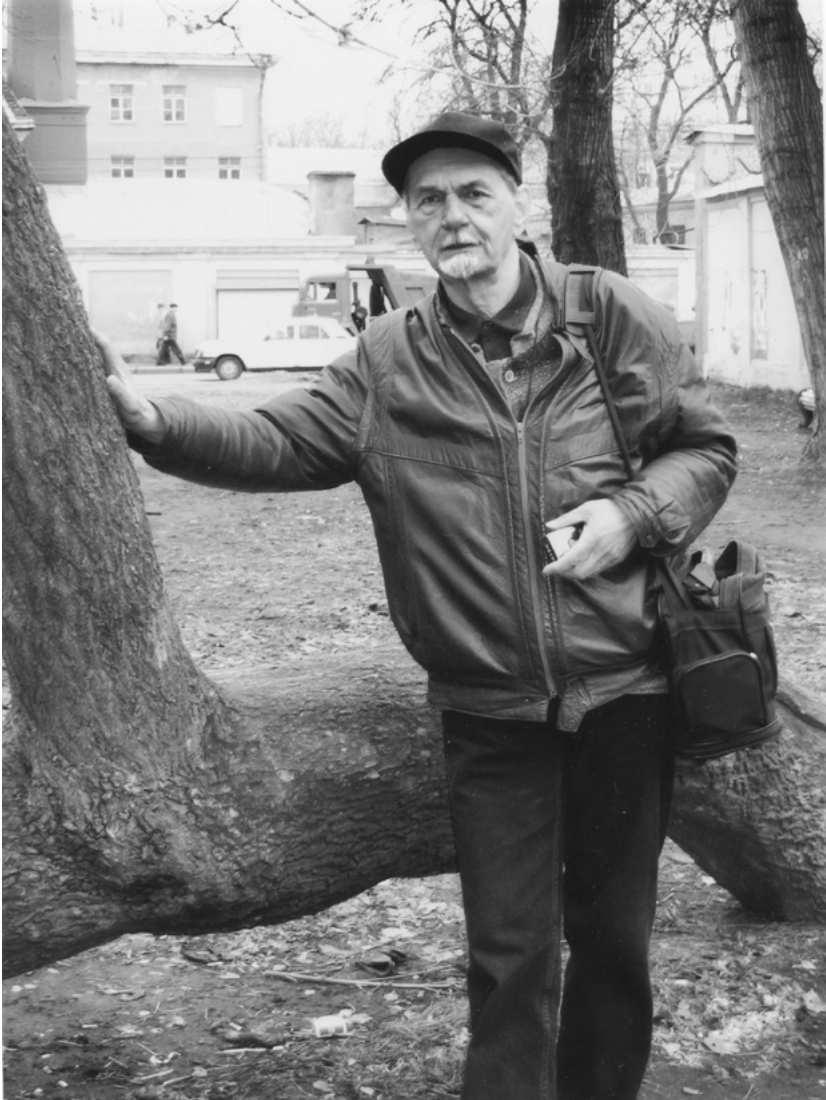
Символично. Когда гроб с прахом Виктора опускали в могилу на Парголовском кладбище, светило яркое солнце, был колючий морозец и вдруг высоко-высоко в мартовском небе закружила, курлыча, стая белоснежных чаек. И многим показалось, что это не птицы, а души великих

Живое слово (В. М. Бузинов)

ленинградцев Ольги Берггольц, Марии Григорьевны Петровой, Ростислава Широких принимают в свой бессмертный круг нашего друга, создателя живого слова Петербурга Виктора Бузинова.

В. М. Бузинов. 2006 г.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ВЕЧЕРА

В конце 50-х годов прошлого столетия я организовывал в Высшем техническом училище при Ленинградском металлургическом заводе на Выборгской стороне хоровой коллектив. Ребята и девочки, почти мои ровесники, быстро запели на голоса. В репертуаре были популярные песни Пахмутовой, Петрова, Далухоняна, Туликова и, конечно, Василия Павловича Соловьева-Седого.

Директор ВТУЗа, узнав, что я знаком с композитором, попросил уговорить его на встречу – душевный разговор со студентами.

Василий Павлович поинтересовался:

– А горячее для моей машины будет? – и похлопал себя по животу. Я заверил:

– И горячее, и цветы, и даже новейшая турбина Усть-Илимской ГЭС! (естественно, макет).

В намеченный день зал был полон. Я на кулису прикрепил карикатуру на Василия Павловича. Круглое, как луна, лицо, маленькие хитрые глазки и ушки. А внизу доморощенные вирши:

Поменьше ешь, побольше пей
И будешь – Соловьев-Седой!

И. Игин. В. П. Соловьев-Седой. 1956 г.

Ленинградские вечера

На сцену под аплодисменты выкатился, как колобок, Василий Павлович, подсел к пианино, и полились его песни. Композитор прерывал пение зала своими остроумными байками, в их числе, как в войну они с Александром Борисовым давали концерт в бане, где мылись вышедшие из боя солдаты.

Подобный контакт со зрителями я наблюдал позднее еще раз в своей жизни на встрече с В. М. Шукшиным.

Полтора часа длились импровизации композитора. Вдруг он запросто обратился к слушателям:

– Ну что, хлопцы? Вы можете еще терпеть?

Все хором:

– Да!! – смех, овации.

– А я вот не могу! – вдруг парировал Соловьев-Седой. Он удалился за кулисы и вскоре вернулся довольный. Взгляд его упал на мою карикатуру. Смекнул, чьи это проказы:

– Дай-ка, Сашок, чем писать!

Я вручил кисть, предварительно опустив ее в банку гуаши. Василий Павлович зачеркнул мои слова и поверх начертал:

Поменьше ешь, побольше пей
И будешь соловья седей!

Развернул плакат, показал залу и снова к инструменту. Зазвучали «Подмосковные вечера». Правда, ребята настырно пели в конце:

Если б знали вы, как мне дороги
Ленинградские вечера!

Начальство вручило композитору подарки, а студенты завалили его цветами. С каждым он обнимался, а потом, погрозив мне напоследок пальцем, влез в директорскую машину и, как «пасхальное яичко», усталый укатил домой.

Февраль 2008 года

В СЕМИ ШАГАХ (ТИХВИНСКАЯ ИСТОРИЯ)

1969 год. Вдруг власти в нашем городе и области вспомнили, что 125 лет назад в маленьком провинциальном городке Тихвине, в семье отставного губернатора, дворянина Андрея Петровича Римского-Корсакова и его законной супруги Софьи Васильевны, обоих православного вероисповедания, на свет появился поздний ребенок, названный в честь святого покровителя всех путешествующих и странствующих Николаем.

Именно Ника, как его звали в семье, со временем и стал тем великим русским композитором-сказочником, патриотом и гражданином России, имя которого носит первая национальная консерватория в Ленинграде.

На родине композитора в Тихвине решили с размахом и помпой отметить юбилей. Тем более что это был, пожалуй, единственный в русской музыке композитор-классик, что родился и помер в Ордена Ленина и Ордена Октябрьской Революции Ленинградской области.

В один погожий день я, тогдашний зав-муз-хор-орк отделом ОДЭЭНТэ (заведующий музыкально-хоровым и оркестровым отделом Областного дома народного творчества) был вызван во «вдовый» корпус Смоленского собора, где помещалось управление культуры исполкома Ленобласти, к начальнице Лидии Ивановне Гришиной. Она, в прошлом школьная учительница из Выборга, без всяких преамбул заявила:

– Вам, товарищ Мурин, поручаем ответственное задание! Отвезти в целостности и сохранности в Тихвин Римского-Корсакова!

Я от удивления даже крикнул, будто на меня взвалили непосильную ношу. Поняв причину моего «смущения», Гришина добавила:

– Да не самого его, а единственного оставшегося в живых сына!! Имя, отчество, деньги на командировку получите в отделе кадров у Нины Ивановны Шукиной!

На перроне Московского вокзала к подаче «Бабаевского»-500-веселого поезда, что останавливался у каждого столба и проходил через Тихвин, собралась шумная, довольно веселая компания: огромный консерваторский студенческий оркестр свыше ста человек, где играли многие мои знакомые, во главе с гениальным русским дирижером и педагогом народным артистом СССР Константином Арсентьевичем Симеоновым, солисты, вокалисты, инструменталисты и какие-то чиновники от культуры.

Один из них взял меня бесцеремонно за руку, подвел к статному старичку и представил:

– Познакомьтесь – Владимир Николаевич Римский-Корсаков!!

Последний с почтением протянул сухую с красивыми пальцами руку. «Боже, как он похож на своего великого отца! – подумал я. – Только без бородки. Такая же прямая спина, офицерская выправка, черное домино-пальто с белым воротничком, вышедшая из моды шляпа». Чувствовались дворянские гены. Ведь в роду Римских-Корсаковых было много флотоводцев и даже два контр-адмирала...

Вагага консерваторцев с инструментами заполонила пространство вагонов, так же, как и многоязычный студенческий смех и говорок. Симеонову, Римскому-Корсакову и мне выделили отдельное купе. Поезд тронулся. Проводница подала стаканы с железнодорожным чаем. На столике у окна появилось нехитрое домашнее угощение.

Константин Арсентьевич достал из саквояжа-портфеля увесистые партитуры композитора и... бутылку водки с банкой, из которой источали божественный аромат огурчики и помидорчики. После первой рюмочки пошел задушевный разговор.

Владимир Николаевич, знавший Симеонова по Кировскому театру (нынешней Мариинке), обращался к нему как к сыну: «Костенька!»

После пары смачных историй, рассказанных дядей Костей, так мы звали его в нашей семье, наступила очередь Римского-Корсакова, и он поведал нам историю, как позировал «сталинским» скульпторам Боголюбову и Ингалу для памятника отцу на Театральной площади:

– Уж больно хотели ваятели изобразить батюшку в полный рост, как Глинку, что стоит с другой стороны Консерватории, подбоченясь, готовый пуститься в пляс! Заставили меня стоять истуканом. Все время смотрели то на меня, то на рисунок Репина, бросая на железяки куски глины. Один сеанс, второй, третий. Наконец я возмутился: «Господа! Ноги затекают!» Вот они и сжалились, посадили меня, как Крылова в Летнем саду, на скамью, сунули в руки какой-то альбомчик: «Листайте на здоровье!» И получился памятник батюшке... А «стоячий» монумент ваятели подарили школедетишке для одаренных детей, что в Матвеевом переулке, где он и стоит поныне в фойе концертного зала, и за него прячутся, играя в «горелки», будущие музыкальные гении. Памятник отцу отлили, и в 1952 году открыли с другой стороны Консерватории. Кстати, эти ваятели установили в Питере пять или шесть монументов «усатому» (И.В. Сталину. – А.М.). Все они канули в Лету. Один на моих глазах. После доклада Хрущева я получил в Дом композиторов в Комарово льготную путевку. Там перед столовой в клумбе, на низком подиуме

стоял вождь – усы, фуражка, рука заложена за лацкан френча. Иду на завтрак – стоит! Иду на обед – остались сапоги и галифе, на ужин клумба была пуста, на месте вождя – вазон!! А вот памятник батюшке уцелел!

Я вклинился в повествование Владимира Николаевича, пересказал байку, что гуляла по Консерватории:

– Пьяный идет по улице Глинки от Никольского собора, мимо памятника Михаилу Ивановичу, зашел на угол Декабристов в винницу, выходит и смотрит подозрительно на памятник Римскому-Корсакову: «Надо же! Туды шел – стоял, обратно иду – сидит!»

Да еще припомнил, что в послеблокадной капелльской школе на набережной Мойки, 20, у нас фортепиано преподавала старушка Софья Григорьевна Ингал, мать скульптора. Она ходила в длинном, до пят, черном салопе, на маленькой голове с остатками волос и зимой, и летом всегда была, как кичка, высокая с помпоном шерстяная шапочка. Мои друзья Саша Броневицкий и Коля Кунаев звали ее за глаза «Ладья».

Он лупила мальчишек линейкой по пальцам и затылкам и долго ворчала, если ребята играли не те ноты. Но ее отменная фортепианная выучка осталась у капеллан на всю жизнь...

Поезд, нещадно дергаясь на стыках, приближался к цели.

В Тихвине на вокзале нас встречала толпа. Среди портретов членов Политбюро КПСС сиротливо выглядывала борода Римского-Корсакова. Он чем-то смахивал на всесоюзного старосту Михаила Ивановича Калинина. Видимо, рука местного «богомаза» привыкла писать лики вождей.

На перроне стояли власть города и простой люд.

Но если в Питере для «Бабаевского» поезда была высокая платформа, то здесь пришлось спускаться на грешную землю.

Владимир Николаевич суетливо делал попытки нырнуть спиной по крутым ступеням, судорожно хватался за грязные поручни, что масляной тряпкой протерла проводница, стучал тростью, пока я решительно не посадил его на плечи и так с высокой позиции опустил старика на тихвинскую почву предков. Симеонов тут же схохмил:

– Ну, Шура, ловкач! Тебе бы в Кировском (театре. – А.М.) Спартака вместо Макарова плясать и балерин на шею таскать!..

Для почетного гостя был устроен прием на самом высоком уровне. Ему выделили в Горкоме партии одну из самых элитных служебных квартир, как для ленинградских партийных шишек – с ванной и сортиром. Остальные довольствовались Домом колхозника со всеми понятными удобствами на природе.

В. А. Серов. «Н. А. Римский-Корсаков»

После приветствия глава города предложил Римскому-Корсакову проехать отдохнуть с дороги, но он резко возразил:

– Сначала поклонимся могилам моих предков в монастыре!

Заведующий отделом культуры Тихвинского района Николай Николаевич Виноградов сквозь шум встречающих начал что-то шипеть мне в ухо:

– Какие в черту могилы! У нас в монастыре цех ДОКа (деревообрабатывающего комбината. – А. М.) и база местной РМТС (ремонтно-технической станции. – А. М.)!

Но глава города уже усадил Римского-Корсакова в свою «Волгу», и она медленно повезла всех по тихвинским колдобинам.

Остановились у городского стадиона.

– А где монастырская стена?! – спросил Владимир Николаевич.

– Мы ею устлали болотину, через которую сейчас идем! Вот видите беговые красные дорожки стадиона – они из монастырского кирпича!

Вошли через надвратную церковь в бывший мужской монастырь.

Запустение!! Как Мамай прошел! В храме, где когда-то была икона Тихвинской Божьей матери, стучит пилюрама, из дверей летят стружки и терпкий сосновый запах.

Снова Виноградов дышит в ухо мне:

– Мурин! Спроси старика, где его могилы!

Владимир Николаевич обогнул храм и тростью показал на нишу:

– Здесь была икона Николая Чудотворца! Вот от нее в семи шагах и лежат все мои предки.

Вокруг стояли разбитые грузовики, трактор без колеса. Римский-Корсаков сделал несколько шагов и уперся в бензовоз, с которого капал, как из крана мазут.

– Можно убрать с могил эту карету? – жалобно взмолился он. Кто-то влез в кабину бензовоза и отодвинул его на несколько метров.

– Вот это место! – ткнув тростью в пропитанную нефтью землю, сказал старик, вытер белоснежным платком влажные глаза, перекрестился, резко повернулся, как на плацу, и, чеканя шаг, пошел вон. Начальники едва поспевали за ним.

Виноградов снова в ухо:

– Мурин, я дам тебе всех культработников. Вон там в углу у звонницы какие-то кресты с двойными фамилиями! Выручай! Пол-литры за мной!

Позднее мне тихвинские друзья Анис Ефимович Финкельберг и Галина Николаевна Снег открыли «большую тайну»: до отдела культуры Виноградов командовал местным ликеро-водочным заводиком!..

На следующий день на месте бензовоза стояли несколько могил с православными крестами и цветниками из сколоченных сосновых досок. Вокруг был аккуратно выложен свежий дерн, территория посыпана песком. В цветниках красовались полевые цветы. А на крестах дощечки с двойными фамилиями предков Римского-Корсакова.

К этому мемориалу и возложили руководство города, консерваторцы, Римский-Корсаков, Симеонов и я свои венки.

Правда, на лентах удивляли и смущали многих надписи: «Великому русскому композитору!», «Гению русской музыки», «Римскому-Корсакову от Консерватории Римского-Корсакова»!!!

А вечером в городском Доме культуры яблоку негде было упасть. Состоялся концерт консерваторцев. Вдохновенно играл оркестр студентов, ведомый Симеоновым. Пели и играли будущие народные артисты и лауреаты международных конкурсов. После симфонической картины «Сеча при Керженце» студенты и зал устроили овацию дирижеру. А тот,

немного ссутулясь и оттопырив нижнюю губу, указывая на портрет композитора, на весь зал воскликнул:

– Ну, что за силище этот богатырь Римский! Корсаков!!! На таких и стоит русская земля!

И повторил на бис все сочинение.

Несколько лет тому назад я приехал в Тихвин, в Дом культуры, проверить дипломную практику своих студентов из Областного колледжа культуры и искусства.

Мужской монастырь срочно восстановили. Воссоздали стену вдоль реки Тихвинки. Появились первые монахи. Открылась воскресная церковная школа.

Привели в порядок и усадьбу Римских-Корсаковых, и дом XVIII века, где появился на свет русский гений.

Из Питера привезли обстановку, мемориальные вещи, восстановили церковь, что стояла рядом, провели мелиорацию вокруг.

И отныне огромные красные половицы дома уже не хлюпали под ногами как прежде и не прогибались под огромными монстрами – прямострунными роялями, что списала и подарила Тихвинской музыкальной школе Консерватория еще в 1969 году.

Настоятель монастыря спросил меня:

– А где же все-таки могилы Римских-Корсаковых?

Я оторопел. Оказалось, что после описанных выше юбилейных торжеств 1969 года все вернулось на круги своя: кресты – в угол к звоннице, а бензовоз – на место могил. Господи! Люди! Воистину не ведаем, что творим!!

Я указал место, в которое когда-то впились трость Владимира Николаевича в семи шагах от стены храма, где ныне хранится святыня России – икона Тихвинской Божьей матери.

Июль 2007 года

ПЕТР ПЕРВЫЙ РУССКОЙ ЭСТРАДЫ (П. Л. МУРАВСКИЙ)

На перепутье военных дорог Ленинградская капелла, старейший хор страны, оказались в переполненном беженцами городе Кирове на Вятке. 67 артистов, их дети, престарелые родители оказались на попечении 28-летнего дирижера Елизаветы Петровны Кудрявцевой, у которой самой было на руках двое малолеток – 6-летний сынишка Саша Мурин, то есть я, и моя трехлетняя сестра Катя.

Мама была для певцов и музыкантов, и парикмахером, и директором. Коллектив был без государственной дотации. То есть ели то, что зарабатывали концертом, и корячились, как цыганский табор. Артисты жили в коммуналках добрейших кировчан. Мы втроем ютились в проходной комнате начальника местного НКВД (об этом я подробно написал в рассказе «Сказки Пушкина»).

В середине 1942 года к маме пришла группа ленинградских эстрадников во главе с Петром Лукичем Муравским и попросились в Капеллу:

– Готовы хоть чемоданы с костюмами таскать! Умираем с голоду! – сказали они.

С того дня сам Муравский стал вести концерты, его жена Неклюдова читала симоновское «Жди меня», а баянисты братья Стрыгины аккомпанировать хору патриотические песни.

Петр Лукич как истинный эстрадник не мог просто объявить: «Орlando Лассо. Эхо».

Он выводил вокруг да около:

– Орlando из города Лассо жил в Нидерландах. Однажды утром в горах он услышал эхо. Пришел в свою лачугу и записал на ноты-звуки. Слушайте, что получилось. Итак, Орlando Лассо! «Эхо»!..

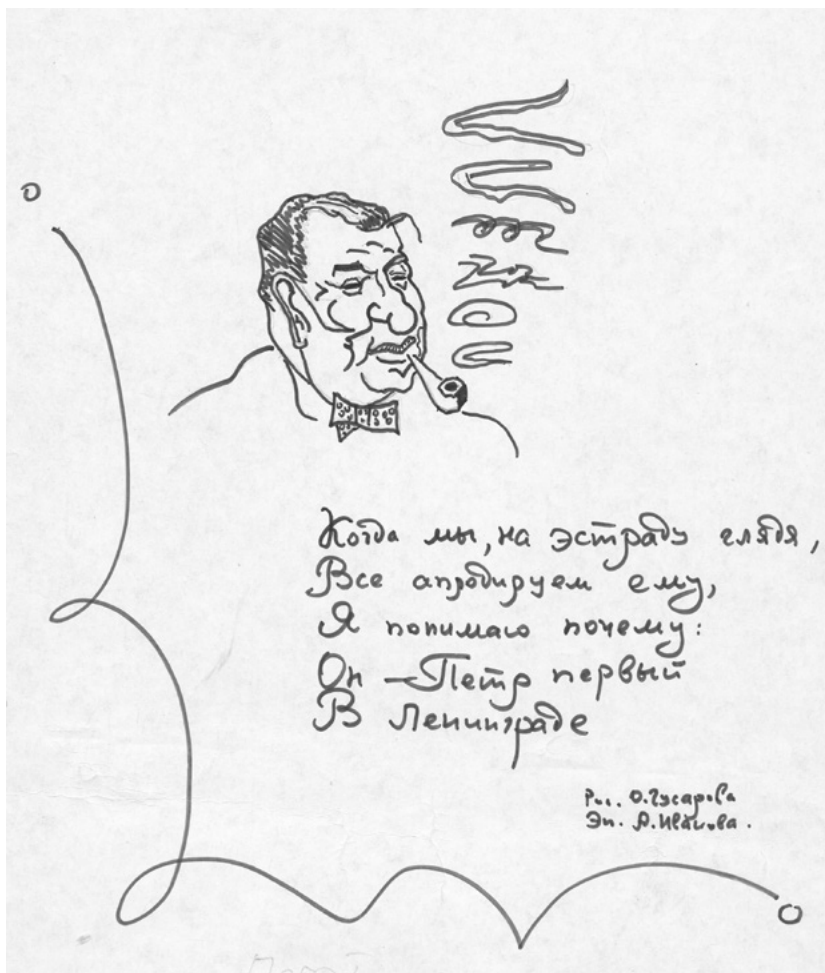
Угодно судьбе, что Муравский и мама через 20 лет получили просторные квартиры на набережной Адмирала Лазарева, 20, и мы в 1961 году стали соседями по дому.

К тому времени Лукич схоронил Неклюдову и жил с бывшей домработницей Ниной Сергеевной, тихой и степенной женщиной.

Он стал катастрофически терять слух, и чтобы услышать свои эстрадные монологи, предварительно десятки раз прокручивал их громко на магнитофоне, выверяя каждое слово, интонацию, и мы были первыми ценителями его творчества, его баек.

А еще Муравский был отчаянный автомобилист. В Первую империалистическую войну 1914 года он служил в автороте вместе с Владимиром Маяковским, а в наши дни в 80 лет водил свою «Волгу» со скоростью пешехода. Он не слышал свистки постовых. Все гаишники были его друзья. Каждый знал – едет богатенький старик-эстрадник и останавливал его, чтобы получить за воротник или «стрельнуть» дефицитную гаванскую сигару, что курил водитель П. Л. Муравский.

В 1973 году я оказался в организации, где служил Лукич, в «Ленконцерте». Мне предложили возглавить рухнувший, но когда-то знаменитый

на весь мир квартет «Сестры Федоровы». Бывший директор «Ленэстрады», добрейший Григорий Маркович Полячек сказал мне напутствие:

– Это дело дохлое, пропащее... Но попробуй!

Одна из сестер, Нелли, осталась с мужем во время зарубежных гастролей в ФРГ. Квартет стал трио. Я ввел в квартет нового баяниста Ивана Тихонова и пятую сестру Федорову – Галю – экс-супругу знаменитого джазового трубача Кости Носова. Разучил новый репертуар, и – о чудо! Удача сопутствовала мне, и квартет «Сестры Федоровы» с двумя баянистами поехал с гастролями по городам России.

За это Полячек и Муравский стали мне благоволить, а руководители «Ленконцерта» «повесили» на меня других «народных певичек» для работы.

Петр Лукич часто подвозил меня в Театр эстрады на улицу Желябова на репетиции, худсоветы и концерты. Ехали долго, и он, попыхивая сигарой, рассказывал мне случаи из его долгой жизни, о встречах с самыми невероятными личностями: Троцкий, Луначарский, Маяковский, Есенин и т.д.

Так из его рассказа я узнал, что шубу на медвежьем меху и собачью шапку презентовал ему Алексей Максимович Пешков, более известный под псевдонимом Горький... К слову, об этой шубе.

Как-то зимой мы гуляли с Муравским по нашей пустынной набережной имени Адмирала Лазарева. Он увлеченно рассказывал мне очередную байку. К нам подошли двое. Я решил, что это знакомые Лукича, молодые артисты. Отошел на несколько шагов. Незнакомцы стали что-то темпераментно говорить Петру Лукичу. Он распахнул шубу, достал и передал им какие-то бумаги и пару гаванских сигар. Через минуту Муравский взял меня под локоть. Я полюбопытствовал:

– Кто те двое? Это Ваши знакомые?

И получил в ответ:

– Нет, это наши грабители! Они хотели взять мою шубу, а я откупился! Ха-ха! А они попросили закурить и не сняли мой горьковский лапсердак!! Ха! Ха! – и продолжил дальше свой рассказ как ни в чем не бывало.

В Москве, в Зарядье, снесли два десятка церквей и исторических зданий и на их месте близ Кремля отгрохали гостиницу «Россия» с шикарным концертным залом при ней. Для открытия пригласили лучшие театральные-эстрадно-балетные силы Ленинграда: Райкина, Пьеху, Хиля, Колпакову, Барышникова, Соловьева, сестер Федоровых, Бена Бенцианова и, конечно, старейшину Петра Лукича Муравского. Это выступление и стало для него последним, роковым.

Лукич вышел на эстраду со своей верной спутницей гитарой. Смачно почмокал в микрофон, проверяя его, и задал залу вопрос:

– Спрашиваете, зачем этот старый пень вышел к вам? Ему бы в гробу лежать в белых тапочках! Поэтому напомним рассказ моего молодого друга писателя Миши. Может, слышали такого? Зоценко?

Зал реагировал смехом. Далее Муравский стал излагать суть рассказа:

– Весна. Аллея в парке. На скамейке двое. Она склонилась на плечо кавалера, закрыла глазки. В этот момент на акации запел соловей любовную песню своей соловыхе. Она: «Скажи, милый, почему соловей поет?» А он в ответ нежно, ласково: «Жрать хочет!!!»

Смех.

– Вот и я потому вышел к вам! – заключил Лукич под овации, смех зала и стремительно ушел за кулисы.

Я не помню такого шквала аплодисментов публики. Муравский много раз выходил на поклон к микрофону, поднимал руку с гитарой и, дождавшись тишины, многократно говорил одно слово с улыбкой:

– Спасибочко!

Наконец, вышел и строго спросил зал:

– Москвичи! Как у вас называется главная улица?

Все хором:

– Горького!

Муравский:

– А как раньше называлась?

– Тверская!

– И у нас в Питере-Ленинграде главная улица называется Невский. А раньше называлась проспект 25-го Октября. А теперь снова Невский! А как гастроном № 1 на бывшей Тверской, ныне улице Горького, назывался?

– Елисеевский!

Публика не понимала, куда клонит артист, а он продолжал:

– И у нас гастроном № 1 на главной улице, Невском, бывшем проспекте Октября, называют Елисеевский! Я помню еще торцовую мостовую и конку посреди Невского. К дверям Елисеевского подкатывали на санях баре. Им открывал двери сам Георгий Георгиевич Елисеев. Они входили в магазин. Приказчики снимали с полок балыки, дорогие колбасы, икру, буженину, колониальные вина, августейшую водку. Все это несли в сани и уезжали. А простому народу – полицейским, чиновникам, музыкантам, артистам императорских театров – с черного хода, что на улице Малой Садовой, выдавали вторпродукты: кровавую колбасу, паюсную икру,

ямскую водочку и т.д. А сегодня все наоборот. Рабочие, крестьяне, интеллигенция, артисты с главного входа берут...

И пальцем Лукич показывал, приговаривая:

– А начальство – с черного хода!

И под гомерический хохот зала:

– А начальство с черного хода – икорку, балык, вина, «смирновскую» со слезой...

Зал так хохотал, что, казалось, качались соседние башни Кремля.

Но в зале сидели не только слушатели и почитатели таланта артиста, но и те, кому положено было по статусу «не пущать!»

Не успел П. Л. Муравский вернуться в Ленинград на «Красной стреле», как его обогнал приказ о переводе артиста на заслуженную профсоюзную пенсию в «200 ры».

И он стал сдавать, как рысак, которого остановили на полном ходу. Да к этому прибавилось страшное – его обокрали. Все, что он скопил за долгую жизнь: и коллекцию дорогих часов, и бриллианты Неклюдовой, что преподнес один из великих князей – все отобрали ловкие грабители. Я был свидетелем того, как об этом Лукич рассказывал в respectable-ном кабинете в «Ленконцерте» на Фонтанке, 41, в бывшем доме Кочневой, директору Кириллу Садовникову и худруку Дмитрию Тимофееву:

– Мне позвонили по телефону и сказали, что снимают фильм о старейших артистах русской эстрады. Я назначил им время встречи, моя Нюша (Нина Сергеевна), слава Богу, ушла в магазин за продуктами. Позвонили. Я открыл дверь. Вошли два молодых человека с камерами в кожаных пиджаках. Ну, прямо, как у вас, Кира и Дима (те стали стеснительно жаться, готовые вылезти из своих модных тогда комиссарских кожанок). Высокий сказал: «Пойдемте, Петр Лукич, к окну! Там больше света!» Я подошел. И вдруг справа и слева от щеки появились вот такие остренькие ножички. Киношник сказал: «Дед! Где сокровища спрятаны? Говори!» Привязали меня к стулу. Я попросил не завязывать мне рот, так как нос у меня совершенно не дышит. Я отдал им все! Они удалились! А я на стуле прискакал к открытой двери на лестницу. Стал звать на помощь. Соседка вышла и решила, что я рехнулся, вызвала «скорую». Но тут пришла из магазина моя Нюша! Ах! Ух! Ах! Потом приехала милиция и т.д.

С этого момента Петр Лукич стал заговариваться. Редко спускаясь с третьего этажа во двор, собирал дворовых старушек, влезал на скамейку и произносил монологи:

– Старый дурень! Лучше бы эти сокровища отдал камбоджийским детям!

Петр Первый русской эстрады (П. Л. Муравский)

Тряхнуло Армению.

– Армянским бы детишкам отдал!

Разбомбили американцы Вьетнам.

– Вьетнамским сироткам бы отдал!

Последние месяцы он лежал дома. Его навещал друг Григорий Маркович Полячек, и ему Лукич рассказывал свои истории о великих современниках, показывал шкаф, где на полке в четырех толстых папках якобы лежали записанные им рассказы.

После кончины Петра Лукича Полячек перевернул всю квартиру, но кроме четырех папок с чистой бумагой ничего не нашел.

Видимо, старик Муравский лукавил. Свои рассказы он готовил для будущих выступлений, но они, увы, состоялись только на небесах.

На Серафимовском кладбище, у входа со стороны магазина «Максидом», видны три могилы: П. Л. Муравского – с гитарой на плите, его первой жены, красавицы Неклюдовой, с которой он в 1907 году вышел впервые на эстраду, и второй жены Нины Сергеевны (Нюши), которая всю жизнь служила своему Петру Лукичу – Петру Первому русской эстрады XX века.

20 августа 2007 года

ФА ДИЕЗ (ОШИБКА БРИТТЕНА)

В конце декабря 1968 года в наш город приехали из Англии певец-тенор Питер Пирс и его друг композитор Бенджамин Бриттен. Они должны были дать всего один концерт в Большом зале Ленинградской филармонии 28 декабря. Накануне мне позвонили из Дома дружбы и «мадам», что ведала дружбой с Англией, сообщила, что Бриттен привез мне и маме, Елизавете Петровне Кудрявцевой, подарки и хочет видеть меня в 15 часов следующего дня незадолго до концерта.

Вахтер «Европейской» долго звонил дежурной по этажу и еще кому-то, согласовывал, «пропустить некого Мурина к Бриттену али нет?». Наконец, администратор все уладил:

– Он в ресторане обедает с Пирсом, Ростроповичем и Вишневской, – добавил он. Я поднялся на этаж. Из полуоткрытых дверей я услышал великолепную игру джазового пианиста и стал искать столик, за которым должны были сидеть гости. Наконец, спросил гарцующего официанта. Он подвел меня к компании Бриттена, принес стул и столовый прибор. Я поздоровался. Ростропович радостно заметил:

– Шурочка! Мой словарный запас немецкого иссяк! Хорошо, что зашел! Я в английском полный бекар. Знаю только «йес» и «плиз», – и провозгласил тост:

– За музыку!

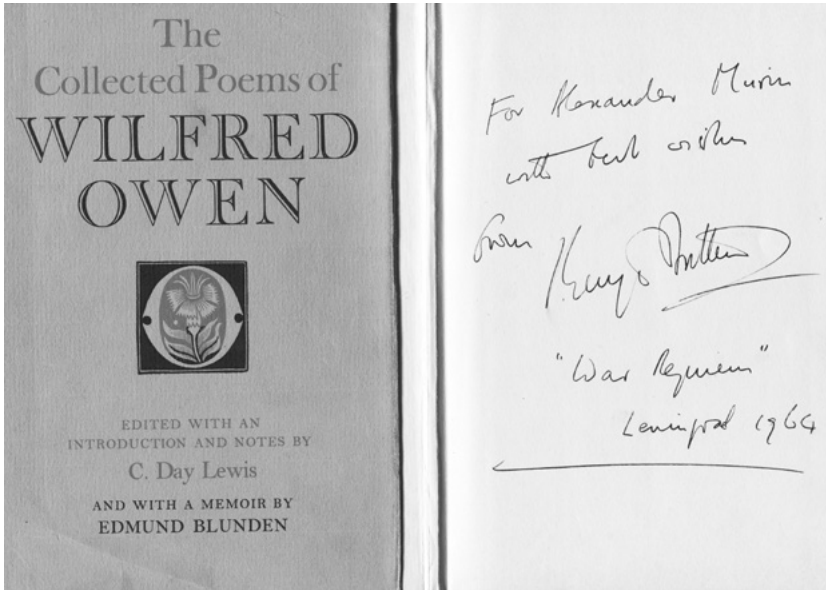
Вишневская, сидящая рядом, полоснула всех сердитым взглядом своих черных цыганских глаз. Видимо, этот тост был далеко не первый. Вдруг Бриттен предложил мне пройти в его номер за подарками.

На огромном диване в беспорядке были разбросаны фрак, ноты, рубашки. Он достал памятку, где я заметил мою фамилию и имя мамы, которая болела и лежала в Свердловской больнице.

Композитор вручил мне книгу стихов У. Оуэна с автографом, а для мамы – альбом с пластинкой Мессы Баха h moll в исполнении оркестра, органа и хора под управлением Герберта Караяна и свои фотографии. Это была благодарность нам за премьеру «Военного реквиема», что впервые после Англии прозвучал в Ленинграде.

Мы вернулись в ресторан. Бриттен сел за столик к друзьям, а меня перехватил возникший откуда-то художественный руководитель Филармонии и зашипел:

– Слушай! Пирс и Бриттен уже хорошо набрались! Как они вечером будут играть концерт в таком состоянии?

Автограф Б. Бриттена

Я пожал плечами. Фразу «это Ваши проблемы» тогда я еще не выучил. Вечером Белоколонный зал Филармонии был переполнен. Все ждали музыкального события. Худрук зала нервно ходил по паркету, периодически подымая руки к потолку, и вопрошал:

– Что будет? Что будет!

Без пяти восемь в Голубую гостиную влетел Бенджамин Бриттен, сбросил модное английское пальто на голубой диван. Он был во фраке и «готов к бою!». За ним, как сибирский охотник, в дубленке и шапке-ушанке, опоясанный шарфом, чтобы не простудить горло, семенил Питер Пирс.

Худрук, махнув рукой, «будь что будет!», вышел на сцену и объявил:

– Франц Шуберт! Вокальный цикл... Исполнители...

Распахнулись красные бархатные створки, и из-за кулисы появился Питер Пирс. В руках он нес большую черную папку наподобие тех, что носят детишки в музыкальных школах. На носу были, как у горнолыжника, темные очки. За ним под град оваций, как ни в чем не бывало, улыбаясь, шел стремительной походкой композитор. Он сел за фортепиано и наизусть саккомпанировал весь цикл. Играл блестяще. Была полная иллюзия, что он и есть автор вокального цикла Шуберта. Пирс пел на чистом

немецком языке, загораясь от первого ряда черной папкой и лыжными очками. Голос звучал превосходно. Вот и верь знатокам, что «тенорам водка вредна».

Во втором отделении прозвучали английские и шотландские народные мелодии в обработках Бриттена. Это был целый музыкальный спектакль-шоу. Высококласный актерский дуэт. Казалось, певец-актер и композитор импровизируют прямо на глазах у слушателей и зрителей. Был триумф. Редко услышишь в зале Филармонии такие овации, какие были в тот вечер.

После концерта в Голубую гостиную прорвались студенты, аспиранты и профессора нашей «Консы» (так запросто мы называли родную Ленинградскую государственную ордена Ленина консерваторию им. Римского-Корсакова).

Худрук Филармонии не разрешил приблизиться к Пирсу и Бриттену, и они общались на расстоянии, через всю Голубую гостиную.

Профессор композиторской кафедры Б.А. Арапов заметил с ехидством, что «в таком-то номере, в таком-то такте в цикле Шуберта, Бриттен взял фа диез вместо фа!» Композитор тут же парировал:

– Профессор, видимо, изучал Шуберта по французскому изданию, а в нем много опечаток. Я сыграл фа диез по немецким нотам! Профессор! Не будем мелочны! Главное – сыграть фа диез так убедительно, чтобы зал поверил, что там всегда был фа диез и обязательно улыбнуться!

– Артист! – пробурчал Арапов, вспомнив начало поговорки «В России счету нет артистам!»

Через десять лет Бриттена не стало. Он похоронен в родном Олдборо, портовом городке в Англии. В его доме мемориальный музей, а на могиле всегда живые цветы. По всему миру колесили с концертами его друзья, изгои на родине – М.Л. Ростропович и Г.П. Вишневецкая, и их визитной карточкой был «Военный реквием» гениального композитора.

А в СССР на эти три фамилии, на музыку гениального англичанина «сильные мира сего» наложили строгое табу. Спрашивается: «Кто от этого выиграл и кто проиграл?»

18 июля 2007 года

«ПОМНИ ОБО МНЕ...» (Г. В. СВИРИДОВ)

Большим другом моей семьи Муриных-Кудрявцевых был замечательный русский хормейстер Александр Васильевич Свешников. В начале XX века он закончил народную консерваторию как контрабасист, брал уроки у самого С. И. Танеева (учителя Скрябина и Рахманинова). В годы Гражданской войны под Полтавой организовал колонию малолетних преступников-хулиганов, где воспитывал искусством, пением будущих граждан, дружил с писателем В. Г. Короленко. В 1928 году организовал первый в стране хор на Всесоюзном радио; 30 лет был директором и профессором столичной консерватории. В 1943 году в Москве организовал Хор русской песни и на первую репетицию пригласил наряду с К. Е. Ворошиловым моего отца Мурина Алексея Григорьевича, что служил в московской «шарашке» – секретном авиационно-конструкторском бюро А. И. Микояна.

Еще до войны четыре года Свешников руководил Ленинградской капеллой, где мама, Елизавета Петровна Кудрявцева, была неизменным хормейстером. Именно Кудрявцева в эвакуации в г. Горьком разучила с капеллой «Литургию» П. И. Чайковского и показала ее руководству города и Александру Васильевичу.

В 1944 году после снятия блокады Свешников с Хором русской песни первым приехал в наш город с концертами, выступал в Большом зале Филармонии, и эти концерты стали традицией.

В 1958 году московский коллектив привез новинки – хоры Г. В. Свиридова на стихи Есенина, Орлова, Прокофьева. Я «по благу» попал на репетицию, где Александр Васильевич долго спорил с автором, который встревал в каждую ноту своих творений.

В Голубой гостиной Свешников познакомил меня с композитором:

– Александр Мурин – студент Консерватории!

У Свиридова глаза полезли на лоб:

– Я учился в Консерватории с Александром Муриным! Ты что, его сынок? – спросил он. Пришлось раскрыть секрет:

– А. Г. Мурин – хормейстер Мариинки, мой крестный, младший брат отца.

Я выпросил у Георгия Васильевича партитуру хора «Как песня родилась?» на стихи Орлова для исполнения. Мы с дядькой-крестным хотели разучить ее в «Трудовых резервах», но, к сожалению, оказалась «кишка

Г.В. Свиридов. 1960 г. Премьера «Патетической оратории» на стихи В.В. Маяковского. Большой зал Ленинградской филармонии. Фото А.А. Мурина

тонка» – в хоре нашем было мало низких басов. С тех пор этот автограф остался у меня на память.

В 1960 году Свешниковский хор привез в Ленинград премьеру оратории Г.В. Свиридова «Патетическая оратория», первое грандиозное сочинение на стихи В.В. Маяковского.

Все было необычным: хор пел и стоял впереди оркестра, и солист от автора – Александр Ведерников, и вдохновленный дирижер за пультом – Натан Рахлин. Успех был громогласным!

Свешников по окончании концерта обратился ко мне с просьбой:

– Шурик! Напиши рецензию на концерт. Я уже договорился, ее напечатают в газете «Смена».

На следующий день я принес в редакцию Льву Сидоровскому и Эрлене Каракоз «Образы Маяковского в музыке», и она пошла без купюр в очередной номер.

Экземпляр газеты я послал в Москву, в Комитет по Ленинским премиям и Г.В. Свиридову. Автор получил премию. Вскоре мама получила от композитора благодарственное письмо. Вот оно:

Уважаемая Елизавета Петровна!
Передайте Вашему сыночку сыночку
мое благодаренье за призывную
срочную и т.д.
Он не узнал своего адреса,
потому пишу Вам в Кашану.
Привет и моему изданию
Вам и Чурику.
Г. Свиридов
Москва 2 мая 1960г
Р.В. Товарищу Чурику артиллеристу
№/III я пишу только через маму,
не пишу напрямую.
Г. Свиридов

Позднее с Хором любителей пения Ленинграда в концертах я с успехом дирижировал шедевр Г. В. Свиридова «Повстречался сын с отцом» (на стихи А. А. Прокофьева).

В 1962 году к празднованию 100-летия создания Ленинградской консерватории мама организовала из студентов и педагогов общезузовский хор, где пели будущие звезды Е. Образцова, Е. Нестеренко, Г. Селезнев и др. Этот коллектив исполнил на юбилейных концертах свиридовскую «Патетическую ораторию» в Ленинграде, в Большом зале Филармонии, и в Москве, в Кремлевском дворце Съездов.

В столице на концерте присутствовало все Политбюро КПСС во главе с Н. С. Хрущевым. Именно тогда грозный министр культуры СССР Е. А. Фурцева преподнесла композитору, народному артисту СССР, лауреату Ленинской премии, «на блюдечке с голубой каемочкой»

красный диплом об окончании Консерватории, которого он был лишен в 1941 году за несданные «тысячи» по немецкому языку!! Вот такой парадокс!!

В 1970-х годах главный хормейстер Мариинки А.Г. Мурин исполнил «Ораторию» в театре с оперным хором.

В 1980-х годах, будучи в Москве, я решил навестить Георгия Васильевича в его логове в деревне Жуковка. Прошел несколько «кордонов», и вот мне открывает калитку Эльза Густавовна. Обнялись с Георгием Васильевичем. Я вручил ему дар – бутылку марочного армянского коньяка. В ответ:

– Как жалко, час назад у меня был Нестеренко! Могли бы отметить встречу! Хотя мне эскулапы запретили. Нельзя ни капли!

Прошли в гостиную, где стоял рояль. На нем в авторском хаосе лежали ноты.

– Вот пишу на церковные тексты! – сказал Георгий Васильевич, сел к инструменту, и понеслись божественной красоты звуки.

Рояль пел, как слаженный хор, Свиридов подпевал своим «композиторским» голосом.

Я на тыльной стороне каких-то нот набросал карандашом «портрет» Георгия Васильевича за роялем. Оказалось, что это раритет, первое издание его первого сочинения, романса на стихи А.С. Пушкина. На титульном листе его имя еще значилось не Георгий, а Юрий. Рисунок у него вызвал улыбку. Я стал, как нищий на паперти, кланяться ноты обратно:

– Георгий Васильевич! Подарите мне на память! Подарите! На память! На памедь!

Прощаясь, Свиридов растаял и отдал мне ноты, что-то написав.

В Питере дома я ахнул. На нотах рукой Свиридов начертал, пародируя меня: «На памедь дарагому другу ат Юрия Свиридова. Помни обо мне».

А те звуки, что композитор играл мне в Жуковке, я вскоре услышал через дверь репетиционного зала в Капелле, где Слава Чернушенко и Георгий Васильевич готовили с Капеллой к премьере «Лебединую песнь», «Молитвы и песнопения» композитора. И как всегда, композитор с хормейстером спорили до хрипоты...

Сейчас, полвека после первой встречи с Г.В. Свиридовым, если бы мне предложили написать рецензию на его музыку, я бы не решился. Как можно мне, смертному, говорить слова о музыкальном русском Боге!

22 августа 2008 года

Юрий Свиридов

„Подъезжая под Ижоры...“

СТИХИ
А. ПУШКИНА

для голоса с фортепиано

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИСКУССТВО“
ЛЕНИНГРАД · 1939 · МОСКВА

ОБРАЗЫ МАЯКОВСКОГО В МУЗЫКЕ

«Смена», 13 марта 1960 года

Как «живой с живыми», страстно говорил Владимир Маяковский в этот вечер о революции, гражданской войне, строительстве новой жизни, о будущем. Он обращался к нам, людям 60-х годов, на своем образном языке – языке музыки. Развеелось мнение о «немузыкальности» поэзии Маяковского. Голос трибуна революции зазвучал..

9 и 10 марта в Большом зале Филармонии впервые в нашем городе была исполнена «Патетическая оратория» для солистов, хора и оркестра Георгия Свиридова. Это произведение представлено на соискание Ленинской премии.

Композитор вдумчиво отобрал для своего сочинения фрагменты из поэмы «Хорошо» и ряда стихотворений Маяковского, творчески переосмыслил, отбросил некоторые второстепенные детали, создал новаторское, как и сами стихи поэта, произведение.

Открывает ораторию Марш революционных масс, очищающий мир и подобно грозе сметающий все преграды на пути к новой жизни. И мы чувствуем, как с народом шествует сам поэт. Это он призывает «разворачиваться в марше». Это его голос покрывает раскаты оркестра.

Внезапно оборвавшись, марш сменяет еле слышимая, как хоральная церковная мелодия, своеобразная «заупокойная» молитва рухнувшему миру, и на фоне ее многочисленных, ускоряющихся в ритме повторений развертывается картина бегства Врангеля. Это не «лубочный», а злой и кровожадный враг. Скупыми и в то же время броскими музыкально-психологическими штрихами композитор показывает обреченность остатков белой армии. Мы чувствуем незримо присутствующего здесь «краснозвездного героя». Это он, полуголодный, разутый и раздетый, встал на защиту молодой республики и разбил вооруженную до зубов контрреволюцию. И как дань великой благодарности звучит гимн народа: «Слава тебе, краснозвездный герой, ты землю своей кровью вымыл!».

Эта часть оратории своими интонациями перекликается с песнями гражданской войны, с русскими народными песнями, воспевающими свободу. Затем композитор снова возвращает нас к образу поэта, показывает его любовь к русской земле, которую «завоевал и полуживую вынаничил».

Но стране надо восстанавливать разрушенное хозяйство. И снова подымается народ, а вместе с ним в первых рядах идет поэт. Удачно найдено здесь сочетание солистки и хора. Солистке, олицетворяющей думы поэта, глухо, ритмически четко, как слова великой клятвы, отвечает хор-народ:

Через четыре
года
Здесь
будет
город-сад!

И совершенно по-новому в наши дни воспринимаются слова поэта, сказанные о первых стройках: «в сотню солнц мартенами воспламеним Сибирь». Мы видим в этом патетическом призыве поэта и огни существующих заводов и гидростанций сегодняшней Сибири, и то, что предстоит построить в семилетке.

И в этот момент наивысшего драматического повествования поэт обращается к самому человеческому человеку – товарищу Ленину. Он рассказывает великому вождю о «работе адовой», которая «будет сделана и делается уже». Музыка этой части оратории тонко передает все оттенки душевного состояния поэта.

Оратория была исполнена заслуженным коллективом республики симфоническим оркестром Филармонии под управлением нар. арт. СССР Н.Г. Рахлина. Государственным академическим русским хором Союза ССР (художественный руководитель – нар. арт. СССР проф. А.В. Свешников). Солисты – лауреаты международных конкурсов Александр Ведерников и Нинель Аксюциц. Исполнители блестяще донесли до слушателей замысел композитора. Особенно трудная задача выпала на долю молодого певца Александра Ведерникова, создавшего музыкально-драматический образ поэта-трибуна Владимира Маяковского.

«Патетическая оратория» имела огромный успех у ленинградцев. Она передавалась по телевидению и радио. Таким образом, музыка Г. Свиридова вышла из стен концертного зала на широкое обсуждение народа. Ее слушали многие тысячи ленинградцев. Она захватила своим революционным пафосом, силой современности, новаторским подходом к поэзии Маяковского, лаконичностью музыкального языка.

«Патетическая оратория» – одно из лучших, монументальных произведений нашей современности о Ленине и революции.

НАКАНУНЕ ПРЕМЬЕРЫ «КЛАССИЧЕСКОЙ» (С. С. ПРОКОФЬЕВ)

А. Матисс. С. Прокофьев

В воскресенье, 21 апреля 1918 года, в весеннем Петрограде, в зале бывшей Придворной певческой капеллы, в исполнении бывшего придворного оркестра впервые в мире прозвучала Первая симфония молодого композитора. Друзья в шутку нарекли ее «Классической». Они оказались пророками. Симфония эта стала классической симфонией русской музыки XX века, а молодой автор Сергей Прокофьев – «музыкальным Прометеем» нашего столетия...

«Классическая симфония», самая краткая в мировой музыке (около 11 минут звучания), простая по форме, но сложная по яркому, оригинальному языку. В ней, как у венских классиков, традиционные четыре части. Крайние – космический полет человеческой фантазии; средние – шествие

по ступеням в Храм любви и блистательный гавот, но не классический, а истинно народный танец на руинах рухнувшей Русской Бастилии. К моменту премьеры 27-летний Сергей Прокофьев – признанный музыкант-футурист, возмутитель спокойствия, свидетель трех революций, трех войн... Боже, чуть не написал банальность «отразил в симфонии»... Ведь музыка лучше самых высоких слов говорит за себя, тем более музыка «Классической».

Поведаю об инциденте, что имел место на генеральной репетиции перед премьерой.

Разгоряченный только что прозвучавшей собственной музыкой Сергей Прокофьев спустился в партер зала Капеллы и устало плюхнулся в венское кресло между Анатолием Луначарским и критиком Александром Затаевичем, положил партитуру на колени, накрыв ее огромными ладонями. Дирижер Николай Малько продолжил репетицию. Зазвучала музыка Скрябина. Затаевич незаметно подsunул Прокофьеву напечатанную в типографии программу завтрашнего концерта, где по настоянию Луначарского дал подробный разбор новой симфонии. Сергея Сергеевича больно резанула первая фраза критика:

«Композитор в симфонии возрождает эпоху фикжм и пудренных париков, когда разум человека находился в прострации такой же невинной и безоблачной, как и сама жизнь...» Красным карандашом, которым только что на сцене правил ошибки в партиях оркестрантов, Прокофьев обвел эти слова, а рядом выдавил: «Не верно! Не задавался!». Продолжил читать дальше. Нашел массу ошибок, каждую откомментировал: «Чушь! Не верно! Чушь! Много пропущено! Где разработка! Выстукивать музыку? Зачем! Почему! Чушь!» И подведя черту: «Программа составлена бездарно!!», расписался, как всегда пропуская буквы: «С.Пркф».

Критик минуту читал написанное Прокофьевым. Потом вспыхнул, взял у Луначарского «вечно пишущую» авторучку «Паркер» с черными чернилами и написал: «Мои беседы с Вами по поводу Ваших форм Вашей симфонии и пометки Ваши в партитуре убедили меня в том, что Вы сами собственно не знаете, что пишете. Господин Прокофьев! Буду столь же развязан и откровенен. Качество моей аннотации соответствует качеству Вашей симфонии!!» – «Бездарно! Бездарно!»

На премьере симфония не встретила у равнодушных слушателей одобрения.

Следом был резкий разговор с народным комиссаром просвещения Луначарским и, как результат, долгие годы эмиграции. Менялись стра-

ны и континенты, тысячи залов рукоплескали русскому гению. Слава прокофьевской музыки ширилась с каждым авторским концертом. Но повсюду и всегда драгоценным бриллиантом сияла его Первая «Классическая симфония». Революция на пуантах. Симфония солнечного света.

А слушатель, пришедший в залы Капеллы, Консерватории, Филармонии, Мариинки, Малого оперного, – не ищи на стенах памятных мемориальных досок. В городе, что дал миру Прокофьева, их просто нет!

Р. С. Привередливый читатель скажет: «Ну, сочинил!» И будет неправ! Концертная программка с пометками Прокофьева вот уже 50 лет бережно хранится от «дурного глаза» в нашей семье. В лихую годину, после очередного «провала» своей музыки, Сергей Сергеевич подарил ее молодому руководителю Ленинградской капеллы Елизавете Кудрявцевой с присказкой:

– Вот видите, Елизавета Петровна, как ругали «Классическую»! А она все-таки звучит!

Газета «Привет, Петербург!», 21 апреля 1993 года

ДОМ, НАД КОТОРЫМ ВИТАЮТ БЕСЫ

В Петербурге, где мода на переименования стала обычным явлением и не вызывает уже заметных реакций публики, улица, с которой я хочу начать повествование, уникальна.

В петровские времена она называлась Преображенской – по имени полка, что стоял рядом; потом – Грязной; после смерти Николая I – Николаевской; в 1917-м – Проспектом 27 февраля; в 1918-м декретом Ленина ей присвоено современное, пятое по счету, название – Марата.

На этой знаменательной улице, вблизи Невского проспекта, стоит ничем не приметный, без каких-либо архитектурных достоинств и памятных досок, дом № 9.

В середине XIX века особняк принадлежал князю В.П. Мещерскому, просвещенному петербуржцу. В салоне князя собиралась довольно разношерстная компания: писатели А.Н. Майков, Ф.И. Тютчев, Н.Н. Страхов, Б.М. Маркевич, Вс. Крестовский, Н.С. Лесков; публицисты Н.Я. Данилевский, М.Н. Катков; будущий обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев, великий князь Николай Николаевич Романов.

В 1872 году здесь Ф.М. Достоевский редактировал газету-журнал «Гражданин». Именно здесь он прочел товарищам по кружку своих «Бесов». Роман сразу вызвал неоднозначные оценки. Одни считали, что это – политический донос, другие называли пророчеством. Время расставило все по своим местам.

С тех самых пор бесы стали кружить над обитателями этого петербургского дома.

В начале XX века на Николаевской, 9, в чердачной надстройке, поселилась семья ученого, потомственного почетного гражданина Петербурга, секретаря Комитета помощи поморам Русского Севера Дмитрия Болеславовича Шостаковича – глава семьи, его супруга Софья Васильевна (урожденная Кокоулина) и трое малолетних детей – Мария, Дмитрий и Зоя. В стране победившей бесовщины, в чудовищном «Зазеркалье», где простые понятия приобретали зловещий смысл, этой семье в полной мере суждено было узнать, что такое страх.

Дмитрий Дмитриевич, ставший знаменитым композитором, всю жизнь подвергался изощренной травле со стороны идеологов советской

культуры. Не меньше испытаний выпало и на долю его сестры Марии Дмитриевны, которую «угораздило» выйти замуж за Всеволода Константиновича Фредерикса, представителя одной из самых достославных династий в России. О его трагической судьбе и пойдет наш рассказ. Но сначала – небольшой экскурс в историю.

Верой и правдой, не щадя живота своего, около 300 лет служили России несколько поколений рода Фредериксов. В начале XX века род достиг такого высокого положения при царском дворе и в армии, что в ход пошли порядковые индексы. Так, генерала от инфантерии, барона Льва Александровича величали Фредериксом II, а министр императорского двора и уделов, член Государственного Верховного совета генерал-адъютант, генерал кавалерии барон Владимир Борисович был Фредериксом I. Именно его статная фигура в камзоле следует, как тень, на фотографиях и в кинокадрах за Николаем II. Именно ему история доверила стать свидетелем при отречении последнего русского царя и поставить на документе свою подпись.

Участь царедворца или военачальника ждала и младшего из Фредериксов – Всеволода Константиновича. Но он – внук генерал-губернатора восточной Сибири, сын генерала, вице-губернатора Нижнего Новгорода – предпочел высоким постам тернистый путь ученого-исследователя.

Получив образование в престижных учебных заведениях России, он был послан затем в Женевский университет, где изучал физику под руководством Шарля Гюи. В Геттингене, в этой столице математиков, Всеволод Константинович был ассистентом Вольдемара Фойга, подготовил докторскую диссертацию по химии металлов.

Грянула Первая мировая война. В.К. Фредерикс депортирован как «гражданский пленный». Он рвется обратно в Россию, считая, что войны, революции, перевороты – это преходящие эпизоды, а наука – вечна. На крыше вагона, набитого разношерстным людом, Фредерикс возвращается на родину. В Москве почти в течение года он – научный сотрудник у академика П. П. Лазарева в Институте физики и биофизики. А в 1919 году он уже в Петрограде – сотрудник Государственного оптического института, профессор Педагогического института, профессор физико-математического факультета Университета, член Академической комиссии...

Вместе с профессором А.А. Фридманом он пропагандирует теорию относительности. Появляются первые печатные труды В.К. Фредерикса, в том числе – «Ньютон и принцип относительности» к двухсотлетию ученого. А в 1934 году на основе университетских лекций подготовлена книга «Электродинамика и введение в теорию света».

В 1935 году он – главный редактор ставшего классическим «Курса общей физики». Среди авторов, которых редактировал В.К. Фредерикс, будущие светила науки: А.П. Александров, Н.П. Добронравов, Ю.Б. Харитон и др.

Тогда же Фредериксу без защиты диссертации присвоена ученая степень доктора физико-математических наук, и он вместе с Курчатовым и Скобелициным выдвинут в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Блестящую характеристику дал ему А. Ф. Иоффе.

Еще в Женевском университете Всеволод Константинович сблизился со своей сокурсницей Надеждой Васильевной Кокоулиной. Молодые ученые испытывали друг к другу взаимные симпатии.

Так уже в Петрограде в 20-е годы В.К. Фредерикс попал в гостеприимный дом Шостаковичей на Марата, где родная сестра Надежды, Софья Васильевна, представила ему своих талантливых детей: старшую Марию и среднего Митю. Они часто музицировали для гостей, и особенно отличался юный студент Консерватории, пианист и композитор Дмитрий Шостакович.

Но зловещие бесы, витавшие над этим домом, уже начали свой поход за светлыми личностями. В 1922 году, не выдержав каторжного труда, простудился и через несколько дней скончался советский служащий Дмитрий Болеславович Шостакович, единственный кормилец семьи. Софья Васильевна пошла служить бухгалтером в контору; Мария начала давать частные уроки музыки; Дмитрий, учась на двух факультетах Консерватории, играл тапером в петроградских киношках, младшая сестра Зоя тем временем заканчивала трудовую школу.

Надежда Васильевна неожиданно для всех вышла замуж за друга Фредерикса и без особых хлопот эмигрировала за границу. Дмитрий Шостакович в 19 лет блестяще окончил Консерваторию. Его 1-я симфония начала триумфальное шествие по свету. Сорокалетний Всеволод Константинович также неожиданно для всех влюбился в Марию Дмитриевну, старшую сестру композитора. Софья Васильевна благословила молодых, и они обвенчались в соседней с домом церкви Святой Троицы. В 1928 году у них родился наследник, названный в честь Дмитрия Болеславовича – Дмитрием.

Но тени зловещих бесов уже маячат над головами наших героев.

Уничтожающе-огульные ругательные стрелы газеты «Правда» нацелились на тщедушную фигуру Шостаковича и на его великую музыку.

Нависла беда и над профессором Фредериксом. А он, занятый своей наукой, не замечал этого.

В Смольном в декабре 1934 года был убит руководитель ленинградских большевиков С. М. Киров – и покатилося бесовское колесо кровавых репрессий. В кабинетах НКВД было состряпано «дело» ленинградских ученых. Свыше ста светил русской науки, составляющих цвет нации, попали под «карающий меч революции».

Поводы для арестов были один нелепее другого. Так, профессор М. П. Бронштейн был арестован и расстрелян только за то, что на дружеской пирушке, выпив, пошутил, что он племянник Л. Д. Троцкого (Бронштейна).

На допросах под пытками ученые оговаривали себя и коллег, признавались в самых невероятных смертных грехах. Лица дворянского происхождения уничтожались как классово-враждебные элементы, других обвиняли в присвоении титулов, званий и т.д. Арестовывали демонстративно, по-бесовски, изощренно. Так, некоторых ученых уводили под конвоем прямо с праздничного вечера в Юсуповском дворце, другие были взяты на вечер, посвященном провозглашению сталинской конституции.

Была арестована родная сестра Фредерикса, Наталия Константиновна, его друзья и коллеги один за другим бесследно исчезли во мраке ГУЛАГа.

20 октября 1936 года дошла очередь и до самого В. К. Фредерикса. Через полгода изнурительных многочасовых допросов и пыток в подвалах «Большого дома» в Тайшеттулаге появился новый заключенный: человек лет шестидесяти, красивый, высокий, седой, с очень ясными голубыми глазами, с наивным детским выражением лица. Он обрубал сучья с поваленных деревьев, сгребал их в кучу и сжигал. Это был профессор, доктор наук, барон В. К. Фредерикс. Приговор был страшным – 10 лет ссылки и, соответственно, 58-я статья за «участие в фашистско-троцкистско-зиновьевской террористической организации, возникшей в 1932 году по инициативе германских разведывательных органов и ставившей своей целью свержение советской власти и установление на территории СССР фашистской диктатуры».

Его жену Марию Дмитриевну выслали в Среднюю Азию, а малолетнего сына Дмитрия припрятала бабушка Софья Васильевна, выдавая его за дальнего родственника.

Наконец, четырехлетние ходатайства физика И. В. Курчатова и композитора Д. Д. Шостаковича в различные высокие инстанции увенчались «успехом»: В. К. Фредерикса перевели в Ухт-Ижмлаг (республика Коми), в лабораторию при нефтеперегонном заводе.

Современные бесы пытались превратить великого ученого в бессловесную тварь, в подобие зверя, а он в лагере на обрывках обоев, газет, каких-то квитанций пишет свою последнюю пророческую работу о жидких кристаллах и ухаживает в лагерном лазарете за смертельно больными и немощными товарищами.

– Из вас вышла бы хорошая няня! Чего вы подались в науку, Фредерикс? Надо было в няни к какому-нибудь великому князю и вместе с ним за границу. А вы все перепутали, барон. Пошли в науку, приехали из-за границы... – сочувственно вздыхали перед смертью поделщики В.К. Фредерикса, такие же доходяги, как и он сам, не сломленные морально российские интеллигенты. А в это время над миром гремела музыка его родственника Шостаковича – музыка мужества, гордого духа. Мы не знаем, слышал ли эти звуки Всеволод Константинович по лагерной радиотарелке или нет.

Ему предлагали перевестись в лагерную «шарашку», в психушку.

– Там тебе и жратва получше, и работа полегче. Стажил в яму очередного усопшего раба – и сиди отдыхай у печки. Хошь – стихи пиши, хошь – бей баклуши.

Но он гордо нес свой крест до конца.

Дата его смерти нуждается в уточнении, но, вероятнее всего, он был расстрелян еще до войны. Его имя было вычеркнуто из отечественной науки, его статьи и книги изъяты из библиотек. От профессора, доктора физико-математических наук, барона В.К. Фредерикса не осталось ничего, даже могилы. И запоздалая реабилитация в 1957 году уже не имеет никакого смысла...

В 1966 году мне посчастливилось принять участие в ленинградской премьеры Тринадцатой симфонии Д. Шостаковича (на стихи Е. Евтушенко) для оркестра, стоголосого хора и солиста, состоявшейся в Большом зале филармонии (дирижер – К. Кондрашин, солист – знаменитый бас А. Эйзен). Эта симфония была гордостью и болью композитора. Вскоре после премьеры на нее было наложено вето «сильных мира сего». Она открывалась фреской вселенских мук и горя – знаменитым «Бабьим Яром». Казалось, ничто в мире музыки не может сравниться с этим по силе и глубине эмоционального воздействия. Но вот последовала новая часть – «Страхи» на стихи, специально сочиненные поэтом по идее и по просьбе композитора. Помню ни с чем не сравнимое с ощущение, когда зарычали в предельно низких регистрах басы, будто в преисподней:

Умирают в России страхи,
Словно призраки прежних лет...

Это был крик Человека, мучительно побеждающего страх!

Однако до самой смерти и Софья Васильевна, и Мария Дмитриевна, и сам Дмитрий Дмитриевич свято хранили тайну своей семьи, связанную с В.К. Фредериксом, и каждый раз решительно переводили разговор на другую тему.

А над домом на Марата, 9, над городом Шостаковича, Фредерикса, Достоевского по-прежнему витают демоны. Ибо только их бесовским наваждением можно объяснить то, что в городе, где родился и создавал свои шедевры великий композитор, нет памятника ему, нет мемориального музея, нет ни одной памятной доски на зданиях, связанных с его жизнью и творчеством, даже на Консерватории. Точно так же нет памятных знаков на Университете и на других домах, связанных с судьбой великого ученого В.К. Фредерикса. Видимо, прав Ф.М. Достоевский в своем пророчестве в «Бесах». Ведь и ему самому до сих пор нет памятника в городе белых ночей!

«Sankt-Petersburg Zeitung», № 11–12, 1995 год

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (ТАЙНА Д. Д. Ш.)

Посвящается С. М. Хентовой

Страхи всюду как тени скользили,
Проникали во все этажи.

(Строки Е. А. Евтушенко из 13-й симфонии Д. Д. Шостаковича.)

Моя сестра Марина Георгиевна Козырева, заведующая, главный хранитель мемориального музея и архива Льва Николаевича Гумилева в Петербурге, разбирая бумаги великого ученого, наткнулась на несколько любопытных снимков. На одном я с удивлением обнаружил остроносенького, в круглых очках человека в окружении каких-то личностей в одинаковых длиннополых плащах, шляпах на фоне здания, напоминающего наш Исаакиевский собор.

– Это 1949 год. Капитолий. Первый визит в Америку Шостаковича! – пояснила Марина.

В моей памяти всплыл знаменательный эпизод. В 1936 году «усатый» буркнул на оперу «Леди Макбет Мценского уезда»:

– Это какой-то сумбур вместо музыки!

И началась травля Шостаковича околмузыкальными «шавками».

После войны и триумфа 7-й Ленинградской симфонии, в 1948 году – новый виток мучений композитора – постановление ЦК ВКПб об опере «Великая дружба». Но усатый вождь был не просто палачом Ахматовой, Прокофьева, Зощенко, но и изощренным изувером. Он включает «размазанного в пыль» композитора в делегацию деятелей культуры СССР на Всемирный конгресс защитников мира в Нью-Йорке, в цитадель ненавистного капитализма. И тут Шостакович, который помимо музыки был способным стратегом-шахматистом, делает вождю ответный ход конем: он отрекается от лестного предложения, отказывается ехать в Америку. И вот поздней ночью в московской квартире раздаётся странный звонок:

– Товарищ Шостакович! Не вешайте трубку! С вами будет говорить товарищ Сталин!

Через секунду композитор услышал до боли знакомый и любимый советским народом голос с грузинским акцентом. Вождь полюбопытствовал:

– Пачиму таварищ кампазитор отказывается выполнять миссию защитника мира?!!

Дмитрий Дмитриевич стал скороговоркой подбирать аргументы:

– Моя музыка здесь под запретом! Я без работы, уволен из Московской и Ленинградской консерваторий! Мне будет стыдно перед зарубежными коллегами! Как я все это им объясню?..

Сталин резко оборвал собеседника:

– Поэзжайте, Дмитрий Дмитриевич, в СиШиА! А ми здесь все уладым!

И дальше длинные гудки...

Шостакович не мог осознать: уж не кошмарный ли это сон?!

Затем был перелет в Америку, встречи с музыкантами. Отфильрованные до стерильности еще в Москве в НКВД «речи по бумажке» на конгрессе и симпатичный охранник, переводчик. На снимке он крайний справа.

– Это Виктор Андреевич Горенко, брат Анны Андреевны Ахматовой! – пояснила мне Марина Козырева. И добавила:

– А на этом снимке он в последний год жизни.

Я обомлел. В книгах об Анне Ахматовой я много раз читал, что ее младший брат погиб где-то на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны, а он оказался в цитадели главного врага СССР – в США.

О чем они говорили с композитором, что просил передать на словах сестре Анне Андреевне Виктор Андреевич Горенко – все осталось тайной.

После поездки Шостакович часто навещал Ахматову в Комарово, в Доме творчества писателей, в знаменитой «будке» – дощатом домике среди сосен, где на кирпичях стоял топчан опального поэта. Их видели вместе на уединенной лесной тропинке, подальше от любопытных ушей, а потом были стихи:

Д. Д. Ш.

Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили¹.

И надпись на последней книге: «Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу, в чью эпоху я живу на земле. Анна Ахматова».

Именно в эпоху Шостаковича, а не кукурузника Хрущева!

P.S. В 1949 году я пел в Филармонии в Хоре мальчиков Капеллы с оркестром под управлением Евгения Александровича Мравинского музыку композитора на стихи Евгения Долматовского:

Восходит заря коммунизма!
Правда с нами и счастье у нас.
[Прошу не путать с «Правдой» – органом ВКПб.]
Если б нашу святую Отчизну
Мог Ленин увидеть сейчас.
Ведет окрыляющий гений
Беззаветных и верных сынов,
Наш учитель, наш друг и отец,
Полководец великих сражений,
Садовник грядущих садов!
Сталину мудрому слава!!!
Сталину слава вовек!!!

– голосили мы до умопомрачения среди белых колонн.

А Шостакович сидел в левой служебной ложе, согбенный в три погибели, закрыв голову руками, и его бил нервный тик – то ли от боли, то ли от страха.

5 марта 2009 года

---

¹ Ахматова А. А. Музыка.

ЧЕЛОВЕК С ПОПУЛЯРНОЙ ФАМИЛИЕЙ (Н. С. РАБИНОВИЧ)

Дерзнуть записать воспоминания о Николае Семеновиче Рабиновиче еще вчера мне казалось нахальством, делом нереальным. Уж больно несопоставимы мы были во времени и положении.

Но на исходе века, полного катаклизмов, войн, революций, перестроек, как говорят, эпоха канула в Лету. И все же это время со мной, с моими тревогами и радостями. А Николай Семенович и был той солнечной песчинкой века, что несла людям радость – радость бытия, радость познания, радость новых открытий в музыке всем, стало быть, и мне.

Первое впечатление от фамилии Рабинович связано с телесным внушением отца, пониже спины, когда я, первоклассник послеблокадной Капеллы, «сострил»:

– На трибуну ленинского мавзолея поднимаются вождь советского народа товарищ Сталин и его соратники, верные ленинцы: Ворошилов, Берия, Буденный, Рабинович (вместо Каганович!)...

Батя доходчиво объяснил, где мы можем оказаться в результате моей оговорки. Я запомнил надолго его слова:

– Молчи, дурень, в тряпочку!..

Позднее я увидел на концертной эстраде добрейшего Николая Семеновича Рабиновича, как мне казалось, небрежно одетого, в сравнении с моим денди-отцом. Николай Семенович напоминал гнома-ворчуна из диснеевской «Белоснежки и семи гномов».

В Консерватории в 50-е годы Рабинович прижал меня, первокурсника, в углу на третьем этаже, у дирижерского класса, носящего ныне его имя, у входа в «святая святых», на кафедру марксизма-ленинизма, и заговорщическим голосом выпалил:

– Шура! Во вчерашних «Музыкальных кадрах» (консерваторская мнотипажка) прочел твой поэтический «опус», – и процитировал, слово в слово:

– В Малом зале на стенах портреты
композиторов разных висят,
и улыбкой солнечной согреты,
на студентов дрожащих глядят!

Ты что, захотел угодить, куда Макар телят не гонял? Только турок бы не понял, куда ты клонишь! – и добавил слова из популярнейшей песни:

– И улыбкою сталинской согрета
Радуется наша детвора!

Ну что, решил я твой поэтический ребус! Молчи, дурень, в тряпочку! – повторил он слова отца и добавил:

– Привет маме!

А моя мама, дирижер Ленинградской капеллы, готовила с хором многочисленные оратории, кантаты, реквиемы. На концертах ими дирижировали ее друзья, в том числе и Николай Семенович.

А еще Рабинович был негласный самый главный «киношный» дирижер Советского Союза. Музыка многих композиторов озвучивалась для кино под его управлением. С мамой-хормейстером Н. С. Рабинович начал сотрудничать еще до войны в знаменитом кинофильме «Гроза», а в 40-е годы дело было поставлено на «конвейер». Записывали, как правило, по ночам,

когда музыканты оркестров, артисты, вокалисты, певцы Капеллы, да и сам зал Капеллы с божественной акустикой были свободны. Мы с сестрой Катей с малолетства торчали на этих записях, так как жили в двух шагах, в первом дворе капелльского здания, и без маминого благословения не ложились спать.

1952 год. Запись фильма-оперы по «Алеко» Рахманинова. Статный, величавый Рейзен – старик цыган; похожий на молодого Шаляпина – Огнивцев – ревнивец Алеко. Многочисленные дубли «Земфира неверна! Моя Земфира охладела!!» Звукорежиссер недоволен. Стонет! Огнивцев в отчаянии. И вот, записав несколько раз старого цыгана Рейзен, на «костях уставшего Огнивцева» спел каватину Алеко и под восторженный стук смычков оркестрантов молодцевато сбегал в партер зала. А Огнивцев, уязвленный преподанным уроком, с блеском сделал «на раз» свой победный, последний дубль. Пение Капеллы «Огни погашены!» и «Ужасное дело луч солнца встречает...» завершают работу киношников, звукорежиссеров и, конечно, Рошаля, Рабиновича, Кудрявцевой. Кстати, фильм «Алеко» был первым стереофоническим в истории кино, а маленького цыганенка сыграл в фильме капелльский малыш Равиль Мартынов, известный ныне в мире маэстро.

Другой кадр. Запись «Неоконченной повести» Фридриха Эрмлера с неистовым Бондарчуком, красавицей Быстрицкой, холодновато-обаятельным Самойловым и душевным Лариковым... Расправившись с симфоническими фрагментами фильма, Николай Семенович запросто обратился к маме:

– Лиза! Голубчик! Запиши кульминацию фильма, акапельные «Грезы», с Капеллой! Я сдох! Выдохся!

И этот хор Гавриила Попова вошел в фильм в маминой интерпретации. Именно под эти звуки плачут над больной девочкой героини Ларикова и Быстрицкой. А когда в 60-е годы готовили III симфонию Малера со студенческим консерваторским оркестром, хоры взрослый и детский пели на языке оригинала (немецком). Николай Семенович на репетиции обратился ко мне, хормейстеру Ленинградского хора любителей:

– Шура! Возьми детишек (хор из Пушкинской школы-интерната) и замени им царскосельское произношение на берлинский диалект!

Позднее этой грандиозной симфонией Малера, после первопроходца Рабиновича, дирижировали Кондрашин, Темирканов и другие.

Снова 50-е годы.

– Шура! Что у Вас завтра? – и получив ответ, что практика в Оперной студии, сказал:

– Студия перебьется! Ваше место в партере Капеллы! Я записываю новую музыку Дмитрия Дмитриевича. Вам надо ее обязательно знать!

И был следующий день! И была запись «Овода» Шостаковича! И было потрясение!

В 1963 году в наш город приехал Бенджамин Бриттен с английской оперой. Мы ходили на спектакли маэстро-композитора, как на службу. В заключение гастролей шикарный банкет в Белом зале «Астории». Мы с Николаем Семеновичем оказались за одним столом с композитором.

– Шура! Это потрясающе! – воскликнул, отдавая какое-то кушанье Рабинович, и подозвал волевым жестом гарцующего с подносом официанта.

– Любезнейший! – тот наклонил в нашу сторону поднос с какими-то розовыми мензурочками. Николай Семенович бесцеремонно, без комплексов, сгреб мизинцем руки зажаренные кружочки в наши тарелки.

– Это крабы, запеченные в тесте! Шура! Это потрясающе вкусно! – поясил Рабинович. – Ну, как?!

Трудно удержаться от соблазнов на такой «презентации».

И лишь два человека на приеме были органичны – Бриттен и Рабинович – два музыкальных гурмана.

Снова 60-е годы. Запись фильма «Москва, Черемушки». Специально для фильма Шостакович сделал новую киноредакцию своей оперетты. Записывали музыку по-новому. Ныне это стало обычным приемом, а тогда: сначала оркестр, а потом накладывали на него голоса артистов, солистов, ансамбли и хоры. Работа была веселая, но чрезвычайно трудная в смысле синхронности.

– Кровавая халтура!! – язвил Николай Семенович... Вскоре весь «Ленфильм» распевал финал фильма:

Черемушки, в Черемушках черемуха цветет!

И все мечты сбываются у тех, кто здесь живет!

– на русский застольный мотив «Бывали дни веселые», гениально аранжированный композитором.

Я посетовал Николаю Семеновичу на то, что режиссер фильма Герберт Морицович Раппапорт встречается в каждую восьмую, во все музыкальные мелочи и услышал в ответ:

– Шура! Ты поосторожней с Гербертом Морицевичем. Он до нас с тобой снял два неплохих фильма с приличными певцами! «Дон Кихот» с Шаляпиным и «Музыкальную историю» с Лемешевым!!!!

Далее легко представить немую финальную сцену из гоголевского «Ревизора». Я стоял, как городничий, раскинув руки с глупой рожей, а Рабинович молчаливо «ржал», сотрясаясь животом, над своей же хохмой.

И последний кадр. 50-е годы. Запись с оркестром и Капеллой музыки молодых композиторов Симонян и Прокофьева к фильму «Эзоп».

Мама и Рабинович работали вдохновенно, увлеченно и вдруг в середине труднейшей записи раздался из зала восторженный рык пришедшего послушать и настроиться на будущую музыку исполнителя главной роли Эзопа – Полицеймако. Именно в Капелле под пение женского хора и игру арф родилась та гениальная, неповторимая интонация Полицеймако-Эзопа:

– Ксанф! Пойди и выпей море!

Статистики-музыковеды еще подсчитают тот океан киномузыки, десятки, а может сотни единиц, что озвучил за свою жизнь дирижер Рабинович. Но если бы под его руками ожила музыка только трех фильмов: «Овод», «Гамлет», «Король Лир», то и этого достаточно, чтобы Николай Семенович Рабинович остался на скрижалях музыкального исполнительства XX века. Он благосклонно прощал все мои шалости, пародии и карикатуры на него. Звал меня демократично «Шура!», с этим ласковым, домашним обращением, берущим свое начало от героя Ильфа и Петрова – Шуры Балаганова – верного оруженосца Остапа Ибрагимовича Бендера, не обижал меня, начинающего музыканта, а ставил рядом с собой, великим музыкальным комбинатором, музыкальным Дон-Кихотом, человеком с такой популярной в России фамилией – Рабинович.

Октябрь 1995 года

БРАВО! (ПЕТРО АРДЖЕНТО)

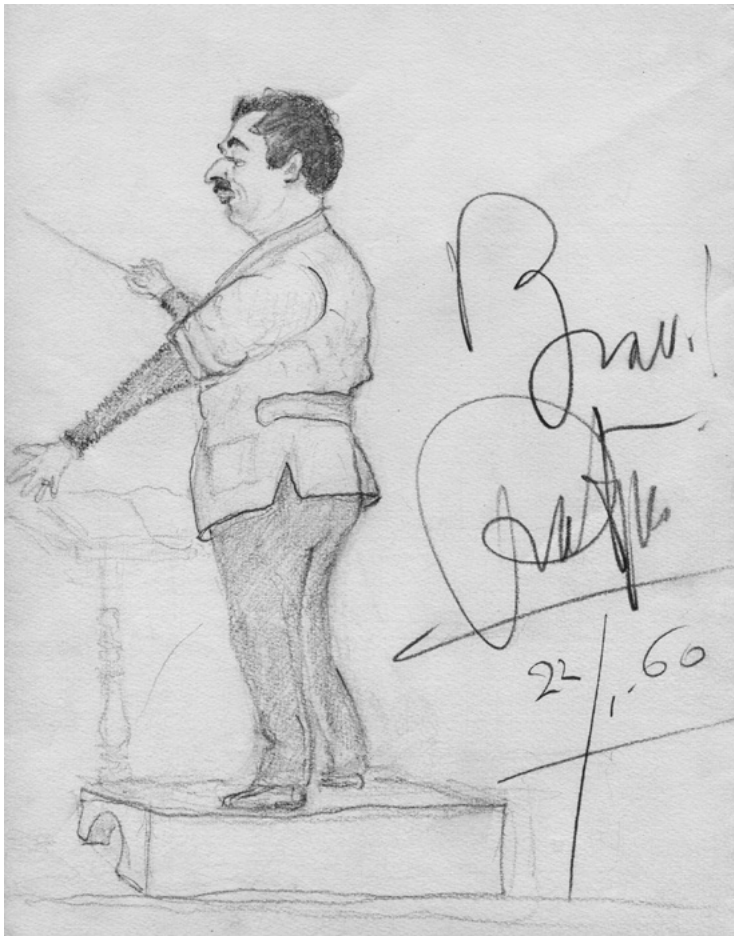

В наш город приехал с концертами выдающийся итальянский дирижер Петро Ардженто. Ему «подсунули» музыкально-партийные начальники вместо заслуженного оркестра Мравинского второй коллектив Филармонии, тот, что в блокаду исполнил в Ленинграде Седьмую симфонию Шостаковича. В этом оркестре играли многие мои друзья по Консерватории, а за первым пультом скрипок сидел Лев Шиндер, старший брат Брони Шиндер, что была помощницей моего дядьки, главного хормейстера Мариинки Александра Григорьевича Мурина.

Репетиция была назначена в концертном зале Ленинградской капеллы на набережной Мойки, 20. Я проник туда и уселся в пятом ряду с партитурой сочинения композитора Респиги «Фонтаны Рима».

На подиум взлетел человек, страшно похожий на Сталина. Поздоровался с музыкантами, окинул взглядом зал, бесцеремонно скинул пиджак на стул, эффектно взмахнул дирижерской палочкой, и на нас полилась незнакомая музыка.

Рядом с дирижером на сцене расположилась очаровательная переводчица и честно скучала, так как Ардженто с феерическим изяществом объяснялся с музыкантами на итальянских терминах, понятных всем. Дойдя в пьесе до места, где автор изображает легкий ветерок, что играет на глади воды среди фавнов, нимф и русалок, дирижер элегантно показал вступление арфистке и вдруг в ответ получил «боцманские склянки». Петро

Браво! (Петро Ардженто)

остановил оркестр и с кинообаянием показал «синьоре», как сыграть эпизод. Приложил пальцы рук к губам и подул на них легким южным морским бризом, а следом начал пьесу с первого такта. Дойдя до вступления арфы, он так любовно взглянул в сторону артистки, что та в испуге смутилась, зажалась и опять бухнула свои «склянки». Ардженто вновь подробно повторил просьбу, начал с начала и снова: «Блям! Блям!»

Дирижер снял музыку и что-то сказал по-итальянски. Переводчица вспыхнула, как помидор, и, встав со стула, произнесла:

– Синьора! Маэстро сказал непереводамый идиоматический оборот! Итальянский сленг!

Оркестр разразился дружным хохотом. Ардженто объявил перерыв, накинул пиджак и ушел за кулисы.

Я, пользуясь паузой, набросал на Педро Ардженто карикатуру. Показал ее Шиндери, а тот засунул последнюю в дирижерскую партитуру, лежавшую на пульте.

Следующий час прошел без заминок. Ардженто, открыв очередную страницу, наткнувшись на мою шалость, воскликнул:

– Браво! Браво! – и это относилось не к исполнителям музыки...

Итальянский дирижер еще несколько раз посещал наш город и, узрев меня в Голубой гостиной Филармонии, приветствовал привычным:

– Браво!

А карикатура осталась у Петро Ардженто.

6 июля 2009 года

ДЕМЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ (А. Т. ГРЕЧАНИНОВ)

Благословен тот композитор, который может передать свои эмоции исполнителям и слушателям.

Александр Гречанинов

1952 год, Нью-Йорк

Александр Тихонович Гречанинов достойно принадлежит к той плеяде русских гениев, которую открыл Михаил Глинка.

Он прожил огромную, даже по современным меркам, жизнь. Родился Гречанинов в 1864 году, три года спустя после отмены царем Александром II крепостного права в России, а завершил свой путь в Америке, в Нью-Йорке, в 1956 году, когда в нашей стране разворачивал свои реформы Никита Хрущев. Без малого век продолжалась тернистая, полная триумфов и разочарований, взлетов и падений, славы и забвения жизнь композитора. Но через все и вся он пронес веру в Россию, в православный русский народ, и передал это через свою музыку нам, россиянам.

Родина Гречанинова – Москва. На Пресне, в купеческом доме, протекала жизнь Тихона Герасимовича и Александры Гавриловны Гречаниновых и их одиннадцати детей. Обычный замоскворецкий быт. Пение по праздникам церковных песнопений. Впрочем, музыкальный уровень выше мещанских душещипательных романсов под гитару и цыганщины не поднимался. Отец мечтал пустить детей по «торговой части». До шестнадцати лет будущий композитор не знал, что есть на свете такие композиторы, как Моцарт, Бетховен, Глинка, что есть школы-консерватории, где учат на музыканта. Правда, купец Тихон Гречанинов знал музыкантов, которые играли на свадьбах и похоронах, так как сам был родом из церковных певчих. «Что? Захотел к музыкантам на задний стол?! Главный в России купец! Купец – основа нации!» – был его жизненный девиз.

От этого «темного царства» вводило Александра участие в любительском театральном кружке, в который его вовлекли товарищи по гимназии – братья Книппер. Под руководством будущего премьера МХАТа А. П. Артема они играли маленькие пьески, водевили с пением и танцами. В одном из спектаклей Александр Гречанинов играл с сестрой братьев Ольенькой Книппер, будущей женой А. П. Чехова и звездой МХАТа.

Портрет А. Т. Гречанинова, подаренный князю П. А. Оболенскому

В семнадцать лет Гречанинов, несмотря на протесты отца, бросает гимназию и, внося за обучение пятьдесят рублей, припасенные матерью на «черный день», поступает в Московскую консерваторию.

Профессора С.И. Танеев, Г.А. Ларош, Н.А. Кашкин, В.И. Сафонов, А.С. Аренский лепят из провинциала пытливого, талантливого, фанатика творчества П.И. Чайковского. Правда, профессор гармонии и формы Аренский был явно отрицательного мнения о данных и таланте ученика. «Гречанинов! Бросайте консерваторию, так как я полагаю, что окончить ее вы не будете в состоянии», – таков был суровый и несправедливый приговор учителя.

В январе 1890 года Гречанинов оставляет Консерваторию. Полгода он занимается с С.И. Танеевым, который раскрыл перед молодым музыкантом секреты композиторского мастерства и полифонии. Причем Танеев занимался с Гречаниновым бесплатно, так как считал, что «с таланта брать деньги грешно! Талант – сам по себе большая ценность!»

В конце того же года Александр Гречанинов поступает в Петербургскую консерваторию, в класс Н. А. Римского-Корсакова. Отеческая забота, внимание учителя, стипендия, выхлопотанная для Гречанинова Николаем Андреевичем, сделали свое дело, и в 1891 году появились его первые романы, которые принесли ученику Консерватории широкую популярность в России. В их числе «Колыбельная» на слова М. Ю. Лермонтова, которую вот уже второй век поют все матери своим младенцам.

За три года учебы в Петербургской консерватории фанатик музыки Чайковского превратился в сторонника новой русской школы, школы «Могучей кучки». С блеском заканчивает он Консерваторию, и его кантата «Самсон» звучит на выпускном вечере.

Премьера Первой симфонии Гречанинова под управлением Римского-Корсакова, хоровые опусы, исполненные коллективом И. А. Мельникова, Беляевская премия за Струнный квартет, романсы – все это сочувственно встречается современниками и прессой в Петербурге.

В 1896 году Гречанинов возвращается под крышу отеческого московского дома. Тогда же Ольга Леонардовна Книппер-Чехова познакомила композитора с молодыми реформаторами русской сцены, создателями МХАТа К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко.

Композитор пишет музыку к спектаклям, которыми открылся новый театр, – к пьесам А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» и «Смерть Грозного». С трепетом приступил Гречанинов к созданию музыки к спектаклю МХАТа «Снегурочка» по весенней сказке А. Н. Островского. Он отлично знал, что для премьеры пьесы в Малом театре музыку написал Чайковский, а через несколько лет Римский-Корсаков создал свою оперу «Снегурочка», и, тем не менее, он дерзнул поспорить со своими кумирами и учителями.

В музыке к «Снегурочке» Гречанинов использовал подлинные русские народные инструменты – рожки, гусли, жалейки, ложки, балалайки, и эта «берендеевская» музыка достойно конкурировала с творениями Чайковского и Римского-Корсакова. А. М. Горький писал А. П. Чехову в Ялту после премьеры: «Музыка в „Снегурочке“ – колоритная до умопомрачения... Любит Гречанинов народную песню, знает и прекрасно чувствует...» Так и шли в Москве три «Снегурочки»: в Малом театре – «доме Островского» – с музыкой Чайковского, в опере – опера Римского-Корсакова, а во МХАТе – с музыкой Александра Гречанинова.

Работа со Станиславским и Немировичем-Данченко много дала композитору – его музыка стала поистине театральной, зримой, объемной.

В 1897 году Александр Тихонович робко переступил порог кабинета директора Синодального училища и Синодального хора Степана Васильевича Смоленского, патриарха русского духовного пения, крупнейшего в Европе знатока древних пластов славянской музыки. Напомню: именно ему впоследствии С. Рахманинов посвятит свое «Всенощное бдение».

С. В. Смоленский внимательно просмотрел «Первую духовную обедню» Гречанинова, нашел много погрешностей, промахов, но не отверг ее, а... вызвал регента Синодального хора В. С. Орлова и попросил озвучить музыку. Композитор услышал свои просчеты в хоровом звучании, и это была прекрасная школа мудрого мастера. И уже новые духовные творения Гречанинова (хор и Литургия № 2) вызывали у Смоленского полное одобрение и восторг.

В начале века имя Гречанинова становится популярным не только в России, но и за ее пределами. Авторские концерты проходят с огромным успехом в Европе.

В его первой опере «Добрыня Никитич», поставленной в Большом театре, главную партию поет Ф. И. Шаляпин. Следуют восторженные отзывы Римского-Корсакова, Стасова, Кашкина и других.

Начинается педагогическая, просветительская деятельность Гречанинова в музыкальных школах Гнесиных и Бекман. Он создает целый пласт инструментальной и вокально-хоровой музыки для детей.

Гречанинов – один из создателей Московской народной консерватории, активный участник музыкально-этнографической комиссии, где записывает, аранжирует и издает многочисленные сборники песен народов России.

В 1905 году Гречанинов – автор дерзкого обращения московских музыкантов к властям, в котором говорится: «Когда по рукам и ногам связана жизнь – не может быть свободно и искусство... Когда в стране нет свободы мысли, совести, и печати, когда всем живым творческим начинаниям народа ставится преграда, чахнет и художественное творчество. Горькой насмешкой звучит тогда звание свободного художника. Мы не свободные художники, а такие же бесправные жертвы современности, ненормальных общественно-правовых условий, как и остальные русские граждане...» Первой под воззванием стояла подпись Гречанинова, следом Танеева, Рахманинова и других.

Композитор приветствует февральскую революцию 1917 года, пишет на смену «Боже, царя храни» А. Ф. Львова «Гимн свободной России» на слова К. Бальмонта, который звучит на митингах, собраниях и манифестах:

Да здравствует Россия – свободная страна!
Свободная стихия великой суждена.
Могучая держава – безбрежный океан.
Борцам за волю слава, развевающим туман!

В этот роковой для России год Гречанинов задумал написать «Демественную литургию». Он считал, что в стране есть много любителей русской духовной литературы, которые, собираясь в дружеском домашнем, семейном кругу, могли бы попеть духовные песнопения. Но монументальные шедевры Бортнянского, Чайковского, Рахманинова были трудны для этого случая, и он замыслил написать «простенькие» хоры, которые можно было бы озвучить небольшими силами в сопровождении фортепиано или фисгармонии. Но воплощение этого скромного замысла переросло все доступные рамки. И вот почему.

Писал свою «Демественную литургию» Гречанинов в родовом гнезде, в Москве, на Пресне, во время октябрьских боев. Пресня стала поистине красной от пролитой крови с обеих сторон.

Гречаниновский дом стоял посреди баррикад. Над ним пролетали снаряды, слышалась ружейная пальба, грохотал по мостовой броневик, у крыльца был вырыт окоп.

И в это время отрезанный от всего мира, без света, воды, еды, друзей, забравшись в глухую каморку, при свете коптящей и выедающей глаза свечи, композитор пишет свою Литургию – музыку о судьбе России, о собственной жизни, которая была на волоске от гибели, и музыка эта вырастала до глобальных обобщений о всемирном потопе и разломе, драматичная, театрально-выразительная, как и все духовные творения.

В концерте 1918 года Сергею Кусевицкому удалось впервые исполнить «Демественную литургию» в полупустом замерзшем московском зале. Премьера прошла незаметной.

Это позднее, в 1926 году, в Париже, в соборе Парижской Богоматери, при большом стечении публики в исполнении хора и Шаляпина под управлением автора она вызовет шквал рукоплесканий.

С триумфом она будет звучать в 1929 году в Нью-Йорке, в «Метрополитен-опера».

Шаляпин запишет номер из Литургии на граммофонный диск и получит за него «Гран-при».

А на Родине эта музыка будет ждать своего воплощения долгих семьдесят лет и прозвучит в Петербурге, в зале Капеллы, в исполнении Хора любителей пения, детского хора Петербургского радио, солистов

Демественная литургия (А. Т. Гречанинов)

и органа под управлением народной артистки России Елизаветы Петровны Кудрявцевой.

Профессор Кудрявцева проведет поистине титаническую работу по реставрации, восстановлению и исполнению этого шедевра русской музыки, запишет «Демественную литургию» на компакт-диск, который с успехом разоидется в Европе.

После 1917 года судьба Александра Гречанинова трагична – изгой на Родине, скиталец на чужбине. Но об этом лучше сказал его близкий друг Иван Бунин:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора,
Как горько было сердцу молодому
Сказать «прости» родному дому!
Когда я уходил с отцовского двора,
У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

Часто перед смертью как молитву повторял эти слова композитор, вспоминая свою далекую Родину, любимую матушку Москву.

Но и сегодня музыка Гречанинова заставляет трепетно биться сердца современников.

Услышим ее!

Откроем страницы «Демественной литургии»!

25 февраля 2000 года

МУЗЫКА ВДОХНОВЕНИЯ

Музыка должна помогать людям жить.

Артур Онеггер

У творцов музыкального искусства XX века есть сочинения, обращенные к миллионам и миллионам землян, невзирая на границы, взгляды и убеждения.

«Всенощное бдение» Рахманинова, «Александр Невский» Прокофьева, «Ленинградская симфония» Шостаковича, «Свадебка» Стравинского, «Патетическая оратория» и «Курские песни» Свиридова, Ахматовский «Реквием» Тищенко, «Кармина Бурана» Карла Орфа, «Перезвоны» Гаврилина, «Военный реквием» Бриттена.

К ним по праву можно отнести и «Царя Давида» великого швейцарца Артюра Онеггера.

Прозвучавший впервые в 1921 году в горном швейцарском сельском театре «Жора» в исполнении простых крестьян, студентов, музыкантов, эта музыка начала свое шествие по миру. Вскоре с ней познакомил Россию профессор Михаил Климов. Капелла и оркестр вдохновенно исполнили это сочинение.

И вот спустя три четверти века «Царь Давид» покорил новое поколение исполнителей и слушателей.

Это произошло благодаря энергии двух замечательных музыкантов, профессора Елизаветы Кудрявцевой, мечтавшей об этом уже давно, и ее ученика и единомышленника, профессора Равиля Мартынова.

Как и при первом исполнении в Швейцарии, пел 100-голосый Хор любителей пения Петербурга, солисты, замечательный чтец Алексей Емельянов, Государственный Академический симфонический оркестр.

Великолепный перевод текста сделал консерваторец Константин Никитин.

Ведомые вдохновенной рукой Равиля Мартынова, они творили таинство, именуемое Великой Музыкой.

Концерт был посвящен 30-летию со дня основания Санкт-Петербургского государственного Академического симфонического оркестра, который мы чаще всего называем просто «Оркестр Мартынова», и в этом высокое признание заслуг музыкантов.

Вечер стал тем явлением духовной жизни нашего города, которое запомнится надолго.

Равиль Мартынов

Слова Артюра Онеггера, сказанные давно, были необычайно актуальны в наше полное тревог время.

«Если музыка не хочет превратиться лишь в театральный задник для мелкого буржуа (читай: лавочника. – А. М.), пусть она повернется к своему великому общественному назначению: шествия, народные спектакли, фабричные и полевые работы, стадионы, фильмы, танцы.

Музыка должна помогать людям жить», – эти мысли композитора витали в тот вечер в ауре Большого зала Филармонии.

«Петербург-классика», № 4, 1997 год

В ДЕВИЧЕСТВЕ – КНЯЗЬ! (П. А. ОБОЛЕНСКИЙ)

В 50-е годы прошлого века, после смерти Сталина, как птицы к родным пенатам потянулись в Советский Союз русские эмигранты, изгой как на Родине, так и на чужбине. С двумя «бывшими» меня свела судьба. Это ярый монархист, который принимал отречение Николая II, Шульгин, и один из сыновей графа Орлова, солист «Ленконцерта» Орлов-младший.

В этом повествовании пойдет речь о встречах с еще одним «бывшим» – князем Петром Александровичем Оболенским. Напомню популярную у нынешней молодежи песню А. Малинина: «Корнет Оболенский, надеть ордена...»

Он приехал на Родину умирать.

Это был высокий худощавый старик, лет за 80, с прямой, как палка, спиной. Прическа «а-ля Керенский»; из-под седых бровей смотрели колючие, сверлившие собеседника белесые глаза; пальто типа домино и традиционный круглый черный котелок – типичный образ белогвардейца для наших киношников.

Именно его пригласил на встречу в Капеллу ее директор – художественный руководитель Александр Иванович Анисимов. Бывший партийный функционер, бывший директор Большого театра, ныне профессор Консерватории решил, что встреча будет полезна для артистов старейшего русского хора. В репетиционном зале Капеллы, что на набережной Мойки, 20, собрались любопытные артисты и несколько капелльских хормейстеров, преподавателей Хорового училища при ней (Е. П. Кудрявцева, Ф. М. Козлов, В. К. Баранов, А. А. Патрикеев). Проник на встречу и я, студент Консерватории. Не каждый день можно поглазеть и услышать настоящего русского князя.

Анисимов представил гостя:

– Это товарищ Оболенский! Он в Париже дружил с Рахманиновым, Шаляпиным, Гречаниновым, Буниным. А в России, еще до Великой Октябрьской социалистической революции, руководил оркестром русских народных инструментов. Вам слово, товарищ Оболенский!

Петр Александрович морщился, слушая свое досье, а следом произнес на безупречно чистом русском языке:

– Извините, сударь! Я не товарищ, а гражданин Оболенский, в девичестве – князь!..

Зал разразился смехом.

– После большевистского переворота мы бежали от чекистов через Польшу во Францию, как говорится, «в чем мать произвела, родив», без копейки в кармане.

Теперь пришла очередь передернуться Анисимову. Встреча шла не по намеченному им сценарию.

– Рахманинов, – продолжал гость, – был гениальный пианист, но довольно желчный человек. Он налево и направо сыпал уничтожающие характеристики, и к нему было трудно подступиться. Но с мужланом Шаляпиным дружил, как с братом, и во всем ему потакал... Умерший пять лет тому назад купеческий сын Гречанинов писал замечательные церковные песнопения, часто сам их разучивал с церковными хорами и дирижировал с успехом в концертах.

Тут опять встрял Анисимов.

– Расскажите-ка, Петр Александрович, как вы руководили оркестром народных инструментов?

Оболенский:

– Еще до Октябрьского большевистского переворота...

Тут Анисимова снова передернуло.

– ...я из рабочих нашей семейной фабрики в имени Гусь-Хрустальном организовал народных хор и оркестр. Господин Андреев (вы, видимо, помните Василия Васильевича) порекомендовал мне заказать комплект балалаек у русского умельца Налимова. Я выложил ему большие деньги. Боже! Что было за звучание у этих балалаек и домр! Можно было, играя, разговаривать с Господом! Но все отняли большевики! Все рухнуло в 17-м!

Из зала кто-то из «продвинутых» певцов спросил:

– А что Вы делали во время оккупации Парижа фашистами?

Оболенский кокетливо улыбнулся и сказал:

– Как что? Служил у генерала де Голля в Сопротивлении, а после победы «крутил баранку», как у вас говорят, возил на собственном такси парижан.

Капелла на прощание спела гостю «Венецианскую ночь» Глинки – Балакирева и «Зимнюю дорогу» Шебалина. Глаза Петра Александровича наполнились слезами. Он молча достал накрахмаленный белоснежный платок и несколько раз приложил его к лицу. Встреча закончилась.

Я подошел к одиноко стоявшему старичку и сказал, что работаю над биографией Гречанинова и хотел бы побольше узнать о композиторе.

– Молодой человек! Я остановился у моей внучатой племянницы,

балерины, что живет на Офицерской, рядом с Мариинским театром. Она танцует на сцене Большого театра Консерватории. Если Вам удобно, я могу принять Вас завтра вечером, часиков так в восемь! – и назвал адрес.

Ровно в назначенное время я звонил в названную квартиру на улице Декабристов (бывшей Офицерской). За дверью раздался звук легких женских шагов. Открыла хозяйка, к моему удивлению, знакомая мне по Оперной студии, где она участвовала в танцевальных сценах в опере Чайковского «Евгений Онегин», а я подвизался на практике в качестве хормейстера у моего профессора по Консерватории Александра Емельяновича Никлусова.

– А я вас знаю! Вы – Шура-Мура! Дядя вас ждет!

Петр Александрович сидел в мягком старинном кресле за столом, что освещал огромный, весь в цветочках, пахнущий нафталином абажур.

Оболенский встал и протянул для приветствия руку. А затем, торопясь, как будто боясь не успеть, рассказал о премьере в Соборе Парижской Богоматери в 1926 году «Демественной литургии», которой дирижировал сам Гречанинов, а соло пел Федор Шаляпин, о других мелочах облика любимого русскими эмигрантами композитора. В заключение вручил фото с автографом Гречанинова для пересъемки. Убедительно просил вернуть ему эту реликвию.

На следующий день в Оперной студии Консерватории на репетиции «Русалки» Даргомыжского я передал племяннице Оболенского с благодарностью фото.

А еще через некоторое время она с прискорбием сообщила, что ее дядя князь Петр Александрович Оболенский скончался, и его похоронили на каком-то заброшенном погосте.

– Умер от старости, – уточнила внучатая племянница.

20 октября 2010 года

ГЕНИАЛЬНЫЙ ПАРАДОКС АВГУСТА ГЕНРИХА ГОФМАНА ФОН ФАЛЛЕРСЛЕБЕНА,

или

Кое-что о Европейских гимнах

В 1797 году престарелый венский классик Иосиф Гайдн, подражая словам английского гимна «Боже, храни короля!» (ныне «королеву»), которые он часто слышал, обитая в Туманном Альбионе, написал музыку австрийского гимна «Боже, храни императора Франца!». Того самого императора австрийского Франца, которому аббат Да Понте, авантюрист и мистификатор, сосватал насильно оперу Моцарта «Свадьба Фигаро» на собственное либретто. Замечу, что позднее, в 1833 году, наставник русских царей, поэт, художник В. А. Жуковский, недолго думая, видоизменил слова и получилось «Боже, царя храни», а придворный композитор и гениальный скрипач А. Ф. Львов «состряпал» музыку, что звучала до февраля 1917 года. Этот гимн сменил гимн А. Т. Гречанинова на слова Константина Бальмонта «Свободная Россия» (ныне позывные радиостанции «Свобода»).

А в ноябре 1917 года зазвучал «Интернационал». А тот, в свою очередь, в январе 1944 года сменил «Гимн Советского Союза» А. В. Александрова и С. В. Михалкова, что с небольшими изменениями в тексте звучит как гимн России сегодня.

Но вернемся в XIX век к гимну Гайдна. Музыка венского классика так понравилась немецким соседям, что они позаимствовали мелодию, а профессор Берлинского университета, поэт, философ, литератор Август Генрих Гофман фон Фаллерслебен написал новый текст: «Deutschland, Deutschland über alles!» («Германия, Германия превыше всего!»), что и стала неофициальным гимном Германии на долгие годы. В 1922 году, во время Веймарской республики, она была утверждена национальным гимном страны.

В 1933 году приходит к власти Адольф Гитлер. Он подтверждает ее как гимн великой Германии (Третьего Рейха). Именно эту мелодию горланили опьяненные военными успехами фашисты на полях Европы и Советского Союза.

В 1952 году канцлер ФРГ Конрад Аденауэр объявил, что третья строфа гимна «Единение, право и свобода для Германской отчизны» должна звучать как гимн ФРГ на официальных церемониях.

В 1991 году после объединения Германии эта музыка была вновь, в который раз, объявлена официальным гимном страны.

Снова вернемся в XIX век. В 1848 году Роберт Шуман на стихи профессора Августа Генриха Гофмана фон Фаллерслебена в «Альбоме песен для юношества» создал романс для тенора и фортепиано «Вечерняя звезда»:

Du lieblicher Stern,
Du leuchtest so fern,
Doch hab ich dich dennoch
Von Herzen so gern.

Wie lieb ich doch dich
So herzlichlich!
Dein funkelndes Äuglein
Blickt immer auf mich.

So blick ich nach dir,
Sei's dort oder hier:
Dein freundliches Äuglein
Steht immer vor mir.

Wie nickst du mir zu
In fröhlicher Ruh!
O liebliches Sternlein,
O wär ich wie du!

Современник Шумана сделал переложение романса для смешанного хора, несколько расширив и развив музыку 3-го куплета. В этом виде музыка и слова получили всемирную популярность. Переведенная на русский язык близко к оригиналу «Вечерняя звезда» стала шлягером у петербургских и московских хоровых коллективов (хоры Мельникова, Архангельского, Капелла Булычева и др.). Да и сегодня профессиональные и любительские хоры исполняют это сочинение.

Гениальный парадокс А. Г. Г. фон Фаллерслебена

Далекий мой друг, твой радостный свет
Мне с неба приносит вечерний привет.

Люблю я тебя, всем сердцем люблю,
И луч твой волшебный я жадно ловлю.

И где б ни был я, всегда передо мной
Ласкающий свет твой, твой луч золотой.

О, как бы хотел я вместе с тобой
Сиять над землею вечерней звездой.

Так и звучат в трех столетиях одновременно две мелодии на стихи профессора Августа Генриха Гофмана фон Фаллерслебена – «Вечерняя звезда» немецкого романтика Роберта Шумана и «Германия, Германия превыше всего!» на музыку венского классика Иосифа Гайдна.

12 ноября 2002 года

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА (Д. С. ЛИХАЧЕВ)

В 60-х годах прошлого века я собрался в отпуск в Крым. Отец строго наказал:

– Перво-наперво побывай в домике Чехова.

И поведал, как его сердечно принимала после войны сестра писателя Мария Павловна Чехова, тогдашний директор музея.

В Ялте я поселился в горной гостинице с экзотическим названием «Гнездышко», более похожей на студенческое общежитие. Она была в сотне шагов от чеховского очага.

На следующий день, когда я подошел к калитке музея, я прочел:

«Извините! Дом Чехова закрыт на капитальный ремонт».

За забором стояли бочки с краской и известью, валялись доски, какой-то хлам. Полное отсутствие признаков ремонта, несмотря на середину недели. Я расстроился и по серпантину дороги спустился в Ялту, где взирал на достопримечательности «культурной плевательницы», как за глаза величали этот южный город. Ноги сами собой повели к импозантному особняку с надписью «Музей писателя Павленко». Позвонил. Открыла старушка.

– Снимайте обувь! Нынче домработниц и кухарок нет! – недоброжелательно изрекла она. Я влез в грязные стоптанные тапочки. С огромным трудом выслушал лекцию о «лауреате Сталинской премии, великом советском писателе», что провела вдова автора «Счастья» для меня одного. Учтиво поблагодарил ее и с легким сердцем вышел на чистый ялтинский воздух.

Спустя некоторое время решил омыть свое брненное тело в Черном море. Взял сумку с купальными атрибутами и затрусил к морю. Проходя мимо музея Чехова, обнаружил распахнутую калитку и стоящих двух мужчин и женщину. Они о чем-то эмоционально разговаривали. Один был в коломанковом костюме, в сандалиях, белой кепке, в руках держал элегантную трость, другой был в «госпромском» шевиотовом синем костюме и «сорокоходовских бахилах». Женщина – в старорежимном платье и шляпке а-ля Раневская. Я полюбопытствовал:

– Когда откроют музей? Приехал из Ленинграда специально, чтобы посетить чеховскую цитадель и – натушки – от ворот поворот!!

– Мы тоже из Ленинграда! – дуэтом вторили мне мужчина в сандалиях и женщина в шляпке.

– Ну, Бог с вами! Входите! Я зритель Брагин, – сказал мужчина в шевиотовом костюме.

Мы прошли мимо каких-то керамических чанов для воды или вина, вступили в дом, и началось чудо! В прихожей на вешалке огромная крылатка-плащ, что в дождь носят военные на плацу.

– Чехов был высокого роста, – уточнил наш проводник, – выше Горького. И когда фотографировался, или садился на стул, или на пленере специально на несколько шагов отставал от своих спутников, дабы не шокировать Стасова, Репина и прочих гостей.

Через кабинет, где над камином висел лунный пейзаж Левитана, мы проследовали в столовую. Все на своих местах. Диван, кресла, стулья, старое пианино покрыты белоснежными чехлами. На столе, окнах вазы с живыми цветами. Я задал глупый вопрос:

– А фортепиано настроено?

– Вы попробуйте, если умеете играть! – разрешил Брагин.

Я взял несколько пассажей. А зритель продолжил:

– Когда у нас гостил Ваня Козловский с артистами из Москвы, он сажал Марию Павловну на верхнюю крышку пианино и «согбенно и коленопреклоненно» пел: «Я встретил Вас, и все былое...»

В каждой комнате домика, на самом видном месте на нас смотрели фотопортреты Антона Павловича, и все в фас. Мой спутник обратил на это внимание:

– Что? Неужели у Чехова была фотомания?

И получил в ответ:

– Писатель часто отлучался из Ялты: то в Москву, то в Германию. И чтобы его магушка не горевала о сыне, повесил свои портреты, где подслеповатыми глазами глядит прямо на вас, как тот красноармеец на плакате «А ты записался добровольцем?»

Брагин подробно, с массой деталей рассказал об отношениях Левитана и Чехова, о вражде между Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой и Марией Павловной, у которой он был долгие годы помощником, даже в годы войны и оккупации. И что удивительно, о том, как немецкие офицеры не тронули дом и сестру Чехова в знак уважения перед гением. И самое фантастическое – о том, что родственница Чехова, Ольга Чехова, была любимой актрисой Адольфа Гитлера и подругой Евы Браун. Это нас потрясло!

Три часа промелькнули как мгновение. Стали прощаться. Брагин предложил написать несколько слов в «Книгу жалоб и предложений».

Достал грессбух в шикарном переплете и пояснил:

– Это для почетных гостей! Вот смотрите – отзыв самого Маршака! Самуил Яковлевич долго расспрашивал меня, как Чехов добирался в такую даль до набережной Ялты, и был удивлен, что к морю и обратно писатель ходил пешком. Здесь экспромт:

Главный ездит на «Зиле» длинном,
Его зам – на «Победе»,
А кто не достиг в литературе успехов,
Покупает велосипед или ходит пешком, как Чехов.

Маршак

Мой спутник улыбнулся, достал авторучку и каллиграфическим почерком записал несколько фраз. Подписался за себя и супругу, передал книгу мне. Я объяснил любезному зрителю, что надо все переварить в душе и мозгах. Впечатление огромное!

Брагин на прощание подарил нам по книжице со своей статьей, где подробно описал все цветы, растения, деревья, когда-то посаженные

Случайная встреча (Д. С. Лихачев)

Чеховым, который мечтал, чтобы каждый человек свой клочок земли превратил в сад.

Распрощались. Я поцеловал руку моей спутнице, а ее муж запросто сказал:

– В Питере приходите в Пушкинский Дом. Я вам покажу наш музей. На вахте спросите Дмитрия Сергеевича Лихачева!

Это позднее я понял, с кем меня свела судьба. А тогда – просто случайный попутчик в коломянковом костюме, кепке, сандалиях, с женой в экстравагантной шляпке.

Да, еще, чуть не забыл. Через несколько дней я зашел к Брагину и написал отзыв:

Тускнеют обои и фото на стенах,
Лишь только глаза на портретах нетленны,
Встречают входящих лучистой улыбкой,
Как ялтинский воздух, хрустальный, чуть зыбкий,
Тревоги полны, человеческой грусти,
Не всякого в комнаты взгляд этот пустит.
Раскрытая книга, букет на столе.
Не верю, что в доме хозяина нет...
Забыв, что в музее, гуляю по дому,
Каким-то другим, сам себе незнакомым...
Смят слабой рукой на кресле чехол.
Вдруг Брагин промолвил:
– Чехов с моря пришел!

P.S. Уже заканчивалась экскурсия, как с моря раздался басистый гудок парохода. Брагин уточнил:

– «Чехов» с моря пришел!

И это была какая-то мистика.

P.P.S. По приезде с юга я прочитал строки отцу. Он, что бывало с ним очень редко, похвалил меня:

– Молодец, сынок! – и... заплакал.

7–9 июля 2009 года

ШАГ В ИСТОРИЮ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

Когда мы сегодня пересекаем Театральную площадь и вступаем на высокий парапет тротуара перед зданием Консерватории, то делаем незаметно для себя шаг в XVIII век. Две гранитные ступени – это все, что осталось от восьмиколонного античного портика и пандуса Большого Каменного театра Петербурга.

Именно по нему спешили в оперу Державин и Карамзин, Жуковский и Крылов, Пушкин и Гоголь, Глинка и Даргомыжский, Дельвиг и Кюхельбекер... Геккерн и Дантес.

225 лет назад, в 1775 году, Екатерина II повелевает придворному архитектору Антонио Ринальди начать строительство на Карусельной площади, на месте народных гуляний и ярмарок – первого в России Каменного Большого театра. Архитектор, как всегда, с азартом взялся за работу. Целыми неделями пропадавал на строительстве, вникая во все детали. В один из пасмурных, дождливых дней, коими и сегодня богат наш город,

Большой театр. 1811 г.

Ринальди поскользнулся и упал со строительных лесов. Этот трагический случай ускорил его кончину.

Открытие театра состоялось 24 сентября 1783 года. Шла опера Паизиелло «Мир Луны». Заглавные роли исполняли итальянцы, а певцы

Придворной певческой капеллы, ведомые регентом Марком Полторацким, были заняты в хоровых эпизодах. Театр был создан для «увеселения и утех». На сцене его шли не только трагедии, комедии драматические, балетные, музыкальные спектакли французских, итальянских авторов, но первые наивные оперы-водевили российских композиторов: Е. Фомина, В. Пашкевича, М. Соколовского, М. Матинского. Названия говорят сами за себя: «Мельник-колдун, обманщик и сват», «Несчастье от кареты», «Санкт-Петербургский Гостиный двор», «Ямщики на подставе», «Скупой», «Анюта», «Орфей». Свой «вклад» внесла и Екатерина II. Ее перу принадлежат либретто опер «Федул с детьми», «Горе-богатырь», «Февей». Помимо иностранцев, в них блистала балерина Евгения Колосова, певцы Елизавета Сандунова, Климовский, Самойлов, Злов и др.

Летели годы... Здание ветшало, и в 1802 году архитектор Тома де Томон за семь месяцев капитально перестроил его. Фактически появился новый театр с восьмиколонным античным портиком, в зале больше ярусов, расширена сцена, занавес и ложи оделись в золото и бархат.

Петербургский Большой театр стал эталоном для других подобных строений в России, и в их числе для Большого театра в Москве, что счастливо избежал в дальнейшем печальной участи своего оригинала и ныне красуется в центре столицы.

В 1803 году русская труппа Петербурга разделилась на две равные части: драматическую, для которой Карл Росси построил Александрьевский театр, и оперно-балетную, что осталась в старом здании.

Именно в этот год в Россию, в Петербург, приехал молодой, энергичный итальянский композитор и дирижер Катерино Кавос. Он и стал на тридцать семь лет музыкальным руководителем главного театра России. Им была написана и поставлена первая патриотическая опера «Иван Сусанин» с традиционным для тех лет счастливым концом. Представьте себе, Сусанина спасают из плена, и он в финале ликует с народом, посмеиваясь над врагами!

Но злой рок витает над Театральной площадью. 1 января 1811 года Большой театр Петербурга сгорел. Убитый горем Тома де Томон решил обследовать, что осталось от его детища и... повторил судьбу своего предшественника. Упал со стены пепелища и вскоре умер. Здание восстановили, и на обновленной сцене Катерино Кавос поставил свой балет по поэме А. Пушкина «Кавказский пленник» и комическую оперу Давыдова «Леста, днепровская русалка». Пушкин заимствует сюжетную фабулу из этого спектакля, а Даргомьжский пишет на нее оперу-драму «Русалка».

В 1832–1836 годах начинающий молодой архитектор, ученик Карла Росси Альберт Кавос (сын дирижера) затеял очередную перестройку и реконструкцию театра. Четыре года оперные и балетные спектакли шли в новом Александринском театре. Так, «Ревизор» Гоголя репетировали на основной сцене, а оперу Глинки «Жизнь за царя» в большом фойе. 27 ноября 1836 года весь Петербург устремился на Театральную площадь. В царской ложе – император Николай I с семейством, великие князья, знать в партере. Жуковский, Крылов, Вяземский, Виельгорский, Одоевский... В 11-м ряду, у прохода – Александр Пушкин. Старик Кавос поднял дирижерский жезл, и в зал полились звуки новой оперы Глинки «Жизнь за царя». На сцене – Иван Сусанин, Антонида, Собинин, крестьяне села Домнино в лаптях, холщовых рубахах и домотканых портах, а в партере великосветские дамочки, обмахиваясь веерами, отворачивают носы: «Фи! Запахло онучами!!» Но финальное «Славься!» под звон колоколов заглушило их жалкий писк.

Через автора либретто оперы, своего пресс-секретаря, барона Георгия фон Розена, император пригласил Глинку к себе. Одарил перстнем, табакеркой и «дружески» попросил взять под свое крылышко царских певчих. Правда, должность в Капелле выделил смехотворную – помощника учителя пения.

В тот знаменательный для русской музыки год Катерино Кавос снял с репертуара свою оперу «Иван Сусанин», которая шла на сцене 20 лет, признав тем самым первенство за сочинением Глинки.

Через несколько дней после премьеры в доме рядом с Большим театром сошлись под «Зеленой лампой» друзья композитора на «мальчишник». И когда Михаил Иванович вошел в залу, то Виельгорский запел на мелодию Одоевского:

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка,
Веселися, Русь! Наш Глинка –
Уж не глина, а фарфор!

Далее подхватил Вяземский:

За прекрасную новинку
Славить будет глас молвы
Нашего Орфея – Глинку
От Неглинной до Невы!

Грузноватый, добродушный Жуковский продолжил:

В честь столь славных новинки
Грянь, труба и барабан,
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глинтвейну стакан.

И завершил канон, сверкая глазами, эмоционально жестикулируя, Александр Пушкин:

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не сможет в грязь.

Поэт шутил, каламбурил, поднимал бокал за «Глиночку», уговаривал «друга Мишу» написать оперу на сюжет «Руслана и Людмилы», обещал новое либретто и заручился согласием композитора... И никто не знал, что спустя два месяца – Черная речка! Выстрел Дантеса!..

В 1840 году умер Катерино Кавос. Его сменил за дирижерским пультом русский музыкант Константин Лядов, отец знаменитого позже композитора Анатолия Лядова.

27 ноября 1842 года в Большом – новая опера Глинки «Руслан и Людмила». Ровно через шесть лет, день в день, Глинка сдержал свое обещание, данное Пушкину. Эскизы костюмов к спектаклю рисовал сам Карл Брюллов.

В 1843 году итальянцы (ох уж эти «итальянцы в России») вытеснили русскую труппу из театра, и певцы разбрелись кто куда.

Для заезжих циркачей на месте балаганов-навесов, где в непогоду стояли лошади, мирно жевали овес и где грелись ямщики, ожидая хозяев из театра, Альберт Кавос построил в 1849 году деревянный театр. Циркачи вскоре надоели изысканной столичной публике. На манеже поставили стулья, соорудили сцену и отдали театр-цирк бездомным русским певцам и музыкантам.

Там и увидела 4 мая 1856 года свет опера-драма Даргомыжского «Русалка». Опера успеха не имела. Костюмы были подобраны из других спектаклей. Так, на русском князе «красовались» латы Дон-Кихота, а на сцене вместо «дуба заветного» на берегу Днепра стояли пыльные пальмы в кадках!

Вид Большого (Каменного) театра в Санкт-Петербурге в 1891 г.

А еще через три года пожар спалил театр-цирк, и по указу Александра II маститый русский архитектор, к тому времени командор Ордена Почетного легиона (за проект театра в Париже) Альберт Катеринович Кавос в рекордно короткий срок (2 года) построил на том же месте новый театр, названный в честь супруги императора, Марии Александровны – Мариинским. И снова на открытии звучали оперы Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила». А следом почти все сочинения русских композиторов.

Дирижеры, балетмейстеры, певцы, балерины за 150 лет прославили Мариинский во всем мире.

Большой театр Петербурга в конце XIX века передали первой русской Консерватории.

В 1896 году архитектор Владимир Николая перестроил (в который раз!) здание, разобрал античный портик, поставив громоздкое сооружение боковым фасадом к Мариинскому театру.

Петербургский клан музыкантов, художников, архитекторов Кавосов-Бенуа-Лансере-Серебряковых с тех пор перестал «знаться» с другим кланом музыкантов и художников – с кланом Николая, считая, что перестройка изуродовала Театральную площадь.

В 1906 году между Консерваторией и Мариинской оперой, спиной к Никольскому собору, встал бронзовый Глинка работы академика Баха.

Шаг в историю Театральной площади

Замысел скульптора был простым: композитор вышел из Божьего храма (Никольский собор) и остановился у храма искусств, вслушиваясь в музыку.

В 1930 году скульптуру «задвинули» в сквер у Консерватории. Мешала трамвайному движению!! Вот тогда и исчезли два пилона-светильника, что стояли на гранитных тумбах у основания памятника. А в 1952 году скульпторы Богомолов и Ингал с другой стороны Консерватории «посадили» Николая Андреевича Римского-Корсакова, которого вылепили с младшего сына композитора Владимира Николаевича.

К юбилею Улановой рабочие, что ремонтировали Мариинку, выпилили кусок сцены, которого касалась ножка гениальной балерины XX века, и поднесли Галине Сергеевне.

В стенах бывшего Большого театра Петербурга, ныне в Оперной студии Консерватории, подрастают новые Глинки, Чайковские, Лядовы, Кавосы, Мравинские, Прокофьевы, Шостаковичи, Образцовы, Атлантовы, Свиридовы, Гаврилины, Темиркановы...

Итак, мы сделали шаг на парапет в многовековую историю нашего города. Это оказалось так просто!

ДОМ БУНТОВЩИКА (А. Н. РАДИЩЕВ)

В этот дом после ленинградской блокады я приходил к моей капельской учительнице по фортепиано Элле Лазаревне Каплан на дополнительные уроки, наивно, по-детски считая, что ее далекая родственница и есть та злодейка, что стреляла из пистолета отравленными пулями в дедушку Ленина. И сразу возникала другая, не менее парадоксальная мысль. Так почему она, моя «дорогая» училка с капельским прозвищем Капланиха, живет в доме Александра Радищева, который разбудил декабристов, а те, в свою очередь, будили, будили кого-то и добудились до революции?

А. Мурин на уроке Э. Л. Каплан. 1953 г.

Я так и не решился задать ей этот бестактный, мучивший меня исторический вопрос-парадокс. А теперь-то понимаю, что, слава Богу, что не задал.

Долго считалось, что радищевское жилище не сохранилось, и на его месте в середине XIX века был выстроен доходный с дворовыми флигелями особняк.

В конце XX века здание на Марата пошло на капитальный ремонт. Строители, как всегда в таких случаях, лихо сорвали кровлю, разломали полы, перекрытия, и остов-руина стояла несколько лет за небрежно

сколоченным забором, на который наклеивали афиши эстрадных звезд и объявления об обмене питерских коммуналок. Дождь, снег, ветер отрывали куски старых обоев, и те уродливо махали своими пустыми рукавами. С фасада слетали остатки лепнины и огромные куски штукатурки. И вдруг, как на рентгене, проступили стены старого радищевского дома XVIII века: восемь окон первого этажа и дверной проем, заложенный позднее, и девять окон второго этажа со следами от балкона.

Когда-то на месте дома была усадьба вельможи Рубановского с огромным садом и озерцом, где плавали лебеди. Сюда, на окраину Петербурга, после венчания в Москве и приехал с молодой женой Анной Рубановской Александр Николаевич Радищев. Анна была племянницей его друга по Лейпцигскому университету. После смерти тестя Рубановского Радищев строит в 1775 году двухэтажный дом, что смотрел своим фасадом на Грязную улицу.

В 1777 году Александр Николаевич поступил на государственную службу. Преуспел в званиях, чинах, наградах. Прошел путь от простого служащего до начальника всей Петербургской таможни в 1790 году.

В своем доме Радищев встречался с просвещенными людьми тогдашней России, литераторами Новиковым, Фонвизинным и др. Здесь он создает, а позднее, в 1789 году, публикует «Житие Ф. В. Ушакова», в 1790 году – «Письмо к другу», оду «Вольность», и наконец, «Путешествие из Петербурга в Москву».

Обер-полицмейстер Петербурга Никита Рылеев, решив, что эта книга – что-то вроде путеводителя, подмахнул разрешение на ее издание.

А. Н. Радищев с помощью знакомого книготорговца Г. К. Зотова покупает печатный станок, приглашает наборщиков, и 690 экземпляров книги поступили в продажу в Зотовскую лавку в Большом Гостином дворе на Суконной линии. Остальное общеизвестно.

Арест, сырая камера Петропавловской крепости, арест и уничтожение тиража книги, жестокие, с мордобоем допросы и вердикт Екатерины II: «Он бунтовщик похуже Пугачева!»

8 сентября 1790 года в кандалах изгой Радищев этапирован в Сибирь в Илимский острог. Только через 11 лет, при восшествии на престол Александра I, он был прощен и вернулся в Петербург.

А 11 сентября 1802 года его не стало. Выпил стакан смеси HNO_3 (азотная кислота) и H_2SO_4 (серная кислота), что стояли на тумбочке в прихожей для чистки медных пуговиц и эпалет кафтана. В записке перед смертью начертал: «Потомство отомстит за меня!»

Отравился?! Но почему тогда его похоронили на Волковском старообрядческом кладбище у церкви? Как известно, на Руси самоубийц хоронят за оградой или зарывают на городских свалках! Могила писателя «затерялась», а может, специально ее «затеряли»? Вопросы? Вопросы? Вопросы!

И решать их, видимо, потомкам.

А радищевский дом многократно перестраивался, надстраивался в XIX веке, менял хозяев, временных жильцов, пока не превратился в обитель с тесными советскими клетушками-коммуналками.

Замечу! Один из перестройщиков дома Радищева, архитектор И.С. Богомолов, в конце XIX века поставил в Лавре на Тихвинском кладбище надгробный памятник другому русскому мученику-изгою – Модесту Петровичу Мусоргскому.

Да, еще! В годы горбачевско-ельцинской перестройки мемориальную доску в честь писателя А.Н. Радищева с фасада первого этажа здания перевесили на второй, чтобы не умыкнули современные петербургские любители старины и металлолома.

P.S. Несколько лет назад я с разрешения зрителя «Литераторских мостков», милейшей Нины Яковлевны, привез на мемориал своих воспитанников из Колледжа культуры и искусства. Они убрали листву, сухие ветки, отмыли от грязи и плесениobeliski. Нина Яковлевна провела для ребят экскурсию по кладбищу и по секрету сообщила мне о сенсационной находке – могиле Радищева.

Оказалось, над прахом писателя был поставлен памятник в виде верстового столба, что-то наподобие верстовых столбов работы Ринальди, что красуются и сегодня на Московском проспекте.

А у церкви был всего один подобный безымянный памятник в виде верстового столба.

Наследники Верещагина по «Белому солнцу пустыни» – ленинградские таможенники – восстановили его, и теперь есть место, где можно положить цветы автору «Путешествия...» – бывшему начальнику питерской таможни.

Ноябрь 2008 года

СТАТЬИ 1960–1980-Х ГГ.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

(А. А. ЕГОРОВ)

«Музыкальные кадры», газета Государственной консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова, № 11 (251), 6 июня 1960 года

25 мая 1959 года я запомнил на всю жизнь. В этот день в половине третьего я позвонил А. А. Егорову по телефону домой и попросил разрешения показать свою статью для газеты о 1-й конференции хорового общества Ленинграда, открытие которой состоялось 22 мая. В телефонной трубке раздался знакомый тихий певучий голос, который в буквальном смысле приказал:

– Через пять минут быть у меня, как говорится, одна нога здесь, другая там!

И вот в три часа я уже поднимался по широкой лестнице в квартиру А. А. Егорова. В коричневой вельветовой куртке (своем обычном домашнем рабочем костюме) он встретил меня и проводил в кабинет.

– Ну-ка, покажи, что написал?

Он пробежал глазами статью, внося в текст поправки, а в конце заметил:

– Вот здесь надо указать, что конференция и идея создания хорового общества у ленинградцев нашли единодушную поддержку. А то в Москве, да и у нас в городе раздаются голоса некоторых «деятелей», что это общество – пустая затея. Обязательно укажи! Садись и сейчас же напиши! – и он продиктовал свои соображения. Затем мы выбрали для газеты лучшие фотографии, которые я сделал во время работы конференции.

Я мельком взглянул на часы. А. А. Егоров перехватил этот взгляд и спросил:

– Торопишься?

Я ответил отрицательно и сказал, что свободен еще несколько часов.

– Ну-с, тогда посиди еще немного. Я тут работаю над воспоминаниями к 100-летию Консерватории. Вот послушай!..

Воспоминания, по его замыслу, должны были охватить период со дня окончания им Капеллы и вплоть до наших дней (почти полвека).

А. А. Егоров

– Многие мои учителя по Капелле работали в Консерватории, – вспоминал Александр Александрович. Затем следовала подробная характеристика каждого: – А вот дам наказ редакторам воспоминаний: редактируйте все, а о Лядове не позволю и слова вычеркнуть! Я хочу рассеять то неверное представление о Лядове как о педагоге, которое имеется еще у некоторых музыкантов. У него я прошел полный курс музыкальных наук.

– Анатолий Константинович, – продолжал Александр Александрович, – при входе в класс даже одним своим видом сразу же создавал творческую обстановку. Тщательно проверяя принесенные нами работы по гармонии, сочинению прелюдий или контрапункту, А. К. Лядов делал разъяснения тех или иных ошибок в хоровых голосах: «Что у вас альтовый голос, словно в трех соснах заблудился?», или «Что у вас тенор прыгает, как козлик?» Часто на уроках А. К. Лядов импровизировал, давал контрамарки на концерты, где дирижировали Римский-Корсаков, Направник и Глазунов.

– Глазунов!.. А ведь он у меня принимал экзамен по композиции в Консерватории. А позднее, когда к 50-летию Консерватории я с ученическим

консерваторским хором разучивал кантату Глазунова, то автор бывал на репетициях и вносил в музыку корректуры. А весной 1923 года я с разрешения А. К. Глазунова переложил его обработку «Вниз по матушке, по Волге» с большого смешанного хора на малый состав смешанного хора. Впоследствии эта партитура была напечатана одновременно с партитурой оригинала, – не без гордости заметил Александр Александрович.

Образы знакомых по истории музыки и неизвестных мне композиторов, музыкантов раскрыл в эти часы А. А. Егоров.

– А вот это еще не закончил! – сказал он и, повернув валик пишущей машинки, вытащил и прочитал последнюю страницу о том, как создавался в Консерватории дирижерско-хоровой факультет и о его организаторе докторе музыковедческих наук профессоре А. К. Буцком.

Тут ему позвонили, он прошел в прихожую, где был установлен телефон. Я услышал его голос.

– Да, буду! Как условились... Спасибо... Помню, помню!.. – и повесил трубку.

– Знаешь, Шурик, сегодня в Доме учителя заключительный смотр студенческих хоровых коллективов, пора собираться. А статью-то оставь, я завтра рано утром сам отнесу ее в редакцию.

Попрощались. Закрылась дверь... Рассказывают, что в тот вечер на хоровом смотре в Доме учителя присутствовала индийская делегация. Глава делегации, познакомившись с А. А. Егоровым, спросил через переводчика:

– Почему, профессор, вы так молодо выглядите?

Последовал лаконичный ответ:

– А тот, кто жизнь свою связал с музыкой, песней, пением, всю жизнь остается молодым.

Судьба решила иначе. Через несколько минут после этого А. А. Егорова не стало.

Утром следующего дня я пришел на квартиру А. А. Егорова. В кабинете все было так же, как вчера, и не верилось, что его хозяина уже нет. На письменном столе лежали аккуратно сложенные стопкой воспоминания, в пишущей машинке вставлена так и оставшаяся недописанной страница, чуть поодаль лежала статья о хоровой конференции. Казалось, А. А. Егоров сейчас возвратится, войдет в кабинет, сядет за письменный стол и продолжит начатую работу. Но накануне он ушел – и навсегда...

Однако, несмотря на то, что такие замечательные люди уходят от нас, их большие и нужные мысли, дела всегда живут, помогая расти нашему молодому поколению.

«МУЗЫКА – ЭТО СЕРЬЕЗНО»

«Смена», 25 октября 1970 года

В Доме культуры имени Дзержинского перед шефами, трудящимися Смольнинского района, выступала с I творческим отчетом самодеятельность Приозерского района.

Открывала концерт стройная, худенькая девушка, прочитавшая с большим чувством незатейливые строки о лесном, озерном крае, который в официальных железнодорожных справочниках зовется «восьмой пригородной зоной» – Сосново.

Кто к нам ни приедет, твердит убежденно:
Да это не «зона», а царство озона...
Озерная свежесть, лесная прохлада
И запах пьянящий фруктового сада...

Затем выступали с шуточными частушками известные рожечники-дударяи...

Вокальный дуэт пел песню о сенокосной поре:

Два цветочка-лепесточка зацепились у виска.
Я оставлю их на память от любимого дружка...

Снова ведущая читала стихи...

Выводил трели на тему «Соловья» Алябьева на бересте народный умелец...

И при всей разнородности выступлений что-то сплачивало эти разрозненные номера в единое целое. Ни добротный сценарий, вокруг которого, как говорится, можно «раскрутить концерт», ни красочный «пейзаж» на заднике с елями и березками на фоне неба и озер не были источником этого единства. И наконец, я понял, что душой концерта был приземистый, по-русски ладно сшитый паренек в очках с баяном.

Из-под его рук, ни на секунду не смолкая, неслась музыка, которая как раз и создавала общий настрой, лирическую линию концерта. Баянист то появлялся как равный участник с дударями, то в выступлении дуэта стоял поодаль (ведь третий лишний!), то сопровождал пение и танцы из-за кулис...

Когда шефы вручали грамоты, цветы, памятные подарки, баянист скромно стоял у крайней кулисы, пропустив вперед красивых, статных дивчин из танцевального ансамбля и дударей, снискавших шумный успех у зрителей. Вот таким, всем своим видом как бы говорившим: «А я тут ни при чем. Это все – исполнители. Я всего-навсего баянист!» – и запомнился мне после этого Леонид Шевцов, молодой работник культуры, музыкант-баянист из Соснова.

Приятно было потом узнать, что он же автор многих задушевных мелодий, прозвучавших в тот вечер...

«Наш Леня», – зовут его запросто друзья, старожилы. «Леонид Никитич», – величает в официальной обстановке начальство. О музыке, о песне Леонид может часами беседовать. Говорит степенно. Речь образная, каждое слово весомо, как у потомственного хлебороба, радующегося плодам своего труда.

Но раскатать его рассказывать о себе лучше не берись! Только и услышишь от Леонида: «Что о себе говорить! Родился, учился, работаю. Вот и все!»

А жизнь у него интересная. Позднее узнал от друзей, что родился он в семье потомственных культпросветчиков. Дед и бабушка – избачи – организаторы первых читален в домах сбежавших богатеев и попов. Отец и мать тоже культпросветчики.

После войны поселились Шевцовы в Соснове. Сын с первых классов стал «являть» свои способности. Подарили ему на день рождения детскую балалайку (то ли подобие гитары) производства какого-то бездумного ширпотреба. Для нее и написал Леня свою первую музыку. В детском школьном спектакле «Удивительный подарок» он играл на балалайке, ребята пели песенку Шевцова:

Загляните в мой дневник,
Там пятерок ряд.
Что за славный ученик,
Люди говорят...

Вот только, став взрослым, Леонид Никитич ни одной ноты из той «первой своей музыки» припомнить не может.

Видя увлечение сына, родители купили ему настоящую гармонь-трехрядку. С тех пор ни один школьный праздник не обходился без его музыки. Все песни, что слышал вокруг, он по слуху переиграл.

По окончании Сосновской школы поступил Шевцов в областное культурно-просветительное училище. С большой теплотой вспоминает он учебу в Ленинграде: занятия, встречи с артистами, походы в театр и особенно педагога по классу баяна Алексея Кузьмича Никифорова и руководителя хора Агнессу Владимировну Перскую, которые привили ему первые профессиональные навыки, объяснили многие музыкальные премудрости.

В 1958 году Леонид окончил училище с отличием, получил диплом режиссера и вернулся баянистом в родное Сосново. После долгой разлуки с лесным и озерным краем Леонид еще больше почувствовал красоту родной земли, работающих на ней простых людей. Работа была хлопотная. Одно слово – баянист. Разучивал с певцами популярные песни Гришина, Пономаренко, Левашова.

Но людям хотелось своих песен об их родном крае. Тогда и родилась у Шевцова новая мелодия «Песни о Соснове» для любительского кинофильма...

Как-то школьный товарищ Геннадий Федоров прочитал ему на досуге несколько своих стихотворений. Особенно легли на сердце и сразу же на слух – строки:

Ой, березонька белая,
Что стоишь, как девчонка несмелая?
Ты стоишь и чего-то стесняешься,
Головой к земле наклоняешься...

А дальше у поэта ритм менялся, а у Леонида из-за этого самого ритма песня не получалась. Хорошо, директор школы, учитель географии Орест Михайлович Сорокин помог, выручил – два куплета написал. Так и стало у песни три автора.

Среди песен Шевцова много лирических: «Ветры-ветерочки», «Край родной, край озерной», «Огоньки горят», частушки «По селу молва идет», песни для детей.

Окружают Леонида Шевцова простые русские люди, рабочие молокозавода, учителя, работники сельпо, культработники. Они первые исполнители и первые строгие судьи его песен, а часто – авторы слов.

Изредка, оставив младшего Владика на старшего сына, забегает на занятия вокального коллектива жена Леонида, Валентина, работница молокозавода, большая любительница народной песни.

Есть у Леонида мечта – получить высшее хормейстерское образование, осилить законы музыкальной композиции. Как-то в разговоре со мной он обмолвился: «Когда я на балалайке в первых классах играл, я, может быть, еще недопонимал, что музыка – это серьезно!..»

В этих словах – весь Леонид Шевцов.

ФЛОТСКИЙ ЗАПЕВАЛА (В. Б. АЗАРОВ)

Вся жизнь его была связана с морем. Родился в Одессе. Учился в Ленинграде. Журналист многотиражки на линкоре «Марат». Война с финнами! Война с фашистами! И стихи, стихи. О друзьях моряках, о их быте, подвигах, любви.

Все горячие точки Балтики, Кронштадт. Форты. Ораниенбаумский пятачок. Таллин. Корабли, катера, плавсредства. Вот вехи его поэтической биографии.

В 1942 году вместе с Всеволодом Вишневским и Александром Кроном Всеволод Азаров пишет героическую комедию «Раскинулось море широко!» Премьера ее в Театре музыкальной комедии, в блокадном городе – один из подвигов музыкантов, артистов встал в один ряд с 7-й симфонией Шостаковича.

После войны – Всеволод Азаров на всех флотах, в дальних морских походах. Новые стихи! Новые книги. Долгие годы дружба связывала Всеволода Азарова с нашим училищем (ныне Колледжем культуры и искусства).

Мы помним его пылкие выступления на тематических вечерах-встречах в нашем зале. Несмотря на нездоровье, плохое зрение, преклонный возраст, он по первому зову спешил к нам и читал стихи о своих ушедших в вечность друзьях.

Весною, когда еще лежал снег, мы ехали с Всеволодом Борисовичем на заброшенное Казанское кладбище в Пушкин. Он открывал памятник на могиле друга, поэта-фронтовика Елены Рывиной. Поэтесса всю войну служила переводчиком и прошла с войсками от стен Ленинграда до Вены. В первые месяцы войны у нее погиб жених, композитор Виктор Томилин, друг Азарова. У памятника школьники читали стихи поэтессы. Потом взял слово Азаров:

Каким увидят небо люди
В размахе исполинских сил!

Тогда меня уже не будет
И тех, кого я так любил!

Я сделал несколько снимков. Ехали обратно на Петроградскую, где в писательском доме жил Всеволод Борисович. Устало молчали.

Вдруг Азаров спросил:

– Откуда у Вас, Александр, любовь к поэзии?

Я рассказал, как мне в эвакуацию в 1942 году в Киров из Ленинграда прислали «Сказки» Пушкина.

– Берегите эту книгу! Это реликвия! Берегите стихи! А фотографию пришлите! – сказал он, прощаясь.

У меня была сессия заочников, а когда я отпечатал фотографии, то узнал, что Всеволода Азарова, флотского запевалы, не стало!

ГОНЧАРЫ

На севере Ленинградской области, за Алеховщиной, есть деревня Стрелка. С петровских времен славится она своим гончарным промыслом, красотой, формой, изяществом керамической посуды. До наших дней из многочисленной некогда артели художников-гончаров остались в живых двое – Алексей Захарович Бойцов и Петр Михайлович Просвирин. «Наши деды» – говорят с почтением о них сельчане. Каждый раз, глядя на них за работой, ловишь себя на мысли, что видишь какое-то чудо – чудо рождения керамического... звона.

Вот они копают землю. Берут глину. Берут по два цинковых ведра. Идут к роднику. Нет бы набрать воды из ближайшего озерца или колодца, так нет себе, идут далече к хрустальному ключу. Сперва подставляют под струи лицо, руки, голову, смеются, как дети, радуясь холодной, звонкой струе. Напились. Наполнили ведра. Идут назад. И так несколько раз, туда и обратно. Размочили глину. Замесили. Сделали заготовки. Красная глина приняла песню родника, его хрустальный звон, лежит на ветру под навесом, зреет. И вот брошена на дедовский ножной круг. Круг начинает вращаться все быстрее и быстрее.

Руки Алексея Захаровича Бойцова в морщинах, ссадинах, мозолях окрашиваются красной глиной и превращаются в необыкновенно фантастические руки, наподобие рук искусного хирурга, делающего операцию на открытом сердце. Да и сам получающийся сосуд, вращаясь, трансформируясь, напоминает живое человеческое сердце.

Лицо Бойцова обычное, старческое. Ни тени напряжения. Спокойный взгляд устремлен на вас. Его глаза – это руки, творящие красное, глиняное, трепещущее сердце. Работа спорится.

Ритмические звуки гончарного круга, ударов-шлепков рук Бойцова о глину, поющая, свистящая, музыкальная глина и вдруг... Сквозь этот по-научному называемый производственный шум, как третья тема, становящаяся затем главной, вступает мурлыканье, бормотание деда. Это даже трудно определить что. То ли дед вторит ритмам работы, то ли напеваёт радостную мелодию. А работа спорится. «Так вот рождается песня!» – подумаете вы. Нет! Песня еще не родилась.

Позднее, когда сработанная посуда подсохла, облита краской, сложена в печь, начинается главное время в создании песни.

Но прежде деды идут попариться в хорошо натопленную бабой баньку, надевают после белые, домотканые рубахи и... поджигают огонь в печи. Огонь горит непрерывно несколько суток и, сменяя друг друга, чтобы огонь не погас, дежурят у печи деды. Это дело они никому не доверяют. И здесь, под звездным небом, вместе с огненными искрами, летящими ввысь, рождаются последние звуки дедовой песни – песни о жизни.

БАЯНИСТ

Работает под Лугой баянистом в одном из многочисленных санаториев Анатолий Титов. Должность неказистая – баянист-массовик. Как на любого баяниста, ложатся на его плечи все хлопоты по подготовке праздничных концертов. То скетч подбери, то песню новую разучи, а нот не найти.

Хорошо еще, отдыхающие слова принесут. Часто поют люди под баян Анатолия. В редкие свободные минуты Анатолий балуется, как он сам говорит, пишет музыку о родном крае, о Луге, о людях. Несколько фантазий на русские темы для баяна написал. Но бывает, снизойдет на него особенное вдохновение. Играет на своем друге, баяне, выводит человеческим голосом мелодию: «Черный ворон, черный ворон, что ж ты вьешься надо мной. Ты добычи не дождешься, черный ворон, я не твой!» И в зале такая тишина устанавливается, что дыханье перевести боязно. Смотришь тогда на лицо музыканта. Такое у больших артистов бывает. Глаза призакрыты, голова в сторону повернута, как бы продолжает линию мелодии песни. Такое лицо у влюбленных, молодых поэтов бывает, когда стихи свои красавицам читают. Одно скажу, редко встретишь такое одухотворенное лицо.

Льется мелодия русской песни, и забываешь, что у баяниста-то рук нет!

Лишился их Анатолий в лихую годину, мальчонкой подобрал красивую фашистскую штуковину. Она и взорвалась. Хирурги сделали культю.

Но, видно, сила песни такова, что выше невозможного. И звучит сегодня баян Анатолия уже не песней, а гимном человеческому духу.

У РЕЧКИ КУСЯГА

Недалеко от седого Волхова, на высоком берегу, в излучине бурной реки Сясь, лежит деревня Воскресенское. Река здесь настолько своенравная и быстрая, что не утерпеть ей обогнуть мыс вокруг села, взяла и пробила себе новый рукав, который воскресенцы нарекли забавным именем Кусяга, от слова кусаться.

Первое, что бросается в глаза при подходе к деревне – это изумительная по своей красоте и пропорциям церковь Воскресения.

Всегда поражаешься великому искусству народа не только отбирать, находить для своих строений, созданий совершенные формы, пропорции, ставить их на самом красивом, видном месте, но и вплетать в неповторимый орнамент с окружающей природой, сочетая с песнями и легендами.

В одних каменных песнях народ выразил стремление свое к чему-то неизведанному, к звездам, другие, как былинные витязи в сияющих на солнце шлемах, по грудь вросли в родную землю, лишь бы враг не прошел, так и стоят. Недаром расстреливали их, как живых в своей звериной злобе враги.

Так и с песнями, с их началом.

На протяжении веков народ отбирает в кладовую своей памяти лишь те песни, которые не только ласкают слух, но и прежде всего, легли на сердце.

Как в старину на посидухах, так и сегодня собираются в Воскресенском по вечерам, после работы, женщины, садятся кружком за свои, доставшиеся от прабабок по наследству прялки, прядут шерсть, и льется старинная песня:

У беседушки не весело, кого-то нехвата
Нету Шурочки со прялочкой, с утра не веселя.
Поиняла золоченочка, не буду золотить,
У моей-то золоченки стало некому сидеть,
У моей-то прялицы, да все содятся пьяницы,
А твереза мне сказала, видно, прялица худя.

Кто бы горяшку помог, мою куделину сожег,
Кто бы горю подсобил, да бабу рядом посадил,
Не пора верет нам торговать, не пора ль идти домой,
Не пора ли вам, хозяева, ложиться на покой...

Слушаю певиц и люблюсь. Сколько молодой свежести в их голосах. Рядом со мною сидит художественный руководитель самодеятельности из Новой Ладоги Мария Сергеевна Рубцова. Все, и в том числе народный хор, – ее кровная забота.

Протяжная песня стихает. Прядут. Изредка соскальзывает у одной из женщин веретено на пол. Женщины прядут, чего-то ждут.

Спрашиваю:

– Почему смолкли?

Отвечают:

– Объекту нет! – и поясняют, увидав мою реакцию на современное словцо: – Жениха да невесты!

Беру за руку Марию Сергеевну, и, сажая рядом с собой, говорю:

– Чем не парочка? Жених да сударушка!

Женщины повеселели, переглянулись, и понеслась плясовая, свадебная песня:

Утром рано на зори, да утром рано на зори,
Стояли коне на двори, да стояли кони на двори.
Да никто про этих коней не знал,
Да никто про этих коней не знал.
Да только знала Мария-душа, да только знала Сергеевна,
Да сыпала сахару на место овса,
Да сыпала сахару на место овса,
Да белого меду на место воды,
Белого меду на место воды,
Да пейте покушайте кони мои,
Пейте да кушайте кони мои,
Да завтра поутру свезите меня,
Завтра поутру свезите меня,
Свезите меня к милу дружку,
Свезите меня к милу дружку,
К милу дружку к Александрычу,
К милу дружку к Алексеичу...

Все смеются. Нечасто можно попасть в старинную свадебную песню. Просим с Марией Сергеевной пропеть что-нибудь свое, недавнее.

Женщины совещаются и предлагают:

– Про наш злосчастный Воскресенский мост, что все весной река сносит, а по-настоящему мужики наши построить не могут!

Отложены прятки, появилась балалайка, и понеслась задорная частушка.

Пошли новые права:
Старых девок, старых девок на дрова,
Двадцати пяти рубить,
А шестидесяти любить!

Воскресенская река
Омывает, омывает берега.
Понапрасну тебе, дроздочка,
Расхаяли, расхаяли меня.

На Воскресенском на мосту,
На правенькой, на правенькой периленьке
Писала девушка письмо
Своему черносливеньке.

Как же нам не веселиться –
Мы на пенсии, на пенсии живем,
На концертах выступаем,
Песни древние, ох, древние поем.

– Ну, разные частушки можно до утра петь, – говорят сквозь смех женщины.

Пришли на ум слова Глинки: «Создает музыку народ, а мы, композиторы, ее только аранжируем!», то есть обрабатываем. Не вникаем глубоко на практике в эти святые для каждого музыканта слова. А сколько бы могли сделать сверх того, что сделано, если бы каждый раз следовали этому мудрому совету. Сколько тем, ритмов, красок, рисунков подсказала бы народная память...

А вот другой родник народной песни.

НА РОДИНЕ РЕРИХА

В Волосовском районе деревни с мудреными и в то же время простыми названиями, если вспомнить Русь былинную: Вруда, Заполье, Захонье, Молосковицы, Реполка, Извара...

Именно эти места вдохновили великого русского музыканта-сказочника Николая Андреевича Римского-Корсакова на создание страниц былинного «Садко».

Здесь, в Изваре, провел детство и юность великий русский художник и путешественник Николай Константинович Рерих. Липа вековая до сих пор сохранилась у крыльца дома художника.

Не эти ли песни приходили Рериху на память во время долгих скитаний по белому свету.

За речкою за быстрою четыре двора, четыре двора.
Во этих ли во двориках четыре кумы, четыре кумы.
Вы, кумушки-голубушки, подружки мои
Кумуется-любуется, любите меня, любите меня,
Пойдете вы в зеленый сад, возьмите меня, возьмите меня.
Вы будете цветочки рвать, сорвите и мне, сорвите и мне.
Вы будете веночки плести, сплетите и мне, сплетите и мне.
Вы будете венки бросать, так бросьте и мой, так бросьте и мой.
Как все венки поверх воды, а мой утонул, а мой утонул.
Как все дружки домой пришли, а мой не пришел, а мой не пришел...

Пели женщины, а у меня все стоял в глазах заросший пруд за усадьбой в Изваре с зеленой тиной и какими-то фантастическими лягушками. Я глядел на них, а они молчали, словно люди, выкатив свои зеленые глаза.

Песню запевала старейшая участница Молосковицкого хора Александра Кирилловна Казакова.

Золотую нить народной песни здесь передают по наследству. Евдокия Александровна Кириллова поет с тех пор, как себя помнит.

Сейчас в хоре рядом с ней поют три дочери, причем младшая Галина вот уже четверть века руководит хором.

– Ну! Мария Фадеевна, запойте! – обращается Галина Павловна Ламова к одной из певиц. Приземистая женщина, каких на Руси принято называть бедовыми, которые и в песне, и в труде первые, петь и любить, как рубить – так с плеча, запекает, заводит, зажигает хор.

Отдавали молоду на семнадцатом году.
Ой, калина, ой, малина, на семнадцатом году.
Отдавали молоду за седую бороду...
А седая борода не пускает никуда...
Как пойду я за водой, возьму старого с собой,
Возьму старого с собой, суну в пролуб головой,
Суну в пролуб головой, а сама пойду домой...
А сама пойду домой, меня ждет там молодой,
Меня ждет там молодой, расхорошенький такой,
Ой, калина, ой, малина, расхорошенький такой.

И как тут не вспомнить, что земляк певец художник Рерих был в первые революционные годы в комиссии по учету, охране и передаче трудовому народу ценностей, картин, скульптур, имений, дворцов. Вместе с Горьким сохранил он для нас многие шедевры русского искусства.

Скоро 100-летие со дня рождения Рериха, а в Изваре о нем напоминают только что эта доска, «маслом писана», липа у крыльца, чудом сохранившийся дом, да эти чудесные песни...

ДОБРЫМ ЛЮДЯМ НА УСЛЫШАНИЕ...

«Смена», № 89, 16 апреля 1970 года

Пассажиры автобуса Ленинград – Сланцы долго спорили, где мне выходить, чтобы быстрее попасть в деревню Монастырек, и наконец решили: «За Чирковицами. Сразу! Там по дороге несколько километров. Иди все прямо, не сворачивай...»

«Икарус», оставив шлейф горелого дыма, исчез, увозя веселых попутчиков. Ни ветерка. Ели вдоль дороги стоят залитые лунным светом...

Вдруг лес неожиданно кончился, и пошел кустарник. Колея от грузовика, по которой я шел, свернула вправо. Памятуя наказ попутчиков из автобуса, пошел прямо через поле. Незаметно прошел пять километров. И, наконец, звездочкой зажглось окно крайнего дома деревни...

Я вспомнил первый свой приезд сюда осенью, когда коллектив народного хора деревни Монастырек готовился к концерту перед трудящимися Кировского района Ленинграда.

В клубе был киносеанс, и спевку хора перенесли в класс начальной школы. Растащили парты для первоклассников по сторонам, степенно втиснулись за них и... запели. На всех, кто слушает этот хор впервые, песни деревни Монастырек производят незабываемое впечатление...

Вот зазвучала старинная, посвященная декабристам: «Как люди живут...», и в ее грустных звуках рождаются образы, родственные пушкинскому «Узнику». И вдруг контрастом взрывается плясовая: «Как на горе, на горе-высоте разгорелась цепочка в золоте!..» Песня достигает своего высшего накала, и вот крайние солисты не выдерживают и пускаются в пляс. Как традиционное русское «А я тебя перепляшу!», идет соревнование между ними. Да и сидящие за партами не могут спокойно продолжать песню, которая вырвалась на простор. Здесь царит веселье...

Несколько минут тишины, и вот снова песня о тяжелой крестьянской судьбе: «Во деревне было слышно про рекрутский про набор...» Среди запевал Екатерина Хрусталева, хлебнувшая горя за свой долгий век. Ее муж – первый тракторист на этой земле. Первый! Вспомнилась песня «Прокати пас, Петруша, на тракторе...» про огненного тракториста Петра Дьякова. А ведь такая судьба была уготована всем первым, прокладывающим первую борозду первым трактором под кинжальными взглядами врагов. Много помнит память этих людей. И шуточная, ставшая хрестоматийной, песня на слова Демьяна Бедного «Как родная меня мать провожала» для них – прожитый кусок жизни, песня, которую они пели сквозь слезы, провожая мужей на Гражданскую и сыновей – на Отечественную.

Поэтому не могут оставить спокойными песни, звучащие из сердец...

А молодежь в Монастырьке начинает понимать силу и красоту этой песни, начинает перенимать секреты народных певиц. Отрадно видеть рядом с убеленными сединами Александрой Пименовой, Ксенией Козловой, Анной Пушкиной, Евдокией Нормановой, Екатериной Николаевой, Екатериной Хрусталевой, Ольгой Никифоровой, Александрой Красновой, Анной Федоровой, Анастасией Курочкиной Люду Петрову и ее подруг.

...Все это вспомнил я, шагая по длиннющей улице к клубу на торжественный вечер, посвященный 10-летию народного деревенского хора. За столами у электросамоваров сидели виновницы торжества. Празднование было в разгаре. На сцене шуточными частушками юбиляров приветствовал народный хор из Сланцев. Затем песню передали хору села Монастырек, и вновь зазвенели песни. На сцену поднялась женщина.

– Бабоньки, – обратилась она к певицам, как обращаются между собою в русских деревнях самые близкие люди, – споемте нашу любимую!

Подняла руки. Взмахнула. И в зал полетела новая мелодия – упругая, плотная, заливая все вокруг своим неумным нором: «Стелется да вьется...»

Эта женщина и была основательницей хора. В перерыве между песнями познакомились.

– Помогите моей задумке, – просит Зинаида Михайловна. – Пусть свет увидит и услышит песни Монастырька. Помогите их издать!

И она права так же, как правы все участники хора в своем стремлении сохранить эти песни, передать их молодежи. Слово за фольклористами, за издателями, за организациями, занимающимися русским народным творчеством.

Пора разрушить убеждение, что за самобытными песнями надо ехать за тридевять земель. Деятельность хора деревни Монастырек и подобных коллективов в других районах Ленинградской области доказывает, что жемчужины народного искусства находятся рядом с нами. Необходимо издать пластинки с записями хора, ноты песен, брошюру о хоре и певицах, чтобы песня русская осталась «добрым людям на услышанье!»

ЗАПИСКИ ИЗ «САЙГОНА»

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Повторю за классиком: «Нет! Вы не знаете Невского проспекта!» В веках, десятилетиях он неповторим. Все на нем в движении. Если автомобильные пробки, то это «пробищи» на час. Если торговля, то это «Гостиный двор» и «Пассаж», где хрусталь, соболя, горностаи, бриллианты спячат глаза.

Даже в ленинградскую блокаду, в первую бомбежку, когда «Гостиный» весь выгорел, в «Пассаже» продолжалась бойкая торговля. Выбросили в продажу мужские хлопчатобумажные носки. Всюду от голода люди мрут как мухи, а тут – очередь за носками из х/б. В саду Аничкова дворца клумбы над головами клодтовских коней с моста. Зарыть глубже у горожан не было сил. Вот и насыпали сверху землицы и замаскировали цветочками. А в «Пассаже» – очередь за носками. И, что удивительно, покупали впрок, по несколько пар.

– Больше трех в одни руки не давать! – кричали из хвоста аккуратной цепочки. – А то всем не хватит!

Закончилась первая блокадная зима 1941–42 года. Сотни тысяч замерзших, умерших от голода, а тысячи живых призраков вышли на уборку города и Невского от грязи и снега. И вот, звеня, идет по Невскому первый блокадный трамвай, и его горожане приветствуют, как позже встречали только Юрия Гагарина и Фиделя Кастро.

9 августа 1942 года – день, намеченный для взятия города войсками Вермахта. Даже приглашительные билеты на парад на Дворцовой площади и банкет в «Астории» напечатал пунктуальный фюрер. А именно в этот день меломаны осажденного Ленинграда спешат в Белоколонный зал Филармонии на премьеру «Ленинградской симфонии» Дмитрия Шостаковича. И она гремит по радио по всему миру и из репродукторов над фашистскими окопами блокадного кольца.

Нет! Усатому ефрейтору так и не удалось узреть и узнать Невский проспект и этих странных, сумасшедших, голодных ленинградцев. Да и бронзовая длань Медного всадника указывает потомкам «за сие место на Нево-реке чужеземные фрегаты не пущать!» И английский авианосец, и яхта «Британия» правящей королевы Елизаветы II швартовались у Английской набережной до моста Лейтенанта Шмидта, то есть до всадника Фальконе.

Нет, вы не знаете Невского, Питера. Сыграем в детскую игру-угадайку: сколько клодтовских коней вознеслось над нашим городом? Четыре на Аничковом мосту? Неверно, не угадали! А конь под Николаем на Исаакиевской площади?

– Дурак умного догоняет, да собор мешает! – говаривали наши предки в старину. А еще шесть коней Клодта, что летят на Нарвских воротах в сторону Кировского завода? Итого одиннадцать! А сколько животных и птиц вылепил тот же скульптор на памятнике в Летнем саду? Знает, видимо, только дедушка Крылов, что восседает над ними.

А где в Питере рестораны «Стервы», «Матросская тишина», «Шурымуры», кафе «Норд», «Ольстер», «Сайгон», «Гастрит», где подают кофе с пирожком под скромным названием «Пуля в живот», где питерский «Китеж», скандально известное банно-помывочное заведение с названием «Император»? Если продолжать, то вопросов возникнет столько, что многотомная энциклопедия Брокгауза и Эфрона покажется скромным сборником сказок братьев Гримм с иллюстрациями питерских художников братьев Трауготов.

Нет, вы не знаете Невского проспекта! Как его имя в девичестве, в начале XX века? Проспект 25 Октября.

Шел я по проспекту Октября,
Вся шпана смотрела на меня...

И это все о красавце Невском, которому только после войны, в 1945 году, вернули прежнее имя.

Одноклассники спрашивали меня:

– Где работает твоя бабушка? – и я отвечал:

– В скорой помощи на улице Пролеткульта (улица Пролетарской культуры. – А. М.).

А ныне она снова Малая Садовая, красавица с бронзовым фотографом Карлом Буллой, бульдогом и кошачьей семейной парой, что охраняют гастроном № 1, ныне снова «Елисейевский».

Или юмор возвращения городу имени Петра. На вопрос:

– Где живешь?

Мой друг отвечал:

– В Петербурге, на проспекте Сулова!

Или такой парадокс. Долго старинная улица города по четной стороне была Гороховой, а по нечетной – улицей Дзержинского, в начале которой была грозная «ЧеКа» с Феликсом Эдмундовичем.

В 90-е годы с лица города неожиданно, видимо, по слабости ума начальников слетели имена Гоголя и Герцена. Ну, первый – ясно, произнес крамольную фразу о незнании Невского, а второй все кого-то будил, будил, будил и... добудился! Хотели было выбросить имена Достоевского (бывшая Ямская улица) и Чайковского (бывшая Сергиевская), да вовремя одумались.

Слава Богу, недавно сняли гениальный «пер. Ильича». И теперь знаменитые Казачьи бани снова на Казачьем переулке, близ Загородного проспекта и набережной Фонтанки.

А что сегодня делать с улицей Марата? Не переименовывать же соседнюю улицу Пушкинскую (благо юбилей прошел) в честь убийцы кровавого диктатора?

Будь моя воля, создал бы в Петербурге единственный в мире музей вывесок, канувших в Лету. Вот бы было здорово в назидание потомкам!

Нет, вы не знаете Невского проспекта, Питера, господ!

P.S. Это вступление было необходимо, чтобы создать настроение у читателя и подвести его к главной теме повествования, к скромному кафе на углу Невского и Владимирского проспектов, которое в 50–70-х годах прошлого века имело негласное имя «Сайгон». Под этим именем, не имеющим никакого отношения к подлинному Сайгону, оно вошло в ленинградскую, российскую, мировую культуру.

Вышли мы все из «Сайгона»!

Дети семьи трудовой...

За эти строчки во второй половине прошлого века можно было запросто угодить на лесоповал за Осей (Бродским) или в психушку за Мишей (Шемякиным) или исчезнуть, как пыль, в каком-нибудь культурно-просветительском училище великой Кулунды.

Но мы, идучи по Невскому 1 мая или 7 ноября от Московского вокзала (место сбора) до Дворцовой, распевали под красными знаменами (соответственно шутя):

Смело мы в бой пойдем

За власть Советов,

И, как один, умрем...

А мне налево!

И сворачивали на углу Литейного на Владимирский проспект, к «Сайгону».

Заверни и ты, мой читатель! Но прощай, прости! Увы, угловая дверь из мореного дуба ныне закрыта на французский врезной замок, отливающий золотом, а золотой ключик хранится у хозяина отеля «Рэдиссон».

Ну присядем хотя бы на широкий подоконник первого этажа, где сидели многие знаменитости, пока охранник отеля в коричнево-красном одеянии, так похожий на коверного вышибалу из цирка на Фонтанке, не сгонит нас прочь...

ГИМН УГЛУ

Удивительна, неповторима любовь русского человека к углам. Всю жизнь мы ищем тот неповторимый угол, который может быть то каморкой Раскольникова, то анфиладой комнат, о которой поется в известном жестоком русском романсе «Мой уголок я убрала цветами».

Хотя действительность, обстоятельства загоняют нас частенько именно в тот пятый угол. А ведь только в Петербурге есть улица, на которой на протяжении одной версты есть три перекрестка, на которых пять углов. Это Разъезжая улица у Загородного и Лиговского проспектов и улицы Марата. Улица любимая и воспетая в сочинениях Достоевского. Писатель в разные периоды жизни любил селиться в угловых комнатах и квартирах. Из одного окна он видел respectable столичный город, из другого – петербургские трущобы и бедноту. Вид на пересечение улиц напоминал ему крест, на котором распяли Христа.

И Некрасов свой «Парадный подъезд» увидал из дома на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы. А Лесков, Помяловский, Блок – тоже любители объемного углового здания.

В 30-х годах прошлого века С. В. Михалков заметил по этому поводу:

– А из нашего окна площадь Красная видна...

– А из нашего окошка – лишь Лубяночка немножко... – дополнил один из обитателей солнечных сталинских лагерей.

Петербург – многочастная симфония, поэма городских углов.

Взгляните на угол Генерального штаба, что смотрит на Мойку и Певческий мост. Это лайнер, что режет ростром бурные волны времени. Еще мгновение – и он раздавит нас в своем стремительном беге. А другой угол творения Росси, что вырубивает на Невский проспект, напоминает корму петровского «Штандарта». И как фок-мачта – арка с квадригой коней, готовых спрыгнуть на площадь, к Александрийскому столпу.

А Мойка у Полицейского моста, где Строгановский шедевр Растрелли перекликается с кафе «Вольф и Беранже». Угол здания Голландской церкви уравновешивает дворец полицмейстера.

Анфилада колонн Казанского собора и напротив башня-сфера компании «Зингер» – ныне Дом книги. И как ни пыжится этот шедевр модерна, он все же проигрывает домам Энгельгардта и Воронихина, как кустодиевская купчиха смолянкам Боровицкого и Левицкого.

Разворот Публичной библиотеки на Садовой с огромными глазницами окон и гигантскими часами внутри, под которыми когда-то творил великий критик В. В. Стасов. Знаменитая фотография расстрела демонстрации в июне 1917 года. Именно здание Публички на заднем плане придает неповторимую динамику этому историческому снимку.

Невский и Фонтанка. Аничков мост. И мощный парафраз Андрея Штакеншнейдера на Строгановский дворец – Дворец Белосельских-Белозерских.

А площадь перед Московским (бывшим Николаевским) вокзалом. Какой красотой она открывалась гостю Петербурга! Шедевр Паоло Трубецкого, памятник Александру III, и красавица Знаменская церковь на углу. Ныне, увы, на их месте Армейский штык и за ним шайба – павильон метро «Площадь Восстания».

К угловым шедеврам Невского проспекта можно отнести и два дома Ушакова, перестроенных архитектором графом С. Ю. Сюзором в конце XIX века на углу Малой Садовой улицы и на углу Владимирского проспекта. Ныне отель «Рэдиссон Ройаль».

Да и родовое гнездо Ушаковых, дом по Большой Конюшенной, 1, работы архитектора Н. Гребенки, что, выгибаясь упруго на Мойку, контрастирует зданию Конюшенного ведомства работы архитектора В. П. Стасова.

Но об этом угловом здании и о судьбах его обитателей – отдельный рассказ «Ода старому дому».

РОЖДЕНИЕ СКОМОРОХА (В ДОМЕ БАРБАЗАНА)

Вернемся к угловому зданию, где ныне отель «Рэдиссон». Кто только ни бывал в этих старинных стенах! Путешественники, поэты, литераторы, художники, купцы, революционеры, разночинцы, бомбисты-фанатики – все побывали тут. Расскажу об одном любопытном постояльце этого дома в XIX веке.

13 мая 1828 года из Москвы в Петербург приехал помощник секретаря Главного управления путей сообщения России, титулярный советник 10 класса, 24-летний помещик Михаил Иванович Глинка. Он поселился у товарища по Благородному пансиону при Университете Чиркова, в доме Барбазана, что на углу Невского и Владимирского проспектов. В пансионе, который закончили Глинка и Чирков, среди друзей был Лев Сергеевич Пушкин, подающий большие надежды как литератор младший брат Александра Пушкина.

А среди учителей-воспитателей были Александр Куницын и Вильгельм Кюхельбекер. Навещая друзей и брата, Пушкин невольно обратил внимание и на Глинку.

Еще в 1825 году начинающий композитор дебютировал в доме Дельвига, что у Владимирской площади, на Загородном проспекте, со своей песней на слова Е. Баратынского «Разуверение», более известной под новым названием «Не искушай меня без нужды». Именно тогда он и вошел в пушкинский круг Дельвига, Вяземского, Жуковского, Яковлева, Керн и других.

В настоящий приезд Михаил Иванович блистает как композитор-дилетант в салонах Кочубея, князей Хованских, Голицыных, Строгановых, знакомится с Мицкевичем, Шимановской, Олениным, старшей сестрой братьев Пушкиных Ольгой Сергеевной, вышедшей замуж за мелкого чиновника, музыканта и любителя литературы Николая Ивановича Павлицева.

В мае целый день Глинка проводит в обществе дипломата, литератора и музыканта А. С. Грибоедова. Он не только очаровал композитора своими вальсами, но и подарил ему грузинскую народную мелодию, из которой Глинка и Пушкин сотворили чудо – романс «Не пой, волшебница, при мне». Правда, слово «волшебница» позднее поэт исправил на «красавица». Этот романс исполнил тогда замечательный тенор из Придворной певческой капеллы, новый друг композитора Н. К. Иванов.

Часто Глинка бывал в доме на углу Грязной и Кузнечной улиц, где снимала квартиру молодая чета Павличевых, ожидающая своего первенца. Здесь доживала последние дни любимая няня Пушкина Арина Родионовна Яковлева. Н. И. Павличев, довольно деловой и проницательный человек, предложил Глинке издать совместно с ним сборник для домашнего любительского музицирования, в который вошли песни и фортепьянные пьески композиторов-дилетантов.

И в конце 1828 года вышел «Лирический альбом на 1829 год», изданный, как значилось на титульном листе, М. И. Глинкой и Н. И. Павличевым. Помимо вышеназванных авторов, в него были включены сочинения М. Вильегорского, Н. Норова, С. Голицына, М. Шимановской. Литографировал издание петербургский мастер Бегтров в собственной типографии на Невском, 52 (угол Садовой). На альбом вышла восторженная рецензия в «Северной пчеле».

В компании с А. А. Дельвигом, С. М. Дельвиг, О. М. Сомовым и А. П. Керн композитор путешествует по Финляндии, к водопаду в Иматре. По пути он записал народную финскую мелодию, что использует позднее в балладе Финна в опере «Руслан и Людмила».

В Петербурге, в доме Барбазана, Михаил Иванович застаёт известие о трагической гибели в Тегеране русского посла А. С. Грибоедова. В Россию прибывает персидский принц Хозрева Мирза, чтобы вымолить у Николая I прощение за ужасное злодеяние.

У секретаря принца композитор записывает восточную народную мелодию, которая приводит в исступление при пении персов. Она послужит темой знаменитого «Персидского хора» в «Руслане...»: «Ложится в поле мрак ночной...»

Фразу Пушкина: «Но вреден север для меня» Глинка понимал не в «политическом», а в «физическом» смысле. Он часто болел, простужался. Друзья советовали ехать в южные страны.

За два месяца композитор выучил итальянский язык. А. П. Керн вспоминает: «Пока мы в два месяца, занимаясь ежедневно у Лангера и едва выучились читать и говорить несколько слов, Михаил Иванович уже говорил бегло, быстро, с удивительно милым итальянским произношением, без иностранного [русского. – А. М.] акцента»¹.

В конце 1829 года «кадриль болезней» заставила Глинку покинуть гостеприимный дом Барбазана, где было столько встреч, событий, написанных сочинений; оставить новых друзей и место петербургского чиновника

¹ Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. М.: Сов. Россия, 1987.

в Министерстве путей сообщений. Узнав об этом, бабушка композитора воскликнул:

– Недаром соловей запел при его рождении у окна – вот и вышел скomorох!

Впереди была слава первого Орфея России.

ПАМЯТЬ МЕСТА (В ДОМЕ ЖУКОВА)

Удивительна любовь русских людей под названием «Память места». Вернуться в город, дом, конуру, где был счастлив, где прошли твои годы молодости, где общался с друзьями, которых нет, а «те далече». Это фатальная тяга, которую на Западе окрестили одним емким словом «ностальгия», привела Глинку 1 декабря 1851 года все в тот же дом на углу Невского и Владимирского проспектов. Новый хозяин, купец-домовладелец Жуков, перестроил его. Появились меблированные квартиры.

Да и Глинка уже был не начинающий композитор-дилетант, а признанный в Европе и России автор двух опер, романсов, пьес, симфонических увертюр, исколесивший Европу вдоль и поперек.

В этом доме Михаил Иванович поселился с любимой сестрой Людмилой Ивановной, которая после смерти матери окружила брата любовью и заботой.

Оба к этому времени пережили личные трагедии. Композитор разошелся с М.И. Ивановой, легкомысленной и падкой на офицеров женщиной, а у Людмилы Ивановны был разлад со сварливым мужем, поручиком Шестаковым.

В новую квартиру Глинка перевез два рояля из прокатной конторы Мельцля, а друг композитора, дальний его родственник, Василий Павлович Энгельгардт, добавил свой, третий инструмент.

Молодое поколение, окружавшее Глинку и сестру Людмилу, устраивало здесь домашние концерты. Талантливые музыканты Д.В. Стасов, К.П. Вильбоа, М.Л. Сантис, В.П. Энгельгардт, А.Н. Серов, А.С. Даргомыжский исполняли «истязание мученика Бетховена» в восемь – двенадцать рук. Один такой концерт изобразил на своем рисунке-карикатуре Н. Степанов. Этот «оркестр» исполнил в доме Жукова как-то впервые все три глинковских симфонических шедевра: «Арагонскую хоту», «Ночь в Мадриде» и «Камаринскую» – в переложении на три фортепьяно.

В Петербурге готовились пышно отметить пятидесятилетие Филармонического общества, что создал старик Д. С. Бортнянский, которого Глинка в шутку называл «Сахар Сахарович Патокин». Друг Глинки, дирижер этого общества, Карл Богданович Шуберт хотел включить в программу юбилея сочинения композитора, но царские чиновники, эти «кухарки от музыки», поставили в него «более значимые» творения господ М. Ю. Вильгорского, А. Ф. Львова и других.

Тогда Людмила Ивановна Шестакова развила «бурную» деятельность. И вот второго апреля 1852 года в Дворянском собрании (ныне Белоколонный Большой зал Филармонии имени Шостаковича) состоялся концерт оркестра общества под руководством К. Б. Шуберта, в котором звучали только сочинения Глинки. Он услышал впервые в оркестровом звучании «Ночь в Мадриде» (посвященную оркестру Филармонического общества), «Камаринскую», арии из опер и романсы. Энтузиазм слушателей был таков, что «Камаринская» была повторена на бис, а композитору, который многократно выходил на овации, был вручен диплом Почетного члена Филармонического общества.

Весной Глинка записал и издал «Первоначальную польку», что часто играл с сестрой в четыре руки на фортепьяно. На первом экземпляре была дарственная шуточная надпись: «Кончена 14 марта 52 года, СПб, на Невском, в доме Жукова, на квартире поручицы Люд. Ив. Шестаковой, в каморке, отведенной в вышеозначенной квартире для М. И. Глинки».

Часто друзья видели композитора, спешащего по Невскому в Эрмитаж, где он часами разглядывал полотна великих художников. 8 мая 1852 года Людмила Ивановна уговорила брата послушать оперу «Жизнь за царя». С 1836 года он не слышал свою «старуху», как он называл свой шедевр.

Оперу давали в Александринском театре, где ютилась вытесненная итальянскими артистами из Большого Петербургского театра русская оперная труппа. Исполнение ему не понравилось. И когда в ложу перед финалом вошел В. Ф. Одоевский и шепнул Шестаковой, что Глинку хотят вызвать на поклон, композитор вышел из ложи и убежал домой.

В конце года Людмила Ивановна затащила брата в фотосалон С. Левицкого. Он долго усаживал композитора и Шестакову, устанавливал подпорки к голове, фигуре, просил сидеть несколько минут не шевелясь, поджигал на подносе магний. Получились изумительные исторические снимки.

23 мая 1853 года Глинка и его личный секретарь Дон Педро Фернандес Неласко Сердино, которого Михаил Иванович величал в шутку

«мой Педруша», уезжали из Петербурга, переправляясь через Варшаву в Париж. Глинка уезжал с радостью в душе. Людмила Ивановна ждала ребенка от тайного брака с его другом юристом и музыкантом Дмитрием Васильевичем Стасовым. Есть родная душа, которой можно завещать наследство...

А «Память места» осталась. Наискосок от дома Жукова, на другой стороне Невского, в доме Бернадки, возникло единение молодых людей, кружок М. А. Балакирева, офицеров Н. А. Римского-Корсакова, М. П. Мусоргского, Ц. А. Кюи, А. П. Бородина, которых критик В. В. Стасов назовет «Могучей кучкой»...

P.S. Еще в конце 1829 года друг Глинки князь Сергей Голицын написал в доме Барбазана-Жукова-Ушакова следующие шуточные строки:

Мы в сей обители святой
В молитвах дни проводим,
Не зная суеты мирской,
Здесь счастье находим.

А композитор успел тут же «состряпать» музыкальный канон, который окружающие распевали, запивая искрящимся пуншем.

В 2004 году мир будет отмечать 200 лет со дня рождения русского гения музыки. Может, «сподобятся» потомки установить на доме мемориальную доску в его честь?

НА ПОДСТУПАХ К «САЙГОНУ»

Матушка-столица славилась своими ресторанами с легендарными поварами и кухнями. Чего стоили эти пышные названия: «Москва», «Пекин», «Прага»... По ним можно было изучать всю экономическую, географическую, гастрономическую жизнь нашей страны. В ресторанах бесконечные мраморы, вазоны из малахита и девушки с веслами, подносами, в платочках эпохи развитого социализма.

Питер был попроще. Сказывалось влияние блокадной голодухи. Но после войны и блокады тех, кто лежали на Пискаревских, Серафимовских, Охтинских, Смоленских полях, сменили крепкие ребята и девочки с Вологодчины, псковских, новгородских и архангельских деревень. Им и уцелевшим, выжившим ленинградцам было не до разносолов.

Было б что-нибудь поесть,
Вилка с ложкою уж есть!

– гласил желудочный лозунг послеблокадного Ленинграда. Правда, в столичном режиме работали рестораны двух наших фешенебельных гостиниц «Европейская» и «Астория», где с едой и кухней чуть ли не «из Парижу» было все в порядке.

В них останавливались и столовались в основном «шишки» из столицы и гости из-за рубежа, да иногда местные писатели, артисты, музыканты могли шикануть юбилейным обедом в оных залах. После таких юбилеев-возлияний истощались ресурсы, худели сберкнижки, а некоторые отправлялись на вечное лежание в Александро-Невскую лавру или менее престижные «Литераторские мостки» Волковского кладбища. Основная масса горожан довольствовалась дешевыми, непрезентабельными ресторанчиками и рабочими профсоюзными столовыми, где пахло издали переваренной картошкой, измятой в бело-молочном соусе, и жареным луком, что отлежал свой срок в сырых после наводнений ленинградских подвалах-хранилищах.

И что удивительно! Чем задрипаннее был объект общепита, тем звончее было его имя.

Так, буфетик на последнем этаже гостиницы «Европейская», куда пускали простых смертных, прозвали «Крыша». Прошу не путать с «крышей», собирающей «нечестные» налоги с «честных» предпринимателей.

Там можно было второпях уничтожить хрящево-ветчинную яичницу, пару бутербродов, запить портвейном, пивом и даже послушать эстрадный квинтет, в котором играли высококлассные джазмены. Это место посещалось в основном музыкантами оркестра Филармонии (особенно «духами», то есть духовиками, играющими в оркестре).

Они быстро «отоваривались», залив несколько «грамулек за воротник», и бежали по своим халтурам. Кто в Консу (Консерваторию), а кто – к «деткам» (в детские музыкальные школы), чтобы к вечеру предстать в трезвой творческой форме перед грозным Мравой (Евгением Александровичем Мравинским – дирижером и музыкальным гением – диктатором Филармонии) и усладить ленинградцев Бетховеном, Чайковским, Моцартом и Шостаковичем. «Мрава» «пьяных не терпел, сам в рот не брал хмельного», но позволял себе после концерта расслабиться маленькой рюмочкой французского марочного коньяка.

Малый театр оперы и балета, «Малегот» – «лаборатория советской оперы», имела в своих недрах закрытую для широкой публики «теа-столовку». В Русском музее, в подвале, был собственный ведомственный буфет «для музейных мыр». Артисты и оркестранты театра Музыкальной комедии бегали на «угол», в живодерню у Ракова и Садовой.

В доме у Невского проспекта и улицы Герцена, где было когда-то кафе «Вольф и Беранже», в котором Пушкин в последний раз выпил бокал лимонада перед дуэлью, была коньячная забегаловка «Арагат». Здесь наливали «Пунш Иоанна Кронштадтского» – 100 граммов настоящего армянского коньяка и 200 граммов «Советского» шампанского, и к сему долька лимона, посыпанная сахаром, и конфета «Белочка». Здесь в основном обитали певцы Капеллы с Мойки, 20 («С коньяка – бас крепчает», – любили они повторять фразу Феденьки Шаляпина), и артисты Театра миниатюр под руководством Аркадия Райкина. Да и сам корифей смеха появлялся на «Арагате» в окружении друзей по цеху из московского «Сада Эрмитаж». Угощал их, как говорят, «на халяву» и разводил, чтобы не бузили, по разным сторонам Невского.

«Лягушатник» – мороженица на Невском, напротив Казанского собора, была пристанищем слабого пола. Они часами сидели над цветными шариками мороженого, политого подслащенной водой, и перебивали косточки своим поклонникам, коих было, по самым скромным подсчетам, раза в два больше всего населения Ленинграда.

Напротив Гостиного двора в подвале было знаменитое на весь Союз кафе «Норд». Когда в 40-е годы стали бороться с иноземными названиями,

его переименовали в «Север». Но в окнах по-прежнему красовались белые медведи. Они были на фирменных коробках с тортами, за которыми перед праздниками выстраивались громадные очереди...

Напомню эстрадную байку Смирнова-Сокольского: «Возвращается муж из Питера в Москву. Жена открывает дверь и спрашивает: «Привез торт из „Норда“? Нет??» Дверь захлопывается и через нее вопль жены: «Можешь без торта не возвращаться!!»

Это кафе было чрезвычайно популярно у гурманов. А над ним была самая страшная в городе зубодерная стоматологическая клиника, где вырывал «классически» зубы старый врач с фамилией Рубинштейн.

– Это не тот Рубинштейн, что на рояле, а что на зубариках играет, – шутили остроловы.

Если далее идти по Невскому, то на углу улицы Толмачева (ныне Караванной), что приводит к цирку, была булочная № 5, которую все горожане звали Филипповской. И хотя в ней торговали черными кирпичами хлеба и крепкими, как сталь, батонами, мы любили, купив в Елисеевском бутылку молока, размачивать им изделия с золотистой корочкой.

До 1917 года это было одно из многих заведений, принадлежащих знаменитому кондитеру Филиппову.

Дальше – Аничков мост. Помним знаменитое в Питере стихотворение:

Как на Аничковом мосту
На удивленье всей Европы
Стоят четыре голых ж***!

На самом деле за четверкой лошадей, руководимых голыми мужиками, стояли более значимые здания, в которых размещались исполком и райком. В их секретные столовки «не могли попасть», как говорила «тетя Клепа из Пензы». Сохранилась черная-пречерная частушка:

Утром на столе райкомовском,
Вечером – на прозекторском!

У Невского и Литейного, на полуподвале «Дома Рабис» (Дом работников искусств), красовалась надпись «Шампанские вина», увитая лозой. Это была главная питьевая точка всего ленинградского театрального мира. Корифеи Александринки (театра имени Пушкина), Акимовского (театра Комедии), Ленсовета (то бишь театра Игоря Владимировича с Владимирского), Областного с Рубинштейна (ныне Театра Европы под руководством

Льва Додина), БДТ-шники (от Товстоногова), «робята» от Хамармера и «робятки» с театрального института на Моховой, «сосунки» из ТЮЗа (от Брянцева), профессора Мухи (Высшее училище живописи и ваяния имени Мухиной) были почетными клиентами этого подвальчика.

Молодежь, как черт ладана, боялась этого заведения и обходила его за версту. Сунься сюда какой-нибудь начинающий гений: Табаков, Ефремов, Смоктуновский – завтра об этом будет судачить весь город:

– Вы подумайте, а этот-то со своим кувшинным рылом в калашный-то ряд!!!

Из подвала валил дым, как из парной, корифеям разрешалось курить, и даже пахнувшие табаком «Герцеговина Флор» трубки. И сквозь густой дым раздавались знакомым тембром голоса:

– Ксанф! Пойди и выпей...

– Жевать нечем – все остается людям!

– Знаешь, Маша, спой мою любимую!

Театральные «робятки» вживались в образы.

В «ОЛЬСТЕРЕ», БЛИЗ «САЙГОНА», где стреляют и взрывают бесы, или «Пуля в живот»

На углу Невского проспекта и улицы Марата была обычная домашняя кухня при ресторане «Невский». В ней продавались пищевые заготовки: котлеты, рагу, салаты для «трудолюбивых» домашних хозяек и знаменитые пирожки с ливером под скромным названием «Пуля в живот». Сей продукт жарился на масле, которое больше напоминало отработанный автомобильный солидол. Запашок был такой, что был слышен аж до Московского вокзала. За этой кухней шла довольно противоречивая слава. Поговаривали, что в ней собираются красавицы с вокзальных перронов и посетительницы КВД, что находился на Невском наискосок.

К 60-м годам XX века эта точка общнарпита негласно получила название «Ольстер». Как и в Ольстере в Туманном Альбионе, в нашем «Ольстере» тоже стреляли, и не только пирожками. Дело в том, что в доме № 9 по Марата, тогда Николаевской улице, в 1872 году Ф. М. Достоевский прочел товарищам по кружку свой роман «Бесы». Одни кричали, что этот роман – донос, другие, что «литературное пророчество». Время все поставило по своим местам. Но с тех пор над этим местом стали кружить бесы.

В том же доме в XX веке жил и творил Дмитрий Шостакович. Здесь он написал свою первую симфонию, балет «Болт»:

По Марата авто мчится,
Отлетел от авто болт,
Это видел Шостакович
И сюжет к нему пришел...б!

– гласила более поздняя частушка.

В 1932 году здесь родилась самая трагичная опера композитора «Леди Макбет Мценского уезда» по Н. С. Лескову, которого помнили стены дома. В 1936 году «главный бес» услышал ее, и этого было достаточно для того, чтобы бесы помельче запретили музыку на 60 лет.

Любопытно, почему же скромная домашняя кухонька получила прозвище «Ольстер».

В 1966 году в июльскую белую ночь на Марата раздался ужасный взрыв. Это взлетела в воздух красавица Свято-Троицкая церковь работы архитектора Н. Н. Никонова на Марата, 7. Тогдашние руководители города Ленина решили: «Зачем ленинградцам два похожих, инкрустированных керамикой и смальтой культовых сооружения (Храм-на-Крови и Свято-Троицкая церковь)? Один можно безболезненно уничтожить!»

На другой стороне улицы в 2001 году рухнул пятиэтажный дом. Уж больно долго ждал, когда строители закончат капитальный ремонт. Слава Богу, рухнул ночью, когда на улице не было прохожих. Кирпичи в мгновение ока увезли на свалку.

– Демоны! Демоны! – сказал бы булгаковский Иван Васильевич, который сменил профессию.

А в 2003 году в доме рядом с баней открыли женский ресторан для мужчин «Стервы».

Не судите меня, бабы!
Не судите меня, девки!
Будут денежки – зайду!

Ну, как не вспомнить дорогого Федора Михайловича: «Красота спасет мир!»

А в «Ольстере» и близ него все стреляют и стреляют, но уже «новых русских».

В «САЙГОНЕ». ЮРИЙ КРАСА ВИН

Если московская молодежная культура шестидесятых годов выросла из-под «хрущевского бульдозера» (знаменитая бульдозерная выставка в Измайловском парке столицы), то ленинградская, питерская – из «Сайгона», что был в доме Ушакова в 60–80-е годы.

Ее гастрономические предпосылки. В кафе, во-первых, продавали аппетитные, жаренные на хорошем масле пирожки – секрет поваров ресторана «Москва», что располагался на втором этаже. И к ним – черный турецкий кофе, что варился тут же, на глазах, в фирменных, бог знает откуда, кофеварках. Для постоянных посетителей, старожилов «Сайгона» кофе насыпался из больших коробов, стоящих под прилавком. А для случайных прохожих – варили, пропуская через кофейную гущару кипятком по несколько раз через кофе-агрегат. И сей напиток звался «Белые ночи».

Посетители брали пару чашек и в кулек, свернутый из обычной оберточной бумаги, десяток пирожков по двенадцать копеек за штуку и, стоя у окна, поглощали последние, запивая, смакуя каждую капельку. Более смелые выходили наружу и усаживались парами на широких подоконниках здания и вели задушевные беседы. Когда споры переходили допустимую черту, появлялся колоритный усатый мент (городовой) и, взяв легонечко за локоток, уводил «сайгоновцев» вдаль по Владимирскому проспекту до Стремянной улицы, где отпускал на все четыре стороны с миром. Его «владения» заканчивались как раз на этой улице. А далее – хоть дым коромыслом!

Да и придаться было не к чему. Ребята не бузили, не были пьяны, не курили запретные зелья и травы, не били стекол и даже окурки от любимого ленинградского «Беломора» аккуратно складывали за собой в единственную, стоящую на углу урну. Спонтанно возникали споры и тут же затихали. Одни шли обратно в кафе, другие «шустрили» в редакции газет и журналов: «Смена», «Ленинские искры», «Нева», «Звезда», «Искорка» – выбивать мизерные гонорары на пропитание или расходились по углам своего обитания: в общагу Мухи, в ТЮЗ, на репетиции родных театров.

«Сайгон» соединял порой полярных людей. Матюгальщик Сергей Довлатов и изысканно галантный Иосиф Бродский, еще с пышной шевелюрой и еще не Нобелевский лауреат. Курчавый, как чертенок, шумливый, картавящий Вася Бетаки и томная Галя Усова. Спортивного вида Михаил Шемякин и заросший, как бомж, одутловатый Анатолий Зверев.

Вальяжный, с дворянскими замашками Борис Гребенщиков и рассеянный, не вышедший из очередного образа Кеша Смоктуновский. Девушки из Мухи, как французские фарфоровые статуэтки, и маниакально-озабоченные, как сатиры, преследующие своих афродит-козочек, профессора этого художественного очага.

Все нарушалось только чрезвычайными событиями. Премьера «Идиота» в БДТ у Товстоногова.

– Ребята! А Кеша-то – гений! – возвестил Сергей Довлатов.

И когда артист через несколько дней объявился в кафе, все склонились пред ним, как подданные перед шекспировским «Королем».

Выгнали Твардовского с должности главного редактора «Нового мира». Прибежал с этой новостью артист ТюЗа Коля Лавров и завопил хрипато-прокурренным голосом:

– Братцы! Выучим новую массовую песенку: «Отречемся от „Нового мира“!»!

Коля ухаживал за моей хорошей знакомой, и к его дню рождения я подарил ему акростих:

Коля-Коля-Николай!
Отдыхай и не скучай,
Лежа с Таней, не зевай,
Ямбом девку развлекай!

Я в те годы работал на Владимирском проспекте в Областном доме народного творчества в качестве начальника музыкально-хорового и оркестрового отделов. Все оркестры, ансамбли, хоры, нарождающиеся вокально-гитарные группы были под моим началом. Многие деревенские песняры, орэровцы, дружбисты-пыхисты, будущие моисеевы и улановы стали частыми посетителями нашего любимого «Сайгона».

Но обычно в кафе мы заглядывали втроем. Я, Володя Холкин, методист по агитбригадам, и Юрий Красавин, методист по областным драматическим театрам. Последний был не только талантливым режиссером-фантазером, этаким «Товстоноговым областного разлива», но и незаурядным поэтом. Он учился заочно в Литинституте имени Горького в Москве. Дружил с Николаем Рубцовым и был выгнан «за компанию» за пьянку.

Не папы с мамой в том вина,
В красу добавили вина.

Юрий читал нам свои первые стихи, которые буквально обжигали своим ярким талантом.

Пожелайте мне голоса
Чистого,
Пусть негромкого,
Но счастливого.
Позабудьте меня
Речистого,
Вспоминайте меня
Молчаливого,
Только с вашей звездой
Говорящего...
Ночь пропайна
Лунным оловом...
Вспоминайте меня
Грустящего,
Не забудьте меня
Веселого.
Может, песня моя
Оборвется,
Может, птицей умру
На излете...
Но остаться бы
Чистым колодцем,
Из которого вы
Попьете...

Как-то в области, на Свири, под Алеховщиной, мы были в командировке. Я подошел к знакомым плотникам, взял острый, как бритва, топор и начал помогать тесать бревна для сруба. Красавин удивился:

– Музыкант! А орудует топором?

В поезде он прочитал стишок, над которым гласила надпись: «Плотнику»:

Клубилась сизым пеплом
Деревня на ветрах.
Кто положит первым

Бревнышки на прах?
И пришел он издали,
Поклонился низко.
Молча ставил избы,
Молча – обелиски.

Я рассказал Юрию, что сын народного артиста СССР Александра Федоровича Борисова, Касьян Александрович, родился 29 февраля и именины празднует раз в четыре года. И вот слышу по радио:

Как живешь, Касьян?
– Сплю да ем.
– А не пьешь, Касьян?
– А зачем?
– А не врешь, Касьян?
– Может, вру.
– Как живешь, Касьян?
– Ни «тпру!», ни «ну!»
Эй ты, корреспондент конопатый,
Брось блокнот, возьми лопату.
Покопай, корреспондент.
– Я копаю!
– Как живешь, корреспондент?
– Да не знаю!
Посвистел Касьян соловью,
Вышло звонкое интервью.

Красавин родился в селе Лебяжье под Ораниенбаумом, на земле, что когда-то принадлежала Александру Меншикову. Своей малой родине он посвятил одно из моих любимых стихотворений:

А село нарекли –
Лебяжье,
А стоит –
На Красной горе!
Здесь от сырости
От овражьей
Простудился петух:

– Ку-ка-ре! –
Здесь родился я,
Не крестился,
Помирать приеду
Сюда.
Сенокосною бритвой
Побрился
У зеркального
У пруда.
Допекает жара
Окаянная.
Под навесом бабы
Сидят:
Врубят радио
Сарафанное
И ведерочком позвелят.

Семью поэта: жену, дочь, сына – накрыла в Припяти зловещая чернобыльская туча.

Но это будет уже весной 1986 года, когда «Сайгон» вместе с рестораном «Москва» закроют строительные леса.

«ПОРУЧИК» ИЗ «САЙГОНА»

С Василием Бетаки и его супругой Галиной Усовой я написал десяток песен для назидательных детских пьес, которые печатал в журнале «Искорка» наш общий друг Вольт Суслов, Вольтик, как все звали его, талантливого литератора и редактора.

На опубликованной пьесе «Серебряный олень» ребята сделали мне дарственную надпись:

А это – соавтору-музыкаделу,
Чтоб рогами оленьими его не задело
И чтоб ему не привиделся в ванной
(в той самой!)
Сеньор Генерал оловянный!
Александр Мурилио
От дона Бастилио.

В пьесе была моя песенка «Марш оловянных солдатиков»:

Были вольности когда-то,
Век другой теперь настал.
Оловянные солдаты,
Оловянный генерал.
Что ни день, он открывает
Потаенного врага
И по всей стране шагает
Оловянная нога!
Все палаты, все сенаты
Отменил и разогнал
Повелитель и диктатор
Оловянный генерал.
Разговоров он боится,
Но, наверное, и вы
Побоялись бы лишиться
Оловянной головы!

Сейчас-то я понимаю, что Вольтик и мы шутили, играя с огнем. Вася Бетаки всем доказывал, что он потомок грека-пирата, что служил у Елизаветы Петровны, грабил на морях и океанах купцов, а добычей делился с Зимним дворцом.

Доверчивым поклонникам и поклонницам он «плел», что его прадед – поручик Бетаки во время восстания декабристов в Петербурге в 1825 году точил саблю о камень Медного всадника, когда к нему подъехал Милорадович и даже «замахнулся сабелькой», но Каховский опередил с выстрелом в упор. «Своему» прадеду Вася посвятил стих «Последняя мазурка моего прадеда», который опубликовал в журнале «Аврора». Я помню последние строки:

Видишь, поручик, кавказские круги?
Значит, в рубашке родился, поручик!

Серж Довлатов дразнил Васю:

Поручик Бетаки!
Хочешь по ср*ке?

Это выводило его из равновесия, и он набрасывался, как лилипут на Гулливера с кулаками и ругался, как последний биндюжник.

Как-то он залез в малогабаритный сортир в капелльской коммуналке и на стене создал экспромт «Муринскому сортиру»:

Я как в броню влезаю в сей сортир.
Увы, он тесен для моих мортир.
В сортире Мурин, как в броне.
Сатире муторно в говне!

В 1963 году я сделал перевод с английского стихов поэта Вильфреда Оуэна, погибшего юношей в Первую мировую войну в 1918 году. Их издали к концерту книжицей с маленьким тиражом, в 5 тысяч экземпляров. Я подарил «свое творение» Васе и Гале, а в ответ получил томик Форста со следующим автографом:

Если б я был композитором,
Я бы не смог, наверное,
Так написать мелодию,
Как Мурин стихи переводит.

Г. Усова, В. Бетаки. 28.10.1964

Галя и Вася учились и дружили с уникальной женщиной Татьяной Григорьевной Гнедич, что перевела в сталинской тюрьме по памяти всего «Дон Жуана» Байрона. Она жила в Царском Селе (г. Пушкин) со своим «лагерным дружкой».

Бетаки и Усова часто навещали старуху, привозили свои переводы Байрона, Форста, из австралийской поэзии. В одно посещение они показали и мой Оуэновский «Реквием». Татьяна Григорьевна особо отметила следующие строки:

Возьми черные жерла орудий, брат,
И разверни их прямо в небеса!
Пусть небо проклиняет этот ад,
Где в прах низвергнуты и горы, и леса.
Раздайся над землей, всеильный глас:
«О небо! Вырви язву войн из нас!».

Именно я сообщил ребятам в «Сайгоне» о первом инфаркте их дорогой учительницы.

А дело было так. «Дон Жуан» Байрона в переводе Т.Г. Гнедич издали в «Гослите», а Николай Павлович Акимов на его основе сделал в своем Театре комедии постановку с созвездием гениальных артистов: Юнгер, Усков, Бениаминов, Трофимов, Корнеева, Воропаев, создал изумительные декорации и афишу. На премьере случилось невиданное.

После оваций, выходов на поклон Акимова и артистов зал начал скандировать:

– Автора! Автора! Автора!

Можно было подумать, публика сошла с ума, вызывая Байрона. Тогда Акимов вывел Т.Г. Гнедич, старуху в черной юбке и невообразимой кофте, больше напоминающей тюремную робу. Она долго внимательно гляделась в зал, а потом, театрально закатив глаза, повалилась на стоящих рядом Акимова и Воропаева. Дали занавес. Приехавшая «скорая» установила обширный инфаркт миокарда. Часто бывая в Пушкине, я захожу на Казанское заброшенное кладбище, где рядом с учителями Пушкина, Малиновским, Куницыным, учителем Ахматовой и Гумилева, Анненским, покоится переводчица «Дон Жуана», учитель Бетаки и Усовой, Гнедич.

Перевод «Илиады» Гнедичем Пушкин назвал подвигом. Такой же подвиг совершила его праправнучка.

В начале 60-х на Невском, в павильоне Росси, где ныне бутик «Версаче», открылась выставка «Природа и фантазия». Группа чокнутых ленинградцев из коряг и сучьев соорудила зверей, птиц, людей, что-то наподобие японских композиций. Были там и мои работы: «Питон», «Обезьяна, потерявшая золотую трубу» и другие. Вася и Галя привели на выставку своих дочек. В книге отзывов я прочел:

Ищи неизвестное в общеизвестном,
Как птицу и зверя в корне древесном.
Он может быть волком, ослом и верблюдом,
А каждый из нас – откровеньем и чудом.

В 70-м году Бетаки бросил жену, двух дочерей и с новой супругой «смылся за бугор». Служил у лучшего друга нашего генсека Арманда Хаммера, трепался на всех «Голосах», а ныне осел в Париже профессором славянистики. Вот и «поручик Бетаки, хочешь...» стать профессором? Будь им!

СУСЛОВ В «САЙГОНЕ», ИЛИ РОДСТВЕННИК ИЛЬИЧА

У садика Аничкова дворца на Невском я налетел на старика:

– Здравствуй, Шурик! Не узнал?

– Андрей Михайлович! Батуев! Какими судьбами?

Это был необычный ленинградец. О нем хочу сказать особо. После войны он, имеющий красивый тенор, пел в хоре Ленинградской академической капеллы имени Глинки, которым руководила моя мама. По совместительству Батуев вел шахматный кружок во Дворце пионеров и школьников в Аничковом дворце. В 1945 году к нему и привела во Дворец меня бабушка Дуня, что служила в «скорой» на улице Пролеткульта (ныне Малая Садовая). Фишер из меня не вышел. Победила музыка.

В 1990 году Батуев показывал старую потрепанную фотку и, указывая на детские личики, комментировал:

– Это Боренька (Борис Спасский), это Витюшенька (Виктор Корчной), а это ты! – и ткнул в конопатую рожицу с ушами-радарами.

У Андрея Михайловича была еще одна страсть – животные. Помимо пения, шахмат, он вел два кружка зоологов, в Октябрьском и Дзержинском ДПШ (Дом пионеров и школьников). Тратил все свои скудные денежки на этих бесчисленных сусликов, кроликов, мышей, сурков и змей. Дом его был полон полузадавленных собак, полуутопленных кошек, а летом, когда у всех в ДПШ были каникулы, он притаскивал этот животный ковчег к себе домой. У звонка его квартиры была табличка: «Осторожно! Змеи!» По полу, пианино и на кухне ползал питон и другие гады.

При встрече я обратил внимание, что правая рука Батуева заложена за обшлаг парусинового плаща. «Ну, – подумал я, – сдает старик...»

– А вот я в Катькином садике какого красавца подобрал! – сказал Андрей Михайлович и вынул большую руку из пальто.

Я невольно отпрянул. В руке Батуева была здоровенная змея.

– Да не бойся ее, Сашка-дурашка! Это уж! Он не кусается! Почеши ему за ушком... Видишь вот эти пятнышки?

Моя рука, как под гипнозом, поползла к змее.

Из ворот Дворца вышел мой друг Вольт Николаевич Суслов. Его стихи в духе Хармса читала вся страна:

Над рекою у горы
Жили-были комары.
На вечерней перекличке
Собирались у кустов
Триста восемьдесят тысяч двести двадцать комаров.
В это место, как назло,
Нас в походе принесло.
Не успела вспыхнуть спичка,
Как слетелись – будь здоров! –
Триста восемьдесят тысяч двести двадцать комаров!
Мы не ныли: «Чур-чура...»
Мы – в атаку и – «ура!»
Всем отрядом в грозной стычке
Давим полчища врагов:
Триста восемьдесят тысяч двести двадцать комаров!
Мы сказали: «Победим!
Мы дымку сейчас дадим!»
Затрещали ветки, слышим –
Запищали у костра
Триста восемьдесят тысяч сто четыре комара.
Всем отрядом до зари
Мы считали волдыри.
А внизу, в болоте рыжем,
Ныли-выли до утра
Двести восемьдесят тысяч пять десятых комара!¹

Иногда в «детских» стихах он «лавировал» на грани допустимого.
Вот опус тех лет:

И кому какое дело,
Как Никита делал дело?
Заявил Никита смело:
– Сделать мне – пустое дело!
Эко дело!.. Я – готов.
Больше дела – меньше слов!
Только взялся он за дело,

---

¹ Суслов В. 380220 комаров // Сборник «Я люблю веселых». Л.: Дет. лит., 1976.

Как пчела его задела.
Пролетала деловито
И задела за Никиту.
Тут Никиту злость взяла.
Закричал он: – Ну, дела!..
Это что же в самом деле:
Я – в работе, я при деле,
А какая-то пчела
Укусить меня могла!!!
Что поделаешь – пчела
От работы отвлекла¹.

Увидав Батуева, меня и змею, Суслов буквально застыл на месте, как вкопанный.

– Знакомся! Вольт! – сказал я оторопевшему другу.

– А мы с вами знакомы! – разрядил обстановку Андрей Михайлович, – я приносил вам рассказы о животных в «Искорку».

Грянул ливень. Мы вчетвером забежали под крышу Дворца с Фонтанки. Дождь как неожиданно начался, так и быстро прошел. Выглянуло скудное ленинградское солнышко. Батуев вынул ужа и положил на кусочек сухого асфальта. Тот покрутился, покрутился и начал, как собачонка, лакать дождевую воду из лужи.

Мы проводили старика до Литейного, посадили в первую дверь одиннадцатого трамвая, помахали ему и пошли отметить «змеюгу» в «Сайгон».

На следующий день в кафе Суслов сунул мне листок бумаги.

– Напиши для ребятешек песенку! – попросил он.

Дождь прошел.
Оставил лужи.
Всюду много-много луж.
Между луж – кусочек суши.
На кусочке этом – уж.
Уж по суше кружит, кружит,
По окружности скользя.
Положение – нету хуже!
Надо б хуже, да нельзя!
Суши мало.

---

¹ Суслов В. Дело // Сборник «Я люблю веселых». Л.: Дет. лит., 1976.

Лужи – рядом.
Вздогнет елка – сверху душ.
Что тут делать?
Думать надо.
Начал думу думать уж.
«Вот такие-то дела, –
Думает. –
Голова моя мала, –
Думает. –
Вот была бы у меня... –
Думает, –
Голова, как у коня!» –
Думает.
Пропаду наверняка... –
Думает. –
Мне бы голову быка! –
Думает. –
А моя-то не сильна...–
Думает. –
Мне бы голову слона! –
Думает. –
Или голову кита! –
Думает. –
Вот была бы красота!»
Думает.
Убежали в речку лужи.
Прилетела стрекоза,
Над ужом, сверкая, кружит...
Уж лежит, закрыв глаза:
Думает!..¹

А вскоре натуралист А. М. Батуев подарил мне свою книжку о животных.

Последний раз я встретил его в нашей обкомовской правительственной больнице, «питерской Свердловке», где «полы паркетные, а врачи анкетные». Он еле шел, волоча ноги, по коридору на процедуру. Я удивился,

¹ Сулов В. Уж среди луж // Сборник «Я люблю веселых». Л.: Дет. лит., 1976.

как он-то, «простой смертный», попал сюда. А Андрей Михайлович, усмехнувшись, вынул из больничного халата краповый пропуск, где было поверх фотографии, фамилии и имени больного написано: «Родственник В. И. Ленина». Мне стало не по себе.

Оказалось, когда за ученика «вражину Корчного» Батуева прижали соответствующие товарищи из очень Большого дома, он подарил институту марксизма-ленинизма в Москве фото Ленина, Плеханова, Мартова, Засулич и других, что без дела пылились в его семейном архиве, оставшегося от матери, дальней родственницы Ульяновых. Эти изображения оказались первыми экземплярами известных исторических снимков.

А на тексты Вольта Суслова ленинградские композиторы написали более ста песен – многие звучат и сегодня. А вот на стишок «Дело» почему-то не рискнули.

ШЕМЯКИН, БРОДСКИЙ И ДРУГИЕ

Сайгоновский Шемякин еще не был тем ныне всемирно известным Шемякиным, космически-инопланетный Петр которого красуется в Петропавловской крепости, а «Щелкунчик» блистает на сцене Мариинского театра. До его персональной грандиозной выставки с «Петербургским карнавалом» было еще ох как далеко. Миша в те годы трудился такелажником в Эрмитаже. Таскал скульптуры, картины, и за это мог копировать ночами гениальные полотна музея, потихоньку набивая руку и глаз для будущего большого взлета.

В «Сайгоне» он появлялся в компании таких же приземистых, спортивного склада парней, среди которых выделялся своим несоответствием мой однокурсник по Консерватории музыковед Сережа Сигитов. Он был худой, как скелет, и носил круглые немодные старорежимные очки. Серега следовал за своим другом, как верная собачонка за хозяином, и делал вид, что мы с ним незнакомы. Хотя это могло быть всего лишь издержкой его плохого зрения. Шемякинская ватага так же мгновенно исчезала, как и появлялась. Этот прием художник использовал для своих мистификаций в постановке гофмановской зловещей сказки «Щелкунчик» на сцене Мариинки.

Я знал через своего двоюродного брата, художника Илью Мурина, что Шемякин выставляется на подпольных вернисажах, и даже некоторые его работы уплывают за копейки «туда, за бугор». Мой братец также отличался своими оригинальными графическими опусами. То изобразит

Сусанну, что нагая плещется в озере, а из-за камышей за ней сладострастно наблюдают наши классики марксизма-ленинизма в костюмах Адама. То изобразит святых апостолов с лицами членов Политбюро. В конце 70-х годов он спокойно, без шума и пыли, забрал свою натурщицу-супругу, свои работы и через «Красный крест и зеленый полумесяц» перебрался в Париж. Там показал свою графику престарелому Марку Шагалу, получил благословение мэтра и после персональной выставки в Кеннеди-центре осел на Манхэттене в Нью-Йорке.

Шемякинским начальником в Государственном Эрмитаже был завхоз музея старый партиец Федор Осипович Логунов. Это он заставлял шемякинскую компанию грузить помои Эрмитажа в грузовик. А когда такелажники оказывались без дела, чтобы не тунеядствовали, придумал изуверское занятие: гонял Шемякина сотоварищи на Зимнюю канавку пилить лед, который, по замыслу завхоза, должен был вымываться в Неву. Ребята несколько раз проваливались под лед, но удачно. Они не стали добычей ленинградской корюшки, а «незначительный» насморк был наградой. Ведь в нашей жизни есть всегда место подвигам.

В 1945 году Ф. О. Логунов, будущий завхоз, преподавал историю СССР у нас, в Капельском училище на Мойке, 20. Вспоминаю его в стиральной выцветшей гимнастерке и в широких галифе, заправленных в кирзовые сапоги. Мы его звали за глаза «Отец Федор» по аналогии с героем Ильфа и Петрова. Историю он преподносил необычайно зримо:

– Калита был хитер! Он поехал к татаро-монголо-половецкому хану, а у Батыея перед шатром-палаткой горел костер для очищения неверных.

В этот момент историк прямо в классе раскуривал бычок самокрутки, несколько раз смачно затягивался и, с сожалением поплевав на него, бросал на пол...

– Так вот – Калита ох был хитер! Другие князья разок перепрыгнут через костер, и к хану. А Калитище прыгал раз, два, три...

И Федор Осипович прыгал через окурок, входя в раж, с десятком раз под радостный счет мальчишек. А потом аккуратно брал окурок, засовывал его за тыльную сторону коробка и погружал его в карман гимнастерки.

– Суханов! Ядить отвечать! – обращался он к Вадиму Суханову. – Повтори!

И Суханыч повторял слово в слово, сопровождая прыжками через воображаемый костер под наш дружный гомон. А далее:

– Мадер! Ядить отвечать!

И так далее.

К 60-м годам из инструктора райкома он выбился в завхозы Эрмитажа. А в 80-х годах забытый товарищами по партии выдавал какие-то квитанции в магазине «Горизонт», что на углу Литейного и Некрасова.

Иосиф Бродский жил недалеко от «Сайгона», у Спасо-Преображенского собора, в доме Мурузи, в коммунальной квартире, которую в начале века всю целиком занимали Зинаида Гиппиус и Мережковский. Последние были декадентами, то есть злостными врагами советской власти и соцреализма. Хотя мы тайно читали их поэтически-развратные труды. Над Бродским шефствовала Анна Андреевна Ахматова, которая обитала в какой-то будке в Доме творчества писателей в Комарово. Иосиф появлялся в «Сайгоне» в окружении окололитературных девиц и товарищey-очкариков. И среди них выделялся своим высоким голосом Саша Кушнер. Однажды Сергей Довлатов появился в кафе с новостью:

– Братцы! А Кушнер-то напечатался в органе пионерской организации, в журнале «Пионер», у Женьки (главный редактор Е. М. Тяжелников)! Послушайте! – И прочел хрипато-боцманским голосом следующее:

Шкипер, бросивший в море бутылку,
Снятый с острова в диком бреду
Кораблем, проходившим впритирку
Возле мели на полном ходу.

Шкипер, море на ферму сменивший,
В Новой Англии домик купивший,
На песке подбирает шутя
Ту бутылку полгода спустя.

Не люблю я морские рассказы,
Но зачем в ленинградском окне
Сквозь дворовые липы и вязы
Та бутылка мерещится мне?

Пол-литровая почта морская
На груди его сохнет, вздыхая,
И в чужом нелюбимом краю
Он читает записку свою.

На виске наливается жилка,
Плачет он среди белого дня,
И до смертного часа бутылка
Утешает его и меня.

Дружный хохот венчал чтение. Все, как в Библию, заглядывали в журнал «Пионер» и убеждались, что Довлатов прав.

– Помните, – продолжал Сергей, – знаменитую байку. Поймал старик золотую рыбку. Взмолилась бедняга:

– Отпусти меня, старик, в синее море!

– Выполни три моих желания – отпусти! Первое – сделай, чтобы в море вместо воды была водка. Второе – чтобы река, что впадает в море, тоже была водкою!

– Ну а третье? – молит рыбка.

– Еще маленькую, за руб сорок девять и катись к Бениной матери!

– Ребята, а у Тяжелникова Женьки школьница Люба из Калуги прислала аналогичный стишок:

Если б я была волшебница,
Я б не знала горя!
Я бы маленькую речку
Превратила в море!

– Вот ведь какая золотая Любушка-голубушка! – закончил под смех всего «Сайгона» Довлатов. Компания вывалилась на Владимирский проспект.

БЛАЖЕННЫЙ (КУЗЬМА)

Костю Кузьминского многие считали чокнутым, но гением. Он редко заглядывал в «Сайгон», а чаще бурные компании заглядывали в его большущую с широкими подоконниками коммунальную квартиру во дворе дома-колодца. Окна Костиного логова упирались в соседнюю стену, и в комнате всегда было темно. Пол был покрыт слоем вековой пыли. В углу, на матрасе, покрытом шинелью, явно «скраденной» на какой-нибудь гауптвахте, возлежал хозяин. Засаленную, бывшую белой рубаху покрывала поэтически спутанная с крошечками еды борода. Власы на голове, к которым ластился помоечный кот, дополняли портрет поэта-художника.

Поклонницы его творчества находили сходство с коктейльским Максимилианом Волошиным. Правда, при условии, если его отмыть, причесать и одеть. Но это было для Кузьминского равнозначно гражданской казни. Из-под шинели сквозь бороду и выбитые зубы вырывался, завывая, как сломанный орган, голос:

По улице идет Кропоткин
Кропоткин шагом дробным.
Кропоткин в облака стреляет
Из черно-дымного пистóля.
Кропоткина же любит Дама,
Она живет в игорном доме,
С ней муж и серый попугай.
По улице идет Кропоткин
Кропоткин шагом дробным.
Он перестал стрелять в облака,
Он пистолет свой продувает
Горячим испражнением изо рта.
Кропоткина же любит Дама,
Она живет в игорном доме,
А попугай, его соперник
Кричит: – Кропоткин пиф!
– Кропоткин паф!

Назавтра эти строки предавались из уст в уста, меняя интонации и ударения.

А Кузьминский все возлежал, одаривая новые компании своими гениальными «испражнениями» – стихами русского блаженного по прозвищу Кузьма. Понять его мог только такой же гений.

«РЕЧЬ О ПРОЛИТОМ МОЛОКЕ»

Грянул суд над Бродским. Судили за тунеядство. Оказалось, писать стихи – это не работа. Главным обвинителем в суде от интеллигенции и общественности города Ленина был заместитель директора Государственного Эрмитажа товарищ Ф.О. Логунов (тот самый «отец Федор», о котором я рассказывал выше). Он клеймил гражданина-паразита Бродского самыми последними словами так же, как загружал с партийной

страстью на льду Зимней канавки шемякинских ребят, чтобы не переродились в тунеядцев. Он вешал на Иосифа статью за статьей. И вопли в защиту поэта литературоведа Эткинда, композитора Адмони и других были тщетны. «Тунеядца» выслали в Архангельскую губернию на лесоповал.

А над страной гремела песня Александра Колкера в исполнении Лидии Клемент:

Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озер...

И на этом фоне будущий Нобелевский лауреат в эковском ватнике, штанах и кирзовых сапогах.

Через полтора года он вернулся в наш город. Но уже не читал в «Сайгоне» своих стихов. Бетаки, входящий во все мыслимые и немыслимые компании, снабжал нас его стихами, отстуканными на Васькиной пишущей машинке. В юбилейный 1967 год, когда страна готовилась отметить «полтинник» Октябрьской революции, я получил в подарок «Речь о пролитом молоке»:

...В Новогоднюю ночь я сижу на стуле.
Ярким блеском горят кастрюли.
Я прикладываюсь к микстуре.
Нерв разошелся, как черт в сосуде.
Ощущаю легкий пожар в затылке.
Вспоминаю выпитые бутылки,
вологодскую стражу, Кресты, Бутырки.
Не хочу возражать по сути.

Я сижу на стуле в большой квартире.
Ниагара клокочет в пустом сортире.
Я себя ощущаю мишенью в тире,
вздрагиваю при малейшем стуке.
Я закрыл парадное на засов, но
ночь в меня целит рогами Овна,
словно Амур из лука, словно
Сталин в XVII съезд из «тулки»...

Я дышу серебром и харкаю медью!
Меня ловят багром и дырявой сетью.
Я дразню гусей и иду к бессмертью,
дайте мне хворостину!
Я беснуюсь, как мышь в пустоте сусека!
Выносите святых и портрет Генсека!
Раздается в лесу топор дровосека!
Поваляюсь в сугробе, авось, остыну...

Исчез Михаил Шемякин. Поговаривали, что его вывезли друзья «за бугор» чуть ли не в каком-то секретном бункере. Оказалось все прозаичнее: посадили в психушку, а потом выслали из страны, не дав проститься даже с близкими.

Из Мюнхена пел на всех «Голосах» Вася Бетаки, неся ахинею о своих бывших приятелях и товарищах.

– Тогда считать мы стали раны, товарищей терять... – пошутил кто-то из «сайгоновцев».

ЭПИТАФИИ

Громила Довлатов вкалывал на художественном комбинате Союза художников СССР у Поклонной горы в качестве бетонщика и камнереза, вырубая вчерне из гранита и мрамора многочисленных советских вождей. Когда у него заводились денежки, он их мгновенно тратил в питейно-гастрономических заведениях. На наш вопрос:

– Откуда деньжата? – отвечал запросто:

– Да получил гонорар за рассказ «Как я высек Ленина».

У него была «краса», что смирилась с его ненормативной лексикой и жила на Дмитровском переулке. Он долго, как петух, ходил вокруг да около, но так и не решился связать с ней свою судьбу.

Иосиф Бродский – половой гигант,
Глаголом сжег сердца путан,

– как-то съязвил, перефразируя Пушкина, наш острослов.

Бродский же ныне разговаривает с Господом и только ему подотчетен. Что другие пытались выразить эзоповым языком в многотомных

фолиантах, поэт укладывал в несколько строк. Многие его стихи сегодня более актуальны и злободневны, чем прежде.

Казалось, о нем и о его окружении все сказано. Бродский – классик. Скоро забронзовеет – в Петербурге будет установлен ему памятник. А он, бунтарь при жизни, тишайше покоится вдали от родины, на венецианском кладбище, рядом с русскими изгоями Стравинским, Фокиным, Дягилевым. Не сбылась его эпитафия-пророчество: «На Васильевский остров я приду умирать». Но он все-таки встанет на нем звонкой трепетной поэтической бронзой.

Волны венецианской лагуны, как верные дворцовые псы ласкают край могилы поэта на насыпном итальянском островном кладбище, и стерегут его покой.

БОГАТЫРИ НЕМЫ

Мой друг выдающийся фольклорист и литературовед Владимир Бахтин всю свою долгую жизнь изучал бесценный пласт культуры русского народа. Создал свод русских лирических песен (том свыше восьмисот страниц), записал и издал бытовые русские сказки от Петра I до Бориса Ельцина, несколько сборников русских частушек, монографии о поэтах.

В 1960-х годах, когда на собрании ленинградских писателей во дворце Шереметева все поносили «тунеядца» Бродского, Владимир Бахтин один встал на его защиту. За этот проступок он был изгнан из Союза писателей.

В годы горбачевской перестройки стало возможно выбираться за рубеж, и он стал читать лекции по фольклору в престижных университетах Европы. Как-то к юбилею я подарил ему три моих частушки о Петербурге:

Распродали Невский враз,
Нам остался лишь «Палас».
Но не селят в нем людей,
Это место для... гостей!

Петр строил Петербург
На болотной кочке,
Ну а нам достались нынче
Шор-ы да ларечки!

Удивляет Невский нас:
Всюду «Сникерс», всюду «Марс».
Никого я не виню –
Буду жить на «авеню»!

Они имели успех на лекциях. В ответ я получил от Бахтина «сайгоновскую» байку из учебника по русской литературе:

Да, были люди в том «Сайгоне»
Без страха, зависти и вони.
Богатыри НЕМЫ!

Мой друг! Восстань с подоконника «Рэдиссона». Перейди на другую сторону Невского проспекта, на ту, что «опасна при артобстреле».

Поклонись дому Барбазана-Жукова-Ушакова, дому, где еще недавно были ресторан и гостиница «Москва» и скромное кафе с грозным неофициальным названием «Сайгон».

Поклонись этим стенам, которые видели многое и многих.

БОГАТЫРИ НЕМЫ!

Невский, 49 («Сайгон») в наше время

ИМЕНА НА ФРОНТОНЕ

Красивейшая Дворцовая площадь Петербурга. Одна из ее сторон – Певческий проезд, Певческий мост, здание Певческой капеллы, где расположился старейший хор страны. После многолетней реставрации и здание, и дворы, что протянулись до Большой Конюшенной улицы составили новую архитектурную жемчужину нашего города. Через дворы Капеллы проходит Пушкинская тропа: через Конюшенную площадь, где в храме Спаса Нерукотворного отпевали поэта, мимо Храма-на-Крови на Михайловскую площадь, где стоит вдохновенный аникушинский Александр Сергеевич, и с его уст слетают пророческие слова: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!»

Вернусь на набережную Мойки. Над царским крыльцом Капеллы сияют золотом имена Бортнянского и Глинки, а рядом незнакомые современному обывателю Львов, Ломакин, Турчанинов, Потулов.

Алексей Григорьевич Разумовский – вчерашний малороссийский пастух, стал певчим в Капелле, очаровал своим талантом императрицу Елизавету Петровну, вместо Алешки Разума стал графом Разумовским, в течение 20 лет мужем любвеобильной Елизаветы, получил в подарок Аничков дворец. Он герой многих исторических романов и повестей.

Князь Алексей Федорович Львов – скрипач, композитор, дирижер, ученый с мировым именем, автор национального гимна России «Боже, царя храни!» со словами В. А. Жуковского.

Гавриил Якимович Ломакин – из крепостных, руководитель Шереметевской капеллы, учитель пения в Придворном хоре и в Училище правоведения в Петербурге.

Композиторы-регенты Придворной капеллы Петр Иванович Турчанинов (1779–1836) и Николай Михайлович Потулов (1810–1878). Их творения и сегодня звучат в храмах России с сочинениями Чайковского, Рахманинова, Гречанинова, Чеснокова.

Итак, первое имя – Дмитрий Степанович Бортнянский – «Орфей» с берегов Невы.

РУССКИЙ ОРФЕЙ (Д. С. БОРТНЯНСКИЙ)

11 ноября 1796 года, на пятый день коронации на русский престол, Павел I пожаловал Бортнянскому престижную должность директора вокальной музыки и Придворной капеллы, сделав его фактически хозяином старейшего хора и главным музыкантом России. Специально к коронации композитор сочинил и исполнил с Капеллой духовный концерт «Господи, силою твоею возвеселится царь». Это был полный триумф композитора, признание его выдающегося таланта.

В прошлом остались детские годы, учеба в певческой школе в городе Глухове, на Украине, и вот он 6-летний певчий в Придворной певческой капелле в Петербурге. Руководитель хора Марко Федорович Полторацкий, кстати, также выходец с Украины, отечески принял земляка. В Капелле служили тогда только мальчики (дисканты и альты) и мужчины (тенора и басы). Такой состав называли «монастырским». Императрица Елизавета

Петровна обожала юного певца. Часто после концертов по-матерински она укутывала его своим шарфом, чтобы он не простудился. А однажды, когда в Святое Христово воскресенье, утомившись от долгой церковной службы, он уснул на клиросе, тихо приказала своему фавориту Разумовскому: «Друг мой нелицемерный Алексей Григорьевич, отнеси малыша в мою опочивальню. Только аккуратно, не разбуди!» Каково было удивление Дмитрия, когда, проснувшись от сладкого сна, он увидел над собой лица государыни и придворных.

В 13 лет у Бортнянского сменился голос, и он выступает на царских музыкальных увеселениях, исполняя сольные партии, играет драматические роли под руководством великого актера Дмитриевского. В это время в Европе была настоящая музыкальная эпидемия: итальянская музыка и речь были слышны во дворцах коронованных особ. Даже в Лондоне у короля царствовала «итальянщина», и считалось неприличным говорить на «простонародном» английском языке. При русском троне также заправляли иностранцы. Местные музыканты считались людьми второго сорта. В 1765 году очередной итальянский гений композитор Бальдассаре Галуппи занял пост главного музыканта при дворе Екатерины II. Он и посоветовал царице отправить Бортнянского в Италию, проникнувшись симпатией к талантливому юноше. 11 лет провел Дмитрий Степанович в Италии, освоил язык, музыкальные стили, стал популярным. Галуппи не только занимался со своим протеже гармонией и полифонией, но всячески проталкивал его сочинения на сцену. Оперы Бортнянского с громадным успехом идут в театрах Венеции, Болоньи, Флоренции, Рима, а его «Аве Мария» распевается повсюду. Он почти превратился в настоящего итальянца, стал потихоньку забывать родной язык, да и с кем было говорить по-русски. Разве что с другом, скульптором Иваном Мартосом.

В апреле 1779 года пришло послание из Петербурга: «Господин Бортнянский! Как уже 10 лет прошло бытности вашей в Италии, и вы, опытом доказав успех вашего искусства, отстали уже от мастера (т.е. превзошли), то теперь время возвратиться вам в Отечество. Для чего рекомендую вам как можно скорее отправиться, взяв с собой все ваши сочинения... Ежели же вам надобно будет впредь для нового вкуса еще побывать в Италии, то можете надеяться, что отпущены будете». Композитор привез в Петербург плоды своего итальянского творчества, целый сундук, в котором были оперы, симфонии, вокально-инструментальные сочинения и преподнес их государыне. Екатерина II в музыкальном отношении была слаба. Как говорится, ей «медведь на ухо наступил». На концертах

фрейлина по окончании музыки незаметно толкала ее ножкой или граф Иван Елагин поправлял демонстративно свой парик, и тогда она начинала восторженно хлопать в ладоши. Презентация сочинений Бортнянского прошла великолепно. За его труды в Италию маэстро Галуппи был послан увесистый мешок с золотыми монетами. А здесь, в Петербурге, Дмитрий Степанович был зачислен капельмейстером и отправлен в Гатчину к наследнику престола. Для Павла Петровича композитор пишет комические оперы на входящий в моду французский стиль: «Празднество сеньора», «Сокол» и «Сын-соперник».

Оперы Бортнянского исполнялись в театрах Гатчины, Павловска, Петергофа самостоятельными музыкантами, князьями Голицыным, Мусиным-Пушкиным, Долгоруковым, Чернышевым, Волконским, воспитанниками Смольного института, фрейлинами Шау, Ховен и Неклюдовой. Для занятий на клавесине с женой Павла I Марией Федоровной Бортнянский сочиняет пять сонат, концерт и другие сочинения.

И вот 11 ноября 1796 года Бортнянский – директор Капеллы. Придворная Певческая капелла находилась к этому времени в довольно жалком, «разобранном» состоянии. Взрослые певчие погрязли в пьянстве, разгуле, пороках, малые певчие промышляли по соседним усадьбам в поисках пропитания. Запели молодцы кто в лес, кто по дрова. Бортнянский за голову схватился от такого царского подарка. Он проверил всех певчих, стал обучать достойных нотной грамоте, постановке голоса, и результаты вскоре сказались. По инициативе Бортнянского было создано Филармоническое общество. Капелла исполняла Реквием Моцарта, оратории Гайдна, Реквием Керубини и другие шедевры.

Новый император Александр I также благоволил композитору. У Капеллы не было своего пристанища. При Петре I певчие дьяки ютились в землянках и мазанках Петропавловской крепости, затем на Почтовом дворе, на съёмных квартирах Васильевского острова и Петровской стороны. И вот 15 октября 1808 года (более 200 лет тому назад) Бортнянский на царские деньги покупает у архитектора Юрия Фельтена для Певческой капеллы особняк на Мойке, 20, с двумя флигелями и с огромным садом, что простирался до Большой Конюшенной улицы с вековыми деревьями и прудами, где плавали лебеди. Петербургский зодчий Луиджи Русска строит многочисленные домики для певчих, баньки, залу для спевок и деревянный мостик через речку Мойку, чтобы удобнее было попадать капелланам на службу в Зимний дворец.

И вот, 1 ноября 1810 года здесь поселилась Придворная певческая капелла. В 1817 году архитектор Шарлемань к правому флигелю Капеллы пристроил удобный, уютный концертный зал, где Бортнянский давал с Капеллой общедоступные концерты для меломанов по пятницам.

Сам композитор близ Мойки в доме № 9 по Миллионной купил незрочный домик, который перестроил для него архитектор Андриан Захаров. В его доме бывали друзья: поэт Державин, художник Боровиковский, скульптор Иван Мартос. В нем он собрал замечательную коллекцию картин и скульптур, на которые он тратил все свои и немалые средства. А когда произведение искусства было не по карману, то он пристраивал его своим друзьям, графу Строганову во дворец на Мойке, графу Орлову в Мраморный дворец, а иногда и императору Александру в Зимний. В начале века Академия художеств сделала композитора действительным почетным членом, а он в ответ написал для президента Академии графа Строганова кантату «Любителю художеств».

Последние 25 лет жизни Дмитрий Степанович Бортнянский посвятил хоровому творчеству и написал для любимого хора более 40 духовных концертов, включая двуххорные.

В годы войны с Наполеоном патриотическая песня Бортнянского «Певец во стане русских воинов» пелась всей Россией.

В 1816 году Бортнянский становится главным музыкальным цензором. Отныне все, что пелось церковными хорами, должно было визироваться в Капелле. Многие шедевры подготовил Бортнянский с Капеллой, и в их числе первое исполнение мессы Бетховена в 1824 году.

28 сентября 1825 года Бортнянский, а ему шел 75 год, призвал в свой дом на Миллионной, 9, любимых певчих Капеллы и под пение собственного концерта «Вскую прискорбна еси душе моя» скончался. Его похоронили на престижном Смоленском кладбище. Коллекция картин и скульптур разошлась по дворцам Петербурга.

Через два года очередное петербургское наводнение размыло могилу композитора, сорвало крышку гроба и смыло его в речку Смоленку и далее в Финский залив. Обыватели глазели на это с крыш домов и судачили: «Смотрите, генерал Бортнянский плывет!» Композитор лежал в своей последней колыбели в парадном царском мундире с золотыми позументами. Он ведь был действительный тайный советник, звание, равное воинскому генеральскому.

Ну, а благодарные потомки хотели в начале XX века поставить памятник композитору на Певческом проезде Дворцовой площади.

Объявили конкурс, собрали деньги, утвердили проект. На высокой скале, возвышаясь над всеми как на троне, сидел Бортнянский, а внизу ютились композиторы-классики. Но Первая мировая война, а затем революция отодвинули этот замысел надолго. После блокады Ленинграда в 1944 году во многих капелльских коммуналках на Мойке, 20, на кухнях керосинки, на которых готовилась пища, стояли на мраморных плитах для пожарной безопасности, и я помню, как мама, дирижер Капеллы, отмыла одну из них и мы прочитали ноты и роспись, но в перевернутом виде. Это были матрицы XVIII века, с которых еще при жизни Бортнянского печатались его сочинения. В концертном зале Капеллы на тумбочках у органа стояли два мраморных бюста: Львова, автора «Боже, царя храни», и Бортнянского. Первый разбили на мелкие кусочки во время революции, а второй поставили под лестницу у проходного зала. Старшеклассники капелльской бursы после выпускного экзамена шлифовали нос композитора до зеркального блеска (такова была традиция). Ныне на этом месте пустота. Никто не знает, куда исчез этот мраморный бюст, запечатленный на множестве фотографий.

9 лет тому назад музыканты Петербурга к 250-летию со дня рождения Бортнянского решили увековечить дом, где четверть века жил и творил композитор, на Миллионной, 9. Но благие помыслы, как это часто бывало на Руси, вскоре заглохли.

О «русском Орфее» с берегов Невы сегодня напоминает лишь надпись на фронтоне Капеллы, памятный камень с надписью о Бортнянском, что стоит у могилы Глинки в Александро-Невской лавре, и его великая музыка.

Н. А. Степанов. «Так М.И. Глинка во время оно предводительствовал придворными певчими». Карикатура 1840 г.

ГЛИНКА, ЛЬВОВ, ЛОМАКИН И ДРУГИЕ

Спустя 12 лет после смерти Бортнянского на Мойке, 20, появились два гениальных русских музыканта. Вот как это было.

После триумфа оперы Глинки «Жизнь за царя» 27 ноября 1836 года за кулисы Большого театра Петербурга пришел сам Николай I. Он обратился к композитору:

– Глинка, я имею к тебе просьбу и надеюсь, что ты не откажешь мне. Мои певчие известны по всей Европе и, следовательно, стоят, чтобы ты занялся ими, только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами.

Так Глинка стал учителем пения в Придворной капелле и был направлен на Украину набирать певчих в хор. В Переяславе он «безжалостно» обобрал архиерейский хор, «умыкнул» несколько солистов в Киеве, и в их числе баса Гулак-Артемовского. В результате у Глинки появилось несколько песен в украинском стиле на слова Виктора Забеллы – «Гуди ветер вельми в поле» и «Не щечечи, соловейко».

В Петербурге, в Аничковом дворце, Глинка представил новобранцев государю. Николай остался доволен. Композитор поселился в служебной квартире на втором этаже левого крыла здания Капеллы. Помните знаменитую картину Репина «Глинка за сочинением „Руслана и Людмилы“»? В домашнем халате, вальяжно развалившись на диване, он задумался, прежде чем занести на бумагу свои мелодии.

К слову, в квартире Глинки по традиции жили учителя пения Капеллы. Так в 1944 году после ленинградской блокады две коммунальные

Н.С. Волков. Портрет М.И. Глинки

комнатушки получила моя мама, дирижер хора Елизавета Петровна Кудрявцева-Мурина. Над нами жил Палладий Андреевич Богданов,

А. Ф. Львов

композитор, скрипач, регент, 80 лет служивший в Капелле. В правом крыле была квартира легендарного Михаила Климова, под ним жил бас-профундо, самый низкий голос в России Петр Константинович Левандо...

Но вернемся к эпохе Глинки.

В одно время с Глинкой 2 января 1837 года начальником Капеллы был назначен князь Алексей Федорович Львов. Он получил великолепное музыкальное образование у европейских педагогов, виртуозно играл на скрипке и фортепиано, закончил Институт инженеров путей сообщения. Его имя занесено золотом на мраморную доску, служил у Аракчеева, был флигель-адъютантом у Николая I, участвовал в войнах, проявил храбрость, награжден. Как скрипач музицировал

с Листом и Мендельсоном. Им восторгался Берлиоз. Роберт Шуман писал: «Если в России играют на скрипке как господин Львов, то нам надобно ехать в Россию не учить, а учиться!» Львов – незаурядный дирижер, композитор, автор трех опер, хоровых концертов, почетный академик Болонской, Римской, Флорентийской и Берлинской академий. Но главным в своей жизни он считал создание национального гимна России. В 1833 году Львов сопровождал Николая I в Пруссию и в Австрию. У русских своего гимна не было и на торжественных ритуалах исполняли английский гимн «Бог, сохрани короля».

Вернувшись из Европы, граф Бенкендорф передал Львову пожелание царя иметь русский гимн. Алексей Федорович вспоминает: «В один вечер, возвратясь домой поздно, я сел к столу и в несколько минут гимн был написан. Я пошел к Жуковскому, который сочинил слова „Молитва русского народа“. Государь вместе с императрицей и великим князем Михаилом приехали слушать гимн в певческий корпус на Мойку, 20. Прослушав

музыку несколько раз, государь сказал мне по-французски: „Супер, супер!“ и приказал играть гимн в залах Зимнего дворца. Мигом музыка гимна разнеслась по всем полкам, по всей России, по всей Европе. Впоследствии государь прислал мне табакерку с бриллиантами, из которых лучший камень был помещен в образ Божией Матери „Всех скорбящих радости“ на Шпалерной улице».

К сожалению, два музыкальных льва (Глинка и Львов) не могли ужиться в одной капелльской берлоге. Первый был по натуре ленив, более полагался на свою гениальную интуицию, а второй был по-военному пунктуален, любил точность и порядок, к тому же был довольно заносчив. В результате в 1839 году Глинка ушел из Капеллы, оставив ее, как он писал в своих «записках», «на порчу Львову». Правда, спустя много лет он по просьбе того же генерала Львова выучил с капелльскими певцами кантату «Стабат матер».

В 1861 году А. Ф. Львов покинул Капеллу (болезнь слуха и в результате глухота). Он скончался 16 декабря 1870 года в собственном имении Романи, близ Ковно, и погребен в соседнем Пожайском монастыре.

При А. Ф. Львове в Капелле в качестве учителя пения служил Гавриил Якимович Ломакин. Крепостной музыкант графа Шереметева, в 18 лет возглавил графскую капеллу, возвысил ее мастерство так, что она стала конкурировать с придворным хором.

В 1848 году Ломакин – учитель пения на Мойке, 20. По приказу и при участии А. Ф. Львова занимается наведением порядка в русском церковном обиходе. Он – блестящий знаток знаменных распевок.

Помимо Шереметевского хора, Придворной певческой капеллы, он ведет хоровое пение в Училище правоведения на Фонтанке, где у него получают музыкальные азы будущие знаменитости России: братья Стасовы, поэты Апухтин и юный Петя Чайковский, которому Ломакин часто получает вести репетиции. Вот откуда у будущего композитора любовь к хоровому жанру.

Г. Я. Ломакин

13 лет прослужил в Капелле при Львове Г.Я. Ломакин, это были трудные годы. Напомню, что Глинка выдержал «львовский» диктат неполные 3 года.

В 1861 году Ломакин оставил Придворную капеллу и уединился в родной Гатчине, где посвящал себя композиции. Из-под его пера вышли симпатичные и популярные ныне духовные концерты. Он создал и издал свою «Методику хорового пения», актуальную и по сей день.

Ну, а детище Ломакина – Шереметевскую капеллу новый граф распустил. Юных певцов Гавриил Якимович лично отвез на Украину, в графские деревни, к родным.

В конце жизни перед старым музыкантом загрезило светлое хоровое будущее. Молодой С.Д. Шереметев решил восстановить Капеллу и снова призвал для этого дела Ломакина. Но, увы, время ушло!

Шереметевская капелла будет существовать еще до 1917 года под руководством талантливого графа А.Д. Шереметева. Будут знаменитые благотворительные концерты в Дворянском собрании Петербурга. Но это уже другая эпоха, другая история...

Похоронен Г.Я. Ломакин был в 1885 году на скромном Гатчинском погосте. Его могила ныне еле видна.

О Капелле Глинка-Львова-Ломакина Гектор Берлиоз писал:

«Сравнить хоровое исполнение Сикстинской капеллы в Риме с этими дивными певцами то же, что сравнить несчастную маленькую группу пилил третьестепенного итальянского театра с оркестром Парижской консерватории».

Эта музыкальная тройца достойно красуется на фронтоне Капеллы, а вот двум другим гениям, сделавшим много для русского искусства, там не нашлось места. Это Милий Балакирев и Николай Римский-Корсаков. В 1883 году начальник Капеллы граф Шереметев пригласил музыкальным управляющим на Мойку, 20, композитора, дирижера, пианиста, учителя, создателя «Могучей кучки» и Бесплатной музыкальной школы Милия Алексеевича Балакирева. А его помощником – профессора Консерватории Николая Андреевича Римского-Корсакова. Каждый день в 7 утра на извозчике приезжал в Капеллу с Коломенской улицы Балакирев, а Римский-Корсаков жил на служебной квартире, на последнем дворе, на втором этаже, с окнами на Конюшенную улицу. Эти музыканты возобновили работу регентских инструментальных классов. Пригласили лучших профессоров. Римский-Корсаков из учащихся организовал симфонический оркестр, с которым исполнял многие произведения

русских композиторов, с том числе и свою «Шехеразату». Для хора Капеллы Балакирев специально переложил романсы Глинки «Колыбельная» и «Венецианская ночь».

Капельские классы при Балакиреве и Римском-Корсакове закончили: Александров, будущий создатель военного ансамбля, композиторы Леонтович и Золотарев, регенты-дирижеры Богданов, Егоров, Дранишников.

В 1886–89 годах петербургский архитектор Леонтий Николаевич Бена из знаменитого семейства Кавосов-Бенау перестроил здание Капеллы и создал лучший по акустике в Европе концертный зал. В нем было много музыкальных событий. 21 апреля 1918 года здесь представил слушателям впервые свою «Классическую симфонию» Прокофьев. В 1926 году Климов с Капеллой исполнил «Свадебку» Стравинского (за фортепиано сидел юный пианист Митя Шостакович), а в 1969 году состоялась премьера 14-й симфонии Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Я помню, как он неловко, даже неуклюже, шел к сцене на поклонны.

В наши дни в исполнении Капеллы под управлением профессора Владислава Чернушенко мы услышали «Молитвы и песнопения» Георгия Свиридова, «Перезвоны» Гаврилина, «Литургию» и «Всенощное бдение» Рахманинова и другие шедевры.

Стены Капеллы видели Кровавое воскресенье 1905 года и штурм Зимнего в 1917 году. В годы блокады фашистская бомба в 200 килограммов угодила в зал Капеллы, прошла между лицевой стеной и царским подъездом, но не взорвалась. Видимо, Господь хранил Капеллу.

Я помню, как после войны мы, капельские мальчишки-голодранцы, гоняли мяч в первом дворе, а из окон своей коммуналки за нами наблюдал наш учитель Георгий Александрович Дмитриевский. Во втором дворе Капеллы, у кочегарки, стоял вековой дуб, помнящий еще Бортнянского, и мы, несколько мальчишек, не могли его обхватить. Именно к нему водитель капелльской полуторки Степан Змеев привозил и сгружал уголь для отопления. Мы с этой ледяной горы зимой лихо пикировали на санках вниз...

Сегодня здание Капеллы и ее дворы блистают в первозданном виде. Так поклонимся этим святым для русского музыканта стенам и будем помнить тех,

Кто радел Петрову делу,
Кто всей душой любил Капеллу,
Кто отдавал ей мысли, чувства,
Кто возвышал ее искусство!

ЛИКИ ПЕВЧЕСКОЙ КАПЕЛЛЫ

«LACRIMOSA».

МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ КЛИМОВ

А. Остроумова-Лебедева. «Михаил Климов». 1928 г.

Имя Михаила Георгиевича Климова, выдающегося дирижера, хормейстера, Учителя первой половины XX века, в нашей семье почиталось особо. Его любимой ученицей была моя мама Елизавета Петровна Кудрявцева.

Учеником Климова был и мой крестный дядька Александр Григорьевич Мурин. Другим воспитанником Михаила Григорьевича был мой

учитель по консерватории, профессор Александр Емельянович Никлусов. Да и Евгений Мравинский, Николай Рабинович, Илья Мусин, Константин Симеонов и многие другие делали свои первые шаги к вершинам музыкального олимпа под руководством Климова.

У мамы в кабинете над роялем всегда висел портрет великого наставника, что нарисовал мой отец, военный инженер с завода «Арсенал», еще в 1935 году.

Сегодняшнему слушателю это имя мало знакомо, а в начале века оно гремело среди таких имен, как Глазунов, Луначарский, Горький, Чичерин, Андреев, Ершов, Карпинский.

Родом Климов из крестьян. Его отец был простым ткачом на подмосковной фабрике. Родился Михаил Георгиевич Климов в селе Завидово Клинского уезда Московской губернии 22 октября 1881 года.

За абсолютный слух и красавец-голос его приняли в Московское синодальное училище. В конце XIX века эта «бывшая певческая арестантская рота» превратилась в первоклассное музыкальное учебное заведение стараниями трех русских музыкальных корифеев: Степана Васильевича Смоленского – крупнейшего знатока древних русских песнопений (именно ему позднее Рахманинов посвятил свой шедевр «Всенощное бдение»), Василия Сергеевича Орлова – по словам Чайковского, лучшего регента России, и Александра Дмитриевича Кастальского – видного русского композитора, знатока фольклора.

Вместе с Климовым к этим учителям поступили Николай Голованов, Николай Данилин, Владимир Степанов, Александр и Павел Чесноковы.

Председателем попечительского совета Синодального училища был великий композитор Петр Ильич Чайковский!

В 1900 году имя Климова заносят на золотую доску училища. Два года молодой музыкант руководит хором гимназии в Тамбове, играет на скрипке в городском оркестре, выступает на квартетных вечерах.

В 1901 году С. В. Смоленского назначают управляющим Петербургской певческой капеллой, а уже в декабре 1902 года он рекомендует на должность помощника учителя пения своего талантливому ученику Михаила Климова.

В 1904 году Климов поступает в Петербургскую консерваторию в класс композиции Н. А. Римского-Корсакова и класс дирижирования Н. Н. Черепнина.

В 1905 году студент Климов поддержал своего великого учителя и в знак протеста покинул Консерваторию. А в 1907 году он дирижирует

студенческими хором, оркестром и солистами в опере Римского-Корсакова «Кашей Бессмертной». Причем с разрешения автора расширяет финал оперы.

В 1908 году Климов с серебряной медалью заканчивает Консерваторию. Его имя заносят на мемориальную доску, где первым стоит имя Петра Чайковского.

Римский-Корсаков, Глазунов, Черепнин рекомендуют молодого дирижера в Мариинский театр, но реакционная дирекция отклоняет его кандидатуру.

22 сентября 1908 года на ученом совете Консерватории директор А. К. Глазунов сообщил о кончине Н. А. Римского-Корсакова и представил нового педагога – М. Г. Климова, что стал вести предметы своего великого учителя – сольфеджио, гармонию, музыкальную академию (так тогда называли предмет «анализ формы»). Учебные пособия по сольфеджио, полифонии, изданные в те годы фирмой «Юргенсон», не потеряли своей актуальности и в наши дни.

В 1921 году Климов вместе с профессорами Ершовым, Масловой организует первый в мире студенческий театр – Оперную студию, где делали свои первые шаги на сцене Преображенская, Давыдова, Иванов, а дирижировали Мравинский, Мусин, Рабинович, Симеонов, Димитриади и др. Через 7 лет Оперная студия с триумфом выступит на моцартовских торжествах в Зальцбурге.

В 1925 году к многочисленным нагрузкам Климова прибавилось директорство в Ленинградской филармонии. Он пригласил к сотрудничеству известных европейских дирижеров и ввел абонементную систему концертов.

Но главным делом жизни Михаила Георгиевича Климова была Певческая капелла. В самые трагические, переломные дни он спас старейший хор России от разрушения.

В 1918 году Климов перевел «Реквием» Моцарта с латыни на русский, набрал оркестр безработных музыкантов и десятки раз исполнил этот шедевр в залах Эрмитажа перед красноармейцами, вчерашними крестьянами псковских, вологодских, новгородских деревень, и этим спас для будущего шедевры музея.

Петроградская капелла при Климове стала живой энциклопедией мировой музыки. Ее нагрузка – 18 концертов в месяц. В ее репертуаре – от хоров Давиденко, Пащенко, Юдина, Егорова до «По прочтении псалма» и «Орестей» Танеева, от «Свадебки» и «Царя Эдипа» Стравинского,

«Антигоны», «Царя Давида» и «Юдифи» Онеггера до «Мессы» и «Страстей по Матвею» Баха, от «Песен борьбы и труда» до «Всенощного бдения» Рахманинова.

Климов реорганизует бывшие Регентские курсы в Музыкальный техникум Капеллы, который заканчивают Евгений Мравинский, Николай Успенский, Елизавета Кудрявцева и другие в будущем выдающиеся музыканты. В 1921 году Михаил Георгиевич вводит в хор Капеллы женские голоса, а в 1923 году принимает 11 девочек.

В 1928 году Климов триумфально проводит гастроль хора Капеллы по Европе. Хор Капеллы называют «восьмым чудом света», а Климова как дирижера ставят выше популярных в то время в Европе Фуртвенглера и Тосканини. А в репертуаре гастролей – народные песни и «Всенощное бдение» Рахманинова.

В Берлине граммофонная фирма выпустила 4 пластинки с пением Ленинградской капеллы. Чудом уцелела запись 80-летней давности – русская народная песня в обработке А. Ф. Пащенко «В темном лесу».

В 1931 году Климов назначает своим помощником по Капелле 17-летнюю Лизу Кудрявцеву. Поручает ей вести репетиции и концерты, преподавать в капелльской школе.

Молодому хормейстеру довелось быть свидетелем тех титанических усилий, которые тратил учитель, защищая русское хоровое музыкальное искусство, Капеллу от наскоков, перегибов и откровенных гонений. Как художнику-новатору, первопроходцу в искусстве Климову более других доставалось от «музыкальных монстров». Что стоили их лозунги: «Расстрели – расстреливай!», «Нытика Чайковского – долой с корабля истории!», «Долой Бортнянского и Достоевского – типичных апологетов церковного дурмана!» и т.д.

В 1934 году прямо с генеральной репетиции было снято монументальное полотно, вершина русской полифонии – кантата Танеева «По прочтении псалма». Это больно ударило Михаила Георгиевича прямо в сердце.

В 1935 году перед новым сезоном Климов по большому секрету сказал Елизавете Кудрявцевой страшные слова:

– Я решил уйти из Капеллы!!

20-летняя помощница отнесла это к невероятной усталости Климова.

В октябре того же года, после успешных гастролей по Волге и отпуска, Капелла собралась на первую репетицию. В зале царило волнение, предшествующее встрече с мастером. Но Климов запаздывал, чего с ним никогда не бывало. Далее вспоминает Елизавета Петровна Кудрявцева:

«Я перебежала двор и постучала в климовскую квартиру. Михаил Георгиевич сидел за письменным столом и что-то писал. На мои слова:

– Певцы ждут! – последовал ответ:

– Я в Капелле больше не работаю! – а затем, как ни в чем не бывало:

– Что у нас по плану? „Реквием“ Верди. Приезжает Виторио Гуи из Италии. Идите, Елизавета Петровна! Репетируйте!

Как в тумане я провела репетицию», – вспоминала мама:

«Вдруг вбегает климовская домработница и с порога:

– Михаил Георгиевич умер! Дома никого нет!

Я бросилась в квартиру. На полу лежал Клементий и хрипел. Над ним болталась трубка настенного телефона. Видимо, он с кем-то разговаривал. Я вызвала врачей. Приехали светила медицины и среди них профессор Ланг. Он и поставил диагноз – инсульт. Отнялась речь и парализована правая сторона.

Зимой я провела с Капеллой вместо Климова по городам Донбасса 23 концерта. Из каждого города посылала Учителю телеграммы об успехе его Капеллы. Вернулась в Ленинград и сразу с вокзала на Мойку, 20, к Климову.

Он лежал в постели в белоснежной парадной рубашке. Здоровой рукой достал из-под подушки мои телеграммы. Глаза его сияли. Губы выдавили по слогам:

– Ум-ни-ца мо-я!

На следующий день, придя в Консерваторию, где я занималась на 4 курсе, увидела на стене приказ: „За непосещение хорового класса отчислить Е.П. Кудрявцеву с дирижерско-симфонического, хорового и фортепианного факультетов!“ Так расправлялись враги с моим Учителем».

20 февраля 1937 года Климова не стало. Похоронили его в Александроневской лавре рядом с Глинкой. Отныне два капелльских Учителя пения покоятся рядом.

На климовском надгробии строки из моцартовского Реквиема: «Lacrimosa», что с латинского переводится «Слезная».

Ну, а дело великого Климова продолжают его музыкальные внуки – нынешнее поколение россиян – Александр Дмитриев, Юрий Темирканов, Александр Анисимов, Алексей Степанов, Валерий Гергиев, Андрей Аниханов, Равиль Мартынов, Владимир Зива, Андрей Борейко, Александр Юрлов, Владимир Минин, Федор Козлов, Николай Кунаев и нынешний руководитель Петербургской капеллы Владислав Чернушенко.

ПАЛЛАДИЙ АНДРЕЕВИЧ БОГДАНОВ

В 60-е годы прошлого века многие ленинградцы, что спешили через капелльские проходные дворы на улицу Желябова (так тогда именовалась Большая Конюшенная), могли видеть в первом дворике старичка, сидящего на венском стуле. Несмотря на солнышко, на нем была зимняя шапка и пальто, в которое он зябко кутался. Вокруг были капелльские мальчуганы, которым старичок что-то рассказывал тихим певучим голосом.

Это был легендарный учитель Капеллы, композитор, народный артист России Палладий Андреевич Богданов. Восемьдесят лет из девяноста, отпущенных ему Господом, он отдал старейшему хору, воспитал в капелльской школе несколько поколений музыкантов, ставших гордостью русского искусства: Евгений Мравинский, Константин Симеонов, Александр Никлусов, Елизавета Кудрявцева, Павел Орехов, Александр Мурин (старший), Александр Юрлов, Владимир Минин, Федор Козлов, Владислав Чернушенко, Владимир Баранов, Владимир Атлантов, Александр Броневицкий, Михаил Зайцев, Александр Дмитриев, Дмитрий Китаенко, и этот список можно продолжать бесконечно. Добавлю, что нынешние профессора Петербургской консерватории Николай Мартынов, Валерий Успенский, Станислав Легков, Владимир Максимков, Валерий Смирнов – ученики Богданова по Капелле.

Родился Палладий Андреевич Богданов 9 декабря 1881 года на окраине Петербурга, на Охте. Первые впечатления – отец собирал многочисленных детей, соседей, и они пели церковные песнопения и народные песни. Регент церковно-приходской школы Мансуров привел малыша в Капеллу, на Мойку, 20. Пение хора под руководством регента Смирнова ошеломило мальчика, особенно низкие басы-октависты. Но его, несмотря на редкостный по красоте голос и слух, в капелльский хор не зачислили. Переросток! В капелльский хор брали шестилетних. И тут вмешалась сама судьба. Палладия услышала сестра М. И. Глинки Людмила Ивановна Шестакова. Она привела мальчика к Римскому-Корсакову и Балакиреву и строго сказала:

– Коля! Милий! Возьмите Палашу в Капеллу. Он будет хорошо заниматься. У него есть данные быть хорошим музыкантом!

Так Богданов в 1892 году десяти лет от роду попал певчим в Придворную императорскую певческую капеллу. Он поет соло на богослужениях в Зимнем дворце. Как-то на Пасху малолетние певчие

поехали по традиции христосоваться с царем. Их заранее долго тренировали – на монаршее: «Христос Воскресе!» следовало четко ответить: «Воистину Воскресе, Ваше Императорское Величество!» с неизменным акцентом на букву «И». Палаша Богданов как самый маленький стоял с краю. Богатырского роста царь Александр III, завидев его, схватил, поставил на стул и, нарушая ритуал, гаркнул:

– Здорово! Молодец!

А мальчик, как учили:

– Воистину Воскресе, Ваше Императорское Величество!

Царь расхохотался и пустил Палладия по паркету. Богданов стал любимцем всей царской семьи. И по наследству – любимцем Николая II. Палладий Андреевич показывал нам золотые часы, в которых на последней крышке было выгравировано: «Палладию Богданову за верную службу. Николай II».

В 1903 году Богданов заканчивает регентские и инструментальные классы Капеллы как хормейстер и скрипач. Его учителями были профессора Консерватории Лядов, Аренский, Соколов, Ляпунов, Преображенский, Пузыревский, Вишневецкий. А летом 1904 года он был приглашен в Капеллу помощником учителя пения. Богданов проводит церковные службы в Зимнем дворце и Петергофе.

В 1910 году фирма «Юргенсон» и журнал «Регентское дело» издают первые хоровые духовные сочинения Палладия Андреевича.

В 1913 году Богданов успешно сдает экстерном экзамены в Консерватории Глазунову, Соколову, Лядову, Ляпунову.

С 1914 по 1917 год он на службе в армии. После 1917 года вместе с профессором М.Г. Климовым Богданов реорганизует бывшие регентские классы в Музыкально-хоровой техникум при Ленинградской капелле, который закончили многие музыканты, ставшие корифеями нашей культуры.

Палладий Андреевич занимается с детским хором Капеллы, ведет в школе теоретические предметы: сольфеджио, гармонию, основы полифонии.

В 1935 году, воспользовавшись тяжелой болезнью руководителя Капеллы Климова, чиновники от музыки расформировали хоровое училище. Инвентарь, библиотеку, инструменты передали Консерватории и на ее основе (базе) создали школу для одаренных детей. А Богданову, Елизавете Кудрявцевой и приехавшему из Москвы Александру Васильевичу Свешникову пришлось все создавать с нуля. Набрали две сотни

талантливых мальчиков и среди них – Юрлов, Минин, Козлов, Петров, Ушкарев, Козырев, Васильев и др.

В августе 1941 года школа Капеллы была эвакуирована в глухую деревню Кировской области – Арбаж. Богданов наладил быт, учебу. Ребята работали на огородах, собирали овощи, заготавливали на зиму дрова, давали концерты в ближайших поселках.

В начале 1944 года А.В. Свешников добился перевода капелльской школы в столицу, и на ее базе было создано хоровое училище, носящее ныне имя Свешникова. Предлагали перебраться в столицу Палладию Андреевичу, Елизавете Кудрявцевой, но они отказались и вернулись в родной город. Пришлось в какой уже раз возрождать дело своей жизни.

В мае 1945 года хор капелльской школы под управлением Богданова дал свой первый послевоенный концерт. С легкой руки Палладия Андреевича полетели по стране замечательные мелодии:

«Солнышко светит ясное!»,

«Шумит вдали прибой, мерцают звезды!»,

«До свидания, мама, не горюй!»,

«Алеет зорька молодая над быстрой Невой!»

и другие.

А сколько слез проливали слушатели, когда слепец-мальчик Боря Бородай запевал «Ты, соловушко, умолкни, песен петь не надо» Глинки или мелодию Шопена исполняли Дима Николаев и Саша Маргодин.

Когда слово «Господь» не то что произносить, но и думать запрещалось, Палладий нас кормил гениальными духовными сочинениями Бортнянского, Рахманинова, Балакирева, Чеснокова, правда, с другими, «светскими» словами, зачастую придуманными им самим. Это были «Тихие мелодии», «Вечерние песни» и тому подобное.

Помню, в 1950 году на панихиде по великому русскому певцу Павлу Захаровичу Андрееву в театре мы выводили мотет Баха с богдановскими словами:

Ночь отошла бесследно! Над землей восходит солнце!

Прочь бежит печаль! Уходит грусть, как тени темной ночи!

Кадриль болезней на девятом десятке жизни завладела Палладием Андреевичем. Его дело в Капелле, в хоровом училище, в Консерватории продолжили его музыкальные дети: Елизавета Кудрявцева, Александр Никлусов, Федор Козлов, Владимир Баранов, позднее Владислав Чернушенко и Валерий Успенский.

Палладий Андреевич Богданов. 1959 г.

А он сидел на солнышке в капелльском дворе и рассказывал, рассказывал о давних временах, о Капелле, о своих великих учителях. Для нас он был живым звеном между эпохой «Могучей кучки» и музыкантами второй половины XX века. Помню, как он поведал нам о капелльских концертах конца XIX века:

– На сцену нового зала, где на тумбочках стояли бюсты композиторов-капеллан Львова и Бортнянского стройными рядами выходили певчие-мальчишки в красных кафтанах и золотых кушаках. На правом плече каждого сияла позумент-бляха с тремя буквами «П.П.К.» – «Придворная певческая капелла».

За ними сорок взрослых певцов в черных виц-мундирах с золотыми пуговицами. Кстати, каждый певец имел воинское звание (вплоть до полковника). Из хора выходили регенты – Евстафий Степанович Азеев или Степан Александрович Смирнов и начиналось... Божество!!!

А рассказы Богданова о Балакиреве и Римском-Корсакове неизбежны:

– Милий Алексеевич и Николай Андреевич были святыми тружениками! Управляющий Капеллой Балакирев каждый божий день, без выходных приезжал на извозчике на Мойку, 20, в 6:45 утра. Будил 80 мальчиков-певчих и после утреннего туалета шел с ними на молитву, затем на завтрак. В 8 часов (!!!) утра начинались спевки под руководством Азеева и Смирнова. Милий Алексеевич следил, чтобы репетиция не превышала 60 минут, и за каждую просроченную минуту устраивал строгий выговор. В час – обед. Балакирев лично проверял, пробовал все блюда, которыми кормили певчих-мальчишек. Затем передавал бразды правления своему помощнику Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову, который вел ученический симфонический оркестр, гармонию, сольфеджио, игру на духовых инструментах. Балакирев уезжал на пять часов по своим делам и появлялся в Капелле, когда учащиеся сделали уроки и был час отдыха. Он садился в проходном зале за сценой за рояль и играл виртуозные импровизации – вальсы, польки, галопы и любимый нами «казачок». А мы под игру композитора танцевали или заворуженно смотрели, как пальцы Милия Алексеевича вытворяют чудеса. А еще Балакирев пригласил из Александринского императорского театра актера, и он разучил с нами и поставил в костюмах и гриме «Ревизор» Гоголя! Причем я, – добавлял не без гордости Палладий Андреевич, – играл роль Бобчинского. Этим Балакирев и Римский-Корсаков стремились приучить нас к самообладанию на сцене, так необходимому в профессии музыканта-профессионала.

Палладий Андреевич был истинно верующий, православный русский музыкант, соблюдал все посты, церковные праздники.

Обычно к Пасхе мой отец, военный инженер, разрисовывал красные куриные яйца видами храмов, соборов, Дворцовой площади, ликом Христа, покрывал их бесцветным лаком, которым на службе красили самолеты и ракеты. И с отцовскими шедеврами я бежал на квартиру Богданова на третьем этаже. Мы троекратно христосовались. Он усаживал меня на диван у рояля, над которым во всю стену висели портреты великих музыкантов с автографами. Палладий Андреевич угощал меня куличом, пасхой с изюмом и пряностями, а затем суетливо переодевался в парадный «мундир» и спешил на службу в храмы города, где одаривал знакомых иерархов церкви и регентов папиными «изделиями».

**Талик Дмитриевский, Тоша Успенский, П.А. Богданов, Саня Мурин,
невестка П.А. Богданова. 1959–1961 гг.**

На 90-м году 31 марта 1971 года Палладия Андреевича Богданова не стало. Николо-Богоявленский собор близ Театральной площади не мог вместить всех желающих проститься с великим Учителем и музыкантом. Панихиду служили несколько священников городских церквей, а в хоре простыми певчими пели народные артисты СССР, Мариинки, Малого оперного, капельские старики-ветераны.

«Наш Палаша» вернулся на свою малую родину – на Охту. На Большеохтинском Георгиевском кладбище на его могиле памятник, что соорудили его музыкальные «дети». На лицевой стороне символическая надпись:

Палладию Андреевичу Богданову
Отцу! Учителю! Музыканту!

Нам Палладий Андреевич завещал:
– Живи просто – доживешь лет до ста!
Он был для нас музыкальным Богом и Отцом.
Вечная ему память!

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРЕВСКИЙ

На «Литераторских мостках» Волковского мемориального православного кладбища в Петербурге, где покоятся русские гении двух веков: Тургенев, Белинский, Лесков, Павлов, Менделеев, Блок и другие, возвышается необычный памятник. Небесного цвета мраморная колонна, а на ней фрагмент «Реквиема» Гектора Берлиоза. Внимательный посетитель может разобрать латинские слова «Mors stupebit et natura» («Смерть приходит на землю»). Это надгробие выдающемуся русскому хормейстеру и педагогу Георгию Александровичу Дмитревскому.

Господь отпустил ему бытия на земле столько же, сколько Глинке, Даргомыжскому, Бородину, Чайковскому – неполных 54 года (1900–1953). Но они были полны триумфов и поражений, сомнений и тревог, радости и печали. Так перевернем, как говорили в старину, страницы его жития.

Родился Георгий Александрович на рубеже XX века, 22 марта 1900 года, в Москве, в учительской семье. Закончил с серебряной медалью московскую вторую классическую гимназию. Поступил на физико-математический факультет Московского университета, мечтал о карьере ученого. Но жизнь распорядилась иначе. В 20 лет потерял отца. На его руках – старушка-мать и больной старший брат. Пошел рабочим на Русско-Балтийский автомобильный завод. По вечерам подрабатывал пианистом-тапером в кино. По выходным окучивал картошку в огороде, чтобы прокормить семью. В редкие свободные вечера спешил в Большой театр и на галерке слушал «Руслана» Глинки, «Онегина» и «Пиковую» Чайковского, «Бориса Годунова» Мусоргского с Шаляпиным. Музыка победила! Пытливый юноша поступает в музыкальный техникум при Консерватории. Занимается у педагога Яворского, друга и последователя великого Танеева. Успехи были таковы, что в 1926 году директор Консерватории композитор Ипполитов-Иванов зачисляет Дмитревского сразу на 4-й курс вуза.

Георгию Александровичу повезло на учителей-наставников. Павел Григорьевич Чесноков, духовный композитор, регент храма Христа Спасителя со дня освящения до трагического уничтожения русской святыни в 1930 году. Дмитревский рассказывал нам, как Чесноков каждый день до последнего часа своей жизни приходил утром к руинам храма и на коленях со слезами на глазах молился. Другой учитель – Николай Михайлович Данилин, друг Рахманинова, регент Синодального хора, был первым

исполнителем «Литургии» и «Всенощного бдения» композитора. Они заложили в молодого музыканта фундамент знаний, которые тот, как истинно русский интеллигент, будет совершенствовать всю жизнь.

Вскоре Дмитревский становится в Консерватории рядом со своими наставниками. Он один из создателей дирижерско-хорового факультета, декан, профессор, руководитель студенческого хора.

Георгий Александрович Дмитревский. 1951 г.

Первые его воспитанники были почти его ровесники – Александр Рыбнов, Александр Хазанов, Клавдий Птица, Владислав Соколов, Серафим Попов и другие. В классе сложилась та доверительная творческая атмосфера без сюсюканья и панибратства, что сплотила педагогов и учеников в единую крепкую семью. Профессор, не стесняясь своих учеников, осваивал вместе с ними новые, незнакомые пласты хоровой литературы, поражал своей эрудицией и энциклопедическим знаниями.

Дмитревский считал, что хормейстер должен грамотно и ясно излагать свои мысли на бумаге пером, уметь профессионально, по-композиторски распоряжаться с партитурой и аранжировкой. Вот почему вышеназванные ученики Георгия Александровича впоследствии написали многочисленные книги, статьи по хоровому искусству, издали сборники обработок и аранжировок, в которых развили и продолжили мысли и идеи, высказанные на уроках любимого профессора.

К 1944 году Дмитриевский стал фактической главой московских хоровиков. К многочисленным нагрузкам добавилась еще должность проректора Московской консерватории.

Осенью 1943 года Георгий Александрович приехал в город Горький, где находилась тогда в эвакуации Ленинградская капелла, которой в годы войны руководила моя мама Елизавета Петровна Кудрявцева-Мурина. Услышав при встрече мобильный коллектив в 67 певцов, он был поражен звучанием и репертуаром: «Литургия» Чайковского, «Александр Невский» Прокофьева, «Минин и Пожарский» Дегтярева, хоровые миниатюры на три программы.

Весной 1944 года Дмитриевский и возглавил старейший русский хор. Без сожаления оставил Москву, престижные должности ради исполнительства.

Капелла пополнила свои ряды певцами из расформированного военного Ансамбля пяти морей и отправилась по городам Поволжья на гастроль.

Родным домом для сотни певцов, детей, стариков, родителей на три месяца стал красавец-пароход «Михаил Калинин». Вот тогда на причале в Химках я впервые увидел Георгия Александровича. Это был массивный мужчина, килограмм за сто, с крупными чертами лица. Его глаза излучали какую-то необыкновенную доброту. Но когда надо, они могли быть грозными, а мягкая мясистая ладонь превращалась в карающую длань. В первом городке гастролей, где остановился наш теплоход, случилось ЧП. Пока старшие артисты Капеллы вместе с Дмитриевском и Кудрявцевой давали концерт в местном клубе, я и мой товарищ, сын октависта Петра Константиновича Левандо, Петя Левандо по прозвищу Петочка, спустились по трапу на берег Волги и в лугах собирали ромашки, васильки, лютики и не заметили, как капеллане вернулись с концерта, убрали трап, «Калинин» вырулил на середину реки. Мы бежали по берегу и дико вопили. Нас заметили. Боцман спустил на тросе лодку, загрузил нас, как

бездомных котят. Петя был порот. Досталось и мне. И тогда я услышал от Георгия Александровича жесткие, грозные слова:

– Мальчишки! О матерях бы подумали! Сколько им пришлось пережить!

И крепкая ладонь взъерошила наши упрямые рыжие затылки.

Капеллу восторженно принимали во всех поволжских городах. Мы видели руины Сталинграда, порушенные храмы, но не сломленных русских людей. Дмитревский и Кудрявцева учили в кают-компании с хором кантату «Иоанн Дамаскин» Танеева. Мы играли за кулисами с ребятами. В перерыве артисты просили спеть ту или иную партию. И мы выводили своими писклявыми дискантами «Иду в неведомый мне путь...», «Вставайте, люди русские» и получали гонорар – сухарь, иногда, редко-редко – конфетку.

В октябре 1944 года Капелла вернулась в родной Ленинград. Мама как дирижер Капеллы получила в здании на Мойке, 20, две комнатухи в коммунальной квартире с видом на Дворцовую площадь. Две комнаты с видом на капелльский двор получил и Георгий Александрович. Пришлось начинать с нуля. К нему в комнату притащили из Капеллы выдавший виды письменный стол, шкаф, рояль и старую оттоманку. Вскоре к Дмитревскому переехала из Москву его молодая жена Клеопатра Николаевна, бывшая его ученица.

Надо было возродить Хоровое училище мальчиков, так как большая часть ребят, что были в эвакуации с Богдановым в Арбаже, была вывезена в Москву Свешниковым, и на их базе было основано Московское хоровое училище. Первые послевоенные выпускники «свешниковского» училища были сплошь ленинградцы: Саша Юрлов, Вова Минин, Федя Козлов, Юра Петров и др.

Г.А. Дмитревский разработал программы, учебные планы и вместе с Палладием Андреевичем Богдановым и Елизаветой Петровной Кудрявцевой и педагогами А.А. Патрикеевым, В.М. Зайцевым, Г.И. Беззубовым начали занятия.

В школу были приняты в первую очередь дети артистов Капеллы, данные которых Георгий Александрович великолепно знал: Петр Левандо, Сергей Козырев, Миша Зайцев, Толя Емелин, братья Смирновы, Николай Крупоедов, Андрей Титов, Федя Бурлуцкий, Вова Атлантов, Катя Мурина, Наташа Номировская, Кира Изотова, внучки Богданова Наташа и Валя и другие.

В 1945 году Георгий Александрович стал профессором нашей Консерватории, зав. кафедрой хорового дирижирования, где у него получали высшее образование Ф. Козлов, В. Баранов, С. Козырев и другие.

В Хоре Капеллы у Дмитриевского и Кудрявцевой было своеобразное распределение труда. Георгий Александрович работал над акапелльной программой, а все мессы, реквиемы и оратории легли на плечи Елизаветы Петровны.

До полуночи не гасла лампа на рабочем столе Георгия Александровича. В письме к жене он писал: «Училище проверено мною досконально с 1 по 9 класс. Среди капелльских мальчишек есть настоящие соловьи – без всякого преувеличения. Имеются мальчики с абсолютным слухом, а один из них – пистолет лет десяти – имеет моцартовский слух, для него нет предела количества воспринимаемого! Изумительно! Я приказал, чтобы с ним занимались по фортепиано ежедневно!»

Между прочим, речь идет о Саше Дмитриеве, ныне всемирно известном дирижере, народном артисте СССР, профессоре Александре Сергеевиче Дмитриеве. И далее Дмитриевский пишет:

«Когда у Лизы (т.е. Елизаветы Петровны Кудрявцевой) они стоят во круг рояля по-капелльски, два маленьких держат книжку нот, сзади два повыше, и еще пара выше, и четвертая пара 13–14-летних, все глядят в нотную тетрадь, я вспоминаю себя маленьким на клиросе. Лиза с ребятами оперирует, как повар с фаршем или тестом. Ловко она занимается с детьми!» – с доброй завистью резюмирует Георгий Александрович, завершая письмо.

У Дмитриевского в Москве оставался сын от первого брака – Александр Георгиевич, офицер госбезопасности. И всю неистраченную отцовскую любовь Георгий Александрович отдавал нам, капелльским мальчишкам.

Мы наблюдали, с какой любовью относился он к своему ученику Пете Левандо. Вел его буквально «по жизни», как заботливый садовник, опекал нашего Петочку. Заметив его музыковедческий талант, поручал ему все новые и новые задания. П. П. Левандо своей жизнью оправдал доверие учителя. Стал доктором искусствоведения, профессором, вместе с другим воспитанником Дмитриевского И. И. Полтавцевым стал создателем, а позднее заведующим кафедрой хорового дирижирования в Библиотечном институте, автором многих книг и хоровых сборников.

В 1947 году Георгий Александрович осуществил свою давнюю мечту – продирижировал в Филармонии оркестром и Капеллой кантатой Танеева «Иоанн Дамаскин». Исполнение прошло с огромным успехом, но сам маэстро так волновался, что, казалось, постарел лет на десять – столько сил и энергии он отдал музыке.

Гастрольные концерты по стране, поездка в Германию, профессура в Консерватории, занятия с мальчишками в школе Капеллы заполняли все его время.

С мистическим чувством ожидал он 1953 год – 53-й год его жизни. Дело в том, что в таком возрасте умерли его дед и отец. Летом этого года во время гастролей по Украине тяжело заболела его главный помощник Е. П. Кудрявцева, а молодые хормейстеры Федор Козлов и Володя Баранов делали только первые шаги к хоровому олимпу. Главная тяжесть по восстановлению «Мессы» Баха и «Реквиема» Берлиоза легли на плечи Георгия Александровича.

2 декабря Дмитревский назначил генеральную репетицию «Реквиема» в концертном зале Капеллы под рояль. За час до этого для студентов и преподавателей Консерватории он прочел лекцию о сочинении в репетиционном классе.

Концертный зал был полон: участники многочисленных хоров Ленинграда, их руководители и просто любопытные нетерпеливо ждали начала показа. Я побежал по коридору разузнать о причине задержки, и в этот момент створки репетиционного зала отворились. Из них, как из парной, пахло горячим воздухом. Навстречу вышел Георгий Александрович. Он был мокрый, как цыпленок, пожурил меня, что я пропустил его лекцию, услышал невразумительное бормотание в ответ. Обмахнув платком град пота со лба, обнял меня за плечи и так вместе мы пошли к сцене.

Я пристроился в проходе седьмого ряда на один стул с моим одноклассником Сашей Смирновым.

Хор, устав от ожидания, рвался «в бой». За рояль вышла Ирина Шацкова, рядом Федор Козлов, и в зал обрушились первые звуки «Реквиема»: «Вечный упокой дай, Господи!»

Жест Георгия Александровича был необычайно мощным. Он подымал, казалось, с пола звуковые монументальные глыбы, выталкивая с нечеловеческим напряжением к небу. Зычно прозвучала тема «Смерть приходит на землю, и природа содрогается!»

Из зала показалось, что дирижер хочет подвинуть рояль к хору, вглубь сцены, будто инструмент мешает мощным движениям рук. Федор Козлов выскочил помочь...

Но вдруг Учитель рухнул на сцену, как вековой дуб.

Из зала раздался общий вопль...

Я перемахнул через сцену мимо лежащего Георгия Александровича и вызвал по телефону, что был за кулисами в проходном зале, «скорую».

Врачи приехали быстро, минут через десять, шли, как всегда в таких случаях кажется, медленно через коридор артистов, что их торопили, и сразу констатировали: «Смерть». «Mors!»

Федор Козлов набросился на них со слезами и все твердил:

– Он жив! Жив! Скорее в больницу!!

5 декабря был праздник, красный день календаря, «Сталинская конституция», а 6-го город прощался с музыкантом.

– Красивая смерть!! Умер на яру!! – говорили ленинградцы.

С того дня прошло полвека. Ну, а старейший хор России, пройдя все мыслимые и немыслимые катаклизмы, жив. Ведущие музыкальные коллективы, оркестры, театры ныне возглавляют музыкальные дети и внуки Дмитриевского сотоварищи.

Мы все помним заповедь нашего Учителя:

– Как бы ни сложилась моя жизнь, что бы со мною ни случилось, я русский хоровик по душе и останусь им до конца дней своих!!

Дай Бог так сказать каждому из нас, когда судьба постучится в дверь.

«ТЫ, СОЛОВУШКО!» ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ КОЗЛОВ

В неприметном смоленском городке Сычевке в семье Козловых 70 лет тому назад, в 1927 году, родился мальчик, которому дали самое обычное на Руси имя Федор.

Вспомним, сколько раз смоленская земля вставала неприступным бастионом для врагов Отчизны. Сколько раз горел многострадальный Смоленск и возрождался, как птица Феникс из пепла. Сколько знатных творцов дала смоленская земля, и среди них – гениальный певец России Михаил Глинка.

В голодном 1929 году семья Козловых перебралась на заработки в Питер. Федор Козлов увидел город, который стал его судьбой. Городская сутолока, машины, трамваи, огромные огнедышащие паровозы – все было в новинку смоленскому пареньку.

И вот 1937 год. Пройдя строгий отбор, десятилетний Федор впервые вступил в Концертный зал Певческой капеллы. Ему показалось, что он очутился в волшебном сказочном сне. Сверху через цветные витражи окон льется радостный свет. Рядом в партере сидят будущие одноклассники, такие же сорванцы: Саша Юрлов, Вова Минин, за полчаса до этого гонявшие во дворе Капеллы тряпичный мяч. На сцену Капеллы поднимается высокий, статный Александр Васильевич Свешников и кругленький краснолицый Палладий Андреевич Богданов. Они объявляют список будущих учеников Капеллы, среди них его имя.

На сцене большая черная школьная доска, на ней пять красных линеек. Молодая, стройная Елизавета Петровна Кудрявцева подходит к ней, рисует между второй и третьей линейками круг и объявляет:

– Это, мальчики, нота «ля»!

Так начался для Федора Козлова путь в большую музыку.

1941 год. Блокада! В неразберихе первых месяцев войны умные головы приняли мудрое решение – спасти самое дорогое – детей. В вагонах из-под угля повзрослевшие капелльские пацаны от черной пыли скоро напоминали арапчонков. Во главе с Палладием Богдановым, учителями-воспитателями с нехитрыми пожитками, инструментами они оказались в северной деревне Арбаз Кировской области. Жили коммуной. Валили лес, заготавливали на зиму дрова, овощи и учились, учились, пели, репетировали, давали концерты в соседних селах, деревнях, городках перед ранеными воинами.

В победном 1945-м уже в Москве Федя Козлов с Александром Юрловым и Владимиром Мининым заканчивают Хоровое училище у патриарха русского искусства, профессора Александра Васильевича Свешникова. Затем дирижерский класс в Ленинградской консерватории у профессора Георгия Александровича Дмитревского.

С 1947 года молодой музыкант совмещает учебу с работой хормейстером в школе мальчиков в Капелле. Позднее он принял руководство хором из рук самого Палладия Андреевича Богданова. Федор Михайлович сделал все, чтобы не оборвалась ниточка традиции, идущая от учителей пения Бортнянского и Глинки, через Римского-Корсакова и Балакирева, Климова, Богданова, Свешникова, Кудрявцевой к нему, молодому хормейстеру.

Федор Михайлович Козлов. 1989 г.

Музыкант разностороннего дарования Федор Козлов проявлял себя в различных художественных ипостасях: и как композитор, автор оригинальных аранжировок, пианист, но главное – учитель.

Его педагогическое кредо: учитель – это нянька, отец родной и строгий судья. Федор Михайлович считает, что талант трудно, но пробьет себе дорогу, а вот помочь сомневающемуся, робкому поверить в свои силы, обрести уверенность – вот главная задача учителя. И эта вера может сделать чудеса. Глядишь, еще вчера неперспективный капелланин, не хватающий звезд с неба, сегодня становится явлением.

**Е. П. Кудрявцева, П. А. Богданов, Ф. М. Козлов,
В. К. Баранов, И.К. Дорошин. 1955 г.**

Сотни, сотни капелльских мальчишек, известных всему миру музыкантов, могут с гордостью сказать, что первые азы в хоровом дирижерском деле получили из рук заслуженного деятеля искусств России Федора Козлова.

А работа Хора мальчиков Капеллы под руководством Козлова над произведениями Шостаковича, Свиридова, Гаврилина, Соловьева-Седова дала много музыкальных открытий. «Невские соловушки» – так любовно называли у нас в стране и за рубежом Хор мальчиков Капеллы с неповторимым звучанием под руководством Федора Михайловича.

Несколько лет тому назад Федор Михайлович Козлов создал в Доме офицеров Хор ветеранов Великой Отечественной войны. Седые воины, ведомые опытной рукой дирижера, будят нашу память, сохраняют святые песни победного поколения.

И мы желаем, чтобы еще не одна песня родилась под управлением Федора Михайловича Козлова и обрела новую жизнь.

Здоровья Вам и новых успехов и молодости души на долгие, долгие годы, дорогой Учитель!

**Ф. М. Козлов и Е. П. Кудрявцева на митинге по случаю
150-летия М. И. Глинки**

P.S. Эти восторженные слова в адрес Ф. М. Козлова прозвучали 25 мая 1997 года в юбилейный день рождения (70 лет) по радио. Их услышал именинник. В родном зале Капеллы на Мойке, 20, был юбилейный концерт. На сцене – Петербургская капелла, Хор мальчиков, студенческий консерваторский коллектив, Хор ветеранов Великой Отечественной войны, ученики, ученики...

В 2003 году Федор Михайлович Козлов примкнул к большинству небожителей: Климову, Богданову, Свешникову, Дмитревскому. Упокоился на Смоленском православном кладбище недалеко от часовни Ксении Петербургской.

Январь 2009 года

«МОЛОДЕЦ! МАЛЬЧИШКА!» (СЛОВО О ГРИГОРИИ САНДЛЕРЕ)

Начну издалека. В старших классах Хорового училища при Ленинградской капелле в конце 40-х годов XX века я занимался по дирижированию у художественного руководителя Капеллы, профессора Консерватории Георгия Александровича Дмитриевского.

Маститый учитель приходил на занятия с необычайной пунктуальностью, минута в минуту. Водружал свою массивную фигуру на два стула, и начиналось таинство постижения музыки.

Георгий Александрович требовал играть на рояле на память партитуру, петь голоса с любого такта, изучить сочинение досконально, историю, время создания, биографию авторов музыки и стихов. Иногда задавал вопросы, на которые мы, «капельские пострелята», молчали, как немцы:

- В каком году совершил подвиг Иван Сусанин?
- Кто пленил князя Игоря?..

Далее следовала просьба учителя:

– Шурик! Сбегай ко мне домой (через капельский двор, двадцать шагов. – А. М.), позвони, поздоровайся, извинись и попроси у Клеопатры Николаевны (жена Г. А. Дмитриевского. – А. М.) для меня достать с верхней полки «Историю государства Российского» Карамзина, принеси, открой такую-то страницу и прочти «футболистам»!

Это относилось в моим друзьям-одноклассникам: Леону – Ленке Петрову, Машке – Олегу Мошковичу и Лешему – Стасику Легкову. Замечу, к слову, что каждый из капеллан по негласной давней традиции имел персональную кличку, прозвище. Меня величали «Кобыла – забыла поеть!» В свободное время мы гоняли мяч перед окнами учителя.

Когда историческая истина была восстановлена, Дмитриевский брезгливо обращался к нам:

– Мальчишки! – и назидательно продолжал: – Брала бы пример с Сандлера! Войну прошел! Ранен! А занимается – не чета вам! Мальчишки!

У нас сложилась в сознании фигура Сандлера – эдакого богатыря, что надавал фашистам по мордам, а после дембеля поступил в Консу (Ленинградскую консерваторию. – А. М.)

Позднее на концерте в Университете я впервые увидел Григория Моисеевича. На сцену вышел, прихрамывая, невысокого роста с красным лицом человек; глаза его слезились, как от дыма.

Дирижерская манера была похожа на технику нашего общего Учителя. Большой жест руки, широкие ладони, разверзнутые пальцы, резкий взмах.

От него исходила какая-то мощная, «мужицкая», в самом хорошем смысле этого русского слова, энергия. Хор буквально «пожирал» его глазами и пел смачно, зычно, ярко, звонко...

Смерть Г.А. Дмитриевского «на яру», на генеральной, публичной репетиции «Реквиема» Берлиоза в зале Капеллы в декабре 1953 года, нас особенно сблизила. Мы были свидетелями гибели Учителя, плакали на похоронах на Волковом кладбище.

В 1955 году я поступил на дирижерский факультет Консерватории и одновременно стал помощником моему крестному дядьке Александру Григорьевичу Мурину в хоровых коллективах в Доме культуры «Трудовые резервы» и в рабочем клубе на Металлическом заводе им. Сталина.

Мы часто встречались с Сандлером и руководимым им Университетским хором на смотрах, конкурсах, концертах и традиционных праздниках песни. Дядьку А.Г. Мурина, главного хормейстера Мариинки Григорий Моисеевич уважительно величал Александром-старшим, а меня запросто – Шуркой-мальчишкой.

В 1957 году хор Университета и хор «Трудовые резервы» прошли городской отбор на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В Москве, уже на всесоюзном конкурсе, наш коллектив выступил удачно, а университетские ребята и девчата скомкали свое выступление. Григорий Моисеевич переживал и ходил чернее тучи.

И тогда А.Г. Мурин неожиданно для всех заявил в жюри:

– Хор «Трудовых резервов» спел удачно случайно и повторить это вряд ли сможет, и поэтому считаю, что на международном конкурсе нашу страну должен представлять коллектив Ленинградского университета под руководством Сандлера!!!

Жюри, а в нем были Свешников, Птица, Соколов, Пигров, Юрлов, согласились.

И дядька оказался прав – в результате золото было у Университетского хора.

Любопытный факт. В нашем хоре тогда пела ученица ФЗУ, будущая звезда Ирина Богачева, а в Университетском хоре – другая будущая «дива», студентка Людмила Филатова.

С тех далеких лет мы с Григорием Александровичем стали друзьями, а когда он узнал, что я еще и помощник в Хоре любителей пения

при Капелле у моей мамы, дирижера Капеллы, профессора Консерватории Елизаветы Петровны Кудрявцевой, наши отношения переросли в особенно теплые.

Е. П. Кудрявцева, В. А. Чернушенко, Г.А. Сандлер

– Привет мамке Лизавете! – всегда завершал наши встречи Сандлер.

Перехожу к самым радостным для меня и самым печальным для Григория Моисеевича страницам воспоминаний.

Еще учась в Консерватории по хоровой аранжировке у профессора А.А. Егорова, я пристрастился к этому довольно сложному «темному» делу. Мои «опусы» пели не только хоры, в коих я работал, но и другие коллективы.

Наконец я «обнаглел» и стал выдавать «на гора» оригинальные сочинения на стихи, что трогали мою душу.

У А.В. Свешникова оказались мои «Зимние песни» (на стихи Блока), у Г.Г. Эрнесакса – «Муромский сруб» (на стихи Вознесенского), у М.П. Зиновьева в Ярославской капелле – «Песни весны» (на стихи Пердреева), у М.Ф. Заринской – «Тяпа и квас», у Г.М. Сандлера – Канон Моцарта с моим переводом. Причем на концертах он всегда шутя объявлял:

– «Слава солнцу! Слава миру!» Музыка Вольфганга Моцарта на стихи Александра Мурина!!!

Помимо хора Университета Григорий Моисеевич долгие годы руководил коллективом Ленинградского радио. В нем он и «приютит» в качестве помощника и музыкального редактора мамину консерваторскую ученицу Таню Фомкину. По ее рекомендации я и дерзнул в 1984 году показать Сандлеру мой 4-частный хоровой концерт «Дай скорее руку!» на стихи Расула Гамзатова.

Григорий Моисеевич внимательно прослушал мою игру на фортепиано, помолчал, переваривая услышанное, а затем хлопнул меня по шее и сказал серьезно:

– Молодец! Мальчишка! Шурка! Беру!

В день записи я пришел в Дом радио как на праздник. Хотел залезть в каптерку к звукорежиссерам, но Сандлер меня опередил:

– Ну-ка! Пойди на часок погуляй на Манежной площади, но обязательно возвращайся прослушать свое «творение»!

Через час я был в Первой студии. Услышал запись. Обнял Сандлера, а он рванулся к хору, который одновременно с нами слушал в зале Гамзатовский цикл... Вернулся Григорий Моисеевич в слезах... Напялил шляпу, накинул пальто, шлепнув меня по спине, безмолвно резко повернулся и вышел из студии.

Вся в «яблоках» Таня Фомкина взволнованно пояснила мне:

– Сандлер ушел с поста руководителя! Он попрощался с хором!!!

За четыре десятилетия сотни и сотни произведений русской, зарубежной классики, сочинений советских, ленинградских композиторов «родил» и выдал в эфир хор Сандлера. И вот в угоду какому-то «чинуше» старый музыкант покинул свое детище.

Мой хоровой концерт стал его последней работой на Ленинградском радио. Когда запись прошла по первой программе в эфир, я позвонил Григорию Моисеевичу. Он, как всегда, радостно бросил в ответ на мои восклицания:

– Молодец! Мальчишка! Шурка! Привет мамке Лизавете и Александру-старшему!!

Когда я делаю что-либо в жизни достойно моих великих учителей, мне кажется, что получу одобрительный традиционный шлепок по спине и услышу знакомый сандлеровский голос:

– Молодец! Мальчишка!

МАРИЯ ФЕДОРОВНА ЗАРИНСКАЯ

В 1955-м я, студент дирижерского факультета Консерватории, стал помощником моему дядьке-крестному Александру Григорьевичу Мурину в рабочем хоре Металлического завода на Выборгской стороне и в коллективе ансамбля «Трудовые резервы», что был на улице Софьи Перовской, дом 3 (ныне Малая Конюшенная, 3, Дворец молодежи).

Когда старший Мурин был занят в спектаклях в Кировском театре, где он служил, главным хормейстером его подменял в «Трудовых», помимо меня, старый хормейстер, бывший регент, капеллан Григорий Иванович Беззубов. Он когда-то работал в ансамбле с Дунаевским и был большой мастер настроить, распеть хор, просто и доходчиво объяснить ребятам «от сохи» премудрости сольфеджио и гармонии. Поэтому все наши хористы пели только по нотам и были довольно продвинуты в этом отношении.

Но у Григория Ивановича было любимое детище – хор юношей во Дворце пионеров у Аничкова моста, где он проводил рискованный,

с позиции школьных мыр из Городского отдела народного образования, эксперимент.

У него пели юноши во время ломки голоса (мутации). Беззубов считал, что если в это время аккуратно, не насилая связки, пользоваться вокальным аппаратом, то можно в дальнейшем сохранить прекрасный голос. И был прав. Из беззубовского хора юношей в дальнейшем вышли замечательные хормейстеры, певцы-вокалисты, и среди них Владимир Бадулин, Валериян Грушко, Валерий Стародубцев и многие другие. Под Новый год Григорий Иванович затащил меня во Дворец на концерт.

В первом отделении божественно стройно, по церковному благоговейно, матово пел хор юношей. А во втором на сцену вышла сотня красивых девиц в белых кофточках, черных юбках и модных тогда туфлях-лодочках. Под аплодисменты зала выпорхнула женщина в строгом английском костюме. Ведущая представила: «Комсомольско-молодежный хор под управлением Марии Федоровны Заринской». Меня поразили звонкий, порой даже зычный, звук хора и буквально кавказский темперамент дирижера.

После концерта Григорий Иванович представил меня: «Мария Федоровна! Это Шура – сын Елизаветы Петровны Кудрявцевой и племянник Александра Григорьевича. Мы с ним „колдуем“ в „Трудовых“!»

Заринская расспросила, где и у кого учусь в Консерватории. Узнав, что по аранжировке в классе профессора Александра Александровича Егорова, заметила, что поет с хором много его обработок и добавила: «Смотри! Не пропускай его занятий. Он большой эрудит в хоровой композиции, ведь этому он учился у Лядова и Глазунова!»

С тех пор мы часто встречались с Марией Федоровной на смотрах, фестивалях, Праздниках песни, юбилеях, где пели хоровые коллективы, в которых я подвизался в качестве хормейстера. В городе создавалось хоровое общество – фактически братство хоровиков: Егоров, Анисимов, Кудрявцева, Мурин, Заринская, Крылов, Раковицкий, Гильдин, Полтавцев, Славнитский, Никлусов, Козлов, Баранов и другие.

После учредительной конференции хорового общества я написал большую статью и сделал к ней снимок. И газетную статью и фото я подарил Марии Федоровне.

К многочисленным моим нагрузкам прибавилась в 1958 год должность хормейстера (правда, на общественных началах) в Хоре любителей пения при Капелле, что основала мама, дирижер Ленинградской капеллы Елизавета Петровна Кудрявцева.

Для Марии Федоровны я сделал ряд обработок. Особенно понравилась ей негритянская колыбельная «Спи, мой беби» из репертуара Поля Робсона, что и сегодня звучит в детских хорах.

В 1961 году на карте мира появилась свободолюбивая Куба с пламенным Фиделем Кастро. Я с моими друзьями Сусловым, Шумилиным написали песню «Гавана!» Знакомые поэты сделали перевод на европейские языки.

Всем приглянулась терпкая, с синкопами мелодия и джазовый афро-кубинский аккомпанемент. Мария Федоровна много сделала для распространения песни. Ее девчата из Дворца разослали ноты в различные страны. Один экземпляр был даже вручен вождю кубинцев.

Мария Федоровна Заринская была зачинщиком многих хоровых деяний. Я видел ее на Праздниках песни в Прибалтике и среди знаменитых на весь мир мэтров Александра Свешникова, Роберта Шоу, Густава Эрнесакса, Владислава Соколова, Александра Юрлова, Григория Ширмы. Со всеми она чувствовала себя комфортно, на равных.

Ее энергии, напористости, оптимизму могли позавидовать и многие молодые...

Время бежит необратимо... Вот уже мы стали стариками. Но в памяти нашей Мария Федоровна Заринская, великий Учитель, останется навечно молодой.

Я счастлив, что судьба свела меня с этим Человеком.

6 ноября 2002 года

«ГУЩАРА». АЛЕКСАНДР ЕМЕЛЬЯ- НОВИЧ НИКЛУСОВ

В 1950 году родители решили нам (мне и сестре Кате) показать мать городов российских – Киев. Мы приехали в столицу Украины из-под Чернигова, где отдыхали в местечке с экзотическим названием Сиднев, и разместились в квартире папиного сослуживца из космического ведомства Королева.

В первый день наша компания встретила в центре города, на Крещатике, маминого друга по Капелле и Консерватории, дирижера украинского радио Константина Арсентьевича Симеонова. Он засыпал маму вопросами:

– Лизавета! Как дела в Капелле? В Консерватории? В Кировском театре? Кто машет в Малом оперном? Что слышно о Гущаре?

Мама подробно отвечала, и в конце я услышал слова о неизвестном мне человеке со странным именем:

– Знаешь, Костик, Гущара успешно работает с хором в Оперной студии, преподает в Консерватории, руководит еще в нескольких местах, в музыкальном училище у Нюси Чураевой, в Доме культуры Ильича с рабочим хором завода «Электросила» и т.п.

– Лизуха! Передай ему привет от старика-капелланина, однокашника Костюхи!

Так я услышал впервые имя моего будущего Учителя по Консерватории и по жизни Александра Емельяновича Никлусова.

Оказалось, они с мамой учились у профессора М.Г. Климова в Капелльской школе (бывших Регентских классах) и по негласной бурсацкой традиции имели прозвища: Саша Никлусов – Гущара, Лиза Кудрявцева – Лизавета, Костя Симеонов – Костюха, Петя Кудрявцев (старший мамин брат) – Кудряш. Замечу, что эта традиция жива и по сей день. Никлусов получил это забавное прозвище за то, что в голодные 20-е годы в капелльском интернате, когда повариха разливала в сиротские тарелки суп или кашу, всегда протил:

– Мне гущары побольше, Прокофьевна! Гущары побольше!

В 1926 году шестнадцатилетний Петр Кудрявцев погиб от случайного удара в висок свинцовой кружкой от питьевого бачка, что стоял в капелльском коридоре. Костик и Гущара заменили Лизухе старшего брата. Оберегали ее от капелльских драчунов. Не дай бог обидеть деваху с большими карими глазами и косой ниже пояса – мало не будет!

В 1953 году я, наконец, увидел впервые А.Е. Никлусова в Оперной студии Консерватории. Сухощавый, с небесного цвета глазами он стоял вполборота к оркестровой яме и маленькими, почти незаметными движениями рук у лица и груди заставлял хористов петь ярко и зычно сцены из «Русалки» Даргомыжского: «Ах, ты сердце ретивое», «Сватушка, сватушка – бестолковый сватушка!», «Как во горнице светлице...»

Привыкший на уроках по дирижированию в Капелле махать своими метровыми ручищами-«граблями», я подумал: «Как это у него так ловко получается?»

В 1955 году, закончив Капелльское училище, где я занимался у профессора Г.А. Дмитриевского, я был принят в Консерваторию. Мама настояла, чтобы я был зачислен в класс хорового дирижирования именно к А.Е. Никлусову, хотя можно было попасть к другим мэтрам – А.А. Егорову, Н.В. Михайлову. Правда, в класс мамы мне не разрешили попасть. «Семейственность» – решили партийные начальники вуза.

Кредо Никлусова – «На сцене дирижера не должно быть видно! Пусть царит музыка!» Он приучал нас к скромному дирижерскому жесту, что шел от его учителей: М.Г. Климова, П.А. Богданова, А.А. Егорова.

В консерваторском классе Никлусыч и его друг пианист-концертмейстер Давид Григорьевич Клеймиц на двух фортепиано устраивали под наши неуклюжие телодвижения, именуемые ныне «мануальной техникой», оперно-симфонические-хоровые фантазии. Это были незабываемые мгновения, что остались на всю жизнь.

С первых шагов учебы в Консерватории меня нагрузили довольно плотно хормейстерской практикой у бывших климовских капеллан: у А.Г. Мурина в ДК «Трудовые резервы»; в клубе Металлического завода им. Сталина; у Е.П. Кудрявцевой в Капелле в Хоре любителей пения. Учился, работал без выходных, а в свободное время «торчал, как хвостик» у А.Е. Никлусова в хоре Оперной студии. «Пиковую даму», «Евгения Онегина» Чайковского, «Русалку» Даргомыжского, «Фауста» Гуно, «Царскую невесту» Римского-Корсакова я познавал «живьем», иногда подменяя на репетициях и спектаклях учителя.

Меня поражало, как он из хористов с довольно скромными вокальными данными (голосистые певчие обитали в Мариинке, Малом, Капелле) «выжимал», «вытягивал» симпатичное звучание, нужную динамику, и на спектаклях это было по-музыкантски достойно.

Как-то декан вокального факультета А.С. Бубельников «пригнал» на хоровую практику в Оперную студию целый вокальный курс –

Александр Емельянович Никлусов

24 певца (среди них Валерий Малышев, Толя Буянов, Толя Грищенко). Александр Емельянович предложил мне под рояль «прогнать» с ними оперу Римского-Корсакова «Царская невеста», что готовилась к постановке. Через два месяца ребята, почти мои ровесники, лихо распевали от корки до корки все арии, ансамбли, хоры, а потом влились под началом Никлусова в репетиции и спектакли в костюмах.

Став мастерами, ведущими солистами в Мариинском, Большом, Малом оперном, при встрече восклицали:

– А ты помнишь, как мы певали «Царскую» с Никлусычем? Разбуди сегодня – с любого места можем вступить! Это и была для нас «Высокая школа» мастера Александра Емельяновича!

Вскоре дядька А.Г. Мурин, без меры загруженный в Кировском театре, передал мне руководство хором Металлического завода – 80 певцов. С А.Е. Никлусовым мы придумали совместные концерты двух рабочих коллективов.

Я был свидетелем, как хор ДК Ильича под его руководством ловко управлялся с труднейшими произведениями: «Цыганами» Шумана и сценами из «Евгения Онегина» Чайковского, а мы в ответ пели «Бандуру» Давидовского и финал «Мейстерзингеров» Вагнера. Причем часто Никлусов сам виртуозно аккомпанировал хору.

Александр Емельянович был несказанно рад и горд, когда узнал, что мой хор принимал участие в авторском концерте А.И. Хачатуряна в Большом зале Филармонии, исполняя с оркестром «Оду радости» композитора.

Я часто бывал у Никлусова дома, в коммуналке на Васькином острове, и в отдельной квартирке на Средней Рогатке, провожал его в отпуск, на отдых.

Своей душевной красотой он напоминал мне моего отца, военного инженера, которого я потерял в 1973 году.

Как-то Емельяныч познакомил меня с сыном Владимиром, студентом-геологом. Для него я у знакомых антикваров-«книжных червей» приобрел дореволюционное издание «Трактата о палеонтологии», которого не было даже у вузовских профессоров. И те с завистью взирали у Никлусова-младшего на этот редчайший фолиант.

В Консерватории Александр Емельяныч и еще один его капельский друг, профессор, валторнист Павел Константинович Орехов обратились ко мне с просьбой:

– Сашок! Ты часто бываешь в области. Подыщи нам где-нибудь у воды хибарку на берегу, чтобы мы могли ездить рыбачить!

Я нашел на Вуоксе, близ Громово, за сходную цену избушку-баньку. Но работа, педагогика, бытовые обстоятельства не оставили друзьям свободного времени, и их мечты о рыбалке остались на питерском берегу Крюкова канала, на Театральной площади.

Под Назией, на Ладоге, я своими руками построил дом, вспахал землю, вырастил яблони, плодовые кусты, кабачки, тыквы, в парнике помидоры и огурцы, и в конце августа каждый год приезжал к Учителю с дарами осени. Он смеялся:

– Ну, Мурин-Мичурин пожаловал!

А его жена Людмила Андреевна ахала и охала:

– Зачем нам так много! – когда я высыпал из ведра ягоды и из корзины румяные тамбовские яблоки.

В сентябре 2004 года я навестил Александра Емельяновича. Он плохо себя чувствовал. Жаловался на глаза, что плохо видят, на врачей,

что выписали не те лекарства-капли. Я прочитал ему фрагмент маминых воспоминаний о Костике (К. А. Симеонове). Он внимательно прослушал и сказал:

– Молодец! Лизавета Петровна! Передай ей мою благодарность за Костюху!

В последнее время он маму величал на «ты», но непременно по имени-отчеству: «Лизавета Петровна!»

3 октября 2004 года на 91-м году жизни мамы не стало, а через четыре месяца, 1 февраля 2005 года, на 95-м году ушел мой Учитель!

Судьба разметала трех друзей.

Костик-Костюха – народный артист СССР, профессор Константин Арсентьевич Симеонов лежит на Охтинском кладбище.

Лизуха-Лизавета – народная артистка России, профессор Елизавета Петровна Кудрявцева-Мурина – на погосте Новодевичьего Воскресенского женского монастыря.

А Гущара – мой незабвенный Учитель, профессор Консерватории, замечательный русский хормейстер Александр Емельянович Никлусов упокоился на Волковском православном.

Вечная им память!

9 февраля 2009 года

Я выстроил дом, я вырастил сад,
Я выстрадал сына и дочь.
Но видя Россию в крови и дыму,
Прошу тебя, Боже, помочь.
Навек уничтожить вражду среди нас,
Найти первородную нить,
Что выведет россов на божеский путь,
Подымет, перстом осенит,
Голодным даст хлеба, бездомным тепла,
Придуркам – немного ума,
Правителям совесть терновым венцом
Возложит на темя она.
А я от восхода до смертной доски,
Презрев неизбежный конец,
Пахать буду так, как пахали они –
Мой прадед,
    мой дед,
        мой отец.

Декабрь 2000 года

Любить в России мы умеем только мертвых,
А о живых всё говорим: «потом».
И эта истина банальная затерта,
Омыта кровью, каторжным трудом.
Прости, родная, что стеснялись
Признаться искренне в любви.
И вот, когда одни остались,
Прости и строго не суди.
Пусть память о тебе
    в людских сердцах не будет стерта.
Таких, как ты, живых
    в России мало.
Больше мертвых.

Октябрь 2009 года

Александр Алексеевич Мурин

КАК ОЧЕВИДЕЦ

Статьи и рассказы разных лет

Верстка М. А. Мурина

*По вопросам приобретения и распространения обращайтесь:
tati@yandex.ru, +7 921 4121936, +7 904 5150037*

Тираж 300 экз. Заказ № 1722.
Отпечатано в ООО «Береста».
196084, Россия, Санкт-Петербург
ул. Коли Томчака, 28
тел. 388-90-00
e-mail: beresta@mail.wplus.net